

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Сергей Тармашев

ХОЛОДА

ЛЕДЯНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

В мертвенных объятиях Холода: погибнуть или победить!

Annotation

Земля давно превратилась в пронизанное ледяной смертью царство Холода. Единственный шанс для оплота цивилизации – запустить спасительный Реактор. Для этого придется просить помощи у русских дикарей, и выпала эта миссия на долю афроамериканца Майка. Ему ежеминутно приходится преодолевать ужас перед сибирскими мутантами. «Косматые троглодиты» не знают, что такое демократия, зато ловко управляют с монстрами, играючи переносят стоградусный мороз, а их таинственные

медицинские приборы (не поверит же просвещенный человек в нелепые заговоры и нашептывания!) дадут фору лучшему оборудованию Новой Америки. Кто они – эти дикари? Простаки или коварные противники? Почему так легко согласились снарядить экспедицию? Выдержит ли Майк этот путь – в самом сердце безжалостного Холода, один на один с представителем чуждой ему Расы?

- [Сергей Тармашев](#)
  -
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)

- [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Сергей Тармашев

Холод. Ледяная бесконечность

*«Я люблю меч не за то,
что он острый, стрелу – не
за её полет, воина – не за
силу. Я люблю их за то, что
они защищают Родину: её
красоту, древность и
мудрость».*

*Джон   Рональд
Роуэл Толкиен*

«Чем наполнена посуда

— *то и выльется оттуда».*

Шота Руставели

Глава первая

Дно разлома мирового ледника, где-то в Сибири, 8000 километров от Нью-Вашингтона, 7 августа 2225 года, полдень, минус 48 градусов по Цельсию согласно арктическому термометру Полярного Бюро.

Из сеней донесся звук хлопающих входных дверей, и Майк торопливо вернул на полку одну из дикарских склянок, стараясь поставить её точно на прежнее место, чтобы никто из аборигенов не догадался о ведущемся им

расследовании. Он спешно выскочил из комнаты, которую местные дикарки использовали в качестве медицинского кабинета, но проскользнуть к себе не успел. Дверные створы в холл уже распахивались, и ему пришлось остановиться прямо посреди помещения. Майк замер перед одной из связок каких-то сушеных не то корней, не то стеблей, отовсюду свисающих с растянутых под потолком веревок, и сделал вид, что с интересом изучает данный образец дремучего суеверия. В открывающуюся дверь скользнула домашняя рысь местных дикарей, злобно сверкнув на Майка желтыми

кошачьими зрачками, и вслед за ней вошла сексапильная дикарка, носящая это донельзя убогое имя «Весняна».

— Удовлетворяешь своё любопытство, гость? — молодая девушка бросила на него странный взгляд, словно знала, что он только что выскочил из «офиса» её мамыши.

Майк внутренне поёжился, но не подал вида. Временами ему казалось, что дикарка догадывается о его намерениях тайно докопаться до истины и потому относится к нему с подозрительностью. Это, конечно, чушь, результат взвинченности нервов. Этим примитивным дикарям никогда не дорости до понимания

хода мыслей цивилизованного человека, получившего современное образование. Просто они тут все сплошь фашисты и расисты, поэтому на него и смотрит с подозрением чуть ли не каждый третий. Они, конечно, пытаются скрывать своё истинное к нему отношение, но его не проведешь: дикари между собой называют его «ниггером» и увешаны свастиками с головы до ног — что тут может быть непонятного?! Их надо отучить от богохульной ереси и обучить демократии, желательно с применением автоматического оружия, чтоб навсегда запомнили своё место! Если Майку удастся добраться до Новой Америки живым,

он обязательно подаст эту идею замдиректора Коэну. Тот не сможет не оценить всю глубину открывающихся перспектив. Косматые дикари могут изменить судьбу гибнущей страны, даже если окажутся не в силах запустить Реактор на полную мощность. Они превосходно адаптированы к Холоду, поэтому их можно использовать для строительства жилищ и добычи пищи. Пусть выстроят американцам дома и ходят на охоту, что ли! Им это запросто, и много ума не надо. А интеллектуальным трудом будут заниматься цивилизованные люди. Подобный расклад даст Новой Америке время собраться с силами и

найти способ вернуть Реактору работоспособность, в конце концов, топливо у Барбекю ещё есть. Проблема не в этом, а в том, что уже через два-три месяца на страну обрушатся запредельно низкие зимние морозы с буранами, пережить которые не сможет большинство из уцелевших граждан, ютящихся ныне в заснеженных городских руинах. Но для реализации этого плана потребуется сбить с увешанных свастиками и примитивным оружием фашиствующих дикарей спесь и очень наглядно указать на недопустимость проявления любой агрессии по отношению к

цивилизованным людям. А также отучить их от употребления оскорбления «ниггер».

– Меня заинтересовал приятный запах этого растения, – симпровизировал Майк. – Я вышел из своей комнаты и собирался выйти на улицу, но решил изучить его поближе, раз проходил мимо.

– На улицу? Без своего снаряжения? – Молодая дикарка вошла в дом, ведя за руку незнакомую девочку лет восьми, прихрамывающую на левую ногу. Черты лица ребёнка не имели сходства с чертами сексапильной дикарки, из чего Майк заключил, что они не являются родственниками. В

остальном девочка была почти копией остальных дикарок: светлые глаза, уродливая соломенная коса длиной уже почти до талии, незамысловатое платье в пол из какого-то грубого на вид материала белого цвета и полное отсутствие зимней одежды. На обеих девицах не имелось даже коротеньких шубок, сегодня по меркам дикарей на улице стоит исключительная жара.

— Кстати, — безразличным тоном продолжила сексапильная дикарка, проходя мимо Майка с таким видом, будто он тоже свисал из-под потолка подобно связкам этого мусора, — это Снежный Корень. Он не пахнет, даже когда свежий. А этот я высушила

четыре недели назад.

Маленькая девочка, не сводящая с Майка удивленных глаз, что-то негромко спросила у молодой дикарки, указывая на него глазами, и смутилась. Ребенок, хромая, поспешил укрыться от чужака за девицей. Та остановилась и посмотрела на девочку. Майк не понимал слов ребенка, зато смысловое значение речи напыщенной дикарки, звучащей на совершенно непонятном отвратительно рыкающем языке, его сознание воспринимало вполне понятно.

— Нет, Забавушка, дядя не грязный и не закопчённый, — тихо

сказала девочке молодая дикарка. — Он такой и должен быть, это негр, человек с черной кожей. Они живут в Африке, это очень далеко. Не бойся, он не причинит тебе вреда. Пойдем в горницу, надобно ножку твою исцелить. Как же это тебя угораздило так оцарапаться, егоза неутомонная?

Девочка, позабыв о Майке, быстро заговорила, словно оправдываясь, и заносчивая девица увела её в местный медицинский кабинет. Майк скривился. Оскорблять его, называя «ниггером», у дикарей стало само собой разумеющимся занятием. Но учить детей оголтелому шовинизму — это уже слишком! Впрочем, чего ещё

ожидать от нецивилизованных дикарей? Но на этот раз пора преподать напыщенной дикарке урок толерантности. И использовать это в качестве повода понаблюдать за медицинскими манипуляциями аборигенов. За прошедшие двое суток Майк так и не смог разобраться в их медицине, на все вопросы мамаша дикарки отвечала уклончиво, неся бред про «помощь Предков», а увидеть процесс лечения своими глазами ему не позволяли, под разными предлогами не допуская в лекарский офис. Теперь же у него есть предлог, и в доме нет никого, кто сможет его остановить, даже дети покинули строение ради игры

«под летним солнцепёком». Чертовы мутанты! Майк вновь скривился. Вам не обмануть Майка Батлера! Он выждал несколько минут, чтобы застать девицу врасплох, и осторожно, стараясь не издавать шума, двинулся к местному медицинскому кабинету.

Прокравшись к дверям, Майк решительно вошел внутрь и быстро, но тщательно осмотрелся, стараясь не упустить ни одной детали. Однако дикарка, похоже, всё-таки услышала его шаги и успела спрятать всё то, что держалось от него в секрете. Сексапильная девица сидела на резном деревянном стуле, естественно, облепленном

свастичными узорами, других тут просто нет. Перед ней на такой же фашистской кушетке лежала девочка с закрытыми глазами. Подол сарафана ребенка был приподнят, обнажая разбитую в кровь коленку, от которой вниз по голени шла глубокая царапина. Девушка уже сняла с детской ноги окровавленную повязку и сейчас сидела, словно каменное изваяние, протянув ладони над раной, и тихо шептала очередную дикарскую бредятину.

«Шла русалка лесной дорожкой, оцарапала нежную ножку...» — отпечатался в сознании смысл чужой фразы. Черт! Майк скрыл недовольство. Ему опять не удалось

докопаться до истины, а ведь на этот раз он был совсем рядом! Дикарка уже остановила кровотечение, и она не могла спрятать препараты или медицинские приборы далеко, он двигался сюда несколько секунд, времени бы не хватило! Значит, они должны быть где-то здесь, она скрыла их поблизости! Теперь сидит, шепчет несусветную чушь, типа заклинания читает. У образованного человека это вызывает лишь ироническую усмешку. Где же могут лежать приборы?.. Он вновь оглядел комнату, но в этот момент молодая дикарка перестала шептать и бросила на него недовольный взгляд.

— Чего тебе надобно, гость? —

холодно поинтересовалась она. – Ты мешаешь целительству.

Ага, как же, внутренне окрысился Майк. Зубы мне заговариваешь, как твоя мамаша! Понапихали вокруг всевозможного бутафорского хлама для отвода глаз, думаете, сможете обмануть цивилизованного человека, дикари?! Русалка, кстати, ходить не может, у неё вместо ног хвост, ты хоть знаешь об этом, самка троглодита?! Майк скрыл досаду. Куда же она дела препараты... у неё не было времени прятать... может, под юбку засунула? Нет, не похоже, сарафан у неё тонкий, было бы заметно. Он облизнул взглядом соблазнительную

фигуру сексапильной дикарки. Заносчивая стерва ни разу не отреагировала на его комплименты, и мысль о том, чтобы затащить примитивную простушку в постель, пришлось отложить до лучших времен. Всеми виной оголтелый расизм, фашиствующий шовинизм и отсутствие демократии у дикарей. Ничего, позже всё это будет исправлено. Если его план удастся, она первая бросится ему в ноги, забыв о своей напыщенности. Но сейчас необходимо вести себя осторожно, чтобы не вызвать у дикарей подозрений, иначе до правды не добраться. Но он обязательно до неё докопается, вечно

вы свои тайны скрывать не сможете!

— Я хочу указать вам не недопустимость воспитания детей в духе шовинизма и нетерпимости! — заявил Майк, судорожно соображая, куда же дикарка могла так быстро спрятать то, чем она проводила лечение. — Вы не должны употреблять слово «ниггер», это вопиющее оскорбление!

— Какое слово? — нахмурилась сексапильная дикарка, и к демонстративному холоду в её взгляде прибавилось очень натуральное непонимание. — Кто тебя оскорбил, гость?

— Вы все! — выпалил Майк. — Вы все в общем и лично вы в частности!

Вы называете меня «ниггером»! Это оскорбительно! Это ругательство! У вас даже дети так говорят, я прекрасно слышу!

— В нашем языке нет такого слова, гость, — молодая дикарка была абсолютно спокойна. — В нем есть слово «негр», и означает оно человека с черным цветом кожи. Это не оскорбление. Это определение. Так же как слово «стул» означает то, на чем я сейчас сижу. Ты зря волнуешься.

— О, мой бог! — язвительно воскликнул Майк. — Какая разница?! Это одно и то же! Ваше слово созвучно с оскорблением, имеющим место в моём языке! Вы должны

немедленно прекратить его использовать!

— Мы тебе ничего не должны, гость, — всё так же невозмутимо изрекла дикарка. — Мы разговариваем на своём языке, и нам нет дела до того, нравится его звучание тебе или нет. Если нам придется вести разговор на языке твоего народа, мы будем уважать его обычаи, пока же ты слышишь наш язык, посему будь добр уважать его и тех, кто на нём говорит. Если, конечно, ты всё ещё желаешь получить от Расичей помощь. Закон Предков гласит: «Не ходи в чужие земли со своими законами». Запомни эту заповедь, пригодится. Посему мы

говорим так, как говорим, тако бысть, тако еси, тако буди и впредь, гость! Ежели тебя что-то не устраивает, ты всегда можешь покинуть скуф, тебя никто не неволит.

«Да катитесь вы со своими заповедями!» — Отповедь дикарки буквально взбесила Майка, и он с трудом сохранил внешнюю невозмутимость. Какие-то примитивные человеко-мутанты станут объяснять ему, представителю единственного в мире цивилизованного государства, принципы демократии?! Он серьезным усилием воли взял себя в руки. Надо успокоиться, сейчас даже

минимальный конфликт будет не в его пользу. Ладно, хорошо, его время ещё придет.

— Ежели это всё, гость, то я прошу тебя выйти вон, — бесцеремонно заявила дикарка. — Ты мешаешь мне исцелять девочку. — Она демонстративно отвернулась.

— Простите, мисс Вес-ния-на! — Майк широко улыбнулся. — Я не хотел вас обидеть! Если мои слова показались вам неприятными, я готов взять их обратно! Я и Новая Америка в моем лице ценим помощь вашего народа! — Он, не переставая улыбаться, посмотрел на неё с максимальной степенью дружелюбия. — Я счастлив общаться

со всеми вами, а с вами, мисс Вес-
ния-на, особенно! Вы можете
называть меня Майк! Давайте уйдем
от ненужного официоза! Я буду звать
вас Веста, так удобнее
произносить! — заключил Майк,
источая из себя тонны позитива.
Давно пора переименовать дикарку,
пусть привыкает, в будущем ей это
пригодится. — А вы меня — Майк!

— Моё имя Весняна, гость, —
равнодушно ответила девица. — Веста
— это другое имя.

— Зато оно ближе мне по
произношению! — весело парировал
Майк. — Мне удобнее выговаривать
то, что имеется в моем языке!
Поэтому я использую наиболее

близкое по смыслу значение!

— Тогда я тоже буду использовать для произношения твоего имени наиболее близкое по смыслу значение из своего языка, — согласно кивнула дикарка. — И буду называть тебя Рубашк.

Лежащая на кушетке девчушка залилась весёлым смехом, старательно прикрывая ладошкой рот, и напыщенная дикарка улыбнулась ей, заговорщицки подмигивая. Майк оторопел от такой зашкаливающей степени оголтелого шовинизма и не сразу сообразил, что же ответить, да ещё так, чтобы не настроить против себя всех дикарей этой чертовой Сибири. Сексапильная

девица воспользовалась его замешательством и указала на дверь.

— Ежели ты изрёк всё, что желал, то ступай, — скромным тоном и с наглым взглядом произнесла она. — Мне делом заняться надобно. Тимофей Котофеич, проводи дорогого гостя!

Рысь возникла перед Майком совершенно бесшумно, он даже не смог понять, откуда эта кровожадная тварь взялась. Жуткий хищник медленно двинулся прямо на него, и Майк поспешил покинуть медицинский офис дикарей. За его спиной фашиствующая девица продолжила что-то шептать, но смысла её слов он уже не слышал.

Можешь прекратить паясничать, я уже ушел! Лицо Майка исказила гримаса ненависти. Нет, он должен добраться до Новой Америки, любой ценой должен! Эти дикари ему ответят за всё! Но сейчас нужно успокоиться. Ничто не должно выдать им его подозрений. Майк вернулся в свою комнату и принялся надевать арктическое снаряжение.

О том, что русские скрывают от него нечто важное, он догадался сразу, ещё в тот день, когда побывал на конгрессе этих косматых дикарей, или как там они называют свою псевдодемократическую власть — на Совете. Во-первых, система общения. Языка русских он не понимал

абсолютно, однако смысл произносимых ими фраз мгновенно возникал у него прямо в сознании. Причем такое было не с каждым из дикарей, только с некоторыми. Далее, как выяснилось, те человеко-мутанты, кого он понимал, могли по своему желанию сделать так, что их фразы переставали «переводиться» сознанием на английский. Всё это неопровержимо доказывало, что у дикарей Сибири сохранились некие секретные приборы погибшей двести лет назад России. Вряд ли столь примитивные существа обладают технологиями производства таких устройств, судя по их быту и богохульной ереси, которую они

исповедуют, дикари владеют именно штучными устройствами. Наверное, приборы хранятся в племени из поколения в поколение и наследуются местной знатью. Которая ревностно оберегает «волшебные артефакты» не только от чужих, но и от своих менее влиятельных соплеменников.

Во-вторых, лечение. Если вообще не во-первых! Каким образом какая-то примитивная безграмотная дикарка смогла вылечить омертвевшую руку за несколько дней?! С этой задачей не справились лучшие медицинские специалисты Новой Америки! Вывод напрашивался однозначный: русские

человеко-мутанты имеют сверхсложную медицинскую технику. Она осталась здесь со времен климатической катастрофы. Вполне вероятно, что у русских здесь когда-то была какая-нибудь секретная военная база, а эти аборигены есть потомки солдат, составлявших её контингент. Этим объясняется их стремление ходить обвешанными оружием и умение выживать посреди Холода и его кровожадных тварей. Не исключено даже, что их предки и адаптировались к Холоду благодаря этому самому оборудованию. И храниться оно должно где-то здесь, в доме вождя дикарей и его жены-целительницы. К сожалению, пока

Майку не удалось обнаружить ни одного устройства или препарата, но он спинным мозгом чувствовал, что они совсем рядом. Недаром в доме вождя человеко-мутантов развешано, расставлено и разбросано столько всякого мусора: банки с порошками, связки с кореньями, корзины с какими-то подозрительными ингредиентами, сушеная трава... — всё это для отвода глаз. Так же как и идиотские шепталки, которыми «великие врачевательницы» дурят примитивные мозги остальным аборигенам. Это обычная дикарская уловка. Хотят выглядеть в глазах окружающих сверхлюдьми. Так проще вытягивать из доверчивых

простофиль деньги или подношения, и нет риска, что медицинское оборудование перейдет к конкурентам. Майк совершенно не удивится, если окажется, что не являющиеся местной знатью дикари на полном серьезе верят в волшебство своих «ведьм». Но его, цивилизованного человека, столь примитивным способом не обмануть! Неважно, все дикари скрывают от него правду или лишь часть их, он всё выяснит! Тем более что использовать медицинское оборудование «ведьмам» приходится довольно часто, дикари постоянно участвуют в стычках то со зверьём, то с какими-то каннибалами и

рыбоедами. И всегда лечение завершается очень быстро и с нереально высоким результатом. Где же именно спрятаны медицинские приборы?! Сегодня Майк едва не застал дикарку врасплох, и как только она успела всё убрать... в следующий раз надо двигаться ещё тише.

В-третьих, элементы питания его арктического снаряжения. Крайние двое суток он регулярно выходил на улицу, но они разрядились едва на пять процентов, хотя должны были истощиться практически полностью. Сразу после Совета Майк включил подогрев снаряжения и оставил его в

таком состоянии на всю ночь, стремясь избежать смерти на поверхности мирового ледника. Он планировал разрядить элементы питания и заявить дикарям, что не может отправляться в сердце Холода без обогрева, это неизбежно повлечет смерть от переохлаждения. Пусть дикари отправят в Новую Америку своих тупых громил, а он, Майк, передаст с ними письмо для замдиректора Коэна и останется здесь дожидаться его прибытия. Но ничего не получилось. После того как он объяснил вождю дикарей суть проблемы с аккумуляторами, тот вызвал в дом того самого дебила, что был назначен Майку в провожатые, и

тот унес куда-то его арктическое снаряжение. К вечеру снаряжение вернули С ПОЛНОСТЬЮ ЗАРЯЖЕННЫМИ элементами питания. И вот тут-то Майк получил первое подтверждение своих подозрений. Мало того что, не имея электрооборудования, восстановить заряд аккумуляторов невозможно, так ещё и бесхитростный debil-громила проболтался. На вопрос, как именно были заряжены батареи, он простодушно ответил, что отдавал снаряжение Майка «в капище к Остромуслу». Только предельно тупой не поймет, что в этом самом «капище» имеется зарядное устройство. Косвенно это

подтверждается тем, что тот старик первым встретил Майка посреди заледенелой тайги и они понимали речь друг друга. Значит, устройство перевода у старика тоже имеется, недаром же он является местным, как его там, вохрвом или вовхром... короче, жрецом. И, что особенно важно, за два последующих дня заряд батарей упал незначительно. Значит, устройство, имеющееся у дикаря, гораздо мощнее тех, что используют в Новой Америке. Жаль, что в колледже у Майка было неважно с физикой, более серьезных выводов он сделать не мог, но и этого вполне достаточно.

В-четвертых, сам поход от

стойбища до Новой Америки. Дебил-громила, которого выдали Майку в провожатые, почему-то абсолютно уверен, что дойти можно. Он не скрывал, что это очень опасно и очень тяжело, но при этом ни секунды не сомневался, что не собьётся с пути. Значит, у дикарей есть навигационное оборудование, как же ещё! И этому тоже нашлось косвенное подтверждение: громила на сборе дикарской верхушки сказал, что лично ему на сборы достаточно одного дня, но прошло уже двое суток, а они никуда не двинулись. Говорят, что ждут, когда некие мастера подготовят для перехода специальные сани. Причем,

когда Майк выразил желание посмотреть на то, как идет работа, ему ненавязчиво отказали под каким-то мелким и глупым предлогом, мол, кузнецам необходимо полное сосредоточение и они не любят, когда по кузне слоняются праздные зеваки.

И, наконец, в-пятых. Дома аборигенов. За прошедшую пару дней Майк выяснил, что конструкция жилищ прямо указывает на существование тайных технологий. Все дома, загоны для скота и нечто, названное странным словом «огород», видимо местный аналог теплиц, были сложены из деревянных бревен, но сами

строения накрывал ледовый купол, сложенный из идеально ровных формованных кубов льда. Тепло внутри домов сохранялось всегда, даже зимой, несмотря на ужасающе низкие температуры. А ведь старый Джеймс говорил, что в Сибирском ледниковом разломе в момент урагана бывает ничуть не холоднее, чем в Реакторе, под минус сто по Цельсию. Поэтому Майк подозревал существование неких систем отопления или утепления, расположенных между деревянными стенами дома и ледяными стенами купола. Это как системы утепления, что были применены в главном бункере Реактора. Не говоря уже о

прочих мелочах, например о том, что даже его тупой громила-напарник знает такие слова, как «галактика» и так далее.

Со всем этим необходимо разобраться с особой тщательностью, не привлекая к себе внимания. Возможно, в руках этих примитивных дикарей находится то, что позволит Новой Америке восстать из снежной могилы. Но действовать нужно очень осторожно, чтобы не спугнуть этих шовинистов-головорезов, с головы до ног увешанных примитивным оружием и свастиками. Майк закончил снаряжаться и вышел на улицу. Пора прогуляться по стойбищу дикарей,

может, на этот раз удастся заметить что-нибудь интересное. Едва он оказался на улице, как в лицо впились острые иглы насквозь промороженного воздуха, и пришлось надеть лицевую маску. Штатная маска от его снаряжения полностью изорвалась во время падения челнока, и дикари сшили ему новую защиту, из очень даже теплой шерсти, что навело его на вполне логичную мысль: спектр использования аборигенов может оказаться шире, нежели только строительство жилищ и охота. Не исключено, что их одежда также представляет интерес для выживания в условиях Холода. Впрочем, без

системы подогрева на стоградусном морозе никакая шерсть не поможет, это однозначно.

Майк, тщательно скрывая неприязнь даже под лицевой маской, шел по улице и старательно улыбался всем, кто попадался на пути. Человеко-мутанты бесили его одним только своим видом, причем с каждым днем всё сильнее. Их дети галдящей гурьбой весело копошились в почти трехметровых снежных отвалах, тянувшихся вдоль расчищенных дорог, маленькими лопатами выкапывая в них ходы и выстраивая какие-то псевдодревние крепости. При этом одета детвора была в тонкие одежды, легкие

меховые курточки-безрукавки, они даже не имели головных уборов, а многие из них орудовали и вовсе голыми руками, вылепливая из снега комья, которыми потом закидывали друг друга. Абсолютно варварская забава, радоваться которой могут только дети дикарей. Бесило то, что они совсем не мерзли и не скрывали удивления, глядя на закутанного с головы до ног Майка. Разумеется, не обошлось без оскорблений. Мерзкие белые детишки шептались за его спиной, их фраз Майк не понимал, но разобрать слово «ниггер» труда не составляло.

Взрослые особи дикарей раздражали гораздо больше. Во-

первых, все мужчины были, как на подбор, двухметровые и плечистые, и рослый мускулистый Майк на их фоне выглядел маленьким и слабым, и этот инкубатор по штамповке дикарей его бесил. Во-вторых, их женщины были светлоглазыми блондинками, причем тоже все. Наверняка они красятся, потому что не может существовать натуральных волос такого цвета, да ещё и у всех абсолютно. Особенно злил их рост. Дикарки были ниже Майка от силы на пару дюймов, а некоторые и того меньше, и когда он проходил мимо тех, что стояли на крыльце своих домов, они возвышались над ним чуть ли не на полголовы. Это так

уродливо, когда женщина выше тебя! И вообще, женщина не может быть выше мужчины, это неправильно. Вот миниатюрная прелестница Лив совсем другое дело! Настоящий эталон красоты, и рост маленький, и глаза черные, и волосы, причем цивилизованная стрижка каре, а не эта уродская коса до самых сапог! Хотя, конечно, молодые дикарки имели соблазнительные формы, что наводило Майка на соответствующие мысли, но и те быстро вылетали из головы. Девушки аборигенов демонстративно не желали воспринимать его как мужчину, и даже на улыбки реагировали холодно и чопорно. Да уж, шовинизм и

фашизм тут на каждом шагу, здешним дикарям необходима демократия, иначе вечно так и останутся тупыми суеверными дикарями. Вокруг горящего меча, видите ли, они хороводы водят! Идиотизм какой-то, однозначно. Неудивительно, что эта дебиловатая серая масса верит в сказки и волшебную силу всевозможных ведьм и жрецов.

— Куда путь держишь, человеке? — раздался над ухом знакомый бас, и Майк вздрогнул от неожиданности, испуганно отшатываясь. — Не бойся, внутри скуфа тебе ничто не угрожает.

Рядом с ним стоял его громила-

напарник. На этот раз он не был увешан примитивным оружием, вместо нагромождения мечей, луков и копий двухметровый жлоб нёс за спиной здоровенный тюк наподобие рюкзака. В руках громила держал длинный объемистый сверток, что-то тщательно запакованное в звериные шкуры. Как этот косматый головорез смог оказаться возле Майка незамеченным с такой поклажей, было совершенно непонятно. Видимо, Майк задумался, разглядывая точеный силуэт очередной дылды-дикарки... но ведь кроме неё в тот момент на дороге никого не было. Громила, конечно же, догнал его сзади, просто шагов

не было слышно из-за задумчивости. Впредь Майк будет гораздо внимательнее.

— Я гуляю, сэр, — расплылся в улыбке Майк. Он протянул жлобу руку, но тот лишь кивнул на свою ношу. Что, не хочешь опустить свой бесценный груз примитивного троглодита ради рукопожатия с цивилизованным человеком? Майка это не удивляет! Не иначе, у тебя в мешке бусы и зеркальца. — Дышу свежим воздухом! Миссис Да-ри-а-на рекомендовала мне пешие прогулки. — Он убрал протянутую руку и вежливо добавил, не желая уподобляться неотесанному дикарю: — Как дела?

– Тебе впрямь интересно, как мои дела? – в глазах головореза на краткий миг мелькнуло такое же странное выражение, что иногда бывает у молодой дикарки-ведьмы, и тут же исчезло. В отличие от неё, громила умел скрывать свой шовинизм более эффективно. – Вот, собираю нас в дорогу, – сообщил он. – Мастеровые закончили сани, завтра с рассветом выступаем.

– Как? Уже? – невольно вырвалось у Майка. Так быстро? Мысль о том, что уже завтра ему придется отправиться в пронизанное ледяной смертью царство Холода, всколыхнула успокоившийся за прошедшие дни страх. Залитое

кровавым льдом десантное отделение бронетранспортера вновь замаячило жуткой тенью где-то на задворках сознания.

— А чего время впустую тратить? — рассудительно изрёк головорез. — Ты же сказал, что твоей стране подмога надобна срочно. Вот мастера и поспешали. Сани получились добротные, парус крепок и запасных частей вдоволь, поломки починять, ежели в дороге приключатся. Посему ступай в дом да готовься к походу. Вечером я зайду за одеждой твоей, мастера осмотрят её перед дальней дорогой, дабы не пропустить какой прорехи или иной беды.

Двухметровый жлоб кивнул на прощание и двинулся дальше, навьюченный горой скарба. Майк развернулся и уныло побрел назад. Боевое настроение покинуло его, быстро сменившись страхом перед неизбежным. Завтра он снова попадет в мертвенные объятия Холода. Чертовы дикари, не могли делать свои сани помедленнее! С чего вообще они взяли, что их повозка под парусом сможет не только преодолеть восемь тысяч километров, но и выдержать удары стихии и, упаси господи, смертельно опасных монстров, натиска которых не выдерживает боевая арктическая техника?! Нет, эти русские

троглодиты или совсем тупые, или однозначно что-то скрывают. Оставалось надеяться, что второе, потому как в противном случае шансов выжить у Майка нет. Перед выездом надо обязательно посмотреть на дикарские сани, что вообще это такое...

* * *

Беснующийся хрип, надсадным шипением заполняющий залитый заледеневшей кровью бесконечно длинный коридор, с каждой секундой становился всё ближе, и отчаянно рвущийся прочь от смерти

Майк обернулся на бегу. Десятки разномастных кровожадных мутантов, в бешенстве скалящих окровавленные клыки, неумолимо настигали его. Майк изо всех сил работал ногами, но преследующие его твари приближались с каждой секундой, а коридор из кровавого льда всё не заканчивался, лишь облепившая стены красная ледовая корка становилась всё толще. Внезапно он понял, что видит выход из Бункера, но толща замерзшей крови оказалась настолько огромной, что почти полностью запечатала выход, оставив лишь узкий лаз, обильно сочащийся быстро заледеневающими струйками крови.

Ему оставалось добежать до лаза каких-то пару метров, но в этот миг твари настигли его. Хрипящая от голода и ярости свора бросилась ему на спину, мгновенно облепив человека, и сбила его с ног. Разбрызгивающие желтые хлопья пены пасти впились ему в плечо множеством кривых клыков и принялись терзать, швыряя из стороны в сторону в стремлении выгрызть из него кусок плоти. Майк отчаянно закричал, пытаясь закрыться руками от брызг собственной крови, летящих ему в лицо, но конечности уже были сгрызены мутантами и не слушались его...

— Спокойно, человеке, не надобно орать на весь лес, — пробасил один из терзающих его мутантов. — Всю округу разбудишь. Просыпайся, пора путь продолжать!

Майк открыл глаза, судорожно поднимаясь, и рвущие его на куски мутанты исчезли, уступая место уютной палатке из шкур, почти все свободное место внутри которой занимала туша его напарника. Здоровенный русский жлоб с идиотским именем, которое Майк так и не научился выговаривать, тряс его за плечо, через приоткрытый входной полог в палатку пробивались лучи солнечного света. Головорез убедился, что Майк проснулся, и

вылез наружу. Спустя секунду с улицы слышался негромкий разговор дикарей, смысла которого Майк понять не мог. Видимо, косматый громила не стал включать своё секретное устройство перевода, наверняка бережет аккумуляторы. Майк зло скривился. Русские дикари так и не рассказали ему, каким образом понимают его речь и позволяют понять свою. Не доверяют свои дикарские табу цивилизованному человеку. Он от души повеселился, когда слушал отговорки жлоба в ответ на свой вопрос. Майк решил загнать его в угол и прямо поставил вопрос, от которого постоянно уклонялись

остальные дикари, едва был разбит лагерь на первую ночевку в пути.

– Скажите, мистер Свит-о-гоа, что за устройство вы используете в нашем общении для перевода?

Нелепая палатка из шкур была рассчитана на двоих, и деться из неё жлобу было некуда. Придется отвечать, иронично подумал Майк, у меня вся ночь впереди, я могу задавать этот вопрос бесконечно!

– Какое такое устройство? – неожиданно удивился косматый головорез. – О чем ты, человеке?

– Я говорю о том, что позволяет вам понимать меня, а мне – вас! – На этот раз Майк твердо решил не позволить дикарю уйти от ответа.

Посмотрим, как ты выкрутишься! Но жлоб всё же выкрутился.

– Это образы, – туманно изрёк он, укладывая ворох своего примитивного оружия между собой и стеной этой убогой палатки. – Я облакаю свои мысли в образы и отправляю их твоему разуму.

– Вау! – Майк изобразил восхищение. – И как же вы это делаете, сэр? Специальный прибор?

– Специальный прибор, позволяющий человеку мыслить, находится у него в голове, – косматый головорез явно насмехался над собеседником. – Имя ему «мозг». Я устанавливаю связь между своим разумом и твоим.

Жлоб уложил очередную боевую железяку рядом с длинным свертком из шкур, с которым не расставался, и улегся сам, ограждая собственной тушей склад пещерного оружия от Майка. О, да, это невероятно необходимая мера предосторожности! Майк только и думает, как украсть у этих русских дебилов их каменный топор или что там у них. Если потребуется кого-нибудь прикончить во сне, для этого вполне подойдет ледоруб Полярного Бюро. А отбиваться от мутантов зачастую не помогает даже автоматическое оружие, и этот ваш железный хлам цивилизованному человеку абсолютно ни к чему.

Можете не бояться, ничего не пропадет. Но вот устройство перевода он должен увидеть обязательно. Как это всё-таки наивно со стороны примитивных дикарей — считать, что он, цивилизованный человек, не распознает присутствие образчика высоких технологий и поверит в их пещерные рассказы о колдунах и ведьмах!

— Я понял, мистер Свит-о-гоа, — с готовностью согласился Майк. — Вы устанавливаете прямую связь между нашими мыслями! С помощью чего именно вы делаете это? Как выглядит процесс?

— Настраиваюсь на потоки твоих энергий и вкладываю в них свои

мыслеобразы, — исторг из себя несусветную чушь косматый громила. Глупец, он сам не понял, что проболтался! Настройка на потоки энергий! Откуда вообще троглодиту знать такие термины, как не вследствие работы с технологичным прибором! Первый шаг сделан, теперь нужно грамотно дожать!

— Отлично! — Майк продолжал восторгаться, раз головорез оказался падок на лесть. — Как вы настраиваете поток энергии, сэр? Я хотел бы посмотреть на это устройство! Какова продолжительность его работы без дополнительной подзарядки?

– Ты вообще слышишь, о чём я толкую, человеке? – нахмурился жлоб. – Это деяние разума. Ты произносишь слова, но в этот миг я понимаю не их звучание, а мысль, вложенную в них твоим разумом. Слова – это как скрип снега за спиной, но ты оборачиваешься, чтобы посмотреть не на снег, а на того, кто по нему идет.

– Вау! – кривые попытки дикаря отвертеться от демонстрации прибора начали веселить Майка, и он с трудом скрыл иронию в голосе. – Вы хотите сказать, что осуществляете перевод слов усилием мозга? Очень впечатляет! Мистер Свитогоа, я хотел бы научиться

этому! Обучите меня, пожалуйста!

– Я витязь, а не учитель, – косматому дикарю не хватило мозгов придумать отговорку посложнее. – И не знаю, как обучать такому того, кто не несет в себе Образов Крови Расичей. Сами Расичи постигают сию мудрость Предков за девять лет, а иногда и поболее. Это учение даётся непросто и не всякому. Спи, человеке, завтра вставать спозаранку, путь предстоит неблизкий, за день надобно дойти до границы.

Косматый   головорез
демонстративно смежил веки и
движением ноги закрыл небольшую
щель во входном пологe. В палатке
стало абсолютно темно, и Майк,

воспользовавшись нулевой
видимостью, показал жлобу средний
палец. Так-так, забавно, просто
суперзабавно! Конечно же, великий
волшебник Свитогоа не может
научить Майка заклинанию
перевода, потому что Майк
недостойн принять столь
сокровенное знание! Что-то
подобное он и ожидал услышать в
качестве оправдания. Интересно, в
основе этого корявого объяснения
лежит расизм во всей своей красе,
типа «только для белых», или же
туповатый дикарь снова проболтался,
сам того не заметив? Как он сказал?
Не знает, как учить, да и сам учился
девять лет? Похоже, Майк правильно

разгадал секрет русских троглодитов. Приборы-переводчики хранятся в их племени с самой климатической катастрофы, их немного, и они узурпированы высшей знатью и духовенством. А так как за двести лет дикари предельно отупели и свято верят в волшебство и прочую пещерную дребедень, то освоить сложные устройства хватает мозгов не у каждого, да и те, кто освоил, тратят на это десяток лет! И ещё, судя по словам громилы, обучать пользоваться приборами могут не все, значит, инструкция по эксплуатации узурпирована тамошним жречеством или вождем, скорее всего, первое. Это позволяет

тамошним жрецам явить толпе чудо в случае необходимости. Что-нибудь вроде переговоров с пожирателями рыбы или захваченными в плен каннибалами... Пожалуй, стоит выяснить, что ещё сохранилось у дикарей из старых приборов. Уверенность в том, что русские троглодиты скрывают от него нечто важное, с каждым днем находила всё новые подтверждения.

Возвращение в Новую Америку началось сегодня утром. Вождь дикарей разбудил Майка ещё до рассвета, и ему пришлось надевать снаряжение при тусклом свете примитивных масляных ламп. Индикатор заряда элементов питания

показывал максимум, и Майк иронично хмыкнул. Местные мастера, стало быть, осматривали арктический комплект на предмет наличия повреждений целостности. Ага, именно! Примитивные дикари проверили собственные заплатки на высокотехнологичной синтетике, в процессе чего сами собой зарядились аккумуляторы. Как бы не так! У местного шамана, или как там они называют своего жреца, имеется зарядное устройство, ещё один осколок утраченных технологий, подобно медицинским приборам и аппаратуре перевода. Хотелось бы знать, чем они всё это запитывают? Электростанции у них однозначно

нет, иначе не жили бы при свечах. Скорее всего, зарядное устройство имеет механический привод, крутят какую-нибудь рукоятку или педали. Если так, то удивляться нечему, насколько Майк помнит историю, русские и до климатической катастрофы не отличались особым прогрессом в области высоких технологий.

В путь тронулись с первыми лучами солнца. Штатный термометр снаряжения показывал минус пятьдесят восемь по Цельсию, но Майк решил не включать обогрев, пока температура не упадет ниже минус шестидесяти пяти. Необходимо экономить заряд

батарей, неизвестно, насколько его хватит. Лучше потерпеть, пока это возможно, ведь на поверхности ледника будет под минус сто. Дикари же, как обычно, щеголяли в меховых безрукавках. Его косматый громила-напарник заявил, что сейчас утро, а днем будет ещё теплее, потому как сейчас чуть ли не самое жаркое время года. Майк предпочел ничего не ответить, примитивным человеко-мутантам не понять проблем полноценного представителя хомо сапиенс. Оценить парусные сани, на которых ему предстояло рисковать жизнью на протяжении восьми тысяч километров, не удалось. Оказалось, что они находятся в

разобранном состоянии и дикари планируют собирать их непосредственно на поверхности мирового ледника.

— Стены ледника обрывисты и высотой в самом низком месте две версты, — объяснил головорез Свитогоа. — Есть один относительно пологий участок, по нему и будем взбираться, но наклон всё равно слишком крут, только пешему можно пройти. Посему поклажу наверх понесем на себе.

К счастью, желание дикарей заполучить себе вечное лето, подобно Новой Америке, оказалось слишком велико, и примитивные идиоты не стали губить экспедицию

на корню. Волочь на плечах груди замотанных в шкуры деревяшек Майку не пришлось. Вожак дикарей выдал им в сопровождение полтора десятка головорезов, таких же двухметровых косматых жлобов-блондинов, как и остолоп Свитогоа. Как уже убедился Майк, других в стойбище дикарей попросту не было, так что заблуждаться на счет их умственных способностей не приходилось — как известно, в высотных небоскребах чердаки всегда пустуют. Зато увешанные свастиками, копьями и прочими мечами-ножами-топорами бройлерные амбалы будут полезны в качестве носильщиков и охраны, уж

со зверьем-то они управляться умеют, иначе не дожили бы до наших дней. Столкнуться с кровожадными мутантами всего лишь вдвоем Майку не хотелось абсолютно. Он слишком хорошо помнил, как погиб бригадир Уокер и его люди. А ведь все они были вооружены арктическими винтовками, оружием, созданным по последнему слову науки и техники. Или аборигены рассчитывают отпугнуть мутировавшее зверье свастиками, намалеванными на круглых щитах, что укреплены у них сейчас за спиной?

Последним к отряду присоединился очень колоритный головорез. Немолодой, как положено

— косматый, в меховых доспехах, увешанных дикарским оружием, и верхом на здоровенном медведе. Злобная зверюга была немногим меньше той, что имелась у старого жреца, который нашел Майка после катастрофы челнока, и первым делом потянула носом воздух, принюхиваясь к окружающим. Медведь сразу же развернул к Майку свою уродливую башку шириной с грудную клетку человека и злобно зарычал. Майк едва не бросился бежать от страха, в первую секунду решив, что кровожадная тварь сейчас кинется на него.

— Не бойся, человеке, — произнес жлоб-напарник, — он тебя не тронет,

покуда ты подле Расичей. Но близко не подходи, держись поодаль, не дразни его.

Можно подумать, Майк только и мечтает спровоцировать агрессию мутанта! Нет, ну каков остолоп этот дикарь, уму непостижимо. Не иначе дикари находят общий язык с медведями на почве свойственной и тем и другим твердолобости! На всякий случай Майк отступил на пару шагов, чтобы в случае чего быть ближе к входу в жилище дикарского вожака. Если тварь всё-таки бросится, на её пути окажутся гужевые сани со скарбом экспедиции, и это даст Майку возможность скрыться внутри

строения. Тем временем головорез-напарник подошел к головорезу на медведе, и тот спешился, протягивая руку для приветствия.

— Здравия тебе, Святогор! — произнес жлоб — владелец медведя.

— Здравия, Белазар, — ответил тот и посмотрел на медведя: — И ты здоров будь, Топтыгин!

Дикари пожали друг другу руки в районе локтя и обнялись. Майк, сдерживая готовый вырваться смех, на секунду даже о медведе забыл. Да уж, дикари есть дикари! Мало того что один из них здороваётся с безмозглым животным, так ещё они меж собой здороваются, как Орки! Майк хорошо помнил компьютерные

игры и развлекательную видеопродукцию шоу-бизнеса. Во всех сказочных фильмах про эльфов, магов и прочее туповатые и злобные Орки здоровались именно так. Интересно, режиссеры угадали случайно или тупость везде на одно лицо? Даже жаль, что кинопродюсеры не в курсе, что орки должны быть двухметровыми блондинами с голубыми глазами, иначе сходство было бы полным, разве что торчащих клыков не хватает! В этот момент оба жлоба перестали обниматься и скользнули по Майку своими странными взглядами сомнамбулических кретинов.

– И тебе здоровья, гость, – без всяких эмоций произнес наездник на медведе, обращаясь к нему.

– Доброе утро, сэр! – с готовностью откликнулся Майк, широко улыбаясь. – Как ваши дела?

– Всё хорошо, – ответил жлоб, не глядя на него, и отправился обниматься с остальными дикарями.

Шовинистское высокомерие, привычно отметил для себя Майк, ничего нового. На том его общение с дикарями фактически закончилось, потому что в дальнейшем все разговоры с ним вел только жлоб-напарник. Напыщенный владелец медведя не обращал на Майка внимания, словно того не

существовало и вовсе, к тому же он ехал верхом на своей твари во главе колонны, и пересекаться с ним Майку не приходилось. Остальные головорезы не понимали английского, видимо, были мелкими сошками и устройства перевода не имели. В гужевые сани, нагруженные снаряжением экспедиции, впрягли каких-то рослых и донельзя заросших длинной густой шерстью очень рогатых зверей-мутантов, следом подогнали ещё одну повозку, на которую уселась половина охраны, и экспедиция тронулась в путь. К удивлению Майка, дикари, которым не хватило места в санях, двигались за повозками бегом, используя

странной формы не то снегоступы, не то лыжи — короткие и толстые. При этом двухметровые жлобы, увешанные примитивным оружием, умудрялись не отставать от саней, имеющих скорость не меньше пятнадцати километров в час. Судя по тому, что спустя два десятка километров пешие дикари бежали всё с тем же темпом, занятие это было для них в порядке вещей. Майк в который раз отметил, что здоровья у русских троглодитов хоть отбавляй и из них получится отличная рабочая сила. Определенно, сам господь бог в тот день вложил ему в голову мысль предложить замдиректора Коэну организовать экспедицию к дикарям.

Их правильное использование — несомненно, шанс для Новой Америки. Троглодиты должны быть под контролем.

Повозки покинули стойбище и почти сразу углубились в лес. Вокруг резко потемнело, и Майк невольно напрягся, озираясь. Кругом заснеженные деревья и заледенелые прутья кустарников, толком ничего не видно и абсолютно непонятно, как дикари держат курс, не говоря о том, что в любой момент из-под снега или из тени могут выскочить стаи голодных мутантов и начать рвать людей на части. Майк убедился, что сидит в самом центре повозки, и в случае внезапного

нападения зверьё схватит кого-нибудь из находящихся рядом дикарей, а не его, но так и не смог полностью избавиться от страха. Из-за длительного неподвижного сидения начали мерзнуть пальцы на ногах и руках, и Майку пришлось включить обогрев снаряжения. Он плотнее натянул лицевую маску и проверил правильность укладки в кармане защитных очков. Если потребуется, они должны быть легкодоступны, вдруг придется спастись бегством от напавшего разъяренного зверья, тут повсюду ветки торчат! Несколько часов он провел с изрядно взвинченными нервами, ожидая нападения

мутантов, и единственное, что хоть немного утешало, это полное спокойствие дикарей. К полудню солнце поднялось в зенит, и посветлевший лес стал выглядеть менее зловеще. Видимость значительно улучшилась, и Майк принялся разглядывать заледеневшую тайгу.

И вековые сосны исполинских размеров, и деревья поменьше, и кустарники разной высоты, всё было облеплено ледяной коркой, лес словно вмёрз в лёд. Глубину снежного покрова визуально определить не удавалось, но наверняка несколько метров, если судить по бурелому. Насколько

сильны бураны, после того как они
сходят с поверхности мирового
ледника в этот разлом, Майк не знал,
но они здесь точно бывают. Это
доказывали спутниковые
наблюдения, сделанные по заказу
Гуманитарной Миссии, и часто
встречающиеся вокруг переломанные
стихией стволы деревьев,
заледенелые обломки которых торчат
из-под снега. Некоторые пни
находились в глубоких ямах, явно
вывороченных из снега в результате
падения обломившегося дерева. Это
наблюдение вновь заставило Майка
напрячься. Если снег такой глубокий,
то кажущаяся пустота леса
обманчива! Вечно голодные и

жаждущие крови мутанты передвигаются под снегом, внутри его толщи! Их приближение невозможно заметить без мощного тепловизора, и глупо надеяться, что у дикарей он есть, Майк бы его сразу заметил! Внезапно откуда-то сверху раздался громкий дробный стук, и Майк подпрыгнул от неожиданности. В него стреляют!!! Он в ту же секунду распластался по дну саней, расталкивая плотно сидящих дикарей, и дробный стук повторился.

– Не робей, человеке! – мощная ручища Свитогоа ухватила его за плечо и вернула в сидячее положение. – Сядь, не толкай добрых людей. Это дятел, птица такая,

дерево долбит клювом.

Дикарь указал съёжившемуся Майку на вершину одной из сосен, и он заметил птицу-мутанта, представляющую собой крупный ком из перьев и мощного острого клюва, выглядящего очень опасным даже с такого расстояния. Крылатый мутант с огромной частотой вбивал клюв в заledenелое дерево, пробивая дыру в ледяной корке и разбрасывая во все стороны фонтанчики блестящего крошева и кусочки коры. Весь процесс сопровождался громкой дробью, гулко разносящейся по пустому на первый взгляд лесу.

— Зачем он делает это, сэр? — Майк увидел улыбки на лицах

окружающих его дикарей и вернулся в сидячее положение, скрывая раздражение. Тупые человекомутанты! Им ещё весело! Смеётесь над цивилизованным человеком? Ладно, хорошо! Посмотрим, как вы засмеетесь, когда над вашим примитивным стойбищем начнет выбивать дробь вертолет с крупнокалиберными пулеметами!

— Он ищет еду, — жлоб-напарник покосился на Майка и перестал улыбаться. — В древесной коре есть замершие насекомые и их личинки. Остались ещё с той давней поры, когда не было Великих Снегов. Дятел их чувствует. Сейчас лето, вот он и кормится на верхушках деревьев.

Летом птицы смирные. Вот холода придут, тогда другое дело. Голодно им поодиночке, будут в стаи сбиваться и на мышей охотиться.

Майк вспомнил рассказы бывалых полярников. Мутировавшее зверье замечает добычу сквозь солидную снежную толщу, а птицы способны спикировать с неба и пробить снег на несколько ярдов чуть ли не мгновенно. Если эта пернатая тварь вот так запросто крошит заледеневшее до состояния камня дерево, несложно понять, насколько она опасна для человека! Майк принялся осматривать верхушки окружающих деревьев на наличие птиц-мутантов, но больше

никого не нашел. Видимо, зверьё прячется под снегом, как обычно. В Австралии мутанты живут под снежной толщей постоянно, на поверхность выбираются только для передвижения на большие расстояния и охоты на людей. Здесь, скорее всего, точно так же, за два столетия снегопадов толщина снежного покрова должна была стать очень значительной, а плотность слежавшегося снега позволяет отрывать в нем целые тоннели, в этом Майк убедился ещё в дикарском стойбище.

— Мистер Свитогоа, вы не боитесь, что голодное зверьё нападет на нас из-под снега? — спокойствие

дикарей не переставало тревожить Майка. Картины выпрыгивающих прямо из-под ног в брызгах снега тварей, рвущих людей в кровавые лохмотья, не позволяли ему забыть Могильник.

— Летом звери на дорогах не озорничают, им и под снегом еду сыскать не в тягость, ни к чему наверх лазать, — ответил головорез. — Хищники нападать не станут, много нас слишком, боязно им. Не зверей сейчас остерегаться надобно. Но ежели вороги появятся, о том други наши предупредят.

— Вы ожидаете нападения пожирателей рыбы?! — мгновенно похолодел Майк, вспомнив речь

одного из косматых бородачей на совете дикарской знати. Он немедленно взгляделся в бесконечную череду обледеневших деревьев. Где-то там могут скрываться те маленькие злобные люди, что подстрелили его из лука сразу после катастрофы челнока! Они предельно агрессивны и кровожадны, наверняка могут выстрелить в него прямо из кустов или сугробов!

— Рыбоеды не заходят так далеко вглубь наших земель, — покачал головой косматый громила. — А вот каннибалы могут. Их разум сохранился лишь частично, и голод часто толкает их на безумство. Живут они далече, но путь наш

пролегает мимо их логова. Да и в наши веси они вторгаются нередко, особенно летом, когда тепло. Но ты не робей, Белазар с Топтыгиным начеку, никакого врага не проглядят, Топтыгин чужаков за версту чует.

Данное объяснение стопроцентной уверенности в собственной безопасности в Майка отнюдь не вселило. Если одни человеко-мутанты набросятся на других, то он окажется в самой гуще мясорубки в любом случае. А вдруг врагов будет гораздо больше?! Перед глазами живо встала картина бесконечного звериного потока, рвущегося в залитый свежезастывшей кровью бункер. Если тех каннибалов,

или рыбоедов, или всех вместе, раз у них союз, окажется столь же много, как мутантов тогда, это будет жуткая резня! Кто-нибудь из двухметровых жлобов-дикарей, возможно, и выживет, например тот фашист верхом на медведе. Ускачет прочь, если будет крепко держаться за расфуфыренную свастиками уздечку. А он, Майк, что будет с ним?! Где здесь спрятаться, посреди мёртвого леса, засыпанного многометровым снегом?! Тут глубина ярда три, не меньше, вон, верхушки невысоких деревьев из-под снежного покрова торчат едва на пару футов! Единственный шанс – это постоянно находиться в санях, причем подальше

от края. Так хоть можно умчаться от нападающих, если двуногие или четвероногие мутанты не перебьют тягловых животных.

С этой мыслью Майк провел ещё час, после чего дикари объявили остановку на обед и отдых. Майк с облегчением вздохнул и отключил подогрев снаряжения. Заряд батарей стоило экономить, тем более что для приготовления пищи дикари разведут костер, который он сможет использовать для того, чтобы обогреться. Но остановка на обед оказалась, мягко говоря, неприятным сюрпризом. Ни о какой горячей пище речь даже не шла, Майку выдали какой-то кожаный мешочек, вид

которого не вызывал никаких иллюзий насчет стерильности или санитарных норм, наполненный каким-то дробленным камнем. При более тщательном рассмотрении выяснилось, что это куски какой-то дикарской еды, замерзшие на лютom морозе и потому попросту раздробленные ударом обуха топора. Майк попытался разгрызть свой «обед» и едва не лишился пары зубов. В ответ на его недоумение громила Свитогоа посоветовал дать осколкам куска каши растаять во рту, а уже после того начинать жевать. Сами дикари хрустели этими своими пищевыми камнями, словно мутанты Могильника костями разодранных в

ключья полярников. Никто даже не соби́рался разводиться огонь, косматый жлоб заявил, что смысла в этом нет, горячая еда и питье́ будет только вечером, когда отряд станет лагерем для ночевки, теперь же тратить время тактически неграмотно.

— Но мне необходима вода! — попытался возразить Майк. — Я хочу пить, меня мучает жажда!

В ответ на это дебиловатый русский лишь молча указал на одного из своих головорезов. Майк недоуменно обернулся и лишь бессильно вздохнул. М-да, троглодитам не понять цивилизованного человека. Дикарь зачерпывал горсть снега из

ближайшего сугроба и тупо его ел. Это у них вместо воды, значит. И мозгов не хватает, что если сами недохнут, то это ещё не значит, что нормальный человек не отравится. В общем, вся стоянка уложилась в четверть часа. Дикари накормили тягловых животных какой-то сушеной травой из специального мешка, пересыпав её неким подозрительно белым порошком, расхватили осколки раздолбанной топором «каши», после чего те, кто ехал на санях, поменялись местами с теми, кто всё это время бежал на лыжах. Причем лыжи у каждого оказались свои. И дальнейший путь продолжился. В итоге Майк остался

голодным. Растапливать во рту смерзшуюся до состояния кирпича гадость, именуемую дикарями едой, он не собирался. Есть снег и подавно, мало ли какая зараза в нем имеется, в атмосфере полно сернистых соединений ещё со времен, предшествующих началу климатической катастрофы. Поразмыслив, он решил дотерпеть до вечера и дождаться нормальной горячей пищи.

— Чем ваши люди посыпают корм для тягловых животных, сэр? — Майк указал на одного из дикарей, кормящих зверьё из мешка с травой. Уж не кокаином ли? Очень похоже. Если так, то понятно, почему

двухметровые жлобы запросто бежали за санями шесть часов подряд и не отстали ни на фут. Они тут все знают, как правильно ускориться, даже зверей своих дурью пичкают...

— Это соль, — ответил головорез-напарник. — Лоси её любят, вот и балуем их чуток.

Ага, соль, как же, расскажите мне ещё что-нибудь! Он сделал вид, что удовлетворен полученным объяснением, и иронично ухмыльнулся в свою лицевую маску. Даааааа, соль, конечно! Дикари заняли свои места, и упряжки продолжили путь. Майк бросил взгляд вперед, где среди заледенелых

деревьев мелькала зловещая туша медведя. Седока на нем не оказалось, и присмотревшись, он заметил наездника, бегущего на лыжах рядом со своей злобной тварью.

— Мистер Свитогоа, — Майк указал в сторону медведя и его хозяина. — Почему ваш друг больше не едет верхом? Если он устал от непрерывной тряски, возможно, кто-то должен его заменить? Это неправильно — лишаться возможности наблюдать с высоты, мы теряем обзор! Чем выше находится наблюдатель, тем дальше он способен видеть! Отправьте туда кого-нибудь.

— Топтыгин никого не повезет, —

покачал головой косматый громила. — Медведь витязя суть брат его, он вой, могучий и гордый. Это не верховое и не тягловое животное. Топтыгин позволяет Белазару ехать на себе из уважения, а Белазар из уважения к брату никогда не станет злоупотреблять оказанным доверием. Потому он бежит рядом, дабы Топтыгин мог отдохнуть. Посему сесть на чужого боевого медведя означает оскорбить его и его брата. Только вряд ли такое оскорбление удастся нанести, косолапый в гневе страшен, может такой нагоняй сотворить, что головы не сносишь. Да и негоже витязю могучему постоянно верхом разъезжать, так и

бегать разучиться недолго. Вой в сече силен не токмо плечами мощными, но и крепостью ног и ровным дыханием. Так что бегать подле медведя витязю полезно. Белазар с Топтыгиным временами взапуски тешатся, и Топтыжка иногда позволяет брату себя обгонять. Душа у него добрая, ежели ранят кого из воев в схватке с врагами, так может бездыханного человека на себе везти, дабы к целителям успеть заживо доставить. А за бдительность не волнуйся, человеке, нюх у медведя отменный, и чутьё у Белазара острое, не подведут.

Дальнейший путь прошёл без происшествий, и к вечеру Майк стал

чувствовать себя гораздо спокойнее. Похоже, заледенелый лес действительно был пустым и, кроме редких птиц, другого зверья тут не имелось. Их отряд продолжал движение до самых сумерек, после чего, наконец-то, дикари остановились на ночлег. Головорезы разбили какие-то не внушающие доверия палатки из звериных шкур, на удивление хорошо державшие тепло, после чего всё-таки развели пару костров. Технология устройства кострища на поверхности многометровой снежной толщи оказалась довольно занятной: на снег сперва стелили толстую звериную шкуру мехом вниз, на неё укладывали

несколько плоских досок, накрывали их какой-то закопченной, судя по всему, металлической пластиной и уже на ней разводили огонь. Были ли оправданны все эти сложности, Майка не интересовало, главное, что варвары набили на этом руку и Майку не пришлось сидеть голодным слишком долго. Через полчаса он наконец-то получил долгожданную горячую пищу. В разогретом виде каша оказалась вполне съедобна, о прочих нюансах, вроде её происхождения и условий хранения, Майк предпочел не думать. Громко бурлящий от голода желудок очень эффективно заглушал все не связанные с поглощением еды

мысли. Жлобы даже вскипятили воду, заварив в ней какую-то травяную гадость, пить которую Майк не рискнул, ограничившись простым кипятком. После приема пищи его настроение заметно улучшилось, и он задался целью вытянуть из громилы-напарника больше информации о тайнах дикарей. Нельзя сказать, что ему удалось добиться цели полностью, устройство перевода увидеть он так и не смог, однако кое-какие детали этот примитивный остолоп всё же выболтал. За анализом полученных данных Майк не заметил, как погрузился в лишенный видений сон.

Глава вторая

Дикари опять разбудили его затемно, нормально выспаться не удалось, и первые два часа Майк клевал носом, сидя в трясущихся на снежной целине санях. Утренний мороз спросонья показался ему слишком жестким, начали мерзнуть ноги, и пришлось включить обогрев снаряжения. Чудесным образом пережившая крушение челнока система подогрева работала исправно, наложенные на комбинезон заплатки дикарей вроде бы сохраняли герметичность и даже эластичность, но задумываться о

том, как такое удалось примитивным
человеко-мутантам, Майку не
хотелось. Хотелось спать, но
устроиться удобно никак не
удавалось. После вчерашнего дня,
полностью проведенного в сидячем
положении в абсолютно
некомфортных условиях, всё тело
болело и сопротивлялось повторному
нахождению в той же позе.
Промучившись до полудня, Майк так
и не смог восполнить недостаток сна
и коротал время разглядыванием
бегущих за санями дикарей.
Двухметровые дебилы в меховых
безрукавках, увешанные своим
дикарским оружием, двигались
словно заведенные, и отсутствие у

них видимых признаков усталости быстро начало его раздражать. Цивилизованный человек — это натура утонченная, а не слепленный из груды мышц универсальный комбайн для выживания в Холоде. Он, Майк, должен сидеть в теплом офисе, в комфортном кресле перед компьютером и потягивать виски из хрустального стакана. Мёрзнуть в забытых богом мертвых залеженелых джунглях должны эти русские троглодиты. Для них это в порядке вещей, родная среда!

Занятый собственными мыслями, Майк пропустил момент, когда увешанных свастиками жлобов внезапно стало втрое больше. Отряд

остановился, впереди послышись негромкие голоса дикарей, и Майк недовольно спрыгнул с саней в снег, стремясь размять затекшее тело. От раздражения он сделал это слишком сильно, и вместо приземления на ноги пробил снежный покров и провалился почти по грудь, беспомощно загребая руками.

— Ты пошто сигаешь, аки заяц? — хмуро покачал головой громила-напарник, подхватывая Майка под мышки. На ногах у жлоба были надеты дикарские лыжи, подобно остальным троглодитам. Громила крикнул и рывком вытащил Майка из ямы, словно тот весил фунтов сто, не больше, и аккуратно посадил обратно

в сани. — Сиди покуда! Снег в этих местах мягкий шибко, без лыж никуда. Месяц назад тут с ворогами сеча случилась, подкоп засадный отрыт был в добрую сажень глубиной. С тех пор яму замело, но снег не слежался ещё. Обожди, сейчас с побратимами словом обмолвимся и дальше поедем.

Головорез ушел к передовой упряжке, и Майк принялся изучать происходящее. Новых дикарей было десятка три, не меньше, двое из них верхом на медведях. Они ничем не отличались от старых: те же свастики, копья-топоры-мечи, два метра роста, светлые глаза и дикарские космы немногим темнее

снега. Майк быстро перестал различать, кто из них кто, эти троглодиты все на одно лицо. Он попытался прислушаться к их разговору, но не смог понять варварской белиберды, которую они считают человеческим языком. Выходит, жлоб-напарник отключил устройство перевода, наверное, обсуждают что-то секретное, не предназначенное для чужих ушей. Майк невольно усмехнулся. И чего же такого важного могут выяснять дикари, что нельзя слышать цивилизованному человеку?! Молитву в честь горящей деревяшки? График купания в проруби? План захвата теплой страны Новая

Америка? Даже если и так, то тепло в Новую Америку ещё надо вернуть! А после познакомиться с некоторыми изделиями научно-технического прогресса. Например, с пулеметом. А вообще было бы неплохо, если русские троглодиты пошлют с ним не одного-единственного дебила-переростка, а пару-другую десятков таких недоумков. У них, пожалуй, есть шанс добраться до точки аварийного управления Реактором.

«— ...Святогорушка, любимый мой, возьми меня с собой! — неожиданно отпечаталась в сознании женская речь, и Майк вытянул шею, вертя головой в поисках источника

знакомого голоса. — Дорога тебе выпала торная и тяжкая, а вдруг помощь какая понадобится? А батюшку матушка уговорит... потом... главное, ты своё согласие дай!

— И не подумаю! — решительно отвечал ей мужчина. — Ты чего это творишь, Весняна?! А то не ведаешь, куда я путь держу и что там приключиться может? Никуда я тебя с собой не возьму, и негоже у меня на такое согласия требовать! Как это я своею любою рисковать буду в земле басурманской?! Опомнись, жена неразумная!

— Я так и знала, что ты упрямиться станешь! — вздохнула

девушка. – Это тебя Остромысл упредил, да? Прознал про задумку мою и упредил! А я всё равно с тобой пойду! Я даже Котофеича с собой прихватила, для надежности. Мы с ним тебе подсобим, ежели что произойдет...

– А вот я тебе сейчас подсоблю! – грозно перебил её Святогор. – Ты в своем уме ли? Да если бы Остромысл меня упредил, я тебя самолично в сундуке запер заранее! Шутка ли сказать – увести свою суженую в самое что ни на есть логово зла великого! Никак Коловрат прав! Не доросла ты ещё до ведания мудрого, совсем голова не работает! Образы Крови от матушки получила,

а вот разум от батюшки покуда не передался! Со мной она собралась! А мне как жить, ежели сгинешь ты на чужбине? Я себе этого не прощу вовеки! И Предки наши, и Боги пресветлые тоже не простят!

— Эка у вас, мужиков, всё просто, — поникла Весняна. — Чуть что, так сразу «ты ещё не мудра, женщина!». Вот и батюшка такой же! А вдруг хворь какая с тобой в дороге приключится?

— Тебе хворь тяжёлую исцелять нельзя, — парировал Святогор. — А с легкой я сам справлюсь. Перестань сейчас же, Весняна! Не буду я рисковать ни ворожеей, ни любою своею! Никто не стал бы!

— Это нечестно! — похоже, девушка всхлипнула, но сдержала эмоции. — Мне с тобой нельзя, потому как ты обо мне печешься! А ежели ты не вернешься, каково мне станет, никому дела нет!

— Я витязь и за Родину биться суть удел мой, — спокойно ответил Святогор. — Тебе о том ведомо, любая моя Веснянушка. Потому и назначен Пращурами срок, до которого вой не может жену в дом привести. Дабы доказать, что вдовой её не оставит по неумению своему в ратном деле. Жди, любая моя, коли любишь, время покажет. Только с собой я тебя не возьму, поезжай обратно в скуф. И чтобы никаких отводов глаз и прочей

ворожбы, ты меня поняла?

— Два лета ждала, подожду и ещё два, — вздохнула девушка. — Поняла я всё, Святогорушка. Только можно хоть до Великого Льда я тебя провожу? Впереди Город и АЭС, места гиблые, кабы не случилось чего, предчувствия у меня недобрые. Позволь остаться, я вам пригожусь...»

В этот момент Майку наконец удалось отыскать взглядом и дикаря, и дикарку. Оба стояли поодаль, особняком от толпы увешанных оружием троглодитов, плохо заметные за обледеневшими стволами деревьев, и беседовали очень тихо, не было слышно даже

шепота. Похоже, дочь местного царька, разволновавшись, то ли случайно включила, то ли забыла выключить устройство перевода, которое у неё имелось как у представителя знати. Кроме Майка, их разговор никто не слышал, потому что ни один из головорезов даже не посмотрел в сторону троплодитского аналога Ромео и Джульетты. А такую забавную сцену никто не пожелал бы пропустить! Майк усмехнулся. Вот, значит, в чем причина холодности молодой дикарки. Мы влюблены в красиво бряцающего примитивным оружием двухметрового косматого идиота! Как это романтично! Ничего, скоро все дикарки поменяют свои

пристрастия. Едва только они прочувствуют все прелести и преимущества цивилизации: равноправие, роскошь, шоу-бизнес, моду, интеллигенцию, идеал их «принца на буром медведе» очень быстро претерпит кардинальные изменения! Кое-кто ещё не раз пожалеет о своей недалёковидности. Майк подумал, что было бы неплохо занять сторону сексапильной дикарки и как-нибудь убедить этого безмозглого жлоба Святогора взять её с собой. Её наличие может послужить гарантией его сговорчивости в случае чего, раз у них роман.

Что-то шевельнулось где-то над

головой Майка, и сверху раздалось громкое злобное шипение. Он задрал голову и отпрыгнул вглубь саней, панически вжимаясь в дно. На ближайшем дереве, прямо над ним, сидела здоровенная хищная пятнистая кошка с черными кисточками на кончиках ушей. Кровожадная тварь подобралась, готовясь к атакующему прыжку, чтобы вцепиться в человека, и угрожающе шипела, скалясь множеством острых клыков. Узкие зрачки желтых глаз бешеным взглядом смотрели прямо в глаза Майка, и от страха он словно окаменел, не понимая, где искать спасения. Кругом снега выше его

роста глубиной, он не сможет бежать!

– Тимофей Котофеич! – издали раздался голос молодой дикарки. – Поди-ка сюда, кисонька моя распрекрасная, я почешу тебе за ушком!

Разъяренная рысь перестала шипеть и невесомым движением перепрыгнула с одного дерева на другое. Тварь соскочила на снег и пошла к сексапильной девице, мягко ступая по снегу и совершенно не проваливаясь. Добравшись до дикарки, пятнистая кошка потерлась о её ногу. Та покосилась на Майка знакомым странным взглядом и что-то сказала бешеной твари, почесывая

её за ухом. Смысла её слов он уже не понимал, но, увидев, что тварь грациозно изогнулась, потягиваясь, и улеглась у ног дикарки, расслабился. Опасность миновала. Тупые дикари! Не могут уследить за своими неуравновешенными агрессивными тварями! Если когда-нибудь эта бешеная кошка-переросток сожрет своих хозяев, лично он будет очень рад! Достойное завершение судьбы идиотов! Майк вновь уселся на край саней и посмотрел на сексапильную дикарку. Чертова кошка, всё испортила! Дикарка поняла, что прибор-переводчик был включен, и отключила его. Теперь их беззвучное лопотание не переводится, и понять,

о чем идет речь, не удастся. Очень жаль, хотелось бы получить ещё каких-нибудь важных деталей, могли бы пригодиться в дальнейшем.

Столпотворение дикарей длилось минут двадцать, после чего крупный отряд русских троглодитов скрылся в заледенелой тайге, а их экспедиция продолжила путь. Майк с удовлетворением отметил, что сексапильная дикарка осталась с ними. Её усадили на передовую упряжку, и здоровенный детина-напарник два часа бежал на лыжах рядом с ней, попутно о чем-то разговаривая. Потом настало время так называемого «обеда», и молодая дикарка вместе с остальными

принялась бодро хрустеть осколками ледяных кирпичей, считающихся «походной кашей». Майк решил на этот раз не терзать свой желудок голодом, а заодно продемонстрировать сексапильной троглодитке, что он ничем не хуже тупоголовых жлобов, и терпеливо разжевывал жутко холодный кусок «пищи». Обжигающе холодная ледышка заставила Майка продрогнуть едва ли не мгновенно, и ему пришлось заново активировать совсем недавно отключённый обогрев.

— Чем ты недоволен, человек? — похоже, головорез-напарник услышал его тихое чертыханье. — Али

случилось что?

– Холодно, сэр! – просветил его Майк. Где уж таёжному гению понять элементарные вещи. – Я не привык жевать ледышки и потому замерз. Пришлось использовать обогрев, и я опасаясь, что запаса энергии в моих аккумуляторах не хватит на наше путешествие! Под воздействием урагана скорость охлаждения огромна, систему подогрева приходится включать на полную мощность, и батареи разряжаются за несколько минут!

– Остромысл сказал, что ты дойдёшь туда, куда стремишься, – ответил жлоб. – Стало быть, дойдёшь. Он никогда не речёт

попусту. А от ураганов мы
хорониться станем, коли
возможность будет, неумно зазря
мёрзнуть-то. Я в путь-дорогу
накидки прихватил специальные, из
шкур песцовых да на пуху гагачьем,
ежели мороз ударит лютый, так
закутаем тебя. А то одежда твоя
хлипковата для морозов да ветров
ледниковых, совсем доверия не
внушает.

О, да! Майк едва не фыркнул
вслух. Высокотехнологичное
арктическое снаряжение с
подогревом не внушает доверия
таёжному троглодиту! Звериные
шкуры под Воронкой согреют
гораздо эффективнее, кто бы

сомневался! Болван! Вот ты и полезешь в самое сердце ХААРПА, точку аварийного доступа откапывать, раз такой морозоустойчивый. Для этого ты и нужен. Но сейчас Майку пригодится любая помощь, и в виде дополнительного утепления из примитивных шкур в том числе. Пять тысяч миль по одной только поверхности мирового ледника надо ещё пройти, причем невредимым, и он твердо намерен сделать это, так что отношения с косматым головорезом необходимо поддерживать дружеские, как-никак громила — его единственная надежда на благополучное возвращение.

— Я очень рад, мистер Свитогоа, что у вас всё под контролем! — преданно заявил Майк. — И от лица Новой Америки благодарен вам за помощь! Скажите, сэр, мисс Вес-ни-ана приняла решение отправиться с нами? Я вижу, что отряд охраны, который её сопровождал, покинул нас без неё.

— Весняна добралась сюда сама, — нахмурился громила. — Короткой тропой, где сани не пройдут. Отряд наших побратимов встретился ей по дороге. Она проводит нас до ледника и вернется домой.

— Вы хотите сказать, что она пришла сюда пешком?! — не поверил

Майк. – Быстрее нас?!

– Почему же пешком, – удивился жлоб. – Верхом на олене. Олень по снегу пройдет там, где человек не сможет. А у Весняны олень сильный и выносливый, ему такой путь не в тягость.

– Но это очень опасно! – вполне искренне ужаснулся Майк. – Молодая девушка двое суток пробирается в одиночку через тайгу, рискуя столкнуться с голодными мутантами и кровожадными дикарями! Она могла попасть в серьезные неприятности!

– Хорошую ведьму ещё увидеть надо, – покачал головой головорез, укоризненно косясь на сексапильную

дикарку. Та немедленно принялась сосредоточенно разглаживать мех на своей коротенькой шубке. — Взгляд отведет — и словно нет её. Пустое место, и ничего боле.

— А где сейчас верховой зверь мисс Вес-ни-аны? Она же едет на санях с нашим грузом, — Майк перевел разговор на другую тему, выслушивать бредни дикарей о великом колдовстве совершенно не хотелось. — Вы запрягли его в одну из упряжек?

— Кто ж верховое животное в сани-то запрягает! — громила слегка усмехнулся. — Весняна его обратно в скуф отправила, как нас увидела, плутовка! Домой он дорогу всегда

отыщет.

— Какой сообразительный зверь! — Майк решил немного польстить дикарке, лишним не будет. Кстати, насчет чуши про колдовство: если она явилась сюда в одиночку, зачем их догнал целый отряд увешанных оружием дикарей? Уж не по этой ли причине ей ничего не угрожало — недалеко от неё двигалось три десятка двухметровых головорезов! — Скажите, мистер Свитогоа, для чего к нам присоединялись ваши... эээ... односельчане?

— Не родичи они, — объяснил жлоб. — То побратимы наши, из рода Снежного Барса. Их скуф тут

неподалеку, вот вои дозором окрестности и обходят. Покуда союз у рыбоедов с каннибалами не распадется, надобно держать ухо востро. До столбов порубежных отсюда неблизко, но всяко может случиться, потому дозоры и учинили.

— Вы хотите сказать, что ваше поселение не единственное?! — сообразил Майк. — Есть и другие?!

— Тайга велика, места в ней хватает не на один скуф, — подтвердил его догадку головорез.

Вот это важная новость, отметил про себя Майк. Оказывается, дикарей больше, чем считала Гуманитарная Миссия. Странно, что спутники не обнаруживают их

стойбища, наверняка виной всему постоянная активность циклонов и буранов, затрудняющая наблюдение из космоса. Необходимо выяснить истинную численность аборигенов, чтобы замдиректора Коэн мог в случае необходимости разработать адекватную программу распространения демократии среди этих дремучих дикарей. До этого момента Майк был уверен, что пересчитал все жилища этих жлобов и на основании этого пришел к выводу, что русских троглодитов всего где-то от трехсот до пятисот особей. Теперь же получается, что потенциальной рабочей силы гораздо больше.

— Навыки выживания вашего народа в экстремальных условиях достойны уважения! — голос Майка тоже звучал максимально уважительно. — Сколько же у вас таких поселений?

— Все, что есть, — все наши, — равнодушно изрёк головорез. — Тебе-то что за дело до этого?

— Я переживаю за то, что наши поставки вам могли быть недостаточными! — мгновенно нашёлся Майк. — Мы присылали слишком мало бус и зеркал! — Он вдруг вспомнил, что за всё время пребывания в стойбище русских дикарей ни разу не увидел бусы Гуманитарной Миссии ни на одном

из аборигенов. – Вы не используете их именно поэтому? Слишком маленький размер поставки, не хватает всем желающим? Мы обязательно увеличим объем гуманитарной помощи!

– Кто ж будет носить на себе такую гадость? – дикарь не скрывал иронии. – Ты сам-то носишь?

– Я?! – от неожиданности Майк замешкался. – Нет, я... то есть... это же женские украшения... или... но, сэр, для чего тогда вы столько лет обменивали их на меха?!

– Мастеровой люд их в стекло переплавляет, – улыбнулся головорез. – Переплавлять ваши стекляшки в сорок раз легче, нежели

варить стекло с ноля. Потому наши мастера у вас только стеклянный хлам принимают. Как начинаете присылать подделки, так назад отправляют. — Он окинул взглядом своих громил и закончил: — Пора в путь-дорогу. Садись удобно да держись крепче, человеке. Поедем быстро, до рубежей надобно засветло добраться.

Головорез ушел вперед и принялся совещаться о чем-то с наездником на медведе. Тем временем молодая дикарка пересела с груженных снаряжением экспедиции саней в одну упряжку с Майком. К его великому облегчению, её ручной мутант остался в передних

санях, и Майк решил использовать эту возможность для разговора. Тем более что большая часть увешанных оружием жлобов на этот раз бежала за санями на лыжах, и места в повозке стало гораздо больше. Однако стоило ему подсесть к девице поближе, как жлоб-напарник вернулся. Он взял из передних саней какой-то здоровенный тюк и уложил его на повозку Майка точно между ними. Майк мысленно прыснул. Дикарь охраняет свою собственность! Если ему дать кирпичей, он бы между ними стену возвёл! В этот момент сексапильная дикарка покосилась на Майка своим сомнамбулическим взглядом, и он

понял, что девица не прочь пообщаться, это обычный женский намёк, женское кокетство везде одинаково.

— Рад видеть вас вновь, мисс Вес-ни-ана! — улыбнулся Майк. — Я слышал, вы проделали опасный путь, чтобы проводить нас в эту выдающуюся миссию! Вы не будете против, если я пересяду к вам поближе? Мистер Свитогоа так неудачно положил между нами свою поклажу...

— В этом тюке лежат припасы для тебя, гость, — холодно ответила девица, смерив его высокомерным взглядом. — Еда, одеяла, дрова для разведения костра, чтобы ты не

замерз на поверхности ледника. И положены они сюда удачно, аккуратно посредине, дабы сани шли ровно, и заодно передовую упряжку чуть разгрузили, так ход быстрее будет.

Она отвернулась и поискала глазами Святогора. Тот уже ушел вперед вместе с хозяином медведя, и повозки тронулись, быстро набирая скорость. Оба дикаря бежали рядом с медведем и продолжали переговариваться на бегу. Стало быть, жлобу сейчас не до неё. Майк придвинулся ближе к девице, насколько позволял убогий тюк, сшитый из каких-то грубых шкур. Надеюсь, подумал он, при таких морозах в этой, без сомнения,

грязной шерсти не водятся паразиты. Ещё не хватало потом вытряхивать их из карманов снаряжения.

— Мисс Вес-ни-ана, — Майк продолжал улыбаться. — Я же просил вас называть меня просто Майк! Мы же друзья! Скажите, а вы не планируете присоединиться к нам в нашем путешествии? Ваша помощь могла бы нам очень пригодиться! Особенно ваши способности в медицине...

— Я хотела, уважаемый Просто-Майк, — высокомерный взгляд дикарки скользнул по нему исподлобья. — Но к моей печали, Святогор велел мне возвращаться восвояси. Посему я провожаю вас до

Великого Льда, далее вы пойдёте вдвоем. И да помогут вам Предки, кои суть Боги наши.

Она хотела было отвернуться, но Майк не дал ей такой возможности. Надо предпринять попытку тонкой манипуляции её гипертрофированным самомнением и вынудить её пойти с ними. Пусть считает, что он на её стороне, тогда они окажутся в большинстве: двое против одного. Головорезу-напарнику крыть будет нечем, и он вынужденно согласится с мнением большинства.

— Вы должны настоять на своём, Вес-ни-ана! — немедленно возразил он, проигнорировав её издевку. — Он

должен уважать вашу позицию! В цивилизованном обществе все равны! Не позволяйте ему диктовать вам условия, это дискриминация по половому признаку! — Он сделал участливое лицо. Давай, детка, заглатывай наживку, где твоя индивидуальность? — Поедьте с нами! Вы должны поступать так, как считаете нужным!

— Я так и поступаю, — совершенно спокойно ответила сексапильная дикарка. — Потому и вернусь в скуф, едва вы поставите парус, будучи на поверхности ледника.

— Боюсь, я не понимаю, — поморщился Майк. — Вы же считали

необходимым идти с нами!

— Я считаю необходимым слушаться своего суженого, — всё так же спокойно произнесла молодая дикарка. — Он много старше и мудрее меня, и негоже будущей хранительнице очага перечить будущему главе рода ради неразумного упрямства. Я очень хочу пойти с ним, но сделаю как велено.

— Это неправильно! — заявил Майк. — Вес-ни-ана, вы лишены элементарных демократических свобод, это дикость — зависеть от решения человека, который вам даже не муж!

— Ты, верно, захворал на ухо, Просто-Майк, — участливо

посмотрела на него дикарка. – Я слушаюсь его велений по своей воле. Жены Расичей сами выбирают для себя достойного мужа, а мужи сами выбирают для себя достойную жену. Если выбор сделан, значит, жена уверена в мудрости избранника и может во всем положиться на него, равно как он может во всём положиться на неё, ибо заключившие любомир супруги не есть два человека. Они суть одно целое, две половинки, сложившиеся воедино. Потому я буду ждать его возвращения дома, коли он так велел.

– Не подумайте, что я хочу вас обидеть, мисс Вес-ни-ана, – Майк постарался скрыть охватившее его

раздражение. Вот же тупая заносчивая стерва! – Но мое имя – Майк, а не Просто-Майк! Я хочу, чтобы вы запомнили: я – Майк! Вы поняли меня?

– Поняла, Ямайк! – невозмутимо подтвердила дикарка. – Это всё, что ты хотел сказать, гость?

Ах ты примитивная троглодитка! Издеваешься над цивилизованным человеком? Думаешь, ты много чего собой представляешь?! Ты, безграмотная косматая дылда, даже не догадываешься, кто на самом деле ты и твоё доисторическое племя дебилов! Сейчас посмотришь, как надо издеваться!

— Майк, мисс! — улыбнулся он, демонстрируя, что оценил шутку. — Майк! Вы зря смеетесь над моими словами, Вес-ни-ана. Ваша приверженность примитивным стереотипам не имеет смысла. Вы позволяете кому-то ущемлять своё достоинство, как вы говорите, добровольно. А между тем мистер Свитогоа может и не вернуться к вам. Мало того что без вашей медицинской помощи мы можем погибнуть в сердце безжалостного Холода или от когтей мутантов. Помимо этого, в Новой Америке имеются и другие угрозы. Например, у нас множество красивых девушек. Некоторые из них могут

заинтересоваться вашим суш...
судж... эээ... бойфрендом, ведь если
он спасет нашу страну, то станет
героем, мечтой многих женщин! И
мистер Свитогоа останется с ними,
ведь не просто же так он до сих пор
не сделал вам предложения! Я бы
посоветовал вам не отпускать его
одного в место, наполненное
соблазнами, и держать ситуацию под
контролем!

— Святогор — витязь, — дикарка
даже глазом не моргнула. — Он
принадлежит к касте варягов, по-
вашему — воинов. А вою не должно
брать жену до тех пор, пока он не
встретит свою тридцать вторую
весну. Так гласит Закон Предков. Ибо

вой должен ещё дожить до этих лет, что суть доказательство его воинского умения. Дабы женщина знала, что не останется вдовой через лето-другое после заключения Любомира лишь из-за того, что её супруг-вой двадцати с небольшим лет от роду погиб в сече, ибо лета его ещё молодые и он не успел освоить ратное дело как должно. Потому Пращуры установили рубеж в тридцать два лета.

— К чему такие сложности? — Майк позволил себе ироничную ухмылку. Под лицевой маской дикарка не заметит его эмоций, а слушать её первобытную чушь без улыбки слишком трудно. Экскурс в

фольклор аборигенов от первого лица! — Тридцать два года слишком большой срок!

— Если варяг пережил его, то он умелый вой и просто так на поле брани не сгинет, — в глазах дикарки снова мелькнуло странное выражение. — Святогор недавно встретил своё тридцатое лето, и потому мы будем ждать ещё два.

— Вы не боитесь, мисс, что впустую потеряете лучшие годы своей жизни? — тонко подковырнул напыщенную дикарку Майк. — Два года — большой срок, всё может измениться не раз. Особенно когда вокруг столько соблазнов, сколько в Новой Америке! Контролировать его

во время нашей экспедиции будет единственно правильным решением.

— Множество соблазнов — это выкапывать женщин твоей страны из-под снега? — девица тихо прыснула, и в её голосе зазвучала насмешка. — Не волнуйся за меня, гость! Если бы я не была уверена в своем выборе, то не отдала бы Святогору своё сердце и не стала ему суженой, едва достигнув совершеннолетия. Жёны Расичей становятся совершеннолетними в шестнадцать лет и с того мига вольны выбирать себе супруга. Я выбрала, и он ответил мне взаимностью. С тех пор мы суженые, сие означает «будущие супруги». Мы

ждем друг друга уже два лета, и они миновали, словно два дня. Посему меня не тревожит существование ваших женщин. Я храню его любовь, как он хранит мою.

— У вас двенадцатилетняя разница в возрасте?! — Майк сделал нарочито большие глаза. — Это же ужасно! Вес-ни-ана, вам всего восемнадцать, да он же для вас старик! Что у вас может быть общего?! Поверьте мне, мисс, вы нуждаетесь в более молодом и энергичном спутнике жизни!

— Правда? — сексапильная дикарка нахмурилась, задумчиво надувая губки, отчего стала ещё более сексуальной. Майк мысленно

поздравил себя, дело пошло! – Дай-ка подумаю... – протянула она. – Так, двенадцать лет разницы... Когда ему исполнится сорок, мне будет двадцать восемь. Он будет всё ещё в расцвете сил, и я молода и красива. Теперь предположим, что у тебя, гость, тоже есть избранница. Пусть она будет старше тебя, ну... скажем, на два года, – дикарка бросила на него мимолетный взгляд. – Итак, тебе сорок. Ты всё ещё красив, силен и вдобавок ещё и мудр. А ещё ты спас свою страну и стал героем, значит, тобой заинтересованы женщины твоей страны. Твоей избраннице сорок два... Выглядит она, конечно же, всё так же привлекательно. Разве

сложно в сорок два конкурировать с кружащим вокруг национального героя множеством заинтересованных двадцати-с-небольшим-летних девушек... – Девушка сделала паузу, словно старательно взвешивала некие «за» и «против», после чего подытожила: – Знаешь, меня устраивает моё двенадцатилетнее отставание от супруга. Пожалуй, пусть всё остается так, как было, как-нибудь переживу, с помощью Пращуров наших. А вашим женщинам пусть достается кто-нибудь более молодой и энергичный, лета на два моложе их самих, чтобы у них было много общего! – Дикарка смерила его весёлым взглядом и

закончила: — А сейчас, гость, мне надобно поразмыслить о деяниях целительных. Потрудись не мешать моим думам. — Она подозрительно улыбнулась: — Благодарю тебя за исполненную мудростью беседу! — И отвернулась прочь.

Опешивший Майк не нашел что ответить и не стал настаивать на продолжении разговора. То, что стервозная троглодитка попросту издевается над ним, рассказывая весь этот бред, понять несложно, в махровом шовинизме русских дикарей он не сомневается. Но что она имела в виду, когда говорила о его некой предполагаемой спутнице, которая старше его на два года?! Она

же не может знать про Лив! Это совершенно невозможно! Это простое совпадение, другого объяснения не существует, вся эта чушь с колдовством с Майком не пройдет, в это верят только тупые дикари, не знающие цивилизации! Совпадение. Ей просто повезло. Да она сама не поняла, что попала в точку. Однозначно. Майк почувствовал, что ему становится жарко, и отключил обогрев арктического снаряжения. Он даже снял лицевую маску, но лицо немедленно обожгло холодом, тело пробрала дрожь, и маску пришлось надеть.

Следующие несколько часов

Майк просидел сиднем в одной позе, чувствуя, как от неподвижности вновь начинает затекать спина. Опять начали мерзнуть пальцы на руках и ногах, и он заново активировал обогрев, в который раз подумав о том, что будет, если элементы питания снаряжения полностью истощатся где-нибудь прямо под бураном на поверхности мирового ледника. Мало того что такие мысли совсем не улучшали настроения, так в довершение всего взгляд постоянно упирался в бегущих за санями дикарей. Эти чертовы клонированные жлобы двухметрового роста который час без устали мчались вровень с повозками

в своих меховых безрукавках посреди засыпанной тоннами снега тайги при температуре минус пятьдесят два градуса по Цельсию. Это изрядно раздражало Майка, и он попытался возобновить разговор с дикаркой, но та демонстративно не обращала на него никакого внимания и постоянно тарасилась вперед, на широченную спину этого тупого громилы-напарничка. В результате до самого вечера ничего выдающегося, кроме заунывной езды через промерзший насквозь заледеневший лес, не происходило. Остановку для организации ночлега и горячего ужина Майк, уставший то включать обогрев ради мерзнущих пальцев, то

отключать его из-за выступающей на спине испарины, воспринял едва ли не как эпохальное событие.

Однако на этот раз дикари не торопились разжигать костры. Вместо этого они поставили сани параллельно друг другу посреди лесной поляны, вытоптали между ними углубление в снегу и уложили туда тягловых животных. Одновременно часть головорезов, вместе с медведем и его хозяином, скрылась в лесу в разных направлениях, другая группа жлобов достала небольшие лопаты и принялась что-то рыть, быстро исчезая под толщей снега. Закончилась эта возня только через

час, когда из леса вернулись ушедшие
головорезы, и косматые копатели
повылезали из-под снега наружу. К
тому моменту, когда дикари всё-таки
развели костры и начали ставить
палатки из шкур, Майк изрядно
продрог и устал слушать бурчание в
голодном желудке. Дождавшись
наконец-то горячей пищи, он в
считанные минуты закидал в себя
дикарскую кашу, от голода
показавшуюся ему очень даже
вкусной, и полез в предназначенную
для себя палатку. Кажется, она
собрана из медвежьих шкур, что-то
на эту тему говорил жлоб-
напарничек. Неважно, главное, что
до какой-то степени тепло она

держала и внутри неё можно было всю ночь спать без включенной системы обогрева. Если сани, на которых им предстоит пересечь мировой ледник, оборудованы такими же шкурами, то пока не начнется ураган, жить ещё как-то можно. Но вот под ветром... Оставалось надеяться, что дикарь понимает, что их ждёт.

— Мистер Свитогоа, — Майк задал тревожащий его вопрос, как только увешанный свастиками косматый головорез влез в палатку. — Вам доводилось бывать на поверхности мирового ледника? Вы уверены, что ваши сани выдержат ураганные ветра? Они дуют с

огромной силой!

— Не впервой, — громила принялся снимать с себя свой боевой металлолом. — Сильный ураган в укромных местах пережить надобно, его ничто не выдержит, он ледяные скалы швыряет, как еловую шишку. От него загодя хорониться будем. А сани добротные, под ветром пойдут резво. Если ветер попутный, то за сутки и тысячу верст пройти можно.

— Но почему тогда мы двигаемся здесь? — не понял Майк. — Мы могли бы подняться на поверхность ледника в районе вашего поселения и использовать это время с большей пользой!

— Стены ледника обрывистые и уходят вертикально вверх на две версты. — Головорез снял со спины неизменный сверток из шкур и уложил его у стены палатки. — Единственное место, где можно подняться наверх с тяжёлым грузом, расположено на другом конце нашего разлома. Туда и путь держим. Ежели всё хорошо будет, завтра к вечеру до ледяной стены доберемся. Спи, человеке, вставать спозаранку придется, далее дорога нам предстоит беспокойная.

Дикарь задул масляную лампу, и убогая палатка мгновенно погрузилась в крошечный мрак.

Проснулся Майк от истошных воплей, доносящихся откуда-то с улицы. На лагерь напали!!! Он подскочил на подстилке из шкур и беспомощно замахал руками, пытаясь найти выход в абсолютной темноте. Головореза-напарника в палатке не оказалось, его примитивного оружия тоже. Неужели троглодиты бросили Майка на произвол судьбы?!! Пока он на ощупь искал дверной полог, крики прекратились, сменившись негромкими голосами русских дикарей. Поняв, что опасность, по всей видимости, миновала, Майк

взял себя в руки, и это принесло результат. Полог нашелся, и он осторожно выглянул наружу. На улице стояла ночь, затянутого густыми тучами неба не было видно, и полнейшую темноту таёжной глуши слабо рассеивал свет факелов в руках дикарей. Несколько головорезов стояли возле выкопанной накануне ямы и освещали местность, ещё четверо извлекали из-под снежной толщи какие-то крупные предметы. Приглядевшись, Майк узнал в них человеческие силуэты. Он отыскал взглядом в толпе жлобов Святогора. Напарничек стоял рядом с ямой с копьем в руке, и извлеченных оттуда

людей бросали к его ногам, неподалеку в кучу сбрасывали их оружие.

Убедившись, что опасности нет, Майк вылез из палатки и направился к месту событий. Ночной мороз немедленно впился в нос и щеки, вынуждая его натянуть на лицо повязку, и разгоряченное сном тело пробил озноб. Он недовольно скривился, но решил не включать систему обогрева: заряд батарей нужно экономить, неизвестно, насколько его хватит. Но если подогрев откажет посреди урагана, его гибель будет на совести этих русских троглодитов! Это они вышвырнули его в самое сердце

безжалостного Холода! Майк подошел ближе и остановился, шокированный представшим перед ним зрелищем. Накануне ровная, снежная поверхность в районе ямы представляла собой крупный провал, заполненный размолотыми снежными глыбами, густо заляпанными заледеневшими брызгами крови. В центре этого кроваво-снежного месива полулежал-полусидел медведь дикарей и — о, мой бог! — тихо рыча, пожирал человеческий труп, с хрустом отрывая от него куски плоти. Рядом с кровожадным хищником, не обращая внимания на акт людоедства, находились двое

дикарей. Они вытаскивали из снежного плена каких-то людей и передавали их своим соплеменникам, стоящим у края обвала. Судя по маленькому росту, крупным головам с плоскими лицами и раскосым глазам, это были представители того вида сибирских аборигенов, которые напали на Майка сразу после катастрофы челнока. К горлу Майка подступил комок, и он поспешно отвернулся от столь ужасающе бесчеловечного зрелища.

— Мистер Свитогоа! — он обернулся к головорезу. — Что происходит?!

— Рыбоеды прокрались в стан

под покровом ночи, — невозмутимо ответил дикарь, разглядывая пленных, в ужасе сжавшихся у его ног. — Хотели зарезать дозорного и украсть наши упряжки. Но попали в ловушку, там их Топтыгин и дожидался. Дружки супостатов своих в западне бросили да наутёк пустились, их сейчас Белазар с штурмовоями прочь гонит, а этих вот Топтыгин придержал.

— Ваш чудовищный мутант пожирает человека! — Майк ткнул пальцем в окровавленную яму, стараясь не смотреть на происходящее в ней чудовищное действо. — Это ужасно! Кошунственно! Вы должны

прекратить это немедленно!

— Рыбоед ударил Топтыгина копьем, — безразлично произнес головорез, — но не смог одержать верх. Это честная схватка, ворога никто на нашу землю не звал. Лишить боевого медведя законной добычи суть оскорбление его и его хозяина. Мы позаботимся о том, чтобы огрызок, что останется от вражьего трупа, нашли его соплеменники. Пусть воочию узрят результат своих деяний, дабы другим неповадно было.

От такого изуверского первобытного объяснения Майка покорило, и он в который раз отметил, что существование дикарей

представляет собой угрозу национальной безопасности Новой Америки, и потому их надо держать под контролем хотя бы до того момента, пока не будет восстановлен Полярный Круг. Пожалуй, это даже хорошо, что с ним не отправили сотню таких маньяков. С другой стороны, жестокость и кровожадность дикарей пойдут на пользу, когда Майк вместе с замдиректора Коэном загонят их в Реактор. Там полно такого же кровожадного зверья, только четвероногого! Ход его мыслей прервало появление хозяина медведя. Тот вынырнул из темноты, словно из ниоткуда, совершенно бесшумно,

зыркнул на Майка злобным взглядом и подошел к жлобу-напарнику.

– Святогор, что у тебя? – коротко спросил он. – Раненые есть? Что с санями и лосями?

– Схватки не случилось, – ответил головорез. – Ворогов, что попали в западню, Топтыгин пленил. Того, что сдаваться не стал, – заломал. Других супостатов в стане нет. Но один из лосей пропал, видать, чужаков испугался и в тайгу убежал. – Он посмотрел на собеседника: – Изгнали татей?

– Троих зарубили в сече, ещё одного стрелой достали, – сообщил владелец медведя. – Остальные бежали. Не думали они, что мы их

ждать будем, потому и полезли. Это малая сила была, где-то поблизости большой отряд рыбоедов, не иначе, раз они за порубежные столбы зашли без опаски. Надобно гонца отправить в скуп к побратимам, предупредить об опасности. Весняна, Радомира клинком оцарапали, рыбьим ядом смазанным. Рука опухает. Подсобишь?

– Уже иду, – отозвалась молодая дикарка, и Майк невольно вздрогнул. Она стояла рядом со Святогором, в полушаге, но ещё секунду назад её там не было, он готов поклясться на Библии! Он всё это время находился точно напротив головореза, он не мог её не заметить, как она так

незаметно пришла, если находится прямо перед ним?!! Прежние подозрения вспыхнули в нём с новой силой. Русские троглодиты скрывают от него что-то важное. Однозначно, скрывают. Им доверять нельзя!

Дикарка развернулась и направилась навстречу выходящим на поляну головорезам, и Майк заметил у неё на поясе внушительных размеров кинжал. Неудивительно. Она ничем не отличается от своих соплеменников, недаром даже её сексапильная внешность сопряжена с безобразно высоким ростом и уродливой косой. Что это вообще за пещерная дикость – таскать на голове канат?! Истинно утонченные и

цивилизованные девушки носят каре, длинные волосы – это сексистский атавизм! Однако за действиями дикарей стоит пронаблюдать повнимательней. Он отошел в сторону, сославшись на нежелание мешать, и выбрал подходящее для наблюдения место. Майк убедился, что контролирует всю поляну, и сосредоточил внимание на сексапильной девице. Уже ясно, что она, будучи дочерью вожака, имеет доступ к неким технологичным приборам, там, в стойбище, он чуть не застал её врасплох. Теперь необходимо вести себя осторожнее. Жаль, что не удалось спровоцировать дикарку на совместный поход в

Новую Америку. Это бы сильно всё упростило. Кто же знал, что она окажется настолько подконтрольной какому-то тупоголовому головорезу!

Тем временем девице привели раненого, и она уселась напротив него в пустую повозку. Рука у жлоба действительно распухла, из относительно небольшого пореза не прекращалось кровотечение. Молодая дикарка протянула к ране ладони и замерла в таком положении, не дотрагиваясь до пореза. Она принялась что-то тихо нашёптывать, и Майк аккуратно приблизился, чтобы не упустить самого важного — момента запуска медицинского устройства.

«...булат, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань...» — отпечаталось в сознании, и Майк едва не сплюнул от досады. Кровотечение у раненого останавливалось, он всё-таки проглядел активацию тайного прибора!

Дикарка, не переставая шептать, устало вздохнула, и смысл её шепота перестал доходить до Майка. Заметить его она не могла, он стоял в тени со стороны её спины, значит, её напрягло что-то другое. Он осмотрел глазами поляну. А, ну да, пленных поднимают на ноги и загоняют в одну из палаток. Они бросают на ведьму полные суеверного страха

взгляды. Их-то её колдовская показуха впечатляет по полной, можно не сомневаться. Где же она прячет приборы? Майк в который раз осматривал сексапильную фигуру девицы. Человеко-мутантка сидит посреди мороза в почти минус шестьдесят градусов, одетая в тонкий сарафан, через который при ярком солнце на просвет можно разглядеть очертания бедер, и короткую песцовую шубку, которую днем даже не застегивает. Любой предмет под такой одеждой будет замечен... Стоп! Шубка! Она застегнута! Дикарка такой же морозоустойчивый мутант, как остальные, так? Так! Значит, можно предположить, что

застегивается она не потому, что ночью холоднее, чем днем, почти на десять градусов. Она застегивается, чтобы скрыть приборы. Точно! Они спрятаны у неё под шубкой, скорее всего, во внутренних карманах. Получается, что размеры устройств невелики, раз Майку до сих пор не удастся их заметить. Очень может быть, что сама шубка вообще предназначена для их маскировки от окружающих соплеменников, а вовсе не для защиты от низких температур. А наивные дикари считают, что перед ними жутко волшебная ведьма!

Майк невольно улыбнулся, довольный силой логики. С тем, где дикарка хранит приборы, понятно.

Осталось заметить, как она их активирует. Должно быть что-то, какое-нибудь движение: засовывание руки за пазуху или своеобразное касание поверхности шубки в одном и том же месте. Наверняка она маскирует это под действия, ни у кого не вызывающие подозрений, вроде застегивания пуговиц или тому подобное, Майку нужно быть более внимательным. Но сегодня вряд ли удастся это увидеть. Кровотечение остановилось, опухоль заметно уменьшилась, и дикарка принялась накладывать раненому повязку. Закончив с этим, она что-то сказала излеченному головорезу, тот отвесил ей поклон, видимо благодарил, и

ушел к остальным увешанным оружием жлобам. Молодая дикарка осмотрелась и мелодично, нараспев, произнесла:

– Тимофей Котофеич, кисонька, поди ко мне, подсоби-ка мне, постереги меня!

В полумраке факельных отсветов в кроне одной из близстоящих сосен шевельнулась какая-то тень, и Майк увидел ручную тварь девицы, мягко перепрыгивающую с одного дерева на другое. Рысь переместилась к краю поляны и сбежала по вертикальному стволу наземь. Хищная кошка повела ушами, прислушиваясь к окружающей

обстановке, и неторопливо пошла к хозяйке. Сексапильная дикарка погладила сверкающую в полумраке желтыми зрачками тварь и направилась к лесу. Рысь последовала следом. Девушка остановилась недалеко от выпирающей из-под многометрового снега кроны заледенелого дерева, торчащего над поверхностью едва на полтора ярда, и злобная тварь, скользя меж заледенелых ветвей, затаилась во мраке. Дикарка некоторое время всматривалась во тьму, разворачиваясь то в одну, то в другую сторону, после чего подняла на уровень губ руку ладошкой вверх, будто поддерживала ею воздух, и

принялась нашептывать что-то себе на ладонь.

«Сивушка-лосюшка,   милая зверушка, на мой зов отзовись да домой воротись...» — сознание Майка восприняло очередную чушь дремучих дикарей, и он лишь тяжело вздохнул. Как всё-таки трудно цивилизованному человеку находиться среди троглодитов. Шепот девицы стал неразборчивым, она ещё немного пошептала, потом словно прицелилась в ночную темноту и осторожно подула на ладонь, будто сдувая с неё пыль во мрак. Дикарка опустила руку и осталась на месте, разглядывая полнейшую темень. Некоторое время

ничего не происходило, и Майк собрался было бросить наблюдать за глупым паясничаньем, как вдруг в темноте лесной кромки что-то зашевелилось и на поляну выглянула двухметровая мохнатая тварь с раскидистыми рогами, одна из тех, что русские неандертальцы запрягали в сани. Копытное осторожно осмотрело поляну, взволнованно втягивая ноздрями воздух, и нерешительно подошло к девице. Та что-то ласково сказала животному и погладила его по морде. Она извлекла из висящей на поясе небольшой сумки маленький мешочек, насыпала из него на ладонь немного белого порошка и протянула

зверю. Тварь с удовольствием
слизала порошок, перестала
волноваться и потопала к повозкам.

Майк лишь покачал головой.
Дикари держат своих ручных
мутантов на наркоте. Вот почему те
так беспрекословно им подчиняются.
Он так и знал. Кстати, это мысль.
Когда Реактор будет запущен, надо
проверить, не получится ли посадить
на наркотики каких-нибудь мутантов
Австралии, желательно покрупнее,
чтобы охраняли Завесу снаружи.
Пусть дикари этим и займутся.
Интересно, где русские троглодиты
берут кокаин? Наверное,
выращивают в своих огородах. С
этим придется разбираться позже,

сами они не признаются, опять начнут юлить и лепетать, что это соль. Конечно, соль, что же ещё. В Новой Америке до катастрофы за такую «соль» можно было и сесть.

— Ступай спать, человеке, — Майк едва не вскрикнул от неожиданности. Безмозглый остолоп-напарник опять подкрался к нему исподтишка. Он что, таким способом над ним глумится? — Три часа до рассвета осталось, а силушка завтра понадобится, в недобрые земли вступаем.

На поляне начали гаснуть факелы, дикари удвоили количество часовых и стали расходиться по палаткам. Майк последовал совету

головореза, но выспаться за оставшееся время так и не смог. Ему постоянно снились густые завалы из кровавого снега, из которых он не может выбраться. И каждый раз из их толщи с жутким рычанием выпрыгивал медведь и с хрустом выгрызал из тела Майка кусок плоти. На краю ямы, в которой всё это происходило, стояла молодая дикарка и злорадно смеялась, с наслаждением наблюдая, как кровожадная тварь пожирает его по частям. Майк дважды просыпался в холодном поту, после чего заснуть больше не смог и оставшийся час пролежал, глядя в чернильный мрак палатки.

С первыми лучами солнца дикари свернули лагерь и отряд двинулся в путь. Спустя час езды тайга неожиданно закончилась и бесконечное нагромождение обледенелых деревьев сменилось столь же заснеженной пустошью. Вдали над горизонтом возвышалась серая громада мирового ледника, протянувшись от края до края, насколько хватало взора. Оказавшись на открытом месте, головорезы изменили порядок движения. На повозках остались по два человека и Майк с дикаркой, остальные встали на лыжи, окружили сани с двух сторон и достали из-за спин щиты. То же самое сделали и сидящие в

упряжках жлобы. Один из них бережно смахнул с изображенной на щите свастики иней и придвинулся к Майку, явно собираясь в случае чего закрывать щитом и себя, и его. Майку стало не по себе. Он огляделся в поисках потенциальной угрозы и понял, что нападение может произойти в любой момент. Окружающая местность не была ровной, как ведущая к Могильнику пустошь. Здесь было полно снежных бугров, холмов и хаотических ледяных нагромождений. Кровожадные плосколицые коротышки, пытавшиеся его убить возле обломков челнока, могут прятаться повсюду.

— Что это за место, мисс? — спросил он у дикарки, пытаясь отвлечься от подступающего страха при помощи разговора. — Почему здесь такой неровный рельеф, ведь деревьев нет, ничто не удерживает снег!

— Говори тише, гость! — совсем негромко ответила та. — Звук на морозном воздухе разносится далеко, вороги могут слышать. Это место когда-то было озером, но горячих ключей в нем нет, и потому оно промерзло до самого дна. Это происходило не сразу, и нижние слои воды, замерзая и расширяясь, выламывали верхние, те, что уже замерзли. Получились ледяные

торосы, местами очень высокие и широкие, их потом занесло снегом. Будь начеку, супостаты любят делать тут засады.

Майк немедленно вспомнил о пленных, захваченных ночью. Одного из них сожрал медведь, и русские троглодиты собирались выдать его тело соплеменникам в качестве акции устрашения! Злобные коротышки могут пожелать возмездия и атаковать их отряд! Майк почувствовал себя в огромной опасности и непроизвольно пододвинулся к дикарю со щитом. Если полетят стрелы, нужно иметь возможность закрыть хотя бы жизненно важные органы. Если

ранят в конечность, то дикари излечат, как в прошлый раз, никуда не денутся. Если только их всех не уничтожат!

— Мисс, а что стало с пленными, которых ваши люди захватили ночью? — шепотом спросил он.

— Ничего, — пожала плечиками дикарка. — Поутру их развязали да отпустили. Пешими, без лыж и оленей, они будут возвращаться восвояси долго. Покуда доберутся до своих да про нас поведают...

В голове колонны бегущий рядом с медведем Белазар издал короткий шипящий звук, и девица мгновенно умолкла, выхватывая из-под ног щит. В этот же миг

увешанные оружием дикари рывком вскинули щиты. Сквозь толстый капюшон арктического снаряжения свист падающих стрел был едва различим, и Майк понял, что происходит, только тогда, когда сидящий рядом головорез подмял его под себя, закрывая щитом обоих. Что-то несколько раз глухо ударило в щит, затем застучало рядом, словно повозка попала под град, и Майк с ужасом увидел в десятке сантиметров от своего лица вонзившуюся в деревянный пол стрелу, такую же, как та, что пробила ему руку несколько дней назад. Не меньше десятка стрел вонзились в повозку на его глазах в считанные

секунды, он в ужасе съёжился, сжимаясь в позу эмбриона, и замер, ожидая жуткой боли. Где-то впереди раздался трубный рёв разъяренного медведя, хруст снега под мчащимся напролом живым тараном и резкий возглас Белазара, отдающего команду. Спрятавшиеся под щитами двухметровые головорезы оцетинились копьями и бросились в атаку.

— У-РА!!! — мощно грянул боевой клич, и Майк подпрыгнул от неожиданности.

«Мы рядом с Солнцем!» — отпечатался в сознании перевод, и он судорожно заозирался, пытаясь понять, что происходит. Стрелы с

неба уже не падали, закрывший его собой дикарь поднялся и сидел рядом в защитной позе со щитом наготове. Майк поднял голову и посмотрел поверх утыканного стрелами борта саней. Дюжина двухметровых варваров гналась за полусотней коротышек, проворно разбегающихся в разные стороны в попытке затеряться в нагромождении ледяных скал и снежных холмов. Сексапильной дикарки рядом не оказалось, она со щитом в руке вместе с другими возницами осматривала тягловых животных. Одно из них было ранено, и девушка что-то нашептывала над лежащим на снегу зверем. Его увенчанная

огромными рогами голова покоилась на коленях возницы, он ласково гладил тварь по морде, и та смотрела на него наполненными болью глазами. В паре шагов от дикарки на снегу сидела её рысь и нервными рывковыми движениями шевелила коротким хвостом из стороны в сторону, скользя взглядом по разбегающимся врагам, словно кот, издалека наблюдающий за мышами.

Дьявол! Он опять пропустил момент включения медицинского прибора! Майк заметил, что кровь из раны зверюги уже не течет. Да и плевать, главное, что его самого не ранили. А дикарка пусть хоть исшепчется, он сделает вид, что

принимает её шоу за чистую монету. Позже они с Коэном всё равно получают это устройство, а пока пусть она лечит эту рогатую тварь, чтобы повозка двигалась без потери скорости. Майк осторожно поднялся и сел, на всякий случай на пол саней, так безопасней. Можно сказать, что отделался легким испугом. Кучка трусливых коротышек бросилась бежать при первом же вопле головорезов — вот и всё нападение. Могло быть хуже. Например, бесконечный поток мутантов из-под снега, который не удержать даже огнем арктических винтовок...

Русские вернулись через полчаса, и Святогор сразу же велел

отряду продолжить путь. Раненого рогатого монстра всё-таки отвязали от упряжки, и оставшиеся тягловые мутанты потащили её вдвоем, из-за чего скорость снизилась. Получивший ранение зверь уже стоял на ногах, или что там у него, на копытах, достаточно уверенно и семенил за санями налегке. Последним из скопища ледяных торосов появился Белазар верхом на своем изуверском мутанте, и Майк предпочел не смотреть на густо вымазанную в крови морду бешеной твари, увлеченно жующей что-то, вряд ли не являющееся куском человеческой плоти. Стоит уточнить, всегда ли здешние бои происходят

именно так. Если да, то у нас проблема! Мутанты из Могильника, захватившие Реактор, сметут русских в две секунды. Или его дикарь-напарник планирует подобраться к точке аварийного управления скрытно?

— Мистер Свитогоа! — окликнул жлоба Майк, как только представилась возможность. — Поздравляю, вы быстро расправились с нападающими, а ведь их было гораздо больше! Хорошая работа, очень впечатляет! Вы, наверное, всегда побеждаете в бою с такой легкостью?

— Где ты узрел бой, человеке? — покачал головой жлоб. — Рыбоеды

дерутся отчаянно, если им некуда бежать. А тут они пустили стрелы на авось да разбежались кто куда. Попрятались по ледяным гротам, знают, что не будем мы их оттуда выковыривать или осаду затевать. Вот если бы мы стрелы проворонили да на щиты не приняли, побило бы нас тогда тяжко — рыбоеды наконечники ядом смазывают. Вот тогда они бросились бы в сечу. К тому ж Топтыгину шкуру ни одна стрела не пробила, но осерчал он шибко, какая уж тут битва! Еле ноги унесли, и то не все. Но теперь спокойной дороги не жди. Рыбоеды как повылазят из своих щелей, так гонцов вперед нас отправят, упредить

и своих, и каннибалов заодно. Олени у них маленькие, да удаленькие. С такой тяжелой упряжкой нам их не обогнать, когда вместо тройки два лося сани тянут. Лось – животное сильная, но совсем уж долго бежать с большой скоростью не может, тяжело ему.

Головорез что-то спросил у сексапильной дикарки, указывая на раненую тварь, она ответила, он кивнул и убежал в голову колонны. Майк решил, что не помешает предпринять ещё одну попытку.

– Мисс Вес-ни-ана, – он постарался выглядеть максимально искренне. – Что с этим животным?

– Стрелой ранило, ты же

видел, — дикарка вновь уставилась на него взглядом не вполне нормального в психическом плане человека. — Слаб он покуда, не может сани тащить.

— Вы сможете вылечить его полностью? — Майк выразил озабоченность. — Или наш переход к границе мирового ледника затянется? Я вижу, что наша скорость снизилась.

— За четыре дня исцелю полностью, но до тех пор в упряжку ему нельзя, — ответила девица. — Не робей, гость, это не самая страшная беда, что может приключиться в дороге. Мы на чужой земле, и нам предстоит миновать места по-

настоящему гиблые.

Майк рефлекторно сглотнул. Вся ваша Сибирь – это одно большое гиблое место. Хуже только Могильник и теперь ещё Реактор. Она пытается меня запугать, чтобы избежать вопросов.

– Как вам удастся так быстро лечить своих соплеменников и это животное? – не отставал он.

– С помощью Предков, кои суть Боги наши, – затянула старую волюнку дикарка, и её взгляд из странного стал безразличным. – Таков удел мой, по Образам Крови. Тебе сие уже ведомо.

Она отвернулась, и Майк поспешил сменить тему. Про

приборы она добровольно не расскажет, это ясно. Тут необходим более тонкий подход, нужно усыпить её бдительность.

— Скажите, что за странный боевой клич используют ваши солдаты? — об этом она будет говорить, не ожидая подвоха, значит, от разговора не уйдет. — Мне удалось понять что-то насчет Солнца...

— Вои кричат «У-Ра», — дикарка не занялась игнором, как вчера, значит, он на верном пути. — Это древний победный клич, завещанный нам Предками. — Она вновь посмотрела на него. — «У» означает «возле», «рядом». «Ра» — это не только Солнце, дарующее тепло

всему сущему, но и Первичный Огонь Творения, бесконечная^[1] энергия жизни, её исток. Расич, умирая, возвращается к истоку жизни. Поэтому воев не страшит гибель в сече, ежели битва идет ради будущего Родины, ибо погибнуть за Родину суть великая честь. Они кричат «У-Ра!» – «Мы рядом с Солнцем», «Мы у истока жизни» – иными словами: «Мы уже победили!» – Потому как если падут в битве, то вернутся к истоку вечной жизни, сотворяющему всё сущее. Сущность Расича бессмертна, убить можно только его тело. Клич «У-Ра» означает, что нас невозможно победить. Убить – быть может. Победить – нет.

— Разве эта стычка являлась сражением за Родину? — Майк позволил себе легкую иронию, всё-таки не каждый день доводится слышать такую чушь. Цивилизованному и интеллектуальному человеку такое в голову бы не пришло даже под серьёзной дозой. — Вы ведь сами сказали, мисс, что мы пересекли границу и находимся вне ваших территорий!

— Я не знаю, что означает слово «Родина» в вашем современном языке, — усмехнулась девица. — Но явно не то, что оно означает в нашем дикарском. Потому как на языке, завещанном нам Пращурами,

«Родина» означает Род, в котором ты РОДИЛ-СЯ, то есть «РОДИЛ Себя», ибо сущность Расича пред рождением сама выбирает родителей. Но Родина — это не один лишь Род. Как домина суть очень большой дом, так и Родина суть исполинский Род, сиречь то, что объединяет в одно целое и свой Род, и свою Расу, слагающуюся из своего Рода и Родов-побратимов, Землю-Матушку, на которой все они живут, прошлое наших Дедов и будущее наших Детей. А ты, наверное, считаешь, что Родина — это лишь территория внутри государственных границ? Стало быть, у нас с тобой разный смысл слова «Родина», гость.

И сейчас мы сражаемся ради будущего земли нашей и деток наших, дабы вернуть тепло Земле-Матушке. Ты ведь за этим к нам пришел, гость? Не так ли?

Она испытующе посмотрела на него, её взгляд принял знакомое идиотско-сомнамбулическое состояние, и в уголках губ на краткий миг мелькнула едва заметная усмешка.

— Потому и ведем тебя к Великому Льду через поганные земли, — закончила она. — Иначе никто из Расичей за порубежные столбы выходить бы не стал. Нам чужой земли не надобно. Но и своей чужакам не отдадим ни пяди. Ни

злым, ни добрым, ни за красивые слова, ни за богатые дары. Ибо нет хуже преступления, как Родиною своею торговать или частями её раздавать!

— Вы настоящий патриот, мисс Вес-ни-ана! — восхитился Майк. Ну надо же, какая восхитительная смесь шовинизма и глупейших понятий примитивной первобытности! Пожалуй, он зря переживает о том, что эти дикари увешаны свастиками с головы до ног. Это чудовищное клеймо фашизма им очень подходит! Ничего, демократия научит вас и толерантности, и торговле недвижимостью. А он, Майк, вместе с замдиректора Коэном, научит вас

демократии. Главное, только добраться живым до Новой Америки, главное, выжить. Одно только непонятно: раз дикари настолько загорелись идеей получить в своём проклятом господом заледеенелом разломе тёплый климат Новой Америки, то должны беречь Майка как зеницу ока! Почему же они послали с ним через половину мирового ледника всего лишь одного головореza?!

— Вы обязательно должны пойти с нами! — горячо продолжил он. — Ваш пример вдохновит любого, даже самого слабохарактерного гражданина! А ваши умения могут спасти жизни сотням несчастных

детей, заживо замерзающих в погребенных под снегом развалинах городов, сметенных ужасающими торнадо! Они страдают от тяжелых болезней! Неужели вы бросите детей умирать?! – Майк вонзил в неё пылающий жаждой справедливости взгляд. Посмотрим, что ты скажешь на это!

– Мне не велено идти с вами, гость, – его пламенная тирада никак не впечатлила девицу. – Святогор запретил, – она печально вздохнула, и Майк невольно скосил глаза на вырез в её расстегнутой шубке из белого песка. Высокая упругая грудь девицы, скрытая от посторонних глаз лишь тонкой тканью сарафана,

крайне сексуально поднималась в такт дыханию. — Я так не хочу отпускать его одного в столь далекие и враждебные земли... — Она вздохнула ещё раз. — Но указ есть указ, я не могу ослушаться суженого.

Майк понял, что не заметил, когда именно девица расстегнула шубку, возможно, сразу после нападения, пока он укрывался в санях, просто белый мех сливается с белой тканью её сарафана, и Майк не увидел этого вовремя. Надо воспользоваться случаем и по возможности заглянуть за отвороты шубки, увидеть внутренние карманы. Медицинские приборы там, это несомненно. Их должно быть

заметно, и Майк сможет по внешнему виду хотя бы ориентировочно определить уровень их технологичности. Если, конечно, за двести лет дикари не затерли и замызгали корпуса устройств до неузнаваемости. Он сделал вид, что крайне увлечен беседой, и развернулся к девице, принимая более удобное положение. Но разглядеть внутренние карманы шубки никак не удавалось, сани шли ровно, полы одежд не колыхались, а его взгляд постоянно сбивался с поиска карманов на слегка выпирающие через ткань сарафана соски.

— Но как же дети? — торопливо

произнес Майк, возвращаясь к теме разговора. — Они же нуждаются в медицинской помощи! — Упругая грудь и соблазнительная фигура дикарки выбивали его из равновесия. Эта троглодитка настоящая самка, от неё так и пышет сексом! И она всерьёз считает, что он поверит в её сказочки про два прошедших года целомудренного ожидания свадьбы и ещё два предстоящих? Он поймал себя на мысли, что уже не ищет внутренних карманов дикарки. Её пухлые коралловые губы и упругая грудь под тонким сарафаном заполнили его сознание. Майк с трудом оторвал взгляд от соблазнительных форм девицы и

заявил: — Кто-то должен помочь детям!

— У твоего народа есть свои целители, что же они бездействуют? — дикарка смотрела прямо ему в глаза, и на её сексуальных губах блуждала странная улыбка. — Чего ж не исцеляют-то?

— Почти все они погибли в чудовищной катастрофе! — Майк пытался вспомнить, зачем он начал разглядывать вырез её шубки. Вроде была какая-то цель, но вспомнить её не удавалось, мысли немедленно возвращались к угадывающимся под сарафаном соскам. — Выжили единицы, этого недостаточно для оказания необходимой медицинской

помощи миллионам нуждающихся!

— У вас уцелели миллионы, а целителей среди них единицы? — удивилась девица. — Отчего же в твоём народе так мало людей, разбирающихся в лекарском деле? У нас любая мать знает, как исцелить чаду простуду. К целителям обращаются с тяжкими недугами да ранами.

— Мы заняты более важными профессиями! — возразил Майк. Не скажешь же дикарке, что докторов до катастрофы было полно, но хоть лечить бы умели! Большинство из них профессионально только деньги умели брать. С одной и той же болячкой к ним годами ходить

приходится, никаких зарплат и страховок не хватает. Но знать такое варварам совершенно не обязательно. — У нас высокоразвитое цивилизованное общество, оно требует множества первоочередных специальностей!

— Вот как? — заинтересованно переспросила девица. — Что же это за ремесла такие важные, гость?

— Да всё, что требуется для продвинутой жизни! — усмехнулся Майк. Сейчас он просветит троглодитку! — Трейдеры, брокеры, юристы, маркетологи, менеджеры, страховые агенты, журналисты, сетевые хэдлинеры, блогеры, бизнесмены и множество других! —

Он бросил на неё насмешливый взгляд. Интересно, она хоть одно слово поняла?

— Что ж, — дикарка невозмутимо пожала плечиками, и взгляд Майка вновь упал на её вздымающуюся грудь. — Раз все эти ремесла столь важны, что требуются вашему народу более целителей, так пусть они и спасают вас и чад ваших от хворей тяжких и прочих напастей лихих, вроде буранов, голода и зверей лютых. Я уверена, что они справятся и без моей помощи. Да и нельзя мне исцелять тяжкие хвори, молода я ещё для них. Только раны бранные да недуги малые.

— Почему нельзя? — не поверил

Майк. Ещё одно дикарское табу? –
Тоже Свитогоа запретил?

– Закон продолжения Рода
запретил! – иронично фыркнула
дикарка. – Я же суть девица ещё! В
любом мире не состою, деток у меня
нет. А целитель хвори да недуги
частичкой своей жизни изгоняет.
Нельзя за тяжкие болезни жене
браться, покуда она всех своих деток
не родит. Опасно это, ибо можно
хворь лютую с больного на себя
перетянуть. Хороший целитель себя
очистит, токмо следы недуга того в
Образах Крови могут остаться и
деткам передаться. Вот потому и
нельзя. Посему и хожу я у матушки в
помощницах, покуда чад своих не

рожу. Так что обратиться к своим менеджерам, трейдерам и сетевым хэдлинерам, они тебе подсобят, спасут сирый люд от напастей лютых.

Девушка грациозно прогнула спину, по-кошачьи потянулась и застегнула шубку. Майк хотел было возразить ей, но внезапно понял, что не помнит, с какой целью начинал этот разговор. Мысль вертелась в голове, но постоянно ускользала от осознания. Он решил поговорить о чем-нибудь ещё, вдруг удастся выяснить что-то полезное, но сексапильная дикарка коротким жестом указала ему на окружающее заснеженное пространство.

— Смотри в оба, гость! —
зловещим голосом прошептала она. —
Вороги повсюду, а наша скорость
снизилась! Вдруг заметишь кого
прежде наших стражей — сразу
тревогу бей, пока жив! Не то погубят
тебя супостаты, кто ж тогда будет
спасать ваших брокеров и
маркетологов?

Дикарка отвернулась, и Майк
замер, пораженный внезапной
догадкой. А что, если дикари не
собираются защищать его в пути?!
Как он раньше этого не понял! Он
ведь понятия не имеет, как добраться
до Новой Америки, ему даже
неизвестно, в какую сторону идти.
Но русские варвары ни разу не

просили у него никаких координат! Они знают маршрут! Не исключено, что они уже бывали у границ Новой Америки, но поняли, что преодолеть исполинские торнадо Полярного Круга невозможно, и вернулись! И теперь планируют напасть на американцев, воспользовавшись климатической катастрофой! Всё ясно, эта экспедиция — их разведка! Русские перед нападением решили выяснить обстановку, сложившуюся в Новой Америке, а он, Майк, нужен им для прикрытия! Эти дикари не только глупы и самонадеянны, но ещё коварны и кровожадны. Только неадекватные и неуравновешенные маньяки могут позволить медведям

пожирать человеческие трупы! Но если они считают, что смогут захватить обессиленных и страдающих от голода и Холода американцев, то сильно ошибаются. У них ещё будет возможность сравнить на собственной шкуре преимущества автоматического оружия над стрелами, копьями и деревянными щитами. Потом настанет очередь Майка издеваться и над спесивой дикаркой, и над её косматыми жлобами-троглодитами!

Заснеженная бесконечность, загроможденная торосами и ледяными холмами, сменилась поросшей густым кустарником местностью, и дорога пошла в гору.

Приглядевшись, Майк понял, что принял за кусты верхушки деревьев, торчащие из многометровой снежной толщи. Видимо, когда-то здесь были сады или молодые лесопосадки, деревья не имели серьезной высоты своих лесных собратьев, и их занесло снегами почти полностью. Однако выступающие из-под снега заледенелые кроны возвышались на пару ярдов и были довольно густы, и в таких зарослях запросто могло спрятаться множество кровожадных дикарей-коротышек. Словно в подтверждение его мыслей сидящий рядом с ним дикарь что-то сказал ему на своем рыкающе-непонятном языке и протянул щит. Майк счел

разумным согласиться, за этой размалеванной свастиками
деревяшкой всё же спокойнее, чем без неё. Он взял щит и, подражая дикарю, надел его на руку. Как они это носят? Тяжело, неудобно и чувствуешь себя полным придурком. И в какую сторону его выставлять? Стрелы могут полететь откуда угодно, тут вокруг сплошь заснеженные заросли! Немного подумав, Майк слез с лавки, уселся прямо на пол саней, прижавшись к одному из бортов, и накрыл себя щитом, как одеялом. Так он защищен больше, и это его устраивает. Вскоре от неподвижного сидения вновь начали мерзнуть пальцы, и пришлось

активировать систему обогрева. Приятное тепло, растекающееся по арктическому снаряжению при температуре минус пятьдесят два градуса по Цельсию, и мерное покачивание саней убаюкали Майка, и он уснул, закрыв щитом глаза от света.

Глава третья

Проснулся он от ощущения прекратившегося движения. В первую секунду Майк решил, что на экспедицию снова совершено нападение, и сжался под щитом, ожидая стука вонзающихся в дерево стрел. Но вокруг было тихо, медведь не ревел, и дикари не орали боевого клича. Майк осторожно выглянул из-под щита и увидел Святогора, стоящего возле саней.

— Проснулся, человеке? —
поинтересовался головорез. —
Вставай да ступай к костру,
трапезничать.

— Вы развели костер? — удивился Майк. — Мы уже достигли ледника? — Он посмотрел поверх плеча аборигена, на уносящуюся ввысь ледяную стену. До неё было ещё довольно далеко.

— До Великого Льда ещё семьдесят верст, — покачал головой косматый громила. — Впереди город, — он указал рукой куда-то вперед. — Обогнуть не выйдет, места дюже непролазные. Ежели обходить, то крюк получится девятидневный. А напрямик через него так просто не пройти. Обождать надобно.

Майк поднялся во весь рост и проследил его жест. Прямо по курсу движения, не далее чем в километре,

раскинулись заснеженные кварталы мертвого мегаполиса. Город был велик, не Нью-Вашингтон, разумеется, но явно не захолустный городишко. Сходство с тем, во что превратилась Новая Америка, бросалось в глаза сразу. Мегаполис был заживо погребен под снегом. Высотные здания утопали в белоснежной поверхности зияющими провалами окон, лишенных остекления ураганами, менее крупные дома выпирали из-под снежного покрова на два-три этажа, от строений поменьше виднелись лишь крыши. То тут, то там из снега торчали уличные фонари, искореженные плафоны

которых находились едва на уровне пояса, по относительно ровным вереницам деревьев, занесенных снегом по самые кроны, угадывались крупные улицы. По их пустынно-белой поверхности слабые порывы ветра гоняли невысокие вьюны позёмки. Из-за ближайшей многоэтажки появилась фигура всадника верхом на низкорослом олене и быстро скрылась в заснеженных каменных дебрях.

— Вы видели это? — Майк торопливо ткнул пальцем в сторону города. — Там кто-то есть!

— Рыбоеды, — кивнул косматый головорез. — Там у них крупное стойбище. Они засаду на нас

сотворили, да поняли, что мы про то прознали и в город нейдём покуда. Вот и следят за нами.

— Они могут напасть на нас! — воскликнул Майк. — Мы должны срочно уходить отсюда!

— В открытую они не нападут, — дикарь был абсолютно спокоен. — Знают, что в отряде нашем только штурмовой и боевой медведь. Побить нас им по силам, народу там дюже много, но в сече мы порубим врагов не меньше сотни, а им такая победа не надобна. Они сейчас обходят нас где-то по правую или по левую руку, как в спину выйдут, так затаятся и тоже ждать станут.

— Чего именно? — спокойствие

двухметрового жлоба настораживало Майка ещё сильнее.

— Пургу! — дикарь сделал короткий жест в небо, на надвигающийся со стороны города облачный фронт. — Через час она аккуратно над нами будет, велика, плутовка, на полдня зарядит, не менее! Как снег с ветром вдарит, так они в бой и пойдут. Видеть-то можно будет едва на пару саженей, вот они вплотную и подойдут. А там всем скопом в сечу бросятся и одолеют нас.

— Надо что-то делать! Нельзя просто сидеть и ждать! — ужаснулся Майк, озираясь. Упряжки остановились на открытом месте и

были для наблюдателя как на ладони. — Нас же видно отовсюду!

— Так и к нам никак не подкрадешься, — довольно усмехнулся головорез. — Пойдем, потрапезничаем, человеке. Не робей, мы тоже не лыком шиты и пурги не зря дожидаемся.

Жлоб отвел Майка к кострам, разожженным между поставленных параллельно друг другу саней, велел молодой дикарке накормить его и ушел к головорезу с медведем, расположившимся у костра на самом краю импровизированного лагеря. От полученных новостей даже горячая пища лезла в горло с трудом, Майк постоянно оглядывался, опасаясь

увидеть на заснеженном горизонте крадущихся в обход отряда кровожадных коротышек, и следил за медленно ползущим облачным фронтом. Оставалось надеяться, что русские варвары не задумали героическую смерть в идиотской резне. Спустя час закрывающие небо тучи накрыли город, и погребенный мегаполис исчез в матовом облаке бушующих снежных потоков. Однако над лагерем небо оставалось чистым, лишь порывы ветра незначительно усилились. Майк почувствовал, что его нервная система взвинчена до предела, и подошел к возящейся с какими-то тюками молодой дикарке. Головорезы не проявляли никаких

признаков беспокойства, и он твердо решил выяснить, в чем состоит их план. Но едва Майк приблизился к роющейся в походных мешках девице, лежащая у её ног рысь вскочила на лапы и угрожающе зашипела, оскалив на него усеянную острыми клыками пасть.

— Тимофей Котофеич, не серчай, — дикарка ласково погладила издающую злобное шипение тварь по вставшей дыбом шерсти на загривке. — Пусти его! Какой-никакой, а всё же гость!

Зверо-мутант перестал шипеть, потерся о бедро человеко-мутанта и улегся на прежнее место.

— Подходи, гость, Котофеич тебя

не тронет, только сделай милость, стой от него по другую сторону. — Молодая девица бросила на Майка вопросительный взгляд: — Чего тебе надобно?

— Мистер Свитогоа час назад сказал, что через час начнется ураган и на нас нападут дикари, но он к этому готов! — Майк пытался скрыть охвативший его страх. — Насколько я вижу, насчет урагана он ошибался. Надеюсь, насчет атаки дикарей тоже. Возможно, вы знаете, мисс, что он собирается предпринять для продолжения нашего похода, кроме бесед с приятелями? Каждый потерянный час может стоить жизни некоторым жителям Новой Америки,

гибнущим от холода и голода!

— Святогор и Белахар сущь витьязи, — спокойно ответила та. — И в делах ратных не ошибаются, ибо витьязь — это высшая ступень варяжьего мастерства. Стать воем названным — нетрудно, стать воем умелым — тяжко, стать витьязем — дано не каждому. Коли Святогор изрёк, стало быть, тако и буди.

— Но час уже прошёл! — возразил Майк. — Что-то не очень похоже на безошибочность!

— В сутках у Расичей шестнадцать часов, каждый из которых состоит из ста сорока четырёх частей, — сексапильная дикарка продолжила складывать в

мешок очищенные котелки. – И ты, гость, будучи цивилизованным, без труда сочтёшь, что в нашем часе повашему девяносто минут. Коли минуло только шестьдесят из них, так обожди ещё тридцать, и будет тебе желаемое. Да, и никто не обещал тебе урагана, грядет обычная летняя пурга. Надеюсь, ты не замерзнешь в своих одеждах?

– Не замерзну, – усмехнулся Майк. – Это высокотехнологичное снаряжение! – Он мысленно скривился. В этих «одеждах» запросто можно пережить минус сто, если система обогрева исправна и элементы питания заряжены, пусть их и не хватит надолго. И он от души

надеется, что этот великий знаток доисторического военного дела выживет на таком морозе в своих шкурах! Тоже мне, указала цивилизованному человеку на арифметику! Копайся дальше в своих закопченных котелках и молись, чтобы твои головорезы, обросшие мышцами вместо мозгов, вывели нас отсюда живыми!

Он улыбнулся напыщенной дикарке, чтобы завершить беседу на позитивной ноте, и добавил:

– Но мне приятно, что вы переживаете о моей безопасности!

Стервозная девица не ответила, лишь безразлично кивнула и принялась завязывать мешок. Майк

вернулся к костру и только сейчас понял, что всё это время система обогрева была активирована. Он расстегнул защитную липучку на рукаве и сверился с датчиком. Тот показывал девяносто процентов заряда. Очень странно. Учитывая интенсивность эксплуатации подогрева, ресурс батарей должен был упасть наполовину, если не больше, ведь с момента подзарядки прошло три дня. Нет, этот старик, провозгласивший себя местным колдуном или, как его там, жрецом, скрывает в своем склепе очень неплохое зарядное устройство. И прибор-переводчик у него тоже имеется.

На всякий случай Майк отключил обогрев. Лучше экономить, мороз сейчас не критичен, главное, не снимать лицевую маску. И стоит надеть очки, хорошо что они уцелели в момент крушения челнока. Если пурга начнется, то это будет правильным решением. Он достал из кармана защитные очки и принялся укреплять их на голове, пристегивая держатели к специальным клапанам на капюшоне. Закончив с этим, Майк увидел, что косматые варвары что-то замышляют. На первый взгляд некоторые из них просто лениво слонялись от костра к костру, но в действительности они незаметно сворачивают лагерь. Пока все

разлеглись у огня, то один, то другой дикарь подбирал свой мешок, как бы между делом укладывал его в сани и возвращался к костру. Через четверть часа таких неторопливых действий в лагере на снегу не осталось никакой поклажи, при этом внешне ситуация не изменилась — увешанные оружием жлобы по-прежнему лежали вокруг костров. Майк лишь хмыкал, разглядывая этот цирк. Вокруг снежная гладь на километр длиной, к чему такая возня, всё равно никто не увидит, можно было встать, быстро свернуть лагерь, и всё.

Вскоре небо над лагерем начало заволакивать тучами и ветер усилился. Дикари погасили костры,

тщательно упаковали в мешки недогоревшие дрова, после чего вытоптали в снегу подобие берлог и улеглись в них, укрывшись шкурами. Хозяин медведя вместе со своей тварью и вовсе целиком зарылся в снег, и даже Майку вытоптали яму со шкурой.

— Ложись и укройся, я окликну тебя! — велел громила-напарник. — Вороги следят за нами, и всё должно выглядеть так, будто мы желаем переждать пургу здесь. Только не усни, человек, лежать придется недолго, а после времени будет мало.

Он улегся в ямку поодаль, и Майк послушно последовал его примеру. Кто там будет за ними

следить с такого расстояния, да ещё когда надвигается буря?! Бред! Но спорить с параноиком глупо, тем более если таковых почти двадцатка и все они увешаны колюще-режущими предметами. Майк накрылся выданной ему шкурой и понял, что, потеряв из вида дикарей, начинает нервничать ещё сильнее. Они же не бросят его здесь? И его не заметет снегом так, что он не сможет выбраться и задохнется под снежной толщей от нехватки кислорода?! Косматый громила сказал, что лежать придется недолго, но если у варваров «недолго» тоже в полтора раза больше, чем у нормальных людей, то...

Ударившая вьюга выбила из его головы мысли, оставив только стремительно возрастающий страх. Вокруг потемнело, завывал ветер, забрасывая Майка волнами снежного крошева, термометр показал падение температуры до минус пятидесяти восьми, видимость пропала практически полностью, из-под потяжелевшей от снега шкуры не было видно ничего, кроме беснующегося снежного потока. В памяти вспыхнуло жуткое воспоминание: зловещий Шёпот, собирающаяся над головой Воронка, жестокий удар стихии, боль, негнущиеся руки, тщетно пытающиеся тянуть по канату

одеревеневшее от запредельного
Холода тело, и снова боль, тупая и
ледяная, в каждой клетке
замерзающего организма, и
непроглядная снежная пелена вокруг,
хаотично бурлящая тоннами
снежинок под свист завывающего
урагана... Внезапно Майк понял, что
если потеряет дикарей из вида, то не
сможет ориентироваться в этом
бесконечном снежном месиве и
заблудится, а это верная смерть. Но
ведь он совсем ничего не слышит,
через толстый капюшон пробивается
лишь завывание ветра... А вдруг
варвары уже звали его, но он не
услышал?!! А вдруг они не найдут его
под снегом и бросят здесь одного,

посреди урагана, на растерзание крадущимся сквозь снежную мглу врагам?!!

Майка охватил страх, и он вырвался из-под заваленной снегом шкуры. Он вскочил, выбираясь из своей ямы, но сильный порыв ветра сбил его с ног, опрокидывая наземь. Майк судорожным движением перевернулся на живот и поднялся на четвереньки, озираясь вокруг. В крошечной белой мгле клубящейся снежной массы не было видно ничего, кроме бесконечного хаоса пурги, и Майк с ужасом осознал, что остался один посреди Холода. Он закричал, моля о помощи, и бросился бежать туда, где несколько минут

назад стояли повозки дикарей. Быстрее! Надо бежать быстрее! Пока снегом не занесло следы, он ещё успеет их догнать, в такой пурге они не могут двигаться быстро, не могут! Он успеет! Майк, не переставая кричать, изо всех сил брёл через бушующую пургу к месту стоянки повозок. Но идти быстро не удавалось, при каждом шаге ноги проваливались в глубокий снег по колено. Чтобы не увязнуть, надо было ступать осторожнее, но Майк не мог заставить себя не бежать, он не видел впереди ни повозок, ни запряженных в них тварей. До начала пурги они находились недалеко, не более чем в полутора десятках ярдов

от него, но Майк преодолел уже вдвое большее расстояние. Ни повозок, ни зверья, ни их следов нигде не было видно, и он почувствовал, как начинают замерзать терзаемые ветром конечности. Стремительно заледеневающие пальцы слушались плохо, защитные очки залепило снегом, и Майк на ощупь активировал систему обогрева. Только не переохлаждение! Если ноги потеряют чувствительность, он не сможет выбраться отсюда! Выбраться?!! Куда выбраться?!! Дикари бросили его, он остался один посреди снежного месива!

— Помогите мне!!! — истошно

заорал Майк, сдирая с поверхности очков снег. – Помогите!!!

Надо добраться до леса! – мелькнула мысль. В лесу урагана не было, наверное, деревья мешают ветру, нужно укрыться там, чтобы снизить теплопотерю. Он снова заозирался, пытаясь понять, в какую сторону идти, но все стороны света выглядели одинаково: бесконечная снежная мгла, бьющая в лицо порывами ветра. Майк лихорадочно вспоминал, откуда он пришел и где должен быть лес. Кажется, справа! Да, точно! Справа! Он закричал снова и побрел туда, помогая утопающим в снегу ногам взмахами рук.

— Ты куда собрался, человек? — Сильная рука схватила Майка за локоть и выдернула из сугроба назад. — Пошто не дождался клича? Садись! — Вынырнувший из снежной мглы Святогор заставил Майка опуститься на снег. — На своих двоих ты далеко не уйдешь! — Он принялся быстрыми движениями надевать ему на ноги снегоступы. — За мной держись и не отставай!

Дикарь побежал назад вдоль следов Майка, быстро исчезающих под снежным ветром. Майк поспешил за ним, тяжело дыша. От пережитого ужаса кровь гулко била в висках, и к завываниям пурги прибавлялось нервное гудение в

ушах. Сейчас главное – не отстать от варвара и вновь не потеряться в снежном водовороте! Бежать в снегоступах было непривычно и неудобно, но зато ноги не проваливались в снег. Дикари и здесь сыграли с ним злую шутку – сами-то они ходят на каких-то своих лыжах, и двигаются на них гораздо быстрее, а ему выдали какую-то дрянь! Ладно, и на том спасибо, главное – не отставать! Он с разбегу натолкнулся на обнаженный бицепс головореза, склонившегося над каким-то плохо заметным углублением в снегу. Эти человекообразные мутанты вообще никогда не мерзнут?! Воронку бы им над стойбищем, это даст ответы на

все вопросы...

— Ты пошто шкуру бросил? — хмуро поинтересовался дикарь, выдергивая из-под снега выданное Майку ранее шерстистое покрывало. — Она не раз ещё пригодится! — Он быстрым движением свернул её в скатку. — За мной ступай!

Жлоб устремился куда-то сквозь завывающую пургу, словно спешил по делам под слабым теплым летним дождиком. Дикарь издал короткий возглас, и снег вокруг Майка брызнул белыми фонтанами. Из-под ровной целины выскакивали остальные головорезы и бежали следом, на ходу сворачивая шкуры. Получается, он в

поисках повозок пробежал через весь лагерь, а на некоторых варваров даже наступил... И повозки оказались совсем в другой стороне... Несколько головорезов уже поднимали запряженных тварей на ноги, и Майк увидел в санях молодую дикарку, быстрыми движениями укладывающую шкуры, что забрасывали в повозку пробегающие мимо косматые громилы. Девушка по-прежнему была одета в тонкий сарафан и короткую шубку из белого песка. Ни головных уборов, ни перчаток — ну, конечно, человеко-мутанты не мёрзнут...

— Полежай в сани к Весняне и с них не сходи, что бы ни случилось!

Рыбоеды близко! – Святогор махнул рукой, и с десятков головорезов устремились за ним в снежную мглу.

Дважды повторять не придется, подумал Майк, без лишних слов забираясь в сани, сходить с повозки он не собирается! Он не против и вовсе не покидать её до самого окончания этого сумасшедшего дома! Находиться в санях обутом в снегоступы было крайне неудобно, и Майк принялся расстегивать ремни креплений. Делать это в синтетических перчатках оказалось трудно, пальцы соскальзывали с узлов, и он злился, вспоминая кажущуюся легкость, с которой громила-напарник завязал ремни за

несколько секунд.

— Потом снимешь! — рядом с ним оказалась дикарка. — Покуда так будь! Держи! — Она протянула ему щит. — Садись на пол и укройся щитом! Рыбоеды как поймут, что мы пургой прикрываемся и уходим, так копья метать начнут! Не высовывайся!

— Дикари будут стрелять в нас?! — опешил Майк, прикрываясь щитом от ветра. — Вокруг ураган и снежные потоки, ничего не видно, копье ветром сдует! Вы шутите, мисс?

— На пол, живее! — девица торопливо подобрала свой щит и быстро уселась спиной к спине с

возницей, закрывая щитом его и себя. – Не трать время! Какой ураган, о чём ты?! Это легкая пурга, им всё здесь отлично видно! Ежели рыбоеды заметят нас, то обойдут и метнут копьё аккуратно по ветру. Такое копьё бьёт втрое сильнее! Хочешь получить сквозную рану, гость?

Услышав такое, Майк бросился в угол и сжался, стремясь уместиться под щитом целиком. Сани тронулись и пошли сквозь снежную кутерьму, набирая ход. Как возницы заставили своё зверьё двигаться в такую погоду и каким образом удерживали курс, Майк не понимал, но не это было важно. Судя по напряженному виду дикарки, всматривающейся из-за

щита куда-то в белую мглу, опасность была где-то рядом. Неужели кровожадные коротышки действительно способны уверенно ориентироваться в творящемся вокруг снежном кошмаре?! Майк невольно вытянул шею и поглядел назад. Ни дьявола не видно! Словно ему в ответ из остающейся позади саней белой мути донесся яростный медвежий рёв, и свист ветра заглушил испуганные крики коротышек. Сейчас из снежной завесы сюда полетят стрелы! Майк вжался в пол, укрываясь щитом. Тупые аборигены, не могли изготовить щит крупнее! Как можно полностью укрыться под таким

блюдцем?! Он замер, ожидая ударов и вздрагивая при каждом порыве ветра, звучание которого казалось ему свистом приближающихся стрел. Сколько времени он так пролежал, было непонятно, но обстрела так и не последовало. Заметив, что молодая дикарка уже не выглядит напряженной, Майк осмелел и позволил себе сесть на лавку, на всякий случай не выпуская щита из рук.

— Мисс! — он наклонился в её сторону, пытаясь перекричать ветер. — Что происходит? Почему мы одни? — Вокруг не было видно ничего, кроме снежной круговерти, и в обоих санях Майк увидел лишь

возниц. В идущей впереди повозке сидел ещё один громила со щитом, точно так же прикрывая вознице спину, как делала это дикарка. — Где все остальные?

— Вои повели врагов за собой иным путем, — ответила девица, прислушиваясь к завыванию ветра. Обилие снежинок, бьющих их в лицо, её несколько не беспокоило. — Отвлекают их от нас, дабы упряжки смогли уйти невредимыми. До Великого Льда семьдесят верст, и нам не одолеть дороги с грузом на плечах, ежели придется идти пешими. Лосей надобно поберечь.

— Нам больше ничего не грозит? — Майк настороженно

огляделся, но увидеть что-либо в завьюженной белесой мгле не смог и принялся стряхивать снег с поверхности лицевой маски. — Мы можем продолжать путь самостоятельно, без охраны?

— Нам предстоит самая опасная часть дороги, — без тени насмешки произнесла девица, вглядываясь вперед поверх плеча возницы. — Сейчас мы въедем в город и схоронимся в укромном месте. Там обождем, покуда вои не вернутся и не сыщут нас. Без них дальше не пройти.

Силуэт многоэтажки, нависающий над пробирающимися сквозь пургу санями, вынырнул из

снежной кутерьмы неожиданно, заставив Майка прикрыться щитом. Порывы ветра ослабли, и он настороженно разглядывал зияющие чернотой дыры оконных проёмов, наполовину занесенные снегом. До уровня земли здесь, похоже, больше полдюжины ярдов, и если даже мировой ледник не поглотит этот разлом, рано или поздно его засыплет снегом полностью, и тут образуется свой ледник. Фактически он уже начал образовываться, учитывая толщину снега. Неудивительно, что дикари согласились помочь Майку, знают, что в конечном итоге их потомкам будет негде жить. В

предусмотрительности   человеко-
мутантам не откажешь.

— Наши враги могут скрываться там? — Майк указал на оконные провалы зданий, находящиеся вровень со снежной поверхностью. — Мистер Свитогоа сказал, что в городе множество дикарей!

— Стойбище расположено дальше на запад, — ответила дикарка. — Там есть деревья, и дома стоят плотнее, зимой бураны не так сильно буйствуют. Тут пространства открытого слишком много, ничто не сдерживает ветер. На окраине города внутри домов лазать опасно, там звери берлоги устраивают часто, могут сожрать одинокого путника, а

то и двух-трех, если врасплох застигнут. Потому там нет никого. Но дальше с врагами повстречаться не трудно...

Она что-то спросила у возницы, тот ответил, но понять смысла Майк не смог. Опять момент отключения прибора-переводчика прошел мимо него! Дикарка умело усыпляет бдительность. Немудрено, наверняка её семья занимается запудриванием мозгов своим соплеменников из поколения в поколение и достигла в этом немалых успехов.

— Ждать будем тут, — она обернулась к Майку. — Из саней не выходи, гость! Дикие звери могут напасть из-под снега. — Девица

кивнула на висящий на его поясе ледоруб. – Пользоваться умеешь?

– Приходилось, – Майк вспомнил скованный заledenевшими потоками крови салон перевернутого бронетранспортера, мутировавших тварей, рвущихся через выломанный люк в неистовой жажде человеческой плоти, и вмерзший кровавым льдом в перчатку ледоруб, вонзающийся в череп ближайшего монстра, яростно хрипящего в футах от его лица. Неужели ему предстоит пережить это ещё раз?! По спине липким холодом начал растекаться страх, и Майк торопливо завозил с креплениями, снимая ледоруб с пояса.

— Ежели звери полезут, прикрывайся щитом и руби! — велела дикарка и посоветовала: — Ноги береги, они перво-наперво в ноги хотят вцепиться. Коли кто в горло прыгнет — щитом отбивай!

Упряжки свернули влево, втягиваясь в пространство между двух длинных полуразрушенных многоэтажек, смыкающихся друг с другом под прямым углом, заползли за довольно большой снежный холм и остановились рядом. В образовавшемся кармане сила ветра была невелика, но сходящиеся с двух сторон встречные воздушные потоки закручивались в слабую спираль и поднимали в воздух целый сонм

мелкой снежной пудры. Видимость вновь упала, и Майк инстинктивно отшагнул от борта саней. Тем временем возница что-то сказал дикарке, надел лыжи, достал из саней охапку шкур и направился к тягловому зверью. Девушка подобрала с пола копьё, встала на козлы и замерла, глядя на громилу сверху вниз, словно выискивая добычу.

— Что случилось? — Майк вскочил на ноги, держа ледоруб наготове. — Вес-ни-ана, что происходит?

— Тише! — негромко одернула его она. — Логово звериное в том доме! — Дикарка кивнула на заснеженные развалины напротив. — Напасть

могут. Спину мне прикрой да будь настороже!

— Зачем же мы остановились тут?! — зашептал похолодевший от ужаса Майк, разворачиваясь назад и лихорадочно озираясь по сторонам. — Мы должны выбираться отсюда немедленно!

— Здесь нас рыбоеды искать не будут, — не оборачиваясь, ответила молодая дикарка. — А без воев нам через город не пройти. Тут переждем, нас много, не всяк лютый зверь бросится.

Тем временем оставшиеся трое головорезов расстелили на снегу шкуры, подложив их под копыта тягловому зверью, но в повозки не

вернулись, а принялись ходить на лыжах вокруг саней с копьями в руках. Судя по их взглядам, опасность ожидалась не со стороны улицы, а прямо из-под ног. Майк почувствовал, как леденящий позвоночник холодок страха быстро разрастается. Тогда, в Могильнике, всё начиналось очень похоже. Эти дикари полные идиоты, раз выбрали для...

Бесшумный взрыв снега, расцветший неподалеку, застал Майка на пике нервного напряжения. Он закричал от ужаса, заметавшись по саням и не спуская глаз со здоровенной твари, выплескивающейся из фонтана

снежных брызг рядом с одним из дикарей. Дальше всё произошло мгновенно. Тварь вцепилась головорезу в ногу, но вместо человеческой плоти её клыки кляцнули по деревянному древку. Как двухметровый громила успел увидеть атаку и ударить зверя копьем, Майк не заметил, но оружие вошло твари точно в усеянную зубами пасть, пронзая шею насквозь. Визг бьющегося в агонии зверя заглушило порывом ветра, а головорез уже вырвал копье из жертвы и пронзил вторую тварь, появление которой Майк не увидел. Майк в ужасе смотрел, как из-под снега выпрыгивают всё новые монстры, и

паника захлестнула его, затмевая сознание. Со всех сторон на него набросилась кровавая ледяная корка, и окружающий мир мгновенно сузился до размеров салона перевернутого бронетранспортера, заполненного беснующимися мутантами.

— Поберегись!!! Сзади!!! — резкий окрик дикарки рассек заполнившую разум кровавую муть, возвращая Майку в завьюженную реальность.

Он рванулся, оборачиваясь, и в последнюю секунду успел подставить щит под летящую в лицо тварь. Ударом его сбило с ног, но Майк удержал щит, и кривые клыки

вгрызлись в окованное металлом дерево в двух дюймах от его горла. Он ударил монстра ледорубом, но удар из лежачего положения вышел неточным, и лезвие соскользнуло по твердой шерсти твари, заходя ей под кожу вместо того, чтобы раскроить череп. Мутант дико захрипел и рванулся к лицу Майка, но в этот миг удар копья меж рёбер пригвоздил тварь к щиту.

— Поднимайся! — Стоящая рядом молодая дикарка двумя руками провернула копье, с хрустом раздирая зверю рёбра, и бьющийся в агонии монстр затих. — Не пускай их в сани! Не позволяй запрыгнуть лосям на спину! — Она вырвала копье

из мертвой туши и запрыгнула на козлы.

Майк лихорадочно поднимался, жалея о том, что не снял снегоступы, и в этот момент из-за борта в сани запрыгнул следующий мутант. Нечто мохнатое, или волк, или лисица, разобрать не удалось, едва оказавшись на борту, резким прыжком бросилось девице в спину. Монстр был уже в воздухе, как вдруг его тело в одно мгновение словно снесло пятнистым тараном. Истеричный короткий визг оборвался на высокой ноте, и Майк увидел рысь, стоящую на полусогнутых лапах. Ручной монстр дикарки с тихим бесноватым

подвыванием сомкнул челюсти, перегрызая лисице горло, резким движением головы отшвырнул от себя мертвую тушку и молниеносным прыжком бросился на следующую тварь, обрывая её прыжок ударом лапы. Всё заняло не более секунды, и когда Майк оказался на ногах, рысь уже расправилась со вторым зверем. Её хозяйка взмахнула копьем и поразила только что запрыгнувшего на спину одному из тягловых лосей монстра. Получив удар, тот не удержался и упал вниз. В следующую секунду лось издал воинственный звук, вздымаясь на дыбы, и острые клинки ветвистых рогов пригвоздили монстра к шкуре. Лось взмахнул

головой и отшвырнул брызжущую кровью тушку на добрый десяток ярдов.

— Сзади!!! — вновь раздался возглас дикарки, и Майк резко, до хруста в позвоночнике, развернулся назад, выставляя щит.

На этот раз он успел. Яростно рычащий волк ударился в вырезанную на щите свастику и тут же бросился в ноги. Майк буквально вбил в пол край щита, приседая в попытке защитить ногу, и волчья пасть вновь столкнулась с деревом. Майк размахнулся и со всей силы обрушил ледоруб на череп хищника. Раздался хруст проламывающейся кости, но волк не сдавался.

Обливающаяся кровью тварь хрипло взвыла от боли и злобы и попыталась вцепиться человеку в бьющую руку. Майк едва успел отпрянуть назад, и волчьи клыки сомкнулись на ледорубе. Монстр рванул оружие на себя и вырвал его из рук человека. Инерция отбросила Майка назад, он ухватился за скамью, чтобы не упасть, и хрипящий от ярости волк бросился в следующую атаку. Майк подставил щит, с ужасом осознавая, что остался безоружен, и закричал:

– Помогите мне!!!

Истекающий кровью монстр понял, что человеку больше нечем сражаться, оттолкнулся от пола и вбежал на Майка прямо по щиту.

Майк не смог удержать равновесия и опрокинулся на спину, закрывая свободной рукой лицо и крича. Раздался короткий свист, и волка смело со щита. Майк, лихорадочно перебирая ногами, отполз в сторону от пронзенной копьем волчьей туши, впечатанной в борт саней, и увидел косматого головореза, проносящегося на лыжах мимо саней. Двухметровый громила выхватил меч и с ходу разрубил бросающегося на него монстра надвое. Майк, путаясь в снегоступах, оперся на щит, вскочил на ноги и бросился к ледорубу, готовясь отбиваться от следующей твари. Но нападения не последовало, и он

метнулся назад, ожидая атаки с другой стороны. Монстров рядом не было, молодой дикарки тоже. Она обнаружилась в стоящих рядом санях, видимо, перепрыгнула, пока Майк сражался с волком. Девушка сбрасывала с повозки тушки убитых зверей, подле её ног стояла рысь с густо покрытой кровью мордой и зловеще била обрубок хвоста из стороны в сторону, немигающим взглядом выискивая жертву. Майк огляделся.

Ветер стих, снег вокруг саней был залит пятнами крови и усеян пронзенными и порубленными тушками монстров. Тройка лосей соседней упряжки яростно

затаптывала копытами какую-то тварь, вбивая её в снег вместе с расстеленной на нём шкурой, трое головорезов на лыжах ходили меж трупов с выражением лиц существ, проверяющих, можно ли убить кого-либо ещё. Живых монстров нигде не было. Майк попытался стереть капли крови с поверхности защитных очков, но те уже застыли ледяной коростой и не поддавались. Но и так ясно, что больше никто не хочет его сожрать. Трое головорезов и одна восемнадцатилетняя девица с ручной рысью перебили три десятка голодных тварей прежде, чем Майку удалось всё это увидеть! Им не помешало даже появление монстров

из-под снега прямо под ногами...

– Поберегись! – заявила молодая дикарка, одним движением перепрыгивая из соседних саней к Майку. Расстояние десять футов она преодолела с места, словно меж санями было десять дюймов.

– Это всё? Монстров больше нет? – тяжело дыша, спросил он, отшагивая в сторону.

Сердце было готово выпрыгнуть из груди, в ушах шумело, нервы звенели, не лопнув лишь чудом.

– Зверей в округе полно, – девица выдернула из туши волка копьё, столкнула им мертвого зверя в снег и бросила оружие проезжающему мимо головорезу. Тот

ловко поймал его на лету. — Но нападать на нас они не будут. Самые храбрые и самые голодные перебиты, теперь настал черёд самых хитрых!

Она кивнула на залитое кровью снежное пространство, и Майк проследил её жест. Вооруженные копьями головорезы накалывали на острия мертвые тушки монстров и с силой отшвыривали их вдаль. Окровавленные туши отлетали к зданию, ударялись в стену и падали возле полузанесенных снегом черных провалов окон. Несколько секунд они лежали, быстро припорошаемые стихающим снегопадом, и Майк не сразу понял, что произойдет дальше. Внезапно ближайшая к оконному

проёму туша дрогнула, и её словно всосало в снег, утаскивая вглубь. Следом за первой под снег рывком затянуло вторую, потом третью... Невидимое с поверхности зверьё действовало так же, как их соплеменники в Австралии, только не желало рисковать и потому не показывалось столь опасным существам, что убивают даже не ради еды. Впрочем, одна из тушек им всё же не досталась, её утащила под сани и сожрала рысь.

— Надолго им этого хватит? — Майк устало опустил на залитую волчьей кровью лавку.

— На день-другой, — пожала плечами молодая дикарка. — Откуда

мне знать? Сейчас лето, добычи вокруг в избытке, коли охота у них шла удачно, то могут и неделю на людей не нападать. У нас в лесах зверь обычно смирный, потому как мы кормушки ему на зиму ставим, уж больно голодно зверушкам в морозы лютые. Вот они и не серчают на нас без причины. А каково тут, у рыбоедов, мне неведомо. Я второй раз всего за столбы порубежные выбралась. Ежели любопытно тебе, то спроси у кого из воев. У Белазара или Святогора, к примеру. Они с ворогами бьются часто и о землях сих ведают многое. Покуда же будь начеку, пурга прочь уходит, а рыбоеды близко.

Вскоре действительно установился штиль, температура выросла до минус пятидесяти одного по Цельсию, и Майк отключил систему обогрева. Судя по разрыву в массивном облачном фронте, медленно ползущем над городом, тихая погода пришла ненадолго, но датчик элементов питания показывал падение ёмкости батарей всего на один процент, и это серьёзно обнадеживало. Аккумуляторы пока держат, но русским варварам лучше бы иметь зарядное устройство с собой. Если на поверхности мирового ледника заряд иссякнет, их дремучие суеверия Майка не спасут! Он пытался задавать дикарке

наводящие вопросы на эту тему, но та сразу отказалась от разговоров и посоветовала ему смотреть в оба.

Косматые головорезы появились неожиданно, сразу со всех сторон, Майк не успел заметить, как это произошло. Он прилежно наблюдал за частью заледеневшей многоэтажки, теряющейся за снежным холмом двора, и отслеживаемая территория была тихой и пустынной. А в следующую секунду по ней уже бежали двухметровые жлобы на своих нелепо коротких и широких лыжах. Он даже не успел позвать дикарку, как те оказались у повозок. Святогор окинул взглядом заляпанный

кровавыми ледяными пятнами снег, коротко посмотрел на Майка, убеждаясь в его невредимости, и о чем-то тихо заговорил с возницами и дикаркой. Его головорезы принялись извлекать шкуры из-под копыт рогатых ездовых тварей, и спустя минуту упряжки тронулись в путь.

— Мистер Свитогоа, — Майк дождался, когда громила-напарник оказался поблизости. — Я не вижу медведя и его владельца. Они погибли в бою с врагами? Если так, то я очень сожалею!

— Белазар с Топтыгиным повели за собой рыбоедовый ратный люд, — ответил тот. — Мы путали следы, двигаясь вместе с пургой, и вороги

не заметили, что сани ушли в другую сторону. Топтыгин медведь смысленный, затаптывает след надежно. Позже, как к распадку вышли, Белазар с ним далее пошли, а мы в снегу схоронились, чтобы к вам вернуться. Супостаты-то мимо нас и пробежали, не заметив, уж больно хотелось им Топтыгина догнать, они его давно не любят! Так что покуда из пурги не выйдут, не поймут, что окромя медведя да Белазара впереди них нет никого. Но как поймут — назад бросятся, сани искать. Посему за это время мы должны город пройти, иначе несдобровать нам. А други наши позже нас догонят, им вдвоем бежать сподручнее, медведь,

ежели пожелает, может двигаться очень быстро. Для него через лес и снег мчаться — и вовсе не задача, если по-вашему считать, то он может скорость шестьдесят километров в час развить, и дороги ровной ему для того не надобно.

Головорез играючи запрыгнул в сани прямо в лыжах и уселся на лавку рядом с Майком. Упряжки дошли до края торчащей из-под снега многоэтажки и остановились. Несколько косматых жлобов улеглись на снег и уползли за угол, остальные полезли по повозкам и принялись снимать лыжи, бросая взгляды в небо. Майк задрал голову и понял, что город вновь затягивает облаками.

– Мы ждем другую пургу, чтобы продолжить движение? – предположил он, глядя на варвара.

– Пурги не будет, – хмуро покачал головой тот, укрепляя лыжи у себя на спине. Похоже, данное погодное обстоятельство его не радовало. – Туча не снежная, укрыться под снегопадом не выйдет. Её студёный ветер с ледника гонит, его и дожидаемся. Как задует, так и помчимся что есть духу.

– Вы планируете пересечь город, пока ваш друг отвлекает врагов? – сообразил Майк. – А ветер нужен для того, чтобы никто из дикарей не вышел из развалин на улицу и не заметил нас?

– Пурга закончилась, и рыбоеды уже знают, что шли по ложному следу. Часть их воев продолжит идти за Белазаром, но остальные со всех ног мчатся в город, дабы нас сыскать. – Косматый головорез ловким движением достал из-за спины лук и принялся возиться с тетивой. – Едва мы через город поедем, так рыбоеды всем миром на нас набросятся, едва завидят. И ветер им не помеха.

– Тогда зачем мы теряем время? – воскликнул Майк. – Для чего ждать ветра, если он не нужен?!

– Почему не нужен? – Громила проверил натяжение тетивы и остался доволен. – Очень даже

нужен. Ветер тот с Великого Льда сорвался, под ним похолодает знатно. Того нам и надобно!

— Понижение температуры заставит дикарей прекратить поиски? — предположил Майк.

— На морозе их луки не смогут пускать стрелы, — объяснил головорез. — Дерево не гнется, тетивы лопаются. Потому придется рыбоедам копьями бросаться, а копья они недалеко мечут, хлипкие слишком, и руки короткие для размаха доброго. А вот наши луки сотворены по-особому, мастерами умения редкого, они сдюжат, ежели, конечно, совсем лютый мороз не грянет. Зимой-то оно у всех одно: в дело

только копья да клинки идут.

Майк огляделся и увидел, что остальные головорезы точно так же возятся с луками, а возницы укрепляют на тягловом зверье защитные попоны, обшитые деревянными накладками. Защиту нацепили даже на раненого зверя, что временно не участвовал в составе тройки. Дикари что, готовятся к массовому обстрелу?! Майк невольно поискал глазами выданный ему щит и заметил, что молодая дикарка вновь перебралась на передние сани и сидит спиной к спине с возницей. У её ног лежал щит, рядом с которым расположилась рысь, вылизывающая заledenевшие капли крови из шерсти

на лапах. Сама девица доставала из походного мешка какой-то меховой сверток.

— Я могу закрывать спину вознице, сэр, — предложил свою помощь Майк. Надо активнее втираться в доверие к русским варварам, а это неплохой способ. К тому же вряд ли они доверят новичку охранять столь важную для погони фигуру в одиночку. — Как делает это мисс Вес-ни-ана! Щит у меня есть! Когда на нас напали монстры, у меня неплохо получалось им пользоваться!

— Благодарю, ежели не шутишь, — косматый жлоб бросил на него свой фирменный взгляд сомнамбулического кретина. —

Только он без защиты не останется, воев у нас достаточно. Ты лучше себя побереги, человече! Ежели одёжа твоя заморская в бою порвется, вдали от скуфа починять её нечем. Так что сиди на полу да щитом прикрывайся. Коли сможешь, так под ноги воям не попадай!

Настаивать на своем предложении Майк не собирался, он обозначил своё дружелюбие и готовность к оказанию помощи, этого вполне достаточно. Погибнуть в очередном побоище дикарей он абсолютно не планировал, к тому же громила был прав: если арктическое снаряжение потеряет герметичность, теплоизоляцию или, не дай бог,

окажется повреждена шина системы обогрева – Майку конец. Уже хотя бы поэтому стоит позаботиться о себе в первую очередь. Он подобрал свой щит, посмотрел на расцарапанную звериными клыками свастику, вырезанную на нём, и лишь вздохнул. Кто бы мог подумать, что он, Майк, будет рад наличию у него какой-то фашистской деревяшки? А, ладно, какая разница, что там на ней вырезали, лишь бы защищала. Он с интересом посмотрел на молодую девуцу. Та сняла с себя короткую шубку и вместо неё надевала длинную, такую же белую. Новая шуба оказалась длиной до пола, с глубоким капюшоном, который

сексапильная дикарка накинула на голову. Майк оценил работу портного аборигенов. Шуба была подогнана точно по фигуре, причем уродливая коса была спрятана где-то под ней. Теперь, когда этого безвкусного соломенного каната не было видно, дикарка смотрелась ещё более сексуально. Её надо подстричь, вот тогда будет действительно неплохо. Конечно, детина едва ли не шести футов ростом не сравнится по очарованию с миниатюрной черноглазой Лив, но тоже ничего. Интересно, свои приборы она уже переложила из одной одежды в другую, пока громила заговаривал ему зубы, или у неё во внутренних

карманах нового одеяния имеется отдельный комплект?

— Садись на пол, человеке, в угол, — негромко окликнул его жлоб-напарник. — Выше борта саней не высовывайся да держи щит наготове. Начинается ветер, скоро помчим.

Почти незаметный ветерок действительно начал свежить, срывая с бесконечно белой поверхности давно погибшего города небольшие снежные вьюны, и шкала термометра поползла вниз. Майк занял указанное место, стараясь не обращать внимания на просыпающийся в груди страх. Опять его жизнь будет подвергаться смертельной опасности. Реактор, Могильник,

Воронки, кровожадные мутанты, фатальная травма руки, потеря Лив, крушение челнока, тупые дикари, снова кровожадные мутанты... Сколько можно судьбе издеваться над ним?! Когда же всё это закончится... Чтобы не дать напрягающимся нервам воспалиться, он принялся разглядывать дикарей. Те завершили приготовления и расселись по саням в полном составе. Места вдоль бортов по обеим сторонам заняли громилы со щитами, в середине засели лучники. Странно, что головорезы ни во что не переодеваются. Майк обратил внимание, что кроме девицы никто не озаботился приготовлениями к

надвигающимся заморозкам. Или они тупо не взяли с собой теплых одежд? Тогда, во время пурги, они тоже закапывались в снег в своих меховых безрукавках...

Ветер окреп внезапно, и Майк почувствовал, как ледяные порывы быстро охлаждают пальцы ног и рук. Пора включать обогрев и отгораживаться щитом от холодного потока. Он укрылся от усиливающегося ветра и посмотрел на термометр. Температура упала до минус шестидесяти и продолжала понижаться, но головорезы не двигались с места. Наконец, когда термометр замер на отметке в шестьдесят шесть градусов ниже

ноля, из-за угла здания показались разведчики косматых варваров. Они быстро залезли в сани, один из них что-то сказал Святогору, и тот коротко взмахнул зажатой в руке стрелой. Повозки тронулись, выбираясь из-за заснеженных руин на открытое место, и воздушный поток ударил в сидящих людей. От неожиданности Майк не сообразил, что меняющие курс сани двигаются под тупым углом к ветру, и не изменил положение щита. Дьявольская деревяшка мгновенно превратилась из укрытия в парус и рванулась прочь настолько резко, что чуть не вывихнула ему руку. Пока чертыхающийся от боли Майк

прижимал к себе щит под правильным углом к воздушному потоку, повозки изменили курс дважды, кружа среди торчащих из вечных снегов многоэтажек. Утомительная борьба с ветром взбесила Майка, и он едва не отшвырнул щит к такой-то матери. Дикари издеваются над ним?! Только он укроется за этой идиотской деревяшкой, так они сразу меняют курс! Его специально посадили на пол, сами сидят на лавках, да ещё лицом наружу, им изменение направления воздушного потока видно сразу!

Наконец упряжки прекратили метаться меж развалин и рванулись

вперед. Возницы гнали запряженных тварей сквозь сильный ветер, не проявляя жалости, и сжавшийся между щитом и бортом Майк разглядывал проносящийся мимо погребенный город. Строения давно превратились в мёртвые нагромождения камней, насквозь прокаленные диким холодом, и самое живое, что есть в этом заледеневшем склепе, это истошно скрипящие плафоны уличных фонарей. Смятые в лепешку железки каким-то чудом ещё держались на креплениях и болтались словно тряпки, терзаемые стихией, издавая скрежещущие звуки. Многие из них сорвало ураганами давным-давно, и

мимо взора Майка проносились лишь торчащие из снега короткие металлические столбы, но те, что всё же сохранили искореженные плафоны, выглядели жутко, возвышаясь над снежной поверхностью всего лишь на ярд-полтора. Этот труп города покрыт куда большим слоем снега, нежели Нью-Вашингтон. А в Нью-Вашингтоне уже сейчас почти не осталось выживших, что говорить о здешних местах?! От кого эти косматые троглодиты пытаются спастись под ледяным ветром, больше похожим на небольшой ураган?! Тут кроме мчащихся по воздуху снежных облаков, с хрустом

врезающихся в покосившиеся
заледеленые стены, ничего нет!

Град копий обрушился на повозки словно из параллельной реальности. Майк в очередной раз бросил взгляд на пробегающие мимо развалины и вдруг понял, что они кишат кровожадными коротышками, будто Могильник мутантами. В следующую секунду он увидел, как сверху к саням приближается целое облако метательных снарядов. Он закричал, вдавливая себя щитом в борт повозки, но сильный ветер унес звук его голоса. Внезапно сани дернулись, меняя курс, косматые головорезы вскинули щиты, отбивая несколько метательных снарядов, и

дождь из копий ударил мимо. До Майка донесся многоголосый вой, в который под воздействием ветра сливались истеричные вопли злобных коротышек, он забился под щит и с ужасом смотрел на бесконечный поток копий, продолжающийся сыпаться с неба прямо на него.

Сильный ветер почти не мешал коротышкам. Майк запоздало понял, что они живут в таких условиях вот уже двести лет и прекрасно приспособились к ним. Злобные мелкие дикари метали копья сразу с поправкой на ветер и хорошо знали, куда приведет их смещение. Некоторые броски осуществлялись

неудачно, воздушный поток срывал снаряд с траектории и отшвыривал прочь, но десятки других тучами грязных росчерков вылетали из заснеженных руин. Майку казалось, что кровожадных плосколицых дикарей были сотни, а может, даже тысячи, они появлялись повсюду, выбегая из-за руин, выпрыгивая из провалов окон и выныривая из-под снега подобно мутировавшему зверью. И каждый из них сжимал в одной руке целый пучок копий, другой рукой запуская их в цель почти непрерывно. Метательные снаряды проносились в считанных футах от саней, и Майк вздрагивал от ударов металла о дерево щитов.

Крупная тень мелькнула совсем рядом, и Майк дернулся, ожидая удара в щит. Но это оказался один из головорезов. Он резким движением натянул лук и послал стрелу прямо сквозь сильный ветер. Затем, почти не останавливаясь, выстрелил ещё и ещё. Майк высунул голову из-под щита и с удивлением увидел пронзенного стрелой коротышку, оставшегося позади мчащихся саней. Дикари стоили друг друга. Плосколицы метали копья, используя ветер, но косматые били из луков, применяя то же самое знание. Головорезы-возницы вели упряжки зигзагами, позволяя ветру проносить мимо поток метательных

снарядов, а отряженные для защиты громилы отбивали летящие точно в цель копья щитами, словно бейсболист ловил перчаткой запущенный в него мяч. При этом они ещё успевали отражать некоторые копья ударами мечей, перенаправляя полет метательного снаряда в безопасную сторону. Несмотря на мчащийся прямо в лицо поток примитивного оружия, основной град копий либо ложился мимо, либо оказывался сметен порывами ветра. Но визжащих от ярости коротышек было так много, что на глазах у Майка головорезы отбили или приняли на щиты несколько десятков копий. Одно

такое вонзилось точно посреди саней, во внутренний борт, в ярде от Майка, ещё пару отразил кто-то из косматых громил. Потерявшие траекторию и скорость копья падали на Майка сверху, громко ударяясь о щит, и скатывались на пол. Он инстинктивно вжимал голову в плечи при каждом ударе и отталкивал катящиеся копья ногами, чтобы не порвать снаряжение о наконечники. Порывы ветра разбрасывали их по углам, и от удара в борт многие копья кувырком вышвыривало из саней. Сжавшийся в комок Майк смотрел на остающуюся позади саней дорогу, усеянную упавшими копьями, раскатывающимися в разные

стороны под порывами ледяного ветра, и сумасшедшая гонка продолжалась.

Кто-то из головорезов издал резкий окрик, и все схватились за резные поручни. Сани заложили крутой вираж, едва не опрокинувшись, и Майк увидел проносящуюся мимо стену острых кольев, вкопанных в снег под углом, чтобы вспарывать брюхо ездовым тварям. Изменившие курс повозки помчались мимо каких-то руин, из заснеженных недр которых им наперерез бросились вооруженные коротышки. Замелькали клинки, загремели щиты, отражающие удары, и лучники били в упор, целясь из-за

спин щитоносцев. Откуда-то возникла погоня, несколько десятков плосколицых дикарей верхом на низкорослых оленях пытались догнать сани, сблизившись на бросок копья, но сильный ветер и стрелы косматых головорезов не позволили им совершить задуманное. Преследователи потеряли несколько всадников и прекратили погоню. Потом была вторая засада с кольями, затем третья... Каждый раз, когда выпрыгивающие из-под снега впереди упряжек коротышки бросались к саням с копьями наперевес, у Майка от панического ужаса внутри всё словно обрывалось. Если плосколицые убьют хотя бы

одну запряженную тварь, саням не уйти! Но всякий раз лучники били по появляющимся врагам, пронзая их стрелами, а командующий громилами Святогор мгновенно убирал меч и хватался за перекатывающиеся по полу чужие копья. Здоровенный громила запускать их с такой силой, что метательный снаряд преодолевал сопротивление ветра и пробивал плосколицего насквозь, вылезая из спины на добрых полфута.

В какой-то момент Майк увидел впереди с десятков коротышек, выпрыгивающих из наполовину засыпанного снегом окна и бегущих навстречу упряжкам. Лучники

косматых головорезов стремительно натянули тетивы, но плосколицые уже метнули копья, целя в запряженных животных. В этот момент Майк решил, что всё кончено, и закричал «Нет!!!», но фортуна оказалась к нему благосклонна. Ездовые твари на бегу наклонили головы, выставляя навстречу летящим снарядам мощные развесистые рога, и копья с глухим стуком ударили в заостренную толщу, отлетая в сторону. Пара копий врезалась в защитную попону, увязая в деревянных накладках, и отвалилась, с хрустом исчезая под копытами мчащихся рогатых монстров. Сразу

четверо лучников спустили тетивы, пронзая стрелами врагов, остальные бросились врассыпную, стремясь избежать столкновения с упряжками. Двое из плосколицых отпрыгнули влево почти одновременно, уходя от удара брызжущих пеной яростных тварей, и в следующий миг их сшибло ударом жутких рогов, словно кегли. Бегущий рядом с упряжкой монстр, которого освободили от тяглогового использования из-за ранения, снес обоих коротышек, даже не потеряв в скорости, и помчался дальше. Майк обернулся назад и успел разглядеть остающиеся позади неподвижные тела, лежащие на снегу в неестественных позах.

Скачка через смертельно опасный город продолжалась, и в какой-то момент плосколицые дикари едва не прикончили Майка, сбросив на сани огромный обломок кирпичной кладки с крыши одного из зданий. Повозки мчались вдоль строений в опасной близости от заледеневших стен, вероятно, это был единственный путь, потому что коротышки об этом тоже знали. Кто-то из дикарей, оборонявших передовые сани, издал предостерегающий крик, и Майк дернулся, судорожным движением головы прослеживая взгляды остальных. Впереди, высоко вверху, с верхних этажей покрытых ледяной

коркой развалин, вниз летел двухметровый обломок стены, падая точно на дорогу. Возницы резко осаждали ездовых тварей, избегая быть расплюснутыми в лепешку, и в следующий миг обломок с глухим хлопком вбило в поверхность в нескольких шагах от передней повозки, поднимая в воздух целый взрыв снега. Развалины огласились истеричным визгом, и из окон хлынули плосколицые дикари с копьями. Майк в страхе забился в угол, прикрываясь щитом, и схватил валяющееся рядом грязное копье, сделанное из толстой кривой ветки. Он решил, что проткнет любого коротышку, если тот лишь

приблизится к нему, но вступить в бой ему, к счастью, не пришлось. Двухметровые головорезы дружно метнули копья, из-за их спин ударили лучники, и громилы схватились за мечи. Первую волну нападающих смело метательными снарядами, вторая врезалась в щиты и попадала, порубленная клинками, остальные бросились бежать и скрылись в черных провалах окон так же быстро, как появились.

Упряжки рванули с места в карьер, объезжая место падения обломка, и Майк увидел проплывающую мимо здоровенную воронку без дна. Разглядеть её глубину он не смог, угол зрения был

слишком неудобным, а повозки набирали скорость всё сильнее. Вскоре проносящиеся мимо заснеженные скелеты зданий опустели, и возницы пустили тягловое зверье шагом. Судя по вздымающимся бокам и тяжелому дыханию рогатых монстров, они сильно устали и вряд ли смогут бежать дальше. Скорость движения упала, и головорезы встали на лыжи. Несколько громил убежали вперед, остальные окружили повозки и не спускали глаз с окрестностей. Через полчаса вернулись разведчики, и отряд вновь изменил курс, взяв направление, перпендикулярное первоначальному.

— Почему мы удаляемся от нашей цели? — высунулся из-под щита Майк, обращаясь к Святогору.

— В той стороне идет снег, — ответил головорез. — Если успеем зайти в снегопад прежде, чем рыбоеды пришлют за нами погоню, то скрыться от врагов будет легче. Да и места там опасные, снег мягкий, звериных берлог много, провалы часто случаются. Не пойдут они туда.

Головорез убежал вперед и заговорил с молодой дикаркой. Майк их разговора не понимал, это означает, что устройство перевода у девицы было только одно, и осталось оно в летней шубке. Он вдруг понял,

что во время этой сумасшедшей погони ни разу не заметил, что происходило с дикаркой. Хотя он смотрел вперед неоднократно, её почему-то не видел. Понятное дело, косматые дикари не решились рисковать дочерью своего вожака и спрятали её в углу саней под щитом, так же, как его самого. Остаётся надеяться, что жлобы-переростки не станут подвергать её опасности и далее, что было весьма сомнительно, учитывая сказанное напарничком. Отряд направляется в опасное место, полное хищного зверья. Преследователи туда не пойдут. Конечно, не пойдут! Чем закончилась первая стоянка в таком же месте,

куда не суются коротышки, он не забудет ещё долго. Это просто чудо, что трое головорезов перебили тогда всех монстров, а его никто не успел убить или искалечить. Или они уверены, что вырежут любое количество мутантов, учитывая свою численность? Если так, то шансы отбить Реактор повышаются. Какая разница, чем они очистят его от зверья, ножами, копьями или пулями? Главное – результат.

Ещё через полчаса ледяной ветер стих, вновь сменяясь штилем, и действительно пошел снег. Большие хлопья снежинок медленно опускались с неба сплошной стеной, и температура воздуха начала расти.

Через час небыстрой езды сквозь снегопад Майк почувствовал, что ему стало жарко, и посмотрел на термометр. Минус сорок восемь. Ого, вот уж точно лето, усмехнулся он, отключая обогрев, дикарям должно быть жарко, раз они не обморозили себе руки во время жуткой скачки через труп города, кишаций коротышками, словно червями! Тогда было почти минус семьдесят и ледяной ветер, а им хоть бы что. Эти человеко-мутанты должны, нет, они просто обязаны быть под контролем у Новой Америки и приносить пользу настоящим людям... Краем глаза Майк заметил какую-то тень и

вздрагнул, прикрываясь щитом. Из стены снега вынырнул один из косматых головорезов и подкатился к Святогору. Он что-то сказал ему, указывая рукой назад.

— Погоня? — переспросила молодая дикарка, бросая на Майка мимолетный взгляд. — Их так много?

Майк обернулся, мгновенно похолодев, но разглядеть что-либо сквозь снежную завесу не смог. Дикари что-то обсуждали между собой, и он вновь не понимал их недочеловеческого языка. А ведь дикарка была в длинной шубе! Наверное, успела переложить приборы из короткой шубы в эту. Раз стало так тепло, то она будет

переодеваться, это хорошая возможность понаблюдать за ней, но если за ними опять гонятся кровожадные плосколицы коротышки, то будет не до слезки... Она специально сделала это! Майк усмехнулся. Дикарка специально включила устройство перевода и сказала про погоню. Она хочет воспользоваться тем, что он будет готовиться к появлению врагов и не заметит, как она переоденется и переложит приборы обратно. Значит, необходимо следить за ней ещё более внимательно. Майк занял ставшее уже привычным место на полу в углу саней, прикрылся щитом и стал незаметно наблюдать за девицей.

Но добиться желаемого ему так и не удалось. Головорезы окружили повозки, и отряд увеличил скорость. Дикарка переодеваться не спешила, она сидела спиной к вознице, со щитом в одной руке, поглаживая другой лежащую у ног рысь, и взгляд её был направлен назад, куда-то сквозь медленно опускающуюся с небес бесконечность снежных хлопьев. Не меньше часа отряд уходил от невидимого врага, и Майк каждую минуту ожидал появления исступленно визжащих коротышек сзади или яростно хрипящих монстров снизу. Непонимание того, насколько далеко или близко находится погоня, заставляло нервы

звенеть от напряжения, и он постоянно вращал головой, вглядываясь в окружающий снегопад. Внезапно огромная тень ринулась на него из снежной кутерьмы, мелькнула громадная пасть с обнаженными клыками, и он заорал от ужаса, увидев в ярде от себя оглушительно ревущего медведя, вставшего на дыбы. Майк бросился бежать, но споткнулся о свой щит и рухнул, вываливаясь из саней.

— Молодец, Топтыгин, аккуратно к своим вывел, — раздался сверху суровый голос. — Давай-ка поосторожней только, друже! Не раздави дорогого гостя.

Погребенный под снегом город остался позади, невидимый за стеной снегопада, и вокруг вновь раскинулась открытая местность, густо покрытая заледеневшим кустарником. Майк поначалу решил, что это насквозь промерзшие плантации винограда или чая, или чего-то в этом же духе, но вскоре снегопад прекратился, и стало ясно, что упряжки двигались через лес. То ли лес в этой местности был невысоким, то ли это были искусственно высаженные сады каких-нибудь плодовых деревьев, но их размеры ненамного превышали

толщину снежного покрова. Из снега виднелись только верхушки крон, покрытые ледяной коркой и снежными шапками. Майк уже видел подобное и теперь пытался по габаритам того, что ещё осталось на поверхности, определить глубину снега в этом месте. Выходило, что ярдов шесть, в городе снежный покров был толще, как ему показалось. Два часа отряд двигался в среднем темпе, щадя утомлённых бешеной скачкой тягловый тварей, и Майк задремал, радуясь тому, что опасность миновала. По его подсчетам, до границы мирового ледника оставалось не более сорока миль, двухкилометровая стена,

растянувшаяся по всему горизонту, возносилась ввысь, и можно было различить огромные клубы снега, срывающегося в пропасть под порывами мощных ветров.

Наконец выглядывающий из-под снежной толщи лес закончился, сменяясь идеально ровной белой целиной, и впереди показался довольно крупный холм неровных очертаний. Отряд подошел к нему вплотную и остановился, выстраивая сани параллельно друг другу. Майк открыл глаза и огляделся. Вблизи холм оказался нагромождением каких-то железобетонных обломков, засыпанных снегом, и косматые головорезы, похоже, решили

использовать его в качестве укрытия для организации привала. Жлобы снимали с саней свои походные мешки, сбросили лыжи и принялись ковыряться в поклаже, доставая какие-то вещи. Поначалу Майк обрадовался, решив, что варвары собрались организовать прием пищи для восстановления потраченных сил и готовятся разводить костры, тем более что по их меркам сильно потеплело, но всё оказалось иначе.

Головорезы одевались. Несколько минут он непонимающе смотрел, как косматые жлобы натягивают на себя толстые одежды с широкими кожаными и металлическими вставками.

Странные одеяния наглухо закрывали не только ноги и обычно обнаженные руки варваров, но и шею, и голову, и почти всё лицо, оставляя видимыми лишь глаза. Особенно непонятым являлся головной убор, венчающий весь этот маскарад: явно металлическая штукавина сфероконической формы, с которой свисало какое-то кольчатое плетение, вроде проволочной вуали, закрывающее всё, кроме как раз таки лица. Майк, разглядывая столь нелепое шоу, не смог сдержать улыбки, радуясь, что русские троглодиты всё равно не смогут её заметить под лицевой маской, как вдруг похолодел от внезапной

догадки. Это же доспехи! Примитивные дикарские доспехи, что-то подобное он видел в фэнтезийных и исторических блокбастерах, только там они были гораздо эффектнее и мощнее.

— Мистер Свитогоа, — Майк, спиной чувствуя недоброе, крепче сжал щит и вылез из саней. — Что вы делаете? — Он подошел к одевающемуся головорезу, стараясь ступать осторожнее, чтобы не увязать в неожиданно рыхлом снегу. — Что происходит?

— Доспехи надеваю, али не видишь, человече? — неторопливо ответил тот, застегивая крючки.

— Я вижу! — закивал Майк. — Я

хотел спросить, для чего вы делаете это?

– Готовимся к сече, – лаконично объяснил косматый варвар, не переставая снаряжаться.

– Что?! – опешил Майк, инстинктивно озираясь. – Но... но ведь мы ушли от погони! Мы скрылись от тех кровожадных коротышек! Они потеряли наши следы в снегопаде и прекратили преследование! Мистер Би-елоу-заа сказал, что они не будут гнаться за нами, если выйти из города!

– Они и не гонятся. – Головорез подпоясался кованым ремнем, на котором висели сразу два меча с разных сторон. – Их территории

остались позади. Здесь начинается земля Ваххов. Их логово внутри АЭС, и наш путь лежит мимо её развалин. Через каннибалов не пройти так же просто, как через город. Ежели рыбоеды упредили своих союзников, то сечи не миновать.

– Каннибалы?! – от страха у Майка перехватило дыхание. – Через них не пройти так же просто?! Это вы называете «просто»?! Нас чуть не наштиговали копьями, не зарезали ножами и едва не расплющили обломком здания!!! И сейчас, когда до ледника осталось совсем немного, вы говорите мне, что готовитесь к какой-то абсолютно безумной резне с людоедами?! Мы должны обойти

их!

— Мы и обойдем, — согласился косматый громила. — Но это поможет лишь до поры до времени. Подъем на поверхность Великого Льда расположен аккурат напротив АЭС, и вороги заметят нас, едва мы полезем в гору. Они бросятся следом и ударят в спину. Нам на себе груз тащить, а им налегке бежать. Не уйдем. А спины под стрелы подставлять негоже.

Головорез обул ноги в лыжи, ловко завязал крепежные ремни и надел на голову шлем.

— Да и сани у стены не бросишь, — закончил он. — Сожрут животину супостаты и добро

походное разграбят. А коли отпустить зверей восвояси, то рыбоеды на обратном пути перестреляют. Посему всё одно выходит – сече быть. Ваххи токмо силу уважить могут.

– Но нас же мало! – Майк не верил своим ушам. – Если вы знали, что подъём на ледник находится возле самого логова каннибалов, почему не взяли с собой больше солдат?! А если вы не справитесь?!

– Ты желал спросить, а если Ваххи убьют тебя, птицу важную? – раздался позади насмешливый девичий голос, и Майк оглянулся. Рядом стояла дикарка, у ног которой сидела рысь-переросток и сверлила его маниакальным взглядом

кровожадного хищника. – Не робей, гость, я тебя спасу!

– Это не смешно! – окрысился Майк. – Если моё снаряжение окажется повреждено, я погибну от Холода, и вы не получите в своё поселение тёплый климат! В Новой Америке замерзнет заживо множество людей, и их гибель будет на вашей совести!

– Экий ты совестливый, как я погляжу! – съязвила дикарка с откровенной насмешкой в глазах.

– Весняна! – одернул её Святогор, нахмурившись. – Ступай-ка в сани! – велел он.

Девушка виновато посмотрела на головореза, мол, извините, не

удержалась и ляпнула лишнего, молча развернулась и направилась к повозкам. Возмущенный Майк мстительно заявил ей вслед:

– А если каннибалы схватят вас, мисс?! Что тогда с вами станет, вы об этом подумали?!

– Не кипятись, человече, – прервал его косматый громила. – Это она сгоряча, молода ещё. Ступай за ней в сани и не отходи. Ежели Ваххи появятся, делай, как Весняна велит, и жив останешься. Остальное – наша забота. Тут не числом брать надобно, а умением.

Головорез   подхватил
опустевший походный мешок и ушел
разговаривать с владельцем медведя,

как обычно сидящим возле своего монстра на краю лагеря. Майк вернулся к саням, твердо намереваясь выяснить у молодой дикарки, каковы гарантии его безопасности, но сидящая у её ног хищная кошка, увидев его приближение, вперила в него свой бешеный взгляд. Не разжимая челюстей, она начала издавать тихое угрожающее завывание, маниакально шевеля коротким хвостом из стороны в сторону. От страха Майк замер на месте, прикрываясь щитом. Зверомутант собирается броситься на него!!! В этот момент сексапильная дикарка, не обращая на него внимания, что-то сказала монстру,

вынуждая его затихнуть, и пятнистая кошка умолкла. Агрессивная тварь явно не успокоилась, она улеглась на пол, но продолжала таращиться на Майка полным звериной ненависти взглядом и время от времени демонстративно лениво щелкала клыками.

Майк счел разумным не подходить ближе и уселся напротив спесивой стервы на самый край лавки. Дикарка по-прежнему игнорировала его и занималась тем, что протирала какой-то шероховатой тряпицей здоровенный кинжал. Её длиннополая шуба была расстегнута, и поверх сарафана появился боевой ремень с ножнами, такой же, как у

остальных жлобов. Помимо кинжала на нем висели ножны размером поменьше и несколько небольших кожаных не то мешочков, не то подсумков, застегнутых наглухо. Майк насторожился. Уж не туда ли она переложила артефактные приборы, готовясь к возможной резне? И вообще, зачем ей оружие?! Она что, собралась кого-то убивать?! У них тут у всех проблемы с головой! Особенно у местного князька, который позволяет своей дочери вот так запросто слоняться по кишачей враждебными дикарями местности фактически без охраны. Почему он до сих пор не прислал сюда целый батальон своих рейнджеров – или как

там они называют свою тупую солдатню, Майк не понял – вояк, что ли? Почему не спасает дочь?! Вот отец Лив, мистер Чарльз Шекельсон, прислал за дочерью спасателей даже несмотря на жуткую катастрофу, разразившуюся в тот момент повсюду!

Он помрачнел, вспомнив последнюю встречу с Лив. Она велела охране убить его, если он приблизится! Она не могла так поступить! Нет, просто Лив была напугана катастрофой, она была в шоке! Кроме того, с ней был тот богатенький хлыщ, это он подстрекал её! Наверняка шантажировал, угрожал рассказать всё отцу или

выложить в интернет видео. Недаром же он тогда снимал всё происходящее на мобильный – наверняка надеялся получить на Лив компромат. Вот она и была вынуждена так вести себя с Майком. На самом деле её глубоко потрясла жертва, принесенная им на алтарь их любви. Да! Так и было! Несомненно! Лив делала вид, что относится к Майку плохо, но втайне любила его. А эта косматая дылда делает вид, что относится к Майку дружелюбно, но на самом деле ненавидит его. О'кей, он тоже ненавидит этих полудиких жлобов, разгуливающих на пятидесятиградусном морозе в своих убогих безрукавочках. Пародия на

полноценного человека! Ничего, вы у меня сначала спасёте оплот мировой демократии, а потом демократия придет к вам и спасёт от шовинизма. А заодно от безделья. Применение столь привлекательной с точки зрения потенциала рабочей силе они с замдиректора Коэном найдут, можно не сомневаться! Майк зло скривился, пряча ухмылку под лицевой маской, и принялся надевать снегоступы. Не стоило их вообще снимать, но кто же знал, что ему предстоит пережить нападение каннибалов?!

— Бегать по снегу тебе не придется, гость, — без тени эмоций произнесла спесивая дылда, убирая

кинжал в ножны. — Ежели только пару шагов! В остальном — только ползать, так что смотри, коли собрался снегоступы надевать, не потеряй их в сумятице!

— То есть как это — ползать? — не понял Майк. Это что, очередная издёвка? — О чем вы говорите?

— О том, что как только сеча начнется, спрыгивай за борт да залезай под сани. — Дикарка встала и принялась застегивать шубу. — Под санями хорониться будешь, кабы чего не вышло... — Она посмотрела на него и вздохнула с едва заметной досадой: — И я вместе с тобой. Святогорушка велел стеречь тебя и не отходить ни на шаг. Вот свезло — так

свезло... — Она уселась обратно на лавку и принялась чесать рысь-переростка за ухом. — Тимофей Котофеич, ты уж с нами побудь, подсоби мне.

— Как скажете, мисс, — не стал спорить Майк. — Хотя в бою я мог бы оказаться полезен.

Укрыться под санями не самая плохая мысль, главное, не проситься в сражение слишком активно, не то ещё согласятся. Озвучил один раз, и достаточно. Позже, если потребуется, он сможет заявить, что предлагал свою помощь, но его проигнорировали. Глупый героизм никогда не приводит к чему-либо хорошему, достаточно вспомнить

того же Переса или Мак-Алистера. Поэтому если дикарка считает, что является для него надежным телохранителем, — и ради бога. Так даже к лучшему, в случае чего, может быть, каннибалы схватят её вместо него. Вот и будет от неё польза! А для большей гарантии, находясь под санями, надо ещё зарыться в снег, так его шансы возрастут. Если зверо-мутанты не вмешиваются в резню человеко-мутантов и никакая голодная тварь не нападет на него снизу, то под санями он не будет заметной мишенью. Проблема в том, что будет, если каннибалы попросту перебьют всех русских варваров до единого... Адекватность вожака

двухметровых жлобов вызывала у Майка всё больше сомнений. Знать, что путь будет пролегать через территории кровожадных каннибалов, и всё равно послать с ним жалкую горстку солдат вместо крупного отряда! Дикарский князёк точно идиот! Неудивительно, что он не в состоянии уследить даже за собственной дочерью.

— Вес-ни-ана, скажите мне, разве ваш отец не пошлет солдат, чтобы вернуть вас? — Майк посмотрел на дикарку сочувственным взглядом. — Вы уверены, что ваш отец не пришлет вам на помощь других воинов?

— Сам — нет, — покачала головой

та. – Осерчает на меня за самоволие. И матушке достанется, что на мою сторону встала и подсобила. А вот люди, как прознают о том, что стряслось, так соберут Совет и велят батюшке ратников за мной отправить. Род не может себе позволить ворожею сгубить.

– Так давайте подождем, когда прибудет подкрепление! – обрадовался Майк. – Зачем рисковать жизнями в бессмысленной кровавой резне?! Подойдут ваши солдаты, и наши шансы возрастут!

– Не скоро они подойдут, гость, – в уголках пухлых губ дикарки мелькнула хитрая улыбка. – Не прознал ещё батюшка про побег мой,

чую я! Да и негоже ему знать, не хочу его перед родичами осрамить да самой осрамиться, раз уж Святогор всё равно с собой не взял. Провожу вас до Великого Льда и вернусь с воями в скуф, никто и не прознает. К чему ждать ещё несколько дней посреди земли Ваххов? Сыщут они нас, разошлют рыбоедов повсюду и сыщут. И электричество, коим одёжа твоя питается, с каждым днем истощаться будет. Так и иссякнет посреди ледника. Заряжать-то как?

Раздосадованный Майк кивнул в ответ и принялся проверять свой ледоруб, чтобы скрыть охватившие его страх и раздражение. Идиотизм какой-то! Резни не избежать потому,

что того требует выпендрёж этой дикарки-переростка! Теперь понятно, почему охранять Майка отправили так мало солдат. Для них это билет в один конец! Наверняка таким способом князёк решил избавиться от неудобных, он, Майк, именно так бы на его месте и поступил. Скорее всего, к нему приставили самых нелояльных головорезов, а тот расфуфыренный свастиками маньяк верхом на медведе неуправляем или чрезмерно своеволен. Вот как осуществлялся кастинг! Громила-напарник уйдет вместе с Майком в Новую Америку, а остальные героически передохнут в резне с каннибалами, если не на

пути туда, так на обратном – точно! Да и дьявол с ними со всеми, главное, чтобы Майк уцелел. Хотя ему будет немного жаль дикарку – такое тело пропадёт зря!

– Топорик свой припрятать до поры, человеке! – Майк аж подпрыгнул на лавке. Этот косматый идиот опять подкрался к нему внезапно! Всем этим фашиствующим дикарям доставляет удовольствие издеваться над ним, это Майк уже понял. – Не то выронишь ещё в суматохе, – громила-напарник стоял у борта саней и пялился на него сверху вниз своим фирменным взглядом задумчивого идиота. Наверное, для храбрости перед

резней употребил «соль», которой они «балуют» своих тягловых тварей. – У края не сиди, держись ближе к Весняне. Мы отправляемся!

Головорез взмахнул рукой, и сани тронулись, медленно выползая из-за заснеженного нагромождения бетонных обломков. Майк, опасливо глядя на рысь, подсел ближе к дикарке, и пятнистая кошка лениво заползла под лавку, скрываясь из вида. Так вот где она прячется в то время, когда её не видно! Майк невольно поёжился. Практически неуправляемая хищная тварь в любой момент может вцепиться ему в ногу, огромный медведь едва не затоптал его, о диких мутантах и кровожадных

коротышках он уже и не говорит! Теперь ему светит перспектива резни с каннибалами, а он ещё даже не поднялся на поверхность мирового ледника. Что ещё входит в блестящий план косматых дикарей по сопровождению его в Новую Америку?!

Повозки выкатились на открытую местность и привычно набрали скорость. Косматые головорезы, как и прежде, разделились поровну, одна половина сидела в санях, другая бежала рядом. Однако на этот раз они менялись местами гораздо чаще, меньше чем каждые полчаса, и это ещё сильнее распаляло в Майке и без того

разрастающийся страх. Дикари берегут силы для резни, это понятно. Значит, шансов её избежать действительно немного. Спустя два часа езды всадник на медведе неожиданно изменил курс, отворачивая чуть ли не на сорок пять градусов, резко увеличил скорость и быстро скрылся вдали. Майк опешил. Куда он направился, когда отряд в такой опасности?! Этот медведь мог бы отпугнуть каннибалов, а теперь их точно ничего не сдерживает! Вокруг ровное, как стол, заснеженное пространство, пару саней в окружении полутора десятков дикарей видно от самого горизонта! Если численность

каннибалов даже вдвое меньше, чем кровожадных коротышек, то они обязательно нападут! Если прежде это не сделает дикое зверьё!

— Мисс Вес-ни-ана, почему мистер Би-еллоу-заа покинул отряд? — Майк с тревогой посмотрел вслед удаляющемуся медведю и перевел взгляд на дикарку. — Мы могли бы использовать его медведя в бою с каннибалами! Разве не для этого на зверей надели защиту?

— Витязям лучше ведомо, как вершатся ратные деяния. — Напыщенная стерва извлекла из кармана толстые кожаные перчатки и принялась натягивать их на руки. — Коли Белазар покинул нас, стало

быть, тако и надобно. Лосей же тягловых мы не ради сечи защитой укрываем, их сохранить надобно, а не в битве погубить. Будь начеку, гость, АЭС уже близко.

Она кивнула в сторону вознесшейся в небо исполинской ледяной стены, медленно плывущей навстречу саням, и Майк заметил на горизонте слева по курсу очертания каких-то строений. Отряд обходил их на значительном расстоянии, но даже отсюда можно было понять, что смотришь на комплекс крупных промышленных сооружений. Учитывая глубину снежного покрова, выпирающие из-под снега здания имели значительные размеры, и ещё

большее количество сооружений погребено под мертвенно-белой поверхностью. Следующий час прошел в напряженном ожидании, и Майк не сводил глаз с ползущих мимо далеких обледеневших руин. На такой дистанции уплывающий назад комплекс строений, поблескивающий в солнечных лучах толстым ледяным панцирем, казался пустынным и безжизненным, и Майку стало немного легче. Он оглянулся в другую сторону и заметил на горизонте темнеющую полосу такой же насквозь промерзшей растительности.

— Мы не слишком близко от АЭС? — поинтересовался он у

спесивой дылды. — Я уверен, что нужно отойти дальше! Мы вообще могли бы дойти до ледника там, по лесу! Так нас не было бы видно!

— По лесу к Великому Льду не пройдешь, — дикарка вглядывалась в далекие развалины. — Кромка ледника часто даёт трещины, и обломки льдин падают на лес. Там всё завалено ледяными скалами, и в любой момент сверху могут прилететь ещё. Кроме того, в том лесу живут звери. И они всегда голодны. Как бы мы ни шли, к подъёму на Великий Лёд придется выходить в одном месте. Там нас и будут ждать Ваххи. Они уже заметили нас и послали шпионов,

следить.

— Что?! — мимолетное спокойствие мгновенно улетучилось, заставляя нервы Майка напрячься, словно струны. — Где?! С чего вы взяли?! Вокруг нас никого нет, здесь абсолютно пусто!

— Вон там, на горизонте, — девица протянула руку в указующем жесте, и Майк заметил на её перчатке несколько коротких острых шипов. — Видишь, черная точка стелется по снегу? Это Вахха.

Майк пригляделся, щурясь от блестящей под солнечным светом снежной целины. Действительно, вдали, параллельным курсом, двигалось едва заметное темное

пятно. Испуганный Майк принялся торопливо обшаривать глазами горизонт и смог заметить ещё одного наблюдателя.

— Они держатся так далеко, чтобы мы их не обнаружили? — Майк заметил третью, а следом четвертую и пятую точки уже с другой стороны. — Они окружают нас! Мы должны ехать быстрее!

— Силы сейчас надобно приберечь для сечи, — спокойно возразила дикарка. Неожиданно она закрыла глаза, развела руки ладонями вверх и умолкла, словно впад в ступор.

Майк отпрянул от неё, неуверенно озираясь. Сейчас не

время и не место для первобытных суеверий, нашим жизням грозит опасность! Но косматые жлобы продолжали бег, и лишь головорез-напарничек внимательно смотрел на застывшую девуцу, словно ждал чего-то.

— Ваххи не ждали нашего появления и не успели собрать полную силу, — неожиданно произнесла дикарка, выходя из оцепенения. Она обернулась к Святогору: — Но они поняли, куда мы идем, и сейчас бегут туда со всех ног. Там, за горизонтом, дабы нам было не увидеть.

Головорез кивнул ей в ответ, что-то сказал возницам, и те пустили

тягловых тварей вскачь, быстро удаляясь от бегущих на лыжах жлобов. Майк с надеждой посмотрел на быстро разрастающуюся в полнеба двухкилометровую стену ледника. Может, кровавой резни ещё удастся избежать. Ведь всё вышло так, как он и предполагал: часть головорезов осталась прикрывать его подъем на ледник, повозки мчатся во весь опор, главное – успеть в нужное место прежде каннибалов. Тем временем упряжки повернули влево и пошли на сближение с ледниковой стеной курсом, сходящимся с направлением движения вражеских шпионов в одной точке.

Майк взгляделся в бесконечно

огромную ледяную толщу. Там, куда двигались упряжки, исполинская стена не была строго вертикальной. Когда-то давно огромный фрагмент стены не выдержал противоречий разнонаправленных внутренних напряжений, откололся от ледовой толщи и рухнул вниз. Должно быть, его падение явилось настоящим мини-апокалипсисом для этих мест – гигантские ледяные обломки были густо разбросаны по значительной площади примыкающей к леднику пустоши и выпирали из многометрового снега подобно острым скалам. Получившийся в результате отделения этого фрагмента подъём на первый взгляд

мало чем отличался от отвесного, но сейчас Майка больше интересовали россыпи ледяных глыб, в лабиринт которых ему предстоит попасть в ближайшие минуты. Вроде там пусто и на снегу не видно следов...

— Каннибалы не могли опередить нас? — он всматривался в горизонт, но едва заметные точки вражеских наблюдателей исчезли из виду. — Кому из нас ближе до места подъема?

— Им, — ответила дикарка. — Но верхом да на санях они не ездят, так что мы успеем к подъему первыми и подготовимся к сече. Надобно распрячь да отпустить лосей, дабы вороги не порубили в сече. Позже я

соберу их, когда настанет час.

— Каннибалы не используют животных в качестве транспорта? — удивился Майк. Неужели здесь есть кто-то, не носящийся верхом на лосях и оленях. — Почему? И для чего тогда мы сделали настолько большой крюк? Если бы мы ехали ближе к той АЭС, то потратили меньше времени!

— Ваххи не ездят верхом потому что сжирают всё, что не может их убить или убежать, — косматая дылда уже не смотрела в сторону уплывающих вдаль развалин. Её взгляд был устремлен вперед, вглубь россыпи ледяных скал. — И нельзя подходить к АЭС ближе. И земля, и воздух, и даже снег там отравлены

радиацией. — Она бросила на Майка короткий взгляд: — Ты ведь знаешь, что это такое, гость! АЭС была разрушена холодом и ураганами ещё до того, как этот ледник стал таким высоким. С тех пор никто не подходит к этим землям. Там живут только Ваххи, злобные мутанты, терзаемые вечным голодом и бесконечной ненавистью ко всем, кто не столь уродлив, как они сами. Они пожирают всех, а когда не могут найти пищу, убивают и жрут друг друга. Их гораздо меньше, чем рыбоедов, но рыбоеды боятся Ваххов и всячески пытаются задобрить их подношениями, дабы заключить союз. И когда такие союзы

закljučаются, рыбоеды
беспрепятственно пропускают
отряды Ваххов в наши земли и
помогают им в набегах. И вообще
делают всё, дабы Ваххи не учиняли
набеги на них самих и не пожирали
представителей их народа.

Молодая дикарка вновь закрыла
глаза и замолчала, уходя в себя. Но на
этот раз ненадолго.

– Сейчас именно такой союз, –
продолжила она. – И многие отряды
Ваххов ушли терзать землю Расичей.
А ратники Расичей ходят дозором по
порубежным землям, дабы встретить
ворогов... – Она сделала паузу, после
чего неожиданно добавила: —...И
порубить их в капусту! – В её голосе

зазвенели стальные нотки. – Ваххи приносят всем лишь горе и погибель, они не желают трудиться и созидать, они могут лишь отбирать чужое. Жаль, что ни рыбоед, ни Расич не проживет и дня, если проведет внутри АЭС лишь час. Иначе Ваххов поголовно перебили бы ещё сто лет назад! Но сейчас у нас будет возможность отплатить за жизни павших родичей хотя бы некоторым из них!

Девушка обернулась к ближайшему из запакованных в дикарскую броню головорезов:

– Впереди засада! – Она указала на приближающиеся ледяные скалы. – За той льдиной, пятеро

Ваххов с копьями, пришли три минуты назад, это самые первые. Остальные бегут к ним от АЭС, будут здесь через четверть часа.

Громила кивнул и одним прыжком выскочил из мчащихся саней прямо в лыжах. За ним последовали ещё двое, и обе упряжки заложили вираж, обходя опасное место справа. Головорезы устремились вглубь ледового лабиринта, скрываясь из вида, и повозки, обогнув несколько многометровых ледяных скал, въехали в него с другой стороны. Мчаться на большой скорости через нагромождения разновеликих полупрозрачных скал и рифов стало

опасно, и возницы осадили рогатых монстров. Они пустили зверьё легким бегом, уводя упряжки всё глубже в лабиринт, и вскоре Майк перестал ориентироваться в многочисленных поворотах. Хорошо ещё, что взметнувшуюся в небо стену мирового ледника видно отовсюду, иначе так недолго и заблудиться. А издали это нагромождение ледяных обломков выглядело не таким уж и большим.

Неожиданно для Майка передовая повозка зашла в небольшой тупик, и обе упряжки остановились. Он было подумал, что косматые остолопы, двигавшиеся первыми, заблудились и теперь

придется ждать, пока они выведут сани из тупика, но вместо этого возница и сидящие там головорезы выскочили из саней и сгруппировались вокруг тягловых монстров.

— Что они делают?! — Майк посмотрел на дикарку, обводящую ледяной лабиринт пристальным взглядом. — Мы теряем время! Надо успеть подняться на ледник до появления каннибалов!

— Они распрягают лосей, — негромко ответила заносчивая дылда. — Животные разбегутся среди льдин, затеряются и скроются от Ваххов. Сани мы оставим здесь, в них лежит всё, что предназначено для вашего похода, они не должны

пострадать. Вылезай, гость! Пора готовиться к сече!

– Что?! О чем вы говорите?! – Майк не поверил своим ушам. – Какая битва?! Мы должны немедленно начать подъем на ледник! Пока не появились каннибалы!

– Хорошо ли твои уши служат тебе, гость? – Дикарка слегка приподняла брови, отчего на её лице возникло скептическое выражение. – Тебе же было сказано, что с грузом на плечах от погони не уйти. Подъем на Великий Лед идет круто в гору и тянется три версты с лишком! Чтобы втащить туда разобранные сани, нужен десяток воев, могучих и

выносливых! А потом части ваших саней предстоит собрать воедино. Мы справимся со всем этим аккуратно к рассвету! Ты настолько испуган, что всерьёз считаешь, будто Ваххи станут спокойно взирать на наши деяния?! Вылезай! И ступай к саням с походной поклажей, будешь стоять подле них. Едва завидишь Ваххов – полезай под сани и хоронись в снегу, дабы одежду твою не повредило невзначай! Не сиди пнём! Поди вон из саней!

Майк хотел было возмутиться, но из-под лавки пятнистой молнией выпрыгнула здоровенная рысь и замерла в футе от него, оскалив кривые клыки. Монстр яростно

зашипел, сверкая узкими кошачьими зрачками, и Майк опрометью выскочил из повозки. Он оторопело отошел к задвинутым в тупик саням и смотрел, как головорезы отвязывают от упряжек тягловое зверье и молодая дикарка разгоняет рогатых монстров прочь. Твари разбежались, исчезая в ледовом лабиринте, и косматые громилы принялись вручную толкать вторые сани. Повозку развернули перпендикулярно первой и пододвинули к ней вплотную, запирая тупик, словно пробкой. После этого двое дикарей забросили за спину щиты, перелезли за образовавшуюся баррикаду и взялись

за луки. Остальные распределились по изготовленным к обороне саням, приготовили копья и сомкнули щиты.

В глубине лабиринта раздался полный ярости истеричный визг, множественным эхом разносясь меж ледяных скал, и следом за ним пришел звон клинков. Визг перешел в хрип, обрываясь, и всё стихло. Майк почувствовал, как изнутри его тело медленно заполняет панический ужас. Каннибалы уже в лабиринте!!! Они где-то рядом, они приближаются!!! В следующую секунду кто-то схватил его за плечо, и он едва не заорал от страха. Крик застыл у него в горле, он бросился бежать куда-то, но тут же

натолкнулся на сани.

— Ты собрался в сечу, гость? — рядом с ним стояла молодая дикарка и смотрела на него предельно серьёзным взглядом. Когда она перелезла через баррикаду?! Он же был здесь один! — Не горячись, помни, одежда-то у тебя хрупкая! — продолжила она с неменьшей серьёзностью. — Да и видать тебя издалека, гладенький такой, на солнышке блестишь. Все Ваххи на тебя сразу ополчатся! Посему придется тебе битву пропустить! — Девушка кивнула на повозку: — Не печалься! Ты, главное, под санями схорониться не забудь, место надежное, правду говорю, я сама там

с тобой сидеть буду!

От внезапного испуга сердце бешено колотилось, и Майк тяжело дышал, переводя дух. Чертова стерва чуть не довела его до инфаркта! Ничего, дайте только выжить, Майк вас всех к Реактору доставит, там достойная компания давно дожидается, увидим, какие вы храбрые и сильные! Спереди донесся шорох, и из-за нагромождения скал появились трое головорезов, тех, что ушли отвлекать на себя засаду каннибалов. На их доспехах виднелись заледеневшие брызги крови. Один из них коротко кивнул засевшим в санях жлобам, троица влезла на баррикаду и принялась

счищать с клинков застывшую на морозе кровь.

Когда Майк понял, что и на этот раз нападения не произошло, он поймал себя на мысли, что прячется за повозкой, стоя на полусогнутых ногах. Надо взять себя в руки! У него есть щит, это раз, благо он с ним не расстанется с самого въезда в город коротышек. Здесь, за повозкой, его почти не видно, это два. Первая волна нападающих его точно не заметит, она столкнется с русскими, и у него будет время укрыться под санями. Там надо будет зарыться в снег, это три. И оттуда смотреть, что происходит вокруг. Если русских перебьют, есть шанс отлежаться под

снегом, вряд ли каннибалы будут двигать повозки, раз они не пользуются гужевым транспортом. Арктическое снаряжение запросто выдержит и сутки такого лежания, главное, чтобы кислорода хватило. Это уже четыре! В итоге получается, что ситуация лучше, чем под Воронкой, из которой его вытащил бригадир Уокер. Кстати, о спасателях. Дикарка же сказала, что рано или поздно её будут искать. Значит, при определенном везении его найдут вместо неё. Короче, надо прекращать паниковать и позаботиться о собственном выживании! Майк уселся на снег, принимая удобное положение между

ледяной скалой и санями, прикрылся щитом и принялся ждать.

Глава четвертая

Приближение каннибалов он услышал издалека. Из глубины ледового лабиринта донесся невнятный шум, беспорядочно разносимый эхом в разные стороны, отчего понять, откуда в действительности приближается звук, было невозможно. Шум быстро нарастал, превращаясь в скрип снега под множеством ног и нестройное, хриплое, присвистывающее дыхание десятков бегущих существ. Майк невольно сжался, скрываясь за щитом. Или здешняя акустика даёт такой объёмный эффект, или сюда

действительно двигается огромная толпа! Вибрирующий в такт эху звук становился всё громче и спустя несколько секунд заполнил лабиринт целиком, зловеще давя на уши, но пространство перед баррикадой всё ещё оставалось пустым. Майк с трудом подавил нестерпимое желание залезть под сани немедленно и начать закапываться. Он успеет, обязательно успеет, сперва нужно понять, чего вообще ожидать. Вдруг каннибалы не найдут их в этом лабиринте и попросту пройдут мимо, а он поспешил спрятаться! Со стороны это будет выглядеть не лучшим об...

Каннибалы появились со всех

сторон. Огромная толпа высыпала из-за нагромождений ледяных скал и разразилась хриплыми истеричными воплями. Майк похолодел. Каннибалов было сотни, и вид их был ужасен. Черноглазые и черноволосые, со звероподобными чертами лица, кривыми черепами и крупными горбатыми носами и едва ли не втрое более косматые, чем русские варвары. Темно-серая кожа сливалась с курчавым черным волосом, густо покрывающим обнаженные руки, грудь и загривок, виднеющиеся сквозь прорехи в дикарских доспехах. При этом каннибалы оказались начисто лишены волос на черепах, на

которых уродливо выпирали бугры мутаций. Ростом Ваххи оказались чуть выше Майка, но вдвое шире его в перекошенных генетическими травмами плечах, их мощные нижние челюсти выглядели способными одним движением откусить человеку палец или выдрать из горла кусок плоти. Из-за нарушенных пропорций тела каннибалы испытывали проблемы с одеждой: у кого-то были вынужденно оборваны рукава, у других узловатые от раздувшихся мышц ноги вместо штанин защищали перетянутые кожаными ремнями обмотки. Третьи проделывали в одеяниях дыры в нужных местах, и из них торчали покрытые кудрявым

черным волосом кривые суставы или мышечные наросты. Их доспехи представляли собой мешанину из элементов снаряжения рыбоедов, русских и чего-то ещё, похоже, какого-то старья двухсотлетней давности, отчего Ваххи выглядели ещё более громоздко и жутко. Бежать с таким грузом на себе даже не на лыжах, а на корявых снегоступах, явно отобранных у плосколицых коротышек, могли только очень сильные физически существа. Назвать Ваххов даже дикарями у Майка язык не повернулся.

Однако мутанты отнюдь не были тупым, лишенным разума стадом. Их предводитель, здоровенный

кривоногий горбоносый громила с огромной курчавой бородой, растущей едва ли не во все стороны сразу, вскинул вверх узловатую руку, сжимающую огромный молот, изготовленный из цельного куска какого-то металлолома, и издал резкий истеричный вопль. Колышущаяся живая масса остановилась, изрыгая яростные угрожающие вопли и потрясая оружием, и вожак, хрипя от охватившего его бешенства, оглядел представшую перед ним баррикаду. Серокожий громила проорал команду, и толпа каннибалов метнула копья. Русские варвары синхронно присели на колени, скрываясь за

щитами, пара лучников нырнула под баррикаду, и град метательных снарядов накрыл тесный ледовый тупик. Сразу три копья ударили в щит Майка, заставляя его вздрагивать от каждого удара, и толпа горбоносых истерично завизжала. Ждать, когда очередным шальным снарядом его проткнёт насквозь, Майк не стал. Он отбросил щит с точащим из него кривым ржавым копьём и полез под сани, ругая себя за идиотский героизм.

Надо было сразу закапываться, ведь как чувствовал!!! Сотня каннибалов-мутантов, бряцающая холодным оружием полутораярдовой длины, сметёт десяток русских

остолопов за секунду, и не помогут ни двухметровый рост, ни голубые глаза, ни расфигаченные свастиками примитивные доспехи! Майк судорожными движениями заполз под самый центр саней и принялся лихорадочно зарываться в снежную толщу. Эта заносчивая дикая стерва получит то, чего заслуживает! Он вдруг понял, что нигде не видит молодой дикарки, наверняка она уже закопалась до самой земли, хитрая тварь! Знала, что так будет! Майк изо всех сил орудовал руками и ногами, разгребая плотный снег, и в этот момент вожак горбоносых провизжал команду, бросая хрипящую от бешенства толпу в атаку. Майк

отчаянно рыл, панически боясь не успеть, и не сводил глаз с начавшегося избиения.

Обзор из-под саней был сильно ограничен, и происходящее ему удавалось разглядеть плохо, но русские варвары, похоже, совсем не пострадали от обстрела копьями. Шеренга из восьмерых бойцов стояла на баррикаде неподвижно, сомкнув щиты и приготовив копья для нанесения удара, и пара лучников за их спинами с огромной скоростью пускала стрелы в мчащуюся толпу. Пронзенные стрелами серокожие, визжа от боли, падали один за другим под ноги своим соплеменникам, и

разъяренная масса каннибалов мгновенно затаптывала их, не замедляя хода. Толпа Ваххов ударила в баррикаду, заставляя её вздрогнуть, но упёртые в ледяной тупик сани сдвинулись лишь едва. Варвары встретили накатывающуюся волну врагов слитным ударом копий, нанизывая на древко ближайших каннибалов, кто-то из Ваххов попытался избежать стального острия, но напирающая сзади толпа наталкивала передние ряды на копья, насаживая на них по два, а где-то и по три серокожих мутанта.

Майк понял, что варвары уже не держат копья руками, древка уперты в баррикаду и увязают

наконечниками в извивающихся
телах врагов, а двухметровые
головорезы размахивают мечами и
топорами, принимая на щиты удары
столкнувшейся с баррикадой яростно
хрипящей массы. В лучах медленно
уходящего за исполинскую стену
мирового ледника солнца мелькали
дымящиеся горячей кровью клинки,
разлетались густые алые брызги, и
дикая какофония воплей заглушала
свист стрел. Лучники били через
баррикаду в упор, с расстояния в три
ярда, пробивая черепа насквозь,
остро отточенная сталь вспарывала
плоть, от принимающих на себя град
ударов щитов летела щепа. Варвары
рубились молча, словно заведенные,

нанося страшные удары с огромной скоростью. Передние ряды каннибалов оказались порублены в первые же секунды, и хрипло визжащие Ваххи лезли на баррикаду по их трупам. Русские умудрились удержать натиск толпы, это значит, что у Майка есть немного времени, надо закопаться как можно глубже! Их всё равно перебьют, к тому моменту необходимо быть надёжно спрятанным, чтобы не нашли, а это хотя бы ярд глубины, а лучше два! Потом он разберется, как выползти обратно, сейчас главное уцелеть!

«Врага — в землю!» — чужая мысль хлестнула сознание. — «В землю! В землю! В землю!»

Замерший от неожиданности Майк вытянул шею, вглядываясь в кипящую схватку. В рядах каннибалов возникло замешательство, толпа горбоносых отхлынула назад, оставляя передовой ряд рубиться с варварами, и Ваххи завертели головами, разыскивая новых врагов. В образовавшейся сумятице не сразу стало ясно, что прибывшие на подмогу своим русские варвары уже находятся в самой толпе, прорубаясь к баррикаде прямо сквозь серокожую массу.

— В Ар! В Ар! В Ар! — раскатистое эхо донесло тяжелый, отрывистый, свирепо рычащий боевой клич, швыряя его из стороны

в сторону по ледяному лабиринту. Дальняя от прорыва русских варваров часть толпы путалась в отражениях звука и бросалась в бой в неверных направлениях, стремясь встретить пришедшую с неизвестной стороны угрозу. Те же, кто совершенно неожиданно оказался под ударом, бросались прочь, стремясь не быть разрубленными атакой с тыла. Рванувшиеся спастись каннибалы сталкивались со спешащими на помощь, вызывая сутолоку и увеличивая неразбериху. Вожак горбоносых, не в силах оценить степень новой угрозы во вспыхнувшей мешанине своих и чужих, хрипя от бешенства,

провизжал команду, и его подчиненные отхлынули к нему, организовывая вокруг личных головорезов лидера боевые порядки.

Но надежды Майка на чудесное спасение быстро развеялись. Воспользовавшись устроенной каннибалами перегруппировкой, идущие на подмогу варвары прорвались к баррикаде и в короткой, но жестокой схватке вырезали остатки осаждавших её Ваххов. Спустя мгновение они уже взобрались на баррикаду, и Майк с разочарованием понял, что видит не огромное войско русского князька, пришедшее спасти его дочь, а всего лишь неполный десяток варваров во

главе со Святогором, добравшимся до места боя. Русские сбросили лыжи и присоединились к осажденным, образуя двухшеренговый строй. Варвары изготовились к бою и замерли, ожидая новой атаки. Майк тихо взвыл от досады и страха. Это ничего не изменит, лишь продлит агонию! Вожак каннибалов оценил силы противника и пришел к такому же выводу. Он провизжал команду, и толпа горбоносых ринулась на баррикаду, на ходу осыпая её копьями и стрелами.

Вспыхнувшая резня повергла Майка в шок, и он застыл, не в силах продолжать закапываться. Ваххи рвались вперед, не обращая

внимания на потери. Варвары, стоя на баррикаде, жестокими ударами сверху вниз разрубали атакующих, фонтанами била кровь, отлетали отсеченные головы и конечности, отбрасывались прочь изрубленные в лохмотья щиты. Находящийся в центре построения варваров Святогор рубился двумя мечами сразу, и его мощный силуэт, возвышающийся над беснующейся массой серокожих, более походил на мельницу смерти, бешено вращающую кровавыми лопастями под действием пришедшего из преисподней урагана. Двухметровый головорез наносил чудовищные удары с невероятной скоростью,

успевая парировать летящие в него копья и уклоняться от стрел. Двое варваров по обе стороны от него прикрывали своего лидера щитами от флангового обстрела. Первая шеренга русских рубилась уже по колено в трупах, но стоящие за ними варвары бездействовали, лишь в нужный момент прикрывая щитами себя и своих соплеменников.

Сражающийся в первой линии варвар пошатнулся, засыпанный ударами со всех сторон, но упасть не успел. Двое стоящих позади схватили его под руки и рывком выдернули из битвы. Лучники русских спустили тетивы, посылая стрелы в образовавшуюся брешь, и двоих

Ваххов с пронзенными черепами отбросило на напирающую позади толпу. Их трупы свалились под ноги атакующим, рванувшимся на прорыв, и в эту секунду кто-то из варваров второй линии занял место выбывшего из строя. Рубящийся в самой гуще боя Святогор с едва уловимой глазу огромной скоростью отбил несколько летящих с разных сторон ударов и, не прекращая движения, перевел защитные действия в атакующие. Сверкнувшие в воздухе клинки с интервалом в полсекунды отсекали серокожую руку справа и горбоносую голову слева, и он коротко рывкнул что-то громкое и непонятное. Первая шеренга

варваров дружно нанесла удар и внезапно отступила назад, меняясь местами со второй. Оказавшиеся на передовой русские головорезы вступили в бой со свежими силами, и резня закипела с удвоенной яростью. Поняв, кто у русских главный, с десяток каннибалов ринулись на Святогора, оцетинившись копьями и взмахивая тяжелыми молотами. Но в полушаге от лидера варваров их движения внезапно становились путанными, словно они испытывали трудности с координацией, и удары получались неточными. Двое из атакующих Ваххов споткнулись без видимых причин, падая под ноги остальным, и вопли затаптываемых

каннибалов потонули в общем гвалте сражения. Варвар мощной скоростной атакой поразил ещё двоих, мгновенным выпадом пронзил третьего и резким прыжком ушел назад, вливаясь в общий строй.

За следующие полчаса ряды варваров поредели вдвое, все оставшиеся на ногах бились уже в одной шеренге, но прорваться за баррикаду Ваххам так и не удалось. В какой-то миг без устали рубящийся Святогор рассек надвое голову ближайшему врагу и неожиданно отступил на пару шагов. Он обернулся к одному из варваров и указал на вожака Ваххов, наблюдающего за боем издали, в

окружении двух десятков приближенных, оцетинившихся во все стороны копьями и клинками.

— Гляньте-ка, братья, а Вахха Повелитель-то храбрец, каких поискать! — громко произнес покрытый с головы до ног брызгами заледеневшей крови варвар. — За всю сечу так ни разу молотом своим и не взмахнул. Зато орал знатно, небось даже рыбоеды слышали! И то верно! Настоящий Вахха не тогда муж доблестный, когда врагов порубил, а тогда, когда визжать умеет почище бабы!

Русские головорезы дружно загоготали, не прекращая рубиться, и кто-то из них скабрёзно присвистнул

вожаку Ваххов. Главарь горбоносых не стерпел оскорбления и мгновенно пришел в дикую ярость. Он истерично взревел, заноса для удара тяжелый молот, и бросился в общую свалку. Его приближенные рванулись за ним, расталкивая остальных, и толпа каннибалов взвыла, сотрясая звенящим эхом ледовый лабиринт. Несколько секунд кипела отчаянная мясорубка, потом серокожий вожак заорал, пиная своих подчиненных, и те принялись руками рыть снег, стремясь выкопать перед баррикадой яму и заставить сани перевернуться в неё. Лучники варваров пронзали копателей стрелами одного за другим, но яма росла. Первыми в неё

посыпались трупы, устилающие подступы к саням, но было ясно, что баррикада вскоре рухнет. Святогор отдал команду, и варвары отступили за баррикаду, оставляя в санях лишь порубленные трупы каннибалов.

Увидев успех, вожак Ваххов завопил, воодушевляя остальных, и первым влез на сани. Толпа каннибалов бросилась на штурм, облепляя повозку, и принялась оттягивать её назад. Майк понял, что сейчас путь в небольшой тупик будет открыт, и беснующаяся масса дикарей сметет русских варваров. Он вышел из оцепенения и забился в снегу, углубляя вырытую под собой яму. Увлечшаяся прорывом толпа

каннибалов вопила, оттаскивая сани, и потрясала оружием. Вожак горбоносых первым устремился в прорыв и сошелся в поединке со Святогором. Остальные протискивались в образующийся проход и увязали в бою с оставшимися варварами. Охваченные кровожадным азартом Ваххи рвались добить русских, и уже никто из них не смотрел назад, в тыл, где из дебрей ледяного лабиринта появился огромный бурый медведь, облаченный в доспешную сбрую.

Здоровенная туша беспрепятственно набрала разбег, и спустя четверть минуты живой таран на дикой скорости врезался в толпу

горбоносых. Громкий хруст ломающихся костей заглушило оглушительным яростным рёвом, и трехметровый исполин встал на дыбы, возносясь над ничего не понимающими каннибалами. Могучие лапы монстра взметнулись ввысь, и чудовищный удар разmozжил сразу несколько голов. Кто-то запоздало ударил огромную тварь копьём, и медведь пришел в бешенство.

Восьмисоткилограммовый исполин метался посреди живой массы, давя своей тушей упавших, размалывая лапами рвущихся прочь и разрывая зубами замешкавшихся. Несколько Ваххов попытались сплотиться и

убить монстра, но время было упущено. Оказавшийся в толпе медведь сеял смерть с жуткой скоростью, и плотность пожираемой паникой толпы не позволяла остальным предпринять существенных действий. Кто-то из серокожих, проявляя чудеса храбрости, схватил копье и бросился под медведя, стремясь укрепить оружие между собой и брюхом твари, чтобы та пронзила сама себя под тяжестью собственного веса, но в следующий миг короткий удар клинка пробил горбоносому горло. В общей суматохе мало кто понял, что медведь пришел не один. Вооруженный мечом и кинжалом

варвар стремительно перемещался вокруг крушащего толпу медведя, вырезая всех, кто оказывался в тылу у монстра. Человек и медведь действовали с поразительной слаженностью, ежесекундно меняясь местами, и это сводило на нет последние попытки каннибалов противостоят жуткой твари. Атака Ваххов в считанные секунды превратилась в беспорядочную толкотню, и серокожие заматались в замешательстве, ища взглядами своего вожака.

Их Повелитель, яростно визжа и роняя изо рта пену бешенства, рубился со Святогором. Слишком тяжелое оружие горбоносого не

[illegible]

конечности наливаются усталостью. Этот поединок нужно заканчивать одним мощным ударом, и как можно быстрее, пока не сбилось дыхание и не замедлились движения. Его авторитет перед соплеменниками посрамлен, и только кровь белого врага, вытекающая из отсеченной головы, может смыть нанесенное оскорбление! Каннибал взревел, мобилизуя силы, и мощным рывком мгновенно сократил дистанцию. Он вложил в удар всю свою мощь, умноженную на скорость сближения, и обрушил оружие на варвара диагональным ударом, рассекая его с самой неудобной для защиты стороны. Белый враг выбросил

навстречу меч, но не успел, его движение было слишком слабым, таким блоком не отразить несокрушимый удар! Сейчас меч Повелителя Ваххов прорубит защиту белого вместе с его белой шеей, и все увидят, кто здесь прирожденный воин и настоящий мужчина! Вспарывающий воздух клинок серокожего обрушился на едва прислонившийся к нему по касательной меч белого, и Вахха с недоуменным удивлением понял, что его оружие изо всех вложенных в удар сил скользит по клинку врага. Лезвие с жалобным скрежетом прокатилось по клинку вражеского меча и вонзилось в снег, уводя за

собой Повелителя. Он понял, что неудержимо заваливается вперед, и дернулся всем телом, пытаясь удержать равновесие, и в следующий миг жуткая боль обожгла бедро. Раздался хруст перерубаемой кости, и лишившийся ноги Вахха рухнул, оставшись без опоры. Он заорал, срываясь на звенящий от боли и ярости визг, и рванул увязший по самую рукоять меч из снежной толщи. Но нанести свой последний удар Вахха так и не успел. Перед глазами окровавленной молнией мелькнула сталь, разрубая горбоносую голову надвое, и его сознание навсегда угасло под панические вопли соплеменников.

Гибель Повелителя явилась последней каплей, окончательно растворившей остатки храбрости каннибалов. Труп вожака, разъяренный медведь, в мгновение превращающий сразу несколько человек в изломанное месиво, и перешедшие в контратаку белые гиганты вызвали в толпе вспышку паники, и Ваххи бросились бежать. Тем, кто находился ближе всех к выходу из ледяного тупика, повезло. Они быстро разбегались по ледовому лабиринту, исчезая из вида взбешенного монстра. Те же из серокожих, что успели прорваться за баррикаду, оказались заперты между медведем и белыми. Они пытались

оказать сопротивление, но быстро падали под безжалостными ударами тех, кто ещё несколько минут назад должен был стать их добычей. Несколько Ваххов, пытаясь избежать смерти, бросились под повозки, стремясь проползти под ними сквозь снег и вырваться из окружения. Один из них с разбегу вонзился в снежный покров и пропахал его, зарываясь под сани в ярде от Майка. Их взгляды встретились, и каннибал завопил от страха, увидев перед собой чернокожее лицо, торчащее из-под снега. Он что-то суеверно забормотал, дергая себя за курчавую бороду, выхватил нож и пополз к Майку, не переставая шептать свою

МОЛИТВУ.

– Помогите!!! – закричал Майк, понимая, что зарылся слишком глубоко и не может выбраться.

Он попытался нащупать на поясе ледоруб, но снять его с креплений под снегом оказалось непросто, и Майк заорал вновь, что есть силы пытаюсь отпрянуть от приближающегося каннибала. Вахха резко отвел назад руку с ножом, собираясь нанести удар, и в его шею вонзился клинок кинжала, пригвождая серокожего к вспаханной снежной толще. Каннибал дернулся и затих.

– Не кричи так громко, гость, я рядом! – Молодая дикарка выдернула

кинжал из мертвого тела и быстрыми движениями отерла его об одежду убитого. – Не отвлекай воев от сечи! Вороги разбиты и бегут восвояси, больше тебе ничто не угрожает.

Слева раздался захлебывающийся крик, и Майк в ужасе обернулся. В трех ярдах от первого каннибала под санями бился в конвульсиях ещё один, разбрызгивая кровавые струйки по стерильно-белому снегу. У него на лопатках, вцепившись когтями в плоть, лежала рысь и с хрустом перегрызала ему позвоночник у основания черепа. Дикарка бросила на это жуткое зрелище безразличный взгляд и отвернулась, обращаясь к

Майку:

— Ты жив-здоров, гость? Одежу свою не повредил, пока в снегу хоронился? — Она посмотрела на затухающее сражение и добавила: — Топорик-то у тебя острый, не задел себя ненароком?

— Я... — Майк заставил себя успокоиться. Его била нервная дрожь, сердце бешено колотилось. — Я в порядке... Спасибо, мисс... Как вы успели сюда... я имею в виду, ко мне... под повозку...

— На метле верхом! — усмехнулась девица, не сводя взгляда с силуэта Святогора, огромным прыжком перемахнувшего через разбитую баррикаду в погоне за кем-

то из каннибалов. — Была я тут, — болезненно вздохнула она, глядя на покрывающую броню витязя корку из заледеневшей крови. — Сидела подле тебя всё время, как велено было... — Она на мгновение замолчала и закончила: — Боле врагов окрест нет, но ты вылезай через десять минут, для надежности. А мне к раненым воям надобно. Не робей, за тобой Тимофей Котофеич приглядит!

Девушка поползла наружу, и Майк покосился на таращащуюся на него маниакальным взглядом тварь. Черта с два эта стервозная дылда сидела здесь всё это время! Он был тут один! Никого вокруг не было вообще! Она пряталась где-то в

другом месте, и плевала она на приказ охранять Майка, едва появились каннибалы, скрылась ещё раньше, чем он! Да и дьявол с ней, пускай говорит что хочет, главное, что успела вовремя. Позже, когда Новая Америка будет спасена, если Майк к тому времени вообще будет помнить о какой-то дикарке, он вернется к вопросу «кто где должен был быть и кто где был на самом деле». А пока и на том спасибо!

Он послушно выждал десять минут, убедился, что в пределах видимости нет ничего похожего на поножовщину, и вылез из-под саней. Местность вокруг представляла собой ужасающее зрелище, и Майк

содронулся, невольно вспоминая Реактор. Картина очень похожая, только вместо трупов людей и зверо-мутантов всё усыпано телами человеко-мутантов. Изрубленные в щепу сани, залитый кровью снег, потерявший даже остатки белого цвета. Повсюду только кровавая ледяная корка всевозможных оттенков красного, в которую вмерзли изувеченные мертвецы, отсеченные конечности и разбросанное в больших количествах дикарское оружие. Посреди этого кошмарного зрелища, в самой гуще трупов, сидел облаченный в защитную сбрую медведь и зализывал рану на лапе. Его владелец

стоял рядом и стирал какой-то странной то ли губкой, то ли тампоном рассеченный медвежий бок. Мимо него из глубины ледового лабиринта в тупик возвращались варвары, двое из которых тащили за собой связанного каннибала.

Увидев горбоносого пленника, Майк на всякий случай отступил в сторону и положил руку на ледоруб. Оружия у каннибала нет, это понятно, но если вдруг он вырвется и бросится на Майка, то ледоруб должен быть наготове. Он поискал глазами Святогора. Громила-напарник обнаружился у вторых саней, рядом со своей стервозной самкой. Оба возились с лежащими у

повозки ранеными. Косматые
головорезы тащили пленного
серокожего именно туда, и Майк
решил подойти ближе, с интересом
ожидая развития событий. Варвары
решили казнить каннибала или
подвергнуть изощренным пыткам?
Для чего-то же он им понадобился.
Наверное, хотят отыграться на нем за
смерть своих соплеменников. Майк
присмотрелся к раненым
головорезам. Похоже, убитых всё-
таки нет, может, позже кто-нибудь
умрет... Девять варваров получили
раны разной степени тяжести, но все
они находились в сознании и даже
шевелились. Майк поморщился. Эти
человеко-мутанты слишком живучи,

Холод их не берет, острые ржавые железки – тоже. Горбоносые тоже, насколько ему было видно из-под саней, не умирали от первого же удара клинком. Вообще это хорошо, пригодится, когда дикари будут отбивать Реактор у таких же мутантов, только на четырех ногах. А от пулеметной очереди, вдребезги разносящей череп, не поможет никакая морозоустойчивость.

– Жив-здоров, человеке? – громила-напарник заметил Майка и уставился на него дебильным взглядом. – Одежда твоя цела? Не изорвалась часом?

– Спасибо, я в порядке, – улыбнулся Майк. – Ваши друзья

ранены? Надеюсь, они выживут?

— Раны неглубоки, — кивнул громила, — Весняна быстро поставит воев на ноги, сеча прошла, как задумано было. Белазар с Топтыгиным вовремя ударили, Топтыгин молодец, стерпел и дождался момента переломного, не полез сгоряча в битву очертя голову раньше должного!

— Вы хотите сказать, что ваш друг с медведем явились к месту боя раньше, чем пошли в атаку?! — удивился Майк. — Но почему?! Если бы они напали на дикарей сразу, мы победили бы раньше!

— Ежели б они ударили сразу, быть всем нам у Пращуров, — покачал

головой громила.

— Почему?! Я не понимаю! — Майк указал на полуживого от страха каннибала. — Эти дикари бежали от медведя в панике! Надо было сразу использовать его в бою!

— Медведь могуч и в битве страшен, — согласился жлоб-напарник. — Но не безсмертен. Ваххов восемь десятков было, они сильные, и с медведем в сече сходитья им не впервой. Кабы Топтыгин вступил в битву раньше времени, убили б его вороги. Встретили бы ещё на подходе стеной копейной и числом взяли. А там и наш черед настал бы. Потому и ждал Белазар, покуда Ваххи всем скопом

рубиться не кинулись и о спинах своих позабыли. Это уж после того, когда они с Топтыгиным в толпу врываются, супротив них выстоять мало кому под силу. Они друг друга повадки аки родные братья ведают, почитай двенадцать лет на пару в сечах рубятся.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался Майк. — Теперь, когда каннибалы остановлены?

Надо запомнить данные головорезом объяснения. Лично ему наплевать на тонкости варварской тактики, но замдиректора Коэну эта информация может пригодиться. Но сейчас имеет значение только одно обстоятельство: как быстро Майк

покинет опасную местность и начнет движение к Новой Америке. Датчик системы обогрева показывает уровень заряда элементов питания в восемьдесят пять процентов, а он даже не поднялся на мировой ледник.

— Не остановлены они, с чего ты взял, человек? — непонимающе нахмурился косматый варвар. — Ваххи бегают! Они сейчас спрячутся среди скал и станут совещаться, что делать дальше.

— Вы хотите сказать, что они могут напасть снова?! — ужаснулся Майк, невольно оглядываясь. — Мы же перебили почти всех, остальные разбежались кто куда, побросав

оружие!

— Оружия у них в избытке, — хмыкнул головорез. — И народу хватает. Мы схватились с одним племенем и порубили не боле половины. Остальные племена ушли в набег либо о сече не ведают.

— Тогда чего же мы ждем?! — воскликнул Майк. — Надо уходить отсюда, пока дикари не послали кого-нибудь за подкреплением! — Он с досадой покосился на дикарку, склонившуюся над очередным раненым. Она держала руки над рассеченным плечом, что-то тихо нашептывала на рану, и кровотечение останавливалось на глазах у Майка. Видать, включила спрятанное

медицинское устройство и теперь корчит из себя великого мага. — Нельзя терять время, дорога каждая минута!

Дьявол побери этих варваров! Они дрожат над своими ранеными, словно это важнее, чем спасение Новой Америки! Идиоты, без Новой Америки тепла не будет ни у кого, ни у нас, ни у вас, ни у этих порезанных громил! Майка надо спасать, он залог вашего будущего, а не эти полутрупы! Но варвары не тронутся с места, пока не зализжут раны своим пострадавшим, это Майк уже понял. Стало быть, в любой момент может последовать нападение.

— Не робей, человеке, время у

нас есть, — успокоил его головорез. — Не так просто им за подмогой к другому племени обратиться. Ваххи меж собой ладят худо, ибо когда лютые морозы приносят с собой голод нещадный, они друг на дружку войной ходят да пожирают тех, кто послабее. Ежели сейчас они кому скажут, что были биты, так то племя сюда заявится с удовольствием, нас воевать! Токмо даже если и победят, то все трупы, что свои, что чужие, себе заберут, этим, — варвар кивнул на пленного Вахху, — ничего не оставят. А ведь для них это еда! — Косматый громила посмотрел на горбоносого. — Тяжко своими руками-то столько еды чужакам

отдавать! Ведь не поделятся. А того хуже, ещё и нападут, коли поймут, что племя потеряло много воев и ослабло!

Серокожий что-то визгливо произнес на своём гортанном языке, выплевывая истеричный поток фраз, смысл которых оказался Майку непонятен. Язык Ваххов, судя по звучанию, кардинально отличался от языка варваров, но Святогор, похоже, прекрасно понимал горбоносого. Жлоб посмотрел на Майка и произнес, иронично кивая на горбоносого:

— Ты обожди покуда, человече! Мне с пленником потолковать надобно, у него к нам дело есть.

Он обернулся к связанному каннибалу и несколько секунд рассматривал его ничего не выражающим взглядом, словно обдумывал, что ему более лень: выслушать серкожего или убить.

— А что, Вахха, можно и так! — наконец произнес он. — Забирайте своих мертвяков, коли обещаете боле отряду нашему препон не чинить. Можешь даже молот Повелителя себе взять, мне он ни к чему, а тебе пригодится. Авторитета прибавит среди своих. Я соглашусь, но помни: обманешь — Расичи посулят за твою голову твоим же родичам девять пудов еды. Зимой, как голодно настанет!

Горбоносый разразился быстрой гортанной тирадой, лихорадочно кивая всем телом в знак согласия, и варвар велел своим подчиненным развязать пленника. Тот подскочил на ноги, растирая следы врезавшихся в кожу веревок, и довольно ослабился, потирая всклокоченную бороду. Он что-то сказал Святогору и побежал к телу убитого Повелителя Ваххов. Каннибал подобрал молот покойника и взмахнул им, не прекращая довольно скалиться. В следующую секунду он бросился на труп вожака, вцепился в него зубами и с омерзительным хрустом выгрыз из мясистой руки кусок плоти.

— Иисус Христос!!! — донельзя

потрясенный Майк ошеломленно смотрел на чавкающего человеческой плотью горбоносого, по губам и бороде которого стекали тонкие струйки крови, и с трудом сдерживал подступившие к горлу рвотные позывы.

— Вы знакомы? — удивился Святогор, переводя взгляд с Ваххи на Майка и обратно. — Не ожидал...

— Что?! — вторично опешил Майк. — Нет! Да как вы... — он скользнул глазами по усыпающим стоящих вокруг двухметровых головорезов свастикам и решил не рисковать. — Вы не поняли, это иносказательное выражение, я не знаю этого человека! Если это можно

называть человеком!

– Тут я с тобой соглашусь, – в направленном на Вахху взгляде варвара на краткий миг сверкнула столь дикая ненависть, что Майк невольно вздрогнул. Но взгляд косматого головореза уже ничего не выражал. – Ваххи уверены, что если сожрать могучего воя, то получишь его силу. – Он обернулся к молодой дикарке: – Весняна, сколько тебе надобно времени на дела целительские?

– За получас управлюсь, – ответила та, – большего сейчас не сотворить, тут несколько дней надобно.

– Хорошо, – Святогор кивнул

своим громилам: – Встаем в ратный строй подле Топтыгина. Обождем, покуда Ваххи мертвяков унесут. А ты, человек, – он посмотрел на Майка, – полезай в сани да там сиди. Не надобно тебе супостатам показываться, и без того тебя рыбоеды злым духом чтут!

Каннибалы появились минут через десять. Освобожденный пленник, сожрав кусок руки убитого Повелителя, подхватил его молот и убежал вглубь ледяного лабиринта. Вскоре он вернулся в сопровождении своих серокожих соплеменников. Не все из них были при оружии, но в целом количество уцелевших Ваххов превысило четыре десятка, и

исподволь   наблюдающий   за
происходящим Майк насторожился.
Ему казалось, что в бою перебили
почти всех каннибалов, а выходит,
что их осталось всё равно немало.
Для гарантии он укрылся за санями,
чтобы горбоносым в глаза не
бросалось его арктическое
снаряжение и черная кожа лица. Что
поделаешь, дикие существа – дикие
предрассудки! Ваххи, испуганно
косясь на рычащего медведя,
подбирали трупы и с голодным
блеском в глазах быстро исчезали в
нагромождениях лабиринта. За
несколько минут горбоносые
очистили поле боя полностью, унеся
с собой всё, кроме кровавой ледяной

корки, и залитая кровью местность опустела.

Святогор выслал несколько головорезов вести наблюдение, и варвары приступили к сборам. Порубленные в лохмотья сани, служившие баррикадой, было решено бросить ввиду бесполезности. Их разгрузили и отодвинули в сторону. Затем выкатили из тупика вторые сани и тоже разгрузили, к удивлению Майка. Вместо груза, предназначенного для экспедиции, туда уложили раненых, после чего варвар — хозяин медведя что-то объяснял своему монстру с таким видом, будто тот понимает хоть что-нибудь. Наконец он кивнул

Святогору, мол, всё в порядке, договорился, и медведь, недовольно рыча, направился к саням с ранеными. Белазар со Святогором наскоро впрягли монстра в повозку, и тот потянул её куда-то вглубь лабиринта. Остальные взвалили на себя громадные тюки и двинулись следом. Майку пришлось идти пешком, и он поплёлся за стервозной дикаркой, удивляясь идиотизму варваров. Подумать только, они на полном серьёзе «договаривались» с медведем. О, мой бог! Они тут совсем тупые, до самого дремучего примитивизма! Ну скажите, почему нельзя было сложить и груз, и раненых в эту чертову повозку, да

ещё и самим в неё сесть?! Этот монстр настолько огромен, что уволок бы её и в таком виде, благо тащить осталось недалеко, ледник совсем близко!

Однако из-за огромной высоты исполинской ледяной стены её кажущаяся близость оказалась обманчива. Отряду пришлось миновать больше мили, прежде чем закрывающая солнце бесконечная ледяная высь действительно оказалась рядом. Майк изрядно устал, двигаться в снегоступах было гораздо проще, чем увязать в глубоком снегу, но всё равно неудобно и потому выматывало не столько физически, сколько

морально. Добравшись до подножия подъема, Майк лишь тяжело вздохнул. Исчезающий где-то вверху склон имел угол наклона градусов этак пятьдесят, и слабо представлялось, как по нему вообще можно взбираться на поверхность ледника, не говоря уже о том, чтобы при этом тащить на себе тяжелый груз. Но варваров, похоже, это не смущало.

Они разбили небольшой лагерь вплотную к ледовой стене, сливаясь с глубокими тенями, отбрасываемыми ледяным исполином, развели пару костров и огородили их растянутыми на копьях шкурами. Майк отметил, что сам по

себе подход интересен, огня издали не видно, и если из лабиринта выйдут шпионы каннибалов, то в вечернем полумраке они не сразу заметят свет. Тем временем сани отцепили от медведя, и жуткий монстр неторопливо покосолапил обратно. Отойдя от лагеря ярдов на двести, чудовище довольно проворно зарылось в снег и исчезло из вида. Ещё пару часов, и в сгустившихся сумерках не будет заметно даже само место закапывания. Майк понял, что варвары использовали монстра в качестве засады на возможных противников, и ему стало несколько спокойнее за свою жизнь. Пока он разглядывал оставшуюся от медведя

снежную кучу, белая поверхность сразу за ней дрогнула и словно пошла едва заметными волнами, будто нечто очень крупное перемещалось под снежной толщей.

— Мистер Свитогоа, там что-то происходит! — взволнованный Майк, путаясь в снегоступах, подковылял к косматому напарнику. — Там, под снегом, — он указал на подрагивающий снег, — где скрылся медведь вашего друга!

— Топтыгин ползет, — головорез мельком взглянул в указанную сторону и продолжил возню с поклажей. — Он же знает, что цепочку его следов видно издалека и супостаты сразу поймут, где он

зарылся. Вот и ползет прочь под снегом. Отойдет далече, вот и будет врагам неожиданность.

— Неужели медведь настолько умён? — не поверил Майк. — Или вы специально его дрессировали?

— И умен, и обучали, как должно, — подтвердил косматый громила. — Медведь животное очень сообразительная, он всё понимает. Кроме того, Топтыгин — вой по крови и рождению и любит сечу. Посему ратное дело постигает с удовольствием. А вот сани тянуть очень не любит. Долго уговаривать надобно, дабы не обиделся.

Майк вновь посмотрел на то место, где зарылся медведь и

шевелился снег, но не смог определить, где сейчас находится тварь. Он невольно поёжился. В Реакторе было так же. Мутанты перемещались под снегом незаметно, а после выскакивали у полярников прямо из-под ног и разрывали людей в считанные секунды. Это хорошо, что варвары на его стороне. Если бы Гуманитарная Миссия обнаружила в те давние времена коротышек или каннибалов, то всё могло бы быть гораздо печальнее. Плосколицые дикари убили бы Майка, приняв за злого духа, горбоносые дикари съели бы его, ни в чем не разбираясь. Впрочем, в обоих случаях его полёта в чертову Сибирь могло и не

состояться. А это означает, что шансов у Новой Америки было бы гораздо меньше. Сумеют ли остатки Полярного Бюро добраться до точки аварийного управления Реактором или нет – совершенно непонятно. А вот варвары сумеют точно, в этом Майк уже не сомневался, главное, заставить их отправиться туда в большом количестве вместе со своими ручными монстрами. И Майк станет героем Новой Америки. И ещё каким! Никакой Бронсон с ним не сравнится...

Несколько крупных теней, медленно зашевелившихся у выхода из лабиринта, привлекли его внимание, и он напрягся,

вглядываясь в нагромождения
ледяных скал. Из-за одной из них
выглядывала тягловая рогатая тварь
варваров, ещё две угадывались
позади. Майк огляделся, ища глазами
стервозную дикарку. Так и есть, она
стояла на краю лагеря и что-то
шептала себе на ладонь,
периодически сдувая наговор в
сторону лабиринта. Тягловое зверьё
настороженно принюхивалось и
оглядывало окрестности
недоверчивым взглядом, но, видимо,
убедилось, что чужих поблизости
нет, и размеренным шагом потопало
к дикарке. Та встречала тварей белым
порошком, ага, «соль», помним-
помним, усмехнулся Майк. И всё же,

как она делает это? Неужели зверьё чует наркоту на таком большом расстоянии, ведь только до края лабиринта не меньше полумили, а само нагромождение ледяных скал и вовсе не меньше трех миль в поперечнике. Хотя... это же мутанты, не стоит забывать. Вполне возможно, что у них очень острый нюх. Чуют же монстры из Могильника тепло и свежую кровь за десятки миль.

К наступлению сумерек дикарка собрала всё зверьё, включая раненого монстра, тварей накормили сушеной травой из мешков и уложили возле саней. Варвары организовали ужин из разогретой мороженой каши и

кипяченой талой воды, заваренной на какой-то душистой соломе, и Майку пришлось глотать получившуюся горькую смесь. Есть это было противно, но, к его удивлению, быстро прошла усталость и он почувствовал прилив бодрости. Майк ожидал, что сейчас головорезы начнут ставить палатки и он наконец-то сможет поспать в тепле и спокойствии. Это был тяжелый день, и после всего пережитого ранний сон будет как нельзя кстати, но вместо этого варвары начали собираться, взваливая на плечи мешки и тюки экспедиции.

— Что вы делаете? — Майк подошел к Святогору, затягивающему

на поясе длинную веревку. – Мы, что, полезем наверх на ночь глядя?! Не умнее ли начать восхождение утром, когда станет светло?!

– За ночь многое может измениться, – негромко ответил громила. – Ещё одно племя Ваххов из набега вернется, иль непогода завьюжит. А нам ещё сани наверху собирать. – Он протянул Майку свободный конец веревки. – Держи, человек! Вокруг пояса обвяжись, да узел затяни как следует.

– Это что, страховочный трос? – Майк с недоверием подергал веревку дикарей, пробуя её на разрыв. Не синтетика явно. Значит, её надежность под большим

сомнением. — Он выдержит?

— Топтыгина с Белазаром выдерживает, — пожал плечами косматый головорез. — Есть шанс, что и тебя удержит, коли Пращуры не будут против. Всё, пошли! Подъём долгий, а время дорого.

Он подхватил лежащий на снегу длинный сверток из шкур, закинул его за спину и двинулся к склону. Восемь навьюченных жлобов двинулись вместе с ним, остальные остались сторожить лагерь и раненых. Майк с удивлением увидел, что стервозная дикарка собралась лезть на ледник вместе с ними. Если его план сработал и она отправляется в Новую Америку третьей, то это

серьёзно облегчает ему задачу! В случае чего на крючке окажется и напарничек, и князёк варваров!

— Весняна! — Святогор словно услышал его мысли и обернулся к девице. — А ты куда собралась?

— Я до вершины тебя провожу, — заявила та. — Поутру справлю вас в путь-дорогу и вернусь.

— Без тебя управимся, — нахмурился головорез. — За ранеными пригляди, кабы кому не стало худо.

— Как только ты уйдешь, худо станет мне, — обиделась дикарка. — Пошто мне с тобой нельзя?!

— Подъем тяжелый, опасно там, а то как лавина сойдет? — Он

вздохнул и пошел к ней, бросив смотанную в кольца страховочную веревку на снег. – Поди ко мне, любимая моя, обниму на дорожку.

Майк с интересом поднял брови. Нас ожидает душещипательная сцена? Он быстро обвязался веревкой вокруг пояса. Заодно проверим вашу веревочку на прочность! Ещё пару шагов, плиз! Веревочные кольца размотались, веревка натянулась, и Майка рвануло вслед за варваром, швыряя в снег лицом. Двухметровый громила словно не почувствовал, что тащит за собой живой груз.

– Полегче! Полегче! – Майк барахтался на снегу, путаясь в снегоступах. – Эй! Мистер!

– Прости, человече, не заметил я тебя, – безмозглому варвару наконец-то хватило ума остановиться. – Задумался шибко! Как веревка, крепка ли? Удержит тебя, ежели стрясётся чего?

– Увидим, – огрызнулся Майк, поднимаясь. – Я думаю, что выбора у меня всё равно нет!

Но варвар его уже не слушал. Стервозная дикарка подошла к нему, обвивая руками шею, он обнял её, и они замерли, слившись воедино и тихо шепча друг другу что-то неслышное и непонятное. Несколько минут длилось прощание, после чего девица поцеловала голову и решительно пошла назад, пряча

катыщуюся по щеке слезинку. Варвар развернулся, делая короткий жест своим людям, и подъем начался.

Взбираться вверх по склону такой крутизны оказалось тяжело настолько, что Майк выбился из сил уже через первые сто метров. Он, задыхаясь, попросил о привале, и громила-напарник остановился, дожидаясь, когда Майк продолжит движение. Навьюченные жлобы прошли мимо, не пожелав воспользоваться возможностью отдохнуть. Майк отдышался и пошел дальше, но вскоре был вынужден снова остановиться. Мышцы ног пылали от напряжения, готовые разорваться, и каждый десяток шагов

был настоящей пыткой. За час Майку не удалось преодолеть и треть подъема, и он тихо бесился, изнемогая от гудящей в ногах усталости и постоянно натываясь взглядом на остолопа-напарника, маячащего рядом. Варвару подъем был словно прямая дорога, и он откровенно скучал, ожидая Майка. Его соплеменники уже исчезли вверху в сумерках, и это бесило ещё сильнее.

Ночь застала Майка где-то на середине подъема. В наступившей темноте он постоянно спотыкался и дважды падал, скатываясь вниз по склону и повисая на страховочной веревке. Каждый раз косматый

громила вытягивал его к себе, помогая наверстать упущенное расстояние, и Майк снова садился отдыхать. Он с ненавистью глядел на мерцающий где-то высоко вверху костёр и продолжал изнурительное восхождение. Потом поднялся ветер, запуская по склону то вверх, то вниз клубящиеся снежной взвесью вьюны, и температура начала падать. Руки и ноги стали быстро замерзать, пришлось включить подогрев, и Майк понял, что теплее уже не станет. Безграничное царство Холода с каждым шагом приближалось, и шаги эти давались мучительно, красноречиво предупреждая ходока обо всей опрометчивости его

стремлений. Охапки снега, бьющие в лицо, забивались в глаза, Майк надел очки и совсем потерял ориентацию в крошечной тьме. Он двигался на нещадно ноющих от усталости ногах, не сводя взгляда с огня, и каждую минуту дергал за страховочный трос, убеждаясь, что напарник всё ещё там, впереди, где-то посреди темноты, и не бросил его.

Потом он снова срывался, его снова подтаскивали обратно, затем ещё, и ещё... Измученный до полусмерти Майк оказался у поверхности мирового ледника только спустя четыре часа. Последнюю милю ему пришлось преодолевать на четвереньках,

потому что ноги абсолютно отказались держать на себе тело. Наверху вовсю кипела работа. Варвары утоптали небольшую снежную площадку в трех метрах ниже поверхности, с которой со свистящим завыванием срывались порывы сильного ветра. На площадке развели костер, разбили небольшую палатку и в данный момент вели сборку саней, предназначенных для передвижения по мировому леднику.

— Полезай, — Святогор указал ему на палатку. — Нам сейчас спать надобно, завтра путь начнем нелегкий, посему отдохнём. Поутру нас разбудят, когда сани соберут, и завтрак поспеет.

Услышав эти слова, Майк на четвереньках вполз в палатку, нащупал расстеленную звериную шкуру и рухнул на неё без сил, мгновенно проваливаясь в тяжелый сон.

Глава пятая

**Поверхность мирового
ледника, ориентировочное
расстояние до Полярного Круга
Новой Америки 6800 километров,
11 августа 2225 года, полдень,
минус 93 градуса по Цельсию.**

Обжигающе ледяной ветер бил в лицо с такой силой, что мгновенно уносил прочь звуки речи, и докричаться до сидящего в полуметре головореза было практически невозможно. Майк чуть не охрип в первые же полчаса езды и с того момента старался молчать, хотя

сделать это было непросто. Буер варваров нёсся вперед с огромной скоростью, не меньше ста километров в час, и поначалу Майк каждую минуту ожидал катастрофы. Система управления столь примитивным транспортным средством внушала ему ужас. Тормозов и рулей как таковых нет, парус и пассажирская капсула, укрепленная меж двух полозьев на манер тримарана, под которой вроде бы шевелился рулевой полоз или что-то подобное, – вот и всё управление. Под попутным ветром эта машина для самоубийц в считанные секунды разогналась до катастрофически опасной скорости, и если впереди

внезапно возникнет препятствие, остановиться будет невозможно, они разобьются в лепёшку!

Но косматого жлоба это, похоже, совершенно не волновало. Он преспокойно сидел рядом с Майком, манипулируя парусом, и не реагировал на предупреждения о возможной опасности. Майк устал орать ему в ухо о том, что надо вести сани осторожнее, но варвару было откровенно плевать на здравый смысл. Он явно получал удовольствие от столь быстрой езды и абсолютно не задумывался о безопасности. Головорез лишь один раз что-то прокричал Майку на тему абсолютно ровной поверхности

мирового ледника на протяжении многих сотен вёрст и больше не отвечал на вопросы. К полудню Майку удалось немного привыкнуть к ежесекундному риску, и он попытался отвлечься, заняв себя расчетами. От стойбища русских до границы Полярного Круга по прямой восемь тысяч километров, из которых примерно пятьсот было пройдено по дну Сибирского разлома или как там называется эта дикарская местность... Короче, от разлома до границы мирового ледника, перевалившего на Севере за тропик Рака, пять тысяч километров по прямой линии. Если косматый остолоп не разобьет их в кровавую

лепешку, то с такой скоростью они преодолеют это расстояние за пятьдесят часов. Тем более что варвар сказал, что останавливаться на ночлег не обязательно, если будет попутный ветер умеренной силы, то спать можно на ходу, по очереди. В общем-то, Майка это устраивает, чем раньше он окажется в Новой Америке, тем лучше. И если ради этого необходимо всего лишь две ночи поспать в мчащихся санях, он сделает это. Всё равно управлять суицидальным буером совсем несложно — сани почти что неуправляемы. Так что в случае чего Майк будет будить головореза, и пусть тот решает возникшую

проблему, если, конечно, её вообще можно решить.

Так, продолжим... Пятьдесят часов до границы ледника, это двое суток, ну, пусть с половиной, надо же будет останавливаться хоть иногда. Огонь развести ради приёма пищи и тому подобное. От границы ледника до Полярного Круга ещё две тысячи триста километров, где-то так. Африканский континент в тех местах и раньше имел плоский рельеф, а теперь, под многометровым слоем снега, там и подавно идеально ровная гладь, как вокруг Реактора в Австралии. Если эта суицидная повозка идет здесь с такой скоростью, то и там пойдёт где-то

так же, ну, пусть немного медленнее. В общем, ещё полтора дня. Итого четверо суток на дорогу. Не так-то и долго, вон, по разлому русских пришлось двигаться трое суток. Датчик системы подогрева показывает восемьдесят три процента заряда батареи, и Майк специально рассчитал темпы потребления энергии, тщательно учтя все обстоятельства. Выходило, что если не попасть под Воронку, то в сутки он будет тратить по десять процентов. Значит, у него есть восемь дней, а это вдвое больше, чем требуется. Всё-таки крайне важно выяснить, что за прибор сохранили русские варвары в качестве зарядного

устройства. Каким образом он выдает элементам питания заряд, превышающий их номинальную ёмкость почти в двадцать раз? Ведь аккумуляторы остались те же, Майк проверял. По крайней мере, снаружи.

К сожалению, экономить энергию, время от времени выключая систему обогрева, не получится. Холод на зеркале ледника стоит просто жуткий, а в бешено несущихся санях, лишенных всякой ветро— и теплозащиты, температура на поверхности арктического снаряжения стабильно держится на отметке в минус сто, гуляя вверх-вниз на градус-другой. Чтобы понизить тепловые потери, головорез

накрывался довольно странным покрывалом, сшитым из шкур и мехов в несколько слоёв. Одно такое он выдал Майку, велев закутаться целиком, и надо было признать, что это имело смысл. Под меховой накидкой варваров вкупе с включенным подогревом было вполне комфортно.

— Снаружи песцовый мех, — объяснил громила в ответ на вопрос Майка о составе одеяла. — Теплее него ничего нет. Внутри пух гагачий, он тепло держит знатно и даже воду не пропускает, коли намокнуть случится. Подстежка из шкуры медвежьей, прочна очень и изнашивается долго. Мастера

специально для нас пошили одеяла эти размером большие, дабы полностью завернуться можно было.

Накидка действительно оказалась полезной, но при таком ветре даже под ней отключать обогрев не представлялось возможным. Майк пробовал, но уже через минуту ступни ног и кисти рук первыми начинали ощущать ледяное дыхание Холода, и систему подогрева приходилось активировать вновь. А вот косматый варвар чувствовал себя вполне комфортно. Перед отправлением он сменил свой безрукавный наряд на меховые одежды и выглядел совершенно спокойным, хотя песцовым одеялом

не пренебрегал. Как русские человеко-мутанты выдерживают столь запредельную температуру, оставалось загадкой, но похолодание с минус пятидесяти-шестидесяти градусов до минус ста головорез не воспринял как нечто катастрофическое. Майк покосился на двухметрового напарничка. Тот невозмутимо дергал за тросы, что-то там контролируя в работе паруса, и не выглядел не то что замерзшим, даже озябшим его определенно не назовёшь.

О'кей, дьявол с ним, морозоустойчивость русских дикарей — это плюс, пригодится в резне, в которую варвары попадут в Реакторе,

с этим мы уже разобрались. Майк плотнее закутался в варварское покрывало, закрывая лицо от ветра и режущего глаза блеска ярких солнечных лучей, отражающихся от бескрайней ослепительно-белой поверхности ледника. Даже специальное затемняющее напыление, нанесенное на арктические очки, не помогает, смотреть на снег всё равно больно. Да и не на что там смотреть, вокруг, куда ни глянь, бесконечная снежная гладь. И как только косматый жлоб держит курс? Очень хочется верить, что они не по кругу тут катаются. Лучше на всё это вообще не глядеть, так спокойнее. Особенно на парус и

раскрепляющие мачту тросы, натянутые с такой силой, что кажется, будто они вот-вот лопнут. Вот тогда им точно конец. До разлома русских полтысячи километров, пешком не дойдешь. Майк вообще не понимал, на каком основании варвары решили, что их буер доберется до Новой Америки. Они же там не были и не знают, как поведут себя сани в столь долгом путешествии! Или всё-таки были?! Неослабевающие подозрения вновь охватили Майка. Русские дикари что-то скрывают, это однозначно, вопрос: что именно? И первое, что необходимо сделать, когда мы доберемся до Новой Америки, это

подвергнуть головореза обыску! Устройство-переводчик он взял с собой, значит, его можно изъять! Это многое прояснит. А пока лучшим решением будет постараться заснуть на этом пронизывающе-ледяном ветру, воющем в ушах, что позволит скоротать время и побережь нервы. Наверное.

Долгое время заснуть не удавалось, но и пришедший сон оказался зыбким и зябким. До наступления сумерек Майк то просыпался от холода и принимался ворочаться, меняя местами отлёжанные бока, то вновь засыпал под свист ветра и голодное бурчание в желудке. На его вопрос об обеде

безмозглый варвар молча протянул Майку мешочек с кусками дробленой мороженой каши, от которых ему стало ещё холоднее. Майк с трудом впихнул в себя пару кусков и окончательно продрог. Он недовольно отодвинул от себя мешочек и предпринял очередную попытку заснуть. К вечеру есть хотелось настолько, что желудок начал испытывать голодную резь. Возмущенный Майк повернулся к головорезу, намереваясь решительно потребовать остановки и приёма горячей пищи, и сразу же увидел его настороженный взгляд, направленный куда-то назад. Майк обернулся. На горизонте виднелся

исполинских размеров облачный фронт, хорошо заметный даже в сумерках. Только сейчас Майк обратил внимание, что завывания ветра стали громче, а скорость буера возросла, и понял, что идущий позади ураган медленно нагоняет сани.

— Нас догоняет ураган! — проорал он громиле, пытаюсь перекрычать завывания ветра. — Мы должны уйти от него! Здесь негде укрыться! Может быть, отвернуть в сторону?

— Уже отвернул! — выкрикнул варвар, не сводя глаз с бесконечной облачной громады. — Идем под углом к урагану, будем смещаться к его

границе! Круче идти нельзя — не успеем!

Ветер крепчал с каждой минутой, и скорость буера росла на глазах. Удерживающие мачту тросы звенели под давлением воздушного потока, и Майк с ужасом увидел, как искривляется сама мачта, изгибаясь в дугу. Скоро эпицентр урагана будет здесь и разобьёт буер вдребезги!

— Мачта сейчас лопнет!!! — завопил он, тряся головой за плечо. — Смотрите!!! Она согнулась!!!

— Сдюжит мачта! — крикнул тот в ответ. — Но под большим углом к урагану долго идти не сможем! Догоняет! Придется идти с малым отклонением, чтобы скорость была

выше!

Куда ещё выше, Майк не понимал. Заснеженная пустошь неслась навстречу с дикой скоростью, даже на глаз было видно, что они превысили отметку в двести километров в час, и это ещё не предел. Звон до предела натянутых тросов, чудом удерживающих изогнувшуюся мачту, стоял в ушах, заглушая свист урагана. Казалось, ещё немного, и буер просто раздует на обломки. В наступившей ночной темноте потоки снежной пыли беспорядочными рваными клубами бешено мчались по бескрайней поверхности, резко ограничивая видимость, и Майк с замиранием

сердца ожидал столкновения. Но поверхность ледника за многие десятилетия была отутюжена десятками тысяч ураганов до идеально ровного состояния, и сани неслись через белесую ночную мглу, словно сквозь толщу бесконечного океана.

К полуночи выйти за пределы урагана не удалось, и стало ясно, что эпицентр неумолимо настигает буер. Температура на поверхности арктического снаряжения упала до минус ста десяти, и Майк почувствовал, как его пробирает дрожь. Обогрев не справляется! Он принялся прямо под накидкой судорожно сгибать и разгибать

ступни ног и кисти рук, лихорадочно вспоминая инструкции Полярного Бюро и наставления старого Андерса. Необходимо разогнать кровоток, это поднимет сопротивляемость организма воздействию Холода! Сидящий рядом головорез заметил действия Майка и что-то изменил в положении руля.

— Будем уходить по прямой, сколько сможем, иначе замерзнешь! — проорал он из-под туго затянутого мехового капюшона. — При движении по прямой скорость парусных саней больше движущей силы ветра! Ежели Предки на нас не осерчают, дотянем до утра! Днем будет теплее! Ты шевели ногами, не останавливайся!

Безумная гонка продолжалась всю ночь, и как только буер не лопнул от запредельного холода и давления воздушных потоков, Майк не понимал. К утру он уже не обращал на этот противоречащий физике факт ни малейшего внимания, отчаянно пытаясь не сойти с ума от холода. Ноги и руки ломило болью от вчерашнего восхождения на ледник, суставы отказывались сгибаться от изнеможения, тело дрожало, словно помещенное в гигантский шейкер, и стук не попадающих друг на друга зубов пробивался даже через надрывной звон растянутых тросов. Холод жестоко терзал Майка, но

добить человека ему не удавалось, система обогрева не позволяла температуре тела упасть ниже фатальной черты. На коже держалось плюс двадцать восемь с половиной, и эта температура не менялась ни вверх, ни вниз вот уже шесть часов. От этой затяжной пытки Майк перестал понимать, что происходит вокруг, он не почувствовал, как напарник натягивает на него своё одеяло, лишь в полубредовом тумане увидел руки в толстых меховых рукавицах, подтыкающие под тело меховое полотно. В какой-то момент окоченевшее от студёной боли сознание прояснилось, и Майк понял, что видит свет из-под одеяла.

Он с трудом пересилил трясущееся тело и выглянул наружу. Первое, что бросилось в глаза, был исполинский снежный вал, мчащийся позади буера. За ночь ураган догнал сани и был совсем рядом.

— Н... — окоченевшие губы не желали растягиваться. — Нам... не... уйти... — выдохнул Майк.

— Укроемся там! — прокричал варвар, повисая на рулевой балке и указывая куда-то вперед. Как он слышал его шепот, непонятно. Скорее всего, просто догадался.

Майк напряг непослушную от холода шею и посмотрел в указанную сторону. На просветлевшем горизонте виднелись подернутые

клубами позёмки горы. Каменные пики возвышались над снежной гладью метров на двести-триста, и он отстраненно подумал, что это должны быть очень высокие горы, раз поднимаются выше уровня ледника. В этих широтах толщина сковавшего планету ледового панциря достигает трёх километров... Косматый напарник, почему-то не замерзший заживо без своего одеяла, заметил высоты ещё раньше и изменил курс, стремясь достичь гор и использовать их в качестве укрытия. Вот почему ураган быстро настигает буер — они двигаются под опасным углом к воздушному потоку...

– Н... не... успеем... зат...
затормозить... – выбивающие дробь
челюсти ударили по кончику языка, и
Майк взвыл от боли. Это дало
неожиданный эффект – ошпаренный
новым страданием мозг заработал
чётче.

– Урагану до нас три версты
идти, минута будет на всё про всё! –
крикнул напарник. – Главное,
схорониться успеть после остановки,
а остановиться успеем! Ты токмо
держишься крепче!

Горы приближались с
ужасающей скоростью, и Майк забыл
о сотрясающей тело дрожи. Сейчас
буер впечатается в скалу на скорости
в двести с лишним километров в час!

От страха организм выбросил в кровь ударную дозу адреналина, и Майк вцепился в поручни что было сил. Варвар что-то делал с управлением, то повисая на парусных тросах, то наваливаясь на балку руля, но Майк не разбирался в парусах и буерах, и обилие действий напарника только усиливало страх. Горы были уже совсем близко, когда сани заложили крутой вираж, отрываясь от снежной поверхности одним полозом, и Майк понял, что буер сейчас перевернется и кувырком налетит на скалы. Но сани выровнялись и влетели в пространство между двух каменных громад. Инерция поворота несла буер по дуге, забрасывая за гору, и он

понял, что сила ветра резко упала. Косматый варвар вновь рванулся всем телом, налегая на какой-то канат, и внезапно парус с громким хлопком исчез из вида где-то у основания мачты. Громила вцепился в балку руля, и буер потащило на многометровую снежную толщу, возвышающуюся с подветренной стороны горы. Сани вонзились в снег по касательной, поднимая фонтаны брызг, прошли вверх по толще с десятков метров и увязли, останавливаясь. Зажмурившийся Майк, ожидавший жестокого удара, почувствовал, как к горлу подкатила тошнота и движение вперед сменилось движением назад. Он

открыл глаза и увидел, что буер медленно сползает со склона вниз.

– Вылазь, человече! Быстро! – варвар одним прыжком вылетел наружу. – Надо сани затолкать в снег поглубже да самим зарыться! Ураган сейчас будет здесь! Давай, подсоби!

Он выдернул едва шевелящегося Майка из буера и, утопая в снегу, налег на сани, заталкивая их в развороченную торможением снежную толщу. Майк с трудом поднялся и попытался толкать буер вместе с варваром. Но окоченевшее тело не слушалось, и он не понимал, толкает ли сани или висит на них, не в силах шевелить конечностями. Двухметровый громила мощными

толчками вбил буер в многометровый сугроб наполовину и прокричал что-то о том, что больше не осталось времени. Он оторвал Майка от поручней и взвалил на себя. Варвар, увязая в глубоком снегу, взял подобие разбега и с размаху бросился в снежный склон, пробивая брешь, словно снаряд. У Майка вяло вспыхнула мысль, откуда он знает, что в этом месте снег толстый, что их летящие тела не встретит скала, лишь припорошенная снежной пылью, но дело уже было сделано. Они влетели внутрь массивной снежной толщи метра на полтора, и варвар принялся руками углублять получившуюся нору. Несколько

секунд он копался в снегу, прорываясь вглубь, и едва шевелящийся Майк полз следом, боясь отстать. Потом снаружи раздался ужасающий вой, переросший в оглушительный грохот, резко потемнело, и в спину Майку ударил снежный таран, выбивая из тела сознание прямо в колючее белое месиво.

* * *

— Оклемался, человече? — голос варвара потрескивал, словно был записан на плохой диктофон.

Майк открыл глаза и увидел

снежную толщу, нависшую над ним в полутора ярдах, по поверхности которой с глухими завываниями лениво ползали расплывчатые желтые тени. Холода уже не чувствовалось, наоборот, кисти рук и ступни ног будто окунули в едва остывший кипяток, а на грудь навалилось что-то тяжелое и сковывающее, как здоровенная капля смолы или вроде того... От нестерпимого жжения в ногах он и проснулся. Понятно, конечности отогреваются, к нервным окончаниям возвращается чувствительность, и они мстят владельцу за изуверское переохлаждение, которому он их

подверг. Знакомая ситуация, болеть будет минут двадцать, не меньше. Майк, страдальчески морщась, попытался подняться. Оказалось, что он лежит на варварской накидке, и второй такой же укрыт. Пришлось выпутываться из меховых недр, вяло шевеля пылающими руками. Наконец Майку удалось выбраться из-под одеял, он сел и заморгал, пытаясь восстановить резкость в застланных мутными тенями глазах. Расплывчатые тени поблекли и превратились в Святогора.

— Испей-ка настоя горячего, на травах целебных кипяченного, — он протянул Майку кружку.

Майк осторожно принял из рук

варвара дымящееся варево и сделал глоток, опасаясь обжечься. В голове просветлело, и впитавшаяся в каждый миллиметр тела разбитость начала понемногу отступать. Зрение пришло в норму, и Майк огляделся. Они сидели внутри снежного мешка в полтора ярда диаметром, посреди которого горел маленький костерок, разложенный в стоящей на куске шкуры железной миске. Вход в снежный мешок был заткнут их пожитками, и через щель меж тюком и мешком с каждым особенно громким завыванием внутрь берлоги пробивался слабый поток воздуха. Он приносил с собой фонтанчик снежной пыли и заставлял пламя

костерка дрожать, гоняя по стенам желтоватые блики. Косматый головорез сидел напротив и помешивал ложкой в шипящем на огне котелке, разогревая куски расколотой каши. От дразнящего запаха горячей мясной пищи мгновенно проснулся голод, и Майк сглотнул слюну.

— Потрапезничай, человеке, — Святогор забрал у него опустевшую кружку и протянул чистую ложку. — Только смотри не обожгись. Горяча кашка, только закипела!

Он зачерпнул из котелка, подавая пример, и подул на оказавшуюся в ложке пищу. Майк торопливо снял очки, стянул лицевую

маску и потянулся к дымящемуся котелку. Походная каша варваров, успевшая осточертеть за прошедшие трое суток, сейчас казалась божественно вкусной. Майк не заметил, как опорожнил половину котелка, но вскоре почувствовал, что наелся. Дикарская пища была очень сытной, и голод утолялся быстро. По организму распространилось ласковое тепло, и Майка начало клонить в сон. Он прислушался к завыванию урагана, прикидывая, как долго всё это будет продолжаться. В Реакторе иногда и неделю на улицу носа высунуть невозможно. А заряд элементов питания уже семьдесят пять процентов. Сколько же прошло

времени?

— Мистер Свитогоа, — он обернулся к косматому головорезу, вычищающему котелок куском тряпицы. — Как давно мы здесь, в этом укрытии? Вы знаете, когда закончится ураган?

— Весь день просидели, — ответил варвар, убирая котелок в сторону. — Ночь сейчас. Ложись спать, человеке, буран к утру утомонится, я его размеры приметил, когда от него удирали. Невелик он, долго хозяйничать здесь не сможет, дальше резвиться направится. Поутру погляжу, как там сани.

Майк улегся на меховое одеяло, укрылся надежнее и посмотрел на

термометр. Минус пятьдесят три. Можно отключить подогрев в целях экономии энергии, арктическое снаряжение выдерживает такой мороз и без обогрева. Он потянулся к выключателю, и в этот момент косматый головорез накрыл костерок куском шкуры, гася огонь. Берлога мгновенно погрузилась во мрак.

— Зачем вы это сделали?! — Майк завертел головой, тщетно пытаясь увидеть безмозглого болвана. — Я ничего не вижу! Разожгите огонь снова, здесь же станет ужасно холодно!

— Дрова беречь надобно, — пробасил тот из темноты. — Они нам для разогрева еды нужны, а не для

отопления. Где мы посреди ледника дровишек-то сыщем, коли спалим всё за раз? Ты в одеялах схоронись понадежнее, ежели замерзнуть боишься, они тепло удержат, здесь ветра нет.

— Тогда надо хоть вход запечатать правильно! — укорил его Майк. — Через щели тепло уходит!

— Нельзя полностью воздуху ход перекрывать, — во мраке берлоги что-то зашевелилось, похоже, варвар укладывался спать. — Иначе отравимся. Весь кислород на дыхание уйдет, одна углекислота останется, без притока воздуха свежего можем и не проснуться поутру. А так всё ладно будет. Спи,

человече. Утро вечера мудреней.

Он умолк, и в погруженной в крошечную тьму берлоге повисла тишина, лишь сквозь многометровый слой снега тихо доносились завывания ураганного ветра. Майк не рискнул отключать подогрев, тщательно закутался в одеяла и незаметно для себя заснул. Проснулся он от острого желания посетить санузел. В берлоге оказалось относительно светло, варвара не было, но все пожитки остались на месте. Вход в нору оказался распечатан, именно из него внутрь и попадали лучи света. Бешеный свист урагана прекратился, и Майк полез наружу оценить

ситуацию. Косматый громила обнаружился неподалеку откапывающим сани, превратившиеся в один большой сугроб.

— Надо бы на гору подняться да оглядеться, — сообщил он, извлекая из-под снега очередной сшитый из шкур мешок. — Слышишь, шумит что-то. Как бы в трещину не упереться.

— Я иду с вами! — заявил Майк, прислушиваясь к тяжелому низкому гулу. Кажется, где-то недалеко находится что-то довольно большое. — Я хочу посмотреть, что происходит!

— Пошли, коли желаешь, — согласился головорез, выбираясь из

сугроба. — Здесь и поднимемся, — он указал на ближайший склон горы. — Снега много, место пологое, до самой вершины и дойдем.

Пологим варвар посчитал почти шестидесятиградусный наклон, но взбираться на двести метров всё-таки проще, чем на две тысячи, и Майк, кривясь от болезненных ощущений во всё ещё ноющих после того подъёма мышцах, терпеливо вскарабкался на вершину. На этот раз он сразу встал на четвереньки, облегчив себе страдания, и почти не отстал от косматого громилы. Тот поднялся на узкий пятачок горной вершины, окинул взглядом окрестности и хмуро покачал

головой.

— Благо дарю тебе, Остромысл, за подмогу, — тихо пробормотал он. — Вовремя я почуял, что аккурат меж этих гор заезжать надобно, и не погнал сани за ближайшим отрогом укрываться...

Опять этот остолоп бормочет очередную чушь, что на этот раз? Майк не понял, о чем идет речь, причем тут старик, и хотел переспросить, но тут же забыл об этом. Едва он влез следом и встал на ноги, отряхиваясь, как замер, удивленный открывшейся картиной. Скала, на которой они стояли, так же как и соседняя, являлись вершиной одной исполинской горы, основание

которой покоилось где-то под
трехкилометровой толщей ледника.
Старый Джеймс что-то говорил про
какие-то Кавказские горы, вроде бы
они должны быть где-то тут, если
судить по карте Гуманитарной
Миссии и пройденному расстоянию.
А может, и не они, пойдя разберись.
Тут повсюду может быть сколько
угодно гор, но если они меньше трех
тысяч высотой, то ледник накрыл их
целиком, и нет никакой разницы, что
находится под бесконечным ледяным
панцирем. Вокруг ровное снежное
поле от горизонта до горизонта.
Просто именно эта гора оказалась
выше уровня ледниковой
поверхности. Но на этом

неожиданности только начинались.

При виде сверху двойная вершина горы представляла собой нечто вроде двух расположенных рядом треугольников, один побольше, другой поменьше, оба направлены основанием туда, откуда пришел ураган. Изгрызенная шквальными ветрами скальная поверхность отвесной не была, но взойти на неё без альпинистского снаряжения было бы сложно. Скорее всего, их склон точно такой же, просто сейчас его сильно замело сотнями тонн снега, осевшего между двух мощных скал. Зато третий склон горы оказался пологим, и в сотне метров ниже вершины на его поверхности имелась

здоровенная дыра диаметром метров в шестьдесят, из которой непрерывным потоком изливалась кипящая лава. Раскаленное варево широкой ленивой рекой медленно сползало по склону и исчезало под поверхностью ледника, теряясь в облаках пара. Именно оттуда и шел непрерывный гул.

— Это же вулкан! — воскликнул Майк. — Он извергается! Мы должны скорее уходить отсюда, пока он не взорвался от перепада температур или не начал активно извергаться!

— Раз во время бурана не взорвался, так сейчас тем более не станет, — возразил варвар, разглядывая километровой длины

бездонную трещину в поверхности ледника, полуподковой опоясывающую вулкан со стороны лавового потока. — Извергается он давно, вон какую бездну лавой прогрызло. Туда бы мы и угодили, если бы близко обогнуть гору попытались, когда от бурана бежали. Теперь знаем, как объехать. — Громила указал направление. — Справа трещину обойти сподручней будет. Пошли сани откапывать да в дорогу собираться.

Варвар развернулся и принялся бодро спускаться вниз по склону. Майк последовал за ним, для надежности опираясь о снежный покров рукой. Не хватало только

упасть, покатиться и переломать себе все кости, кто знает, что тут под снегом! У него и так приключений под завязку, и все такие, что от воспоминаний в дрожь бросает. Он почти замерз заживо под вчерашним ураганом, этот вулкан появился как нельзя вовремя, может даже, в последнюю минуту! Можно сказать, повезло. Очень хочется обойтись в дальнейшем без ураганов. Путь по леднику пройден только наполовину, а Майк уже едва не погиб! А косматый варвар пережил минус сто с гаком вполне спокойно, а ведь он отдал Майку своё одеяло! Неужели ему совсем не холодно? Быть того не может! Впрочем, от варваров можно

чего угодно ожидать, они ведь мутанты, а не нормальные люди. Он усмехнулся. Как всё-таки просто дикарям живётся!

Они не понимают подоплёк, не умеют анализировать глубоко скрытые пласты информации и о будущем особо не заморачиваются. Без проблем согласились помочь Новой Америке, потом без проблем повели Майка через рыбоедов и каннибалов, хотя позже это едва не стоило жизни восьмерым из них, теперь вот громила Святогор без проблем везёт его через мировой ледник. И даже понятия не имеет о том, что такое прогноз погоды. Варвары не заморачиваются на такие

мелочи, подумаешь, ураган! За вулканом спрячемся, одеялом укроемся – и все дела! И ни у кого не возникает мысли, что вулкана на пути может и не оказаться, а ураган будет длиться две недели или иметь такую скорость, что ни на каком буере не скрыться. Просто размажет тебя по леднику, и следов не останется. Видимо, в процессе мутации морозоустойчивость получает только тело. А вот мозги у варваров отморожены напрочь. Скорее бы пересечь ледник, второго урагана можно и не пережить.

Пока Майк спустился с горы, косматый головорез успел разрыть поглотившую буер гору снега почти

на треть. Предоставив варвару и дальше заниматься тем, что у него столь хорошо получается, Майк направился устраивать себе санузел. Он обогнул меньшую из двух гор и углубился в скальные отроги. Отыскав более-менее укромное и безветренное место, он принялся возиться со шлангом системы отвода продуктов жизнедеятельности организма. Закончив, он выбрался на склон, намереваясь вернуться по своим следам, и сделал пару шагов, как вдруг что-то сильно ударило его по голове. Майк упал, теряя координацию движений, и покатился по снегу. Несколько секунд он не мог понять, что случилось. В голове

шумела тупая боль, в глазах плыло, тело тряслось, в ушах хрипело. Он хотел позвать на помощь варвара, но не смог издать хоть сколь-нибудь громкий крик. Оказалось, что от удара или от падения лицевую маску наполовину стянуло с лица, защитные очки сползли вместе с ней и закрыли рот. В результате вместо крика получалось лишь гудящее мычание. Он попытался поправить маску и очки, но вдруг оказалось, что его руки не могут двигаться.

Мутная пелена перед глазами начала рассеиваться, но тряска и хрип в ушах не проходили. Майк замотал головой, пытаясь хоть немного поправить сбившуюся маску,

и похолодел от ужаса. Он был связан, и какие-то существа тащили его вниз по заснеженному склону!!! Страх мгновенно вернул остроту зрения, и Майка захлестнула паника. Существа, тащившие его, были людьми, грязными, волосатыми и донельзя вонючими, облаченными в абсурдное сочетание одежд. В засаленных рваных обрывках угадывались джинсы, особо крупные дыры в которых закрывались грубыми заплатками из шкур с давно свалявшейся шерстью. Синтетические куртки, больше напоминающие драные матрасы, торчали клочьями синтепона, из-под них выглядывали лоскуты

скукожившегося от грязи тряпья. Поверх всего этого были накинuty обрывки брезентовой ткани, неумело выдубленные куски звериных шкур и полусгнивших ветхих тряпок. Всё это было перевязано и опоясано веревками, состоящими из связанных между собой грубыми узлами кусков тросов, проводов, кожаных и синтетических ремней. Поверх этих гротескных одеяний, испускающих волны смрада, болтались амулеты из гаек, крысиных клыков и явно человеческих челюстей.

Сам Майк был привязан за руки и за ноги к длинному шесту, который покоился на плечах двух дикарей, ещё несколько бежали рядом,

вооруженные увесистыми ржавыми обломками каких-то металлических конструкций. Похоже, чем-то подобным его и ударили по голове. От увиденного обуявший Майка страх увеличился на порядок. Его собирались убить! Эти дикари ударили его по голове, чтобы умертвить на месте! Толстый капюшон арктического снаряжения спас его от мгновенной смерти! Теперь убийцы тащат его куда-то вниз! Куда?! Зачем?! Откуда они вообще взялись здесь, посреди ледника, в тысячах километров от ближайшей жизни?! Майк заорал изо всех сил, мотая головой в попытке сдвинуть упирающиеся в рот маску и

очки, но его истошное мычание возымело катастрофические последствия. Ближайший из дикарей обернулся и что-то хрипло закричал, указывая на Майка ржавой рессорой. Дикари хором завывли, и он с размаху ударил Майка по голове. Ржавая железка врезалась в капюшон, теряя энергию в толстом утеплителе, и голову расколола сильная тупая боль. Майк тихо взвыл и инстинктивно притворился мёртвым, стремясь избежать реальной смерти.

Дикарь с рессорой в руке остался доволен результатом и вновь что-то прохрипел остальным. Те встретили его слова восторженным вытьём и ускорили бег. Звонящий в

голове гул начал стихать, зрение прояснилось, и Майк приоткрыл глаза. Он попытался не выдать, что ещё жив, и снова похолодел от ужаса. Дикари тащили его вниз по склону горы под ледник! Вокруг уже не было снега, они бежали по застывшей лаве параллельно раскаленному потоку, и Майк почувствовал, как теплеет воздух и становится жарко. Впереди клубились огромные облака пара, закрывая собой всё вокруг, но дикари ворвались в них, не сбавляя скорости. В лицо ударила горячая влага, очки быстро запотели, и Майк перестал видеть. Несколько минут его тащили куда-то, и он, полумертвый от страха, притворялся

покойником. Рано или поздно они его отвяжут, тогда он сможет поправить маску и позвать на помощь! Варвар должен его услышать, даже несмотря на то, что в ушах звенит от оглушительно шипящего пара, он обязан его искать, без Майка его драгоценные соплеменники не получают тепла, головорез не может этого не понимать!

Тряска прекратилась, и Майка швырнули наземь. Он упал на что-то твердое и покатое, его отвязали от жерди, но руки и ноги остались в путах. Вокруг сквозь шум пара загалдели голоса, и с каждой секундой их становилось всё больше.

Запотевшие очки оказались залеплены какой-то зеленой грязью, лицевая маска быстро намокала, и страх заставил Майка действовать решительно. Он рывком перевернулся на спину и связанными руками содрал на шею очки и маску. Вопль ужаса застыл у него в горле. Вокруг столпились не меньше трех десятков человекоподобных существ, изувеченных жуткими уродствами. Огромные носы, выпяченные челюсти, сросшиеся с кожей лица ноздри и уши, несуразно большие головы с удлинёнными лбами, резко скошенными к надбровным дугам, дефектные скелеты – всё указывало на последствия инцеста. Одеты

дикари были под стать тем, кто схватил Майка, в смесь донельзя изношенных обрывков гражданской одежды с грубо выделанными звериными шкурами и тряпьем, некоторые имели накидки из изодранной клеёнки и пластиковой упаковки. В ужасе Майк попытался вскочить и бежать, но его ноги оказались связаны крест-накрест через кусок ржавой арматуры, и встать на них не удалось.

— Помогите!!! — что есть силы завопил он. — Свитогоа!!! Помогите мне!!! Я здесь!!!

Но шум пара, завывающий где-то внизу, в месте встречающегося со льдом или водой лавового потока,

превращал его мощный крик в негромкий истеричный вопль. Увидев его демарш, дикари разразились гортанными хрипящими криками, и один из них бросился к Майку, замахиваясь для нанесения смертельного удара покрытым засохшей кровью обломком ржавой водопроводной трубы с расплюснутым краном на конце. Майк истошно завопил, отползая назад, и дикарь замер на полпути, удивленно разглядывая свою жертву. Внезапно он подпрыгнул, потрясая оружием, и что-то гортанно заорал, тыча Майку в лицо заскорузлым от грязи пальцем. Толпа уродов дружно издала изумленный вопль и

взорвалась счастливыми криками. Дикарь с водопроводной трубой подбежал к Майку и чиркнул ему по лицу пальцем. Уродец посмотрел на палец и с громким торжественным воплем показал его остальным. Восторг толпы зашкалило, и все бросились к Майку. Он упал и попытался сжаться в комок, но его быстро подняли, схватили за голову, распрямляя, и обездвижили. Орава вопящих уродцев терла его лицо пальцами и, не находя на них никаких следов, принималась орать от восторга с утроенной силой. Схваченный пятью или шестью дикарями Майк не мог даже пошевелить головой и отчаянно

жмурился в попытке защитить глаза, кривясь от боли. Кто-то из уродцев в очередной раз чиркнул ему вонючим пальцем через всё лицо, попадая в рот, и дрожащий от истерики Майк изо всех сил укусил его. Дикарь взвизгнул, отскакивая, и затряс пальцем, гортанно вереща. Толпа разом умолкла и уставилась на Майка.

– Вы не имеете права! – заорал он, пытаясь делать голос как можно более грозным. – Я гражданин Новой Америки! Немедленно отпустите меня! Слышите?! Я американец! Немедленно отпустите!

Замолкнувшее	скопище
инцестных	уродов
	дружным

движением повернуло головы к своему лидеру, и тот воззрился на Майка, напряженно морща скошенный лоб в тяжелых раздумьях.

— Я гражданин Америки! — торжественно и грозно повторил Майк, почувствовав, что его слова доходят до дикарей. Америка всегда была настолько великой страной, что наверняка память о могучем государстве, оплоте общечеловеческих ценностей, гаранте свобод и лоне мировой демократии сохранилась даже у настолько деградировавших людей. — Отпустите меня! Немедленно!

Он повторил эту фразу дважды, с каждым разом делая интонацию

всё более мужественной и решительной, для большей убедительности сопровождая слова ритмичными кивками в такт. Сморщенная рожа замершего в мучительных раздумьях вожака уродцев вдруг просветлела, и дикарь издал громкий гортанный вопль восторга, озаряясь неподдельным счастьем. Наконец-то до них дошло, подумал Майк, облегченно вздыхая. Шевелитесь, уродливые дегенераты, развязывайте!

Приплясывающий от счастья вожак обернулся к остальным уродцам и громкими воплями принялся что-то объяснять им, указывая то на Майка, то на вулкан,

то на укушенный палец сородича. По мере объяснения лица дикарей вспыхивали неподдельным счастьем, уродцы начали восторженно галдеть и обниматься. Вожак издал дикий вопль, толпа взвыла в ответ, и все бросились к обескураженному Майку. Его подхватили на руки и потащили вниз по склону.

— Что вы делаете?! — Майк пытался вырваться, но это было бесполезно. — Отпустите меня!

Толпа заорала ещё громче и ускорила шаг. Перед глазами Майка мелькнул исполинский козырёк ледниковой поверхности, нависающий над очень пологим склоном вулкана. Застывшие лавовые

складки были густо покрыты влажным мхом, среди особенно крупных базальтовых наростов виднелись подобия не то нор, не то лачуг, устроенных из невообразимого хлама вперемешку с камнями. Из некоторых нор выглядывали уродливые носатые дети, боязливо косящиеся на мелькающих во мху крыс. Повсюду в воздухе висел легкий туман. Толпа протащила Майка ниже, и туман начал сгущаться. Становилось жарко и ещё более страшно. Майк опять закричал, и тут его поставили на ноги, не забывая крепко держать. Толпа отхлынула, и он увидел в паре десятков метров лавовый поток,

утекающий в недра горного склона. Вдоль его ближайшего края в метре от раскаленной жижи был установлен огромный вертел с нанизанным трупом человека. Один край вертела имел целое соцветье кривых петель, и двое уродливых дикарей длинными баграми время от времени тянули за ту или иную петлю, проворачивая вертел вокруг своей оси, добиваясь равномерной прожарки трупа. Увидев толпу с вожаком во главе, повара бросили багры и побежали к нему. Вожак что-то громко и торжественно проорал, останавливая их на полпути, и они бросились обратно. Повара подхватили багры, зацепили вертел и

сорвали его с упоров. Они оттащили его подальше от лавового потока под довольные вопли толпы, выхватили из-за поясов какие-то брезентовые обрывки, заменяющие им перчатки, и принялись снимать труп с вертела.

Майк с опасливым недоумением следил за их действиями, поглядывая на восторженное стадо уродцев. Неужели они собрались накормить его мертвечиной? Похоже, они прониклись тем, что увидели настоящего американца, и теперь пытаются произвести на него впечатление. Идиоты, развяжите сначала, а потом уже зад вылизывайте! Майк потребовал от вожака, чтобы его развязали, для

убедительности потрясая руками и отбивая головой ритм, раз уж это так эффективно работает. Дикарь закивал головой в ответ и прикрикнул на поваров, словно поторапливая их. Те засуетились с удвоенной энергией, но развязать Майка ни у кого мозгов так и не хватило. Майк продолжал настаивать, и все вокруг принялись кивать уродливо перекошенными головами, подражая ему. В этот момент повара всё-таки сняли с вертела труп и с победными криками потащили вертел к толпе. Вожак взвизгнул, потрясая трубой, и конвоиры швырнули Майка наземь, наваливаясь на него так, чтобы он не

смог шевелиться. Повара развернули вертел острием к задку лежащего Майка, сжали его, словно копье, и начали отходить, готовясь к хорошему разбегу. В ту же секунду конвоиры подняли Майка, растягивая за руки и за ноги параллельно земле, и он понял, что его хотят насадить на вертел. Он отчаянно забился, охваченный паническим ужасом, но уродцы явно набили руку на подобных изысках кулинарии и держали его крепко, не оставляя ни шанса вырваться.

— Я гражданин Америки!!! — истошно заорал он, срывая связки. — Отпустите меня! Немедленно!!!

Главный уродец воздел вверх

водопроводную трубу и заорал, обращаясь к толпе своих дикарей:

– Яр жиданин мерики! Пусите мян меледно! – Он обратил свой взор к кратеру вулкана и завопил вновь. Беснующаяся толпа дружно закивала головами в такт его словам и хором подхватила молитву: – Яр жиданин мерики! Пусите мян меледно! – Уродцы попадали на колени и принялись отбивать поклоны то вулкану, то истошно орущему от ужаса Майку.

Сжимающие вертел повара заверещали торжественный клич и ринулись на Майка, безошибочно направляя в него вертел. Майк выгнулся в хрипящей истерике,

ИНСТИНКТИВНО ПЫТАЯСЬ ВЫЖИТЬ, НО
КОНВОИРЫ НЕ ЕДИНОЖДЫ СТАЛКИВАЛИСЬ
С ТАКИМИ СУДОРОЖНЫМИ РЫВКАМИ
БУДУЩЕЙ ПИЩИ И ОКАЗАЛИСЬ ГОТОВЫ И В
ЭТОТ РАЗ. ОНИ ДРУЖНО РВАНУЛИСЬ В
РАЗНЫЕ СТОРОНЫ И РАСТЯНУЛИ
КАНДИДАТА В ПОРОСЁНКИ-ГРИЛЬ ДО
ОБЕЗДВИЖЕННОГО СОСТОЯНИЯ, СЛОВНО
ТУГО НАТЯНУТУЮ ПАУТИНУ. ПОВАРА С
ВЕРТЕЛОМ НАПЕРЕВЕС УМЕЛО
РАЗБЕЖАЛИСЬ, НАБИРАЯ СЕРЬЁЗНУЮ
СКОРОСТЬ, И МАЙК ЗАШЕЛСЯ В
ПРЕДСМЕРТНОМ КРИКЕ, СРЫВАЯ ГОЛОС.
МЕЖДУ НЕСЧАСТНОЙ ЖЕРТВОЙ И
ОСТРИЁМ ВЕРТЕЛА ОСТАВАЛОСЬ НЕ БОЛЕЕ
ТРЕХ ШАГОВ, КАК ВДРУГ ОДНОГО ИЗ
ПОВАРОВ ШВЫРНУЛО В СТОРОНУ, ОН
НАЛЕТЕЛ НА СВОЕГО КОЛЛЕГУ, И ОБА

рухнули, роняя вертел. Острая железка с жалобным звоном покатилась вниз по склону, и один из конвоиров Майка издал короткий крик, отпуская жертву. Остальные завопили, потом упал кто-то ещё, и они бросили Майка, отскакивая от него в стороны. Майк упал на замшелую каменную поверхность, больно ударяясь головой, и, лихорадочно извиваясь, пополз прочь, не разбирая дороги. Позади него дикари панически заорали, и он судорожно оглянулся, ожидая ударов в спину.

Но уродцы больше не пытались его убивать. Вместо этого они разбегались в разные стороны с

выражением неописуемого
суеверного ужаса, вжимая головы в
плечи и пытаясь укрыться от
прочерчивающих воздух пылающих
снарядов. Горящие стрелы одна за
другой прилетали откуда-то из
туманной дымки и поражали
уродливых дикарей. Оба повара, трое
конвоиров и вожак уродцев лежали
на земле с горящими стрелами,
вонзившимися в головы, ещё две
стрелы догнали кого-то из
убегающих. Остальные, не
переставая визжать, скрылись в
тумане. Им вслед пронеслась
охваченная огнем стрела, и видимое
пространство вокруг полумертвого
от страха Майка опустело.

– Давай поспешать, человече! – Двухметровая фигура варвара вынырнула из тумана настолько внезапно, что задыхающийся от ужаса Майк не успел даже закричать. – Покуда поклонники твои не догадались, что это не разозлившийся вулкан наказывает их за дерзость, да не расхрабрились! – В одной руке Святогора был зажат лук, в другой горящая стрела. Он отточенным движением натянул тетиву и пустил стрелу куда-то в туман, что вызвало новый взрыв панических воплей. – Подставь руки! – Варвар выхватил нож и разрезал опутывавшие руки и ноги Майка веревки. – Бежим! – Он

подхватил Майка за руку и потащил за собой. — Быстрее, человек, быстрее!

Косматый головорез мчался вверх по склону, будто вниз, и едва живой от пережитого ужаса Майк в полубессознательном состоянии бежал следом, вцепившись в могучую ладонь. Страх гнал его вперёд, и он не чувствовал ни усталости, ни боли в деревенеющих от натуги ногах, ни жжения в разрывающихся от нехватки кислорода лёгких. Где-то на середине подъема ноги подкосились, и он рухнул, безвольно повисая на руке варвара. Подняться не получалось, ставшее ватным тело полностью

лишилось сил. Позади, из тумана, донёсся многоголосый визг возмущенной толпы, и Майк рванулся спасаться на четвереньках, но сил не осталось даже для этого. Косматый варвар молча взвалил его на плечи и побежал дальше. Вскоре туман сменился снегом, и в лицо повеяло холодом. Температура вокруг быстро понижалась, и Майк почувствовал, как стянутая на шею промокшая лицевая маска превращается в ледышку, обжигая кожу подбородка. Он попытался поправить её, но не смог. Говорить тоже не получалось, слова выходили сиплыми и едва слышными. Сквозь пелену сыплющегося снега ударил

солнечный свет, и Майк понял, что варвар вытащил его за пределы ледниковой поверхности. Крики позади звучали всё громче, и варвар остановился.

— Беги к саням, человеке! — Головорез опустил его на ноги. — По следам моим аккуратно к ним выйдешь! Я догоню, а покуда надобно задержать эту нечисть, чтобы парус не испортили!

Оказавшись на ногах, Майк бросился бежать, но через десяток шагов силы покинули его, и он был вынужден ползти, стоя на четвереньках. Так даже удобней, не упасть и не сбиться с цепочки следов, быстро заполняющихся

падающими снежинками. Майк карабкался между скал и обернулся лишь однажды, когда из-за спины слышался звон соударяющейся стали. Уродливые дикари преследовали его разномастной толпой, гортанно вопящей и потрясающей примитивными орудиями убийства. Пятерка уродцев, спеша за ускользнувшей добычей, развила слишком бурную активность и намного опередила своих соплеменников. Увидеть перед собой громадного варвара, неожиданно выскочившего из-за отрога ближайшей скалы, они не ожидали. Косматый головорез одним движением отсек голову передовому

из бегущих и ударом ноги в грудь заставил второго отлететь назад и покатиться вниз по склону под ноги остальным. Трое других взмахнули своими ржавыми железяками, заменяющими им оружие, и храбро бросились в бой. Варвар уклонился от одного удара, принял на щит второй и клинком парировал третий, уложив свои действия менее чем в секунду. Пока уродцы разворачивались к оказавшемуся за их спинами противнику, головорез пронзил мечом одного из них и ударом щита превратил лицо другого в кровавую кашу. Уродливого дикаря отбросило прочь, и он укатился вниз. Оставшийся преследователь, не

мешкая, развернулся и бросился бежать, стремясь отступить под защиту приближающихся сородичей.

— Быстрее, человек, полезай в сани! — Варвар догнал ползущего Майка за десяток шагов до саней и подхватил на руки. Косматый громила забросил его в буер, швырнул туда же щит и уперся в кормовую часть саней. Двухметровый головорез вытолкал буер из скального кармана на открытое пространство, и в Майка ударил порыв ветра, ледяным холодом обжигая лицо. Заледеневшая лицевая маска встала колом, и он попытался закрыть лицо руками, сипя от боли. Варвар запрыгнул в сани, быстро

поставил парус, и буер рванулся прочь от вулкана. Громила вытащил из-под Майка меховое одеяло и сунул ему в руки.

— Укройся с головой, покуда не обморозился! — велел головорез и вернулся к управлению санями.

Майк торопливо закутывался, оглядываясь назад. Буер быстро удалялся от двойной горы, из скальных отрогов которой выглядывало десятка два носатых уродцев. Они что-то гортанно верещали, трясли оружием, размахивали руками, всячески демонстрируя своё недовольство, но преследовать сани не пытались. Майк понял, что угроза миновала, и

зарылся в одеяло целиком, принимая позу эмбриона. Бьющая тело не то от холода, не то от нервного напряжения дрожь успокоилась только через полчаса, но вылезать из-под одеяла без лицевой маски он не решился. Несколько часов он лежал неподвижно, пытаясь привести возбужденную нервную систему в подобие порядка, но свист ветра и звон удерживающих мачту тросов делали все его усилия тщетными. В завывании воздушных потоков и вибрации такелажа он слышал хриплые крики кровожадных дикарей, плохо понимая, кто именно за ним гонится: носатые уродцы, плосколицы коротышки или

кровожадные каннибалы.

— Человече! — тяжелая рука несильно потрепала его за плечо. — Каши походной отведать не желаешь? — донеслось снаружи. — Поутру потрапезничать нам так и не довелось.

Майк выглянул из-под одеяла, стараясь не попасть под порывы ледяного ветра, и взял у варвара заледенелый осколок каши. Есть хотелось сильно, и он четверть часа терпеливо грыз пищевую ледышку. В конце концов ротовая полость начала неметь от холода, и ему пришлось отказаться от этого занятия, так и не наевшись. Кто мог подумать, что посреди ледника, на склоне вулкана,

где кроме крыс и мха ничего нет, могут сохраниться люди, да ещё и выживать многие десятки лет?!

— Лучше бы они все попередохли! — Майк в сердцах выругался. — Уродливые твари!

— Кулаками после драки машешь? — услышал его головорез и заключил: — Видать, оклемался.

— Это нелюди! Жертвы инцеста! — возмутился Майк, хрипя сорванными голосовыми связками. — Вы видели?! Они хотели меня сожрать! Они даже хуже каннибалов, с которыми воюете вы! Их всех необходимо уничтожить! поголовно! Всё равно в них не осталось ничего человеческого!

— Коли так, то надо было мне позволить им тебя съесть, — добродушно усмехнулся варвар.

— Что?! — Майк аж поперхнулся. — Съесть меня?! Вы что, на их стороне?! Вы их защищаете?!

— Они приняли тебя за священного Духа Вулкана! — продолжал ухмыляться косматый головорез. — Лопотали что-то о том, будто священный Вулкан послал им тебя во спасение, я слышал. Они были уверены, что ты принес им текст новой молитвы. Правда, напевали что-то непонятное.

— Если они решили, что я послан спасти их, почему они хотели меня

убить?! – возмутился Майк.

– Их вожак орал что-то вроде того, что ты сам объяснил ему, что надо с тобой делать, – пожал плечами варвар. – Ты принес новую молитву и даже попытался съесть кого-то особо непонятливого, так как устал от несообразительности своих детей. В общем, священный Вулкан послал детям своего Духа, чтобы они съели его и навсегда породнились с Вулканом. Они считали, что после трапезы станут неуязвимы к лаве и отправятся жить в недра горы, где всегда тепло. Твои поклонники планировали попеть твою молитву, съесть тебя и попрыгать в кратер для постоянного проживания в вечном

тепле. Посему, ежели желаешь их всеобщей гибели, — лицо головореза стало серьёзным, — мы можем вернуться к вулкану, и ты уничтожишь их подчистую, доведя ритуал до конца.

— О, мой бог! — вырвалось у Майка. — Нет, спасибо! — Он не смог понять, издевается варвар или говорит абсолютно серьёзно. — Достаточно того, что нам удалось уехать оттуда. Но я остался без лицевой маски! Без защиты лица я ничем не смогу вам помочь в случае необходимости! Я не могу перестать пользоваться одеялом, моему лицу очень холодно даже под ним!

— Ты маску свою сними да под

одежды засунь, поближе к телу, — посоветовал громила. — Она там и отогреется, и высохнет. Огонь нам сейчас не развести, это останавливаться надобно, а никак нельзя. Ветер крепчает, — он указал рукой куда-то вдаль. — Ураган надвигается по правую руку. Придется курс менять, чтобы от него укатить, иначе расплющит, он посильнее давешнего-то будет!

Майк хотел было заявить косматому болвану, что его предложение граничит с идиотизмом, потому что расстегивать арктическое снаряжение на лютom морозе и пихать к голому телу заледеневшую

лицевую маску есть верх абсурда! Не говоря уже о том, что можно обморозиться. Но, услышав всю фразу варвара целиком, мгновенно забыл о возмущении. Надвигается ураган! Опять! И он мощнее предыдущего?! Куда же ещё мощнее, там что, Воронка идёт?! Он чудом не замерз заживо в этом идиотском буере, лишенном даже элементарного трюма с теплозащитой, а теперь выясняется, что тот ураган был «невелик»?! Оторопевший от осознания новой смертельной угрозы, нависшей над ним, Майк зарылся в варварские одеяла и принялся снимать с себя замерзшую лицевую маску.

Заледеневшая защита не поддавалась, но ему всё же удалось стянуть её, расцарапав себе щёку. Без лицевой маски он получит обморожение лица в считанные минуты, необходимо вернуть ей работоспособность до начала урагана любой ценой! Он, путаясь в одеяле, расстегнул снаряжение и торопливо затолкал маску под одежду, прижимая к животу. Ледяной холод, соприкоснувшись с кожей, доставил ему такую боль, что Майк невольно взвыл от испытываемых мучений.

— Ты сразу-то на голую кожу её не клади, — пробасил снаружи головорез. — Тебе холодно будет. Сперва через одёжку нательную

согрей! Как лед полностью растает, тогда и на кожу переложешь. А про то, что намокать будет, не переживай. На теле всё высыхает, дай только срок.

Психующий от холода и боли Майк сорвал маску с кожи и переложил её на нательный комбинезон. Не задеть бы шину системы обогрева, согласно инструкции она к воздействию влаги нечувствительна, но лучше не рисковать. Он застегнул арктическое снаряжение и вновь сжался в комок. От маски шел просто жуткий холод, и тело содрогалось от дрожи, словно ураган уже бушевал вокруг. Майк инстинктивно сжал живот руками,

но от этого стало только холоднее.

– Не торопись, терпи, тут время надобно, – продолжал поучать громила. – Скоро полегчает.

Это вам, человеко-мутантам, скоро полегчает! Майк с огромным трудом заставлял себя терпеть бьющий тело озноб. Как только шаттл с вертолетом и пулеметчиками доберется до вашего чертова стойбища, так сразу полегчает! Заледеневшая маска подтаяла, и он почувствовал, как одежда начинает намокать. Ощущение обжигающе-холодного очага на животе стало меняться на общий озноб всего тела. Трясущийся Майк, стуча зубами, попросил вторую накидку в надежде,

что это хоть как-нибудь облегчит его страдания. Варвар не отказал и даже помог укутаться, настояв на том, чтобы Майк оставил хотя бы минимальную щелку для поступления воздуха. Или наличие второго одеяла помогло, или организм Майка начал привыкать к изощренным пыткам холодом, но где-то спустя час мучений он понял, что уже не дрожит от холода. Ещё через час он даже отважился вновь расстегнуться и переложил маску прямо на кожу живота. Это вновь выбило его из теплового баланса, но в конечном итоге дрожащий Майк добился цели. Маска высохла. Он натянул её на лицо и с наслаждением

замер, ощущая на лбу и щеках приятное тепло. Ему даже в целом стало заметно теплее.

Но счастье закончилось быстро. Усиливающийся ветер загнал Майка обратно под одеяла, температура упала почти до сотни ниже нуля, и он приготовился страдать. Быстро выяснилось, что косматый дикарь не ошибся, новый ураган оказался гораздо страшнее предыдущего. Им почти удалось выйти за его границы, когда удар стихии настиг буер. Беснующийся воздушный поток рванул сани вперед с такой силой, что мачта согнулась в дугу, удерживая парус. Такелаж взвыл на грани ультразвука, и буер бросился вперед с

дикий скоростью. Что происходило дальше, Майк помнил с трудом. Он не вылезал из-под одеял и не видел происходящего, единственное, что осознавал затуманенный ледяной болью мозг, был жуткий, режуще-колющий, всепоглощающий Холод. Система обогрева оказалась не в силах противостоять натиску хозяина планеты. Сначала Майка сотрясал озноб, стучали зубы, пальцы ног словно раздирало студёной циркулярной пилой. Потом ступни потеряли чувствительность, и погруженное в ледяную купель тело сменило ощущение острой боли на тупую. Грудная клетка будто превратилась в лёд, и потерявшие

эластичность легкие не желали расширяться при вдохе, сам вдох даже не обжигал, а раздирал носоглотку ледяным наждаком. Едва шевелящемуся Майку казалось, что он гол, и его бросили в прорубь, и теперь вода заледеневаает, и он вмерзает в лёд вместе с ней. Майк не помнил, как закутался в одеялах целиком, но в какой-то момент ему стало не хватать воздуха. Боль, Холод... Холод, боль... Не в силах шевелить конечностями, не откликающимися на сигналы мозга, он не стал ничего менять и даже не открыл глаза. Мчится ли буер сквозь ураган с дикой скоростью или уже разбился, и он, Майк, лежит где-то

посреди бескрайней ледяной
бесконечности, было не важно. Всё
равно ничего не изменить...

— Задохнешься насмерть,
человече! — Сознание обожгло
ужасающе болезненным дыханием
стужи, и в окоченевшие веки через
защитные очки больно ударил свет. —
Сказал же — не закрывайся
полностью! — Световое пятно
сузилось до маленькой точки, но
ледяной удар продолжал терзать
болью. — Держись! — голос варвара
отпечатывался в мозгу, возвращая
Майку ощущение реальности. —
Выскочили-таки мы из урагана! Он
нас самым краем задел, да никак
отпускать не желал! Долго пришлось

под углом идти, за пять часов, почитай, тысячу верст одолели! Однако же выскочили! Теперь полегче будет, лишь бы только во встречный буран не попасть...

Голос стих, и Майка вновь утянуло в ледяную прорубь. Он хотел было попросить варвара, чтобы тот остановился, развел костер и согрел Майка. Плевать на экономию дров, разогрев пищи, на необходимость спешить в Новую Америку, и на Новую Америку тоже плевать, только дайте хоть немного тепла! Но губы замерзли настолько, что полностью потеряли подвижность, и ему не удалось произнести ни слова. А может, у него давно нет губ, их

обморозило до состояния белого льда, как тогда, в вездеходе, было у Переса. Или у того парня, что лежал на медицинской платформе, которую пришлось толкать Майку... Впрочем, и на губы теперь тоже плевать.

Сколько прошло времени, час или минута, определить было невозможно, но сознание вырвалось из мутного ледяного плена практически мгновенно. Жуткая боль вгрызлась в ноги со страшной силой, и в голове мелькнула мысль, что косматый варвар замерз заживо, буер потерял управление и разбился. Майку оторвало ноги в результате удара, и эта боль есть предсмертная агония, последние и потому самые

мучительные страдания. Но ледяные тиски быстро сменились обжигающим жаром, вонзая в тело сотни раскаленных зазубренных ножей, и Майк взвыл, вспоминая знакомое ощущение отходящих от обморожения нервных окончаний. Сани вышли из области урагана, окружающая температура понизилась, и система обогрева, усиленная теплоизоляцией варварских одеял, стала одерживать верх над убивающим тело холодом. К окоченевшим конечностям начала возвращаться чувствительность, и жестокая мучительность этого процесса была хорошо знакома Майку ещё по Реактору. Однажды

ему уже довелось испытать такое.

Он катался по саням, завывая от жуткой боли, отшвыривал от себя чьи-то руки, не позволявшие ему вырваться из одеял и уползти прочь из наполненного страданиями буера, пытался сжимать в руках погруженные в кипящую лаву ноги и снова боролся с чужой хваткой. Когда обессиленный Майк смог наконец почувствовать хоть какое-то облегчение, вокруг сгущались первые сумерки. Отдышавшись, он сгреб со дна горсть ледяной пыли, стянул с лица маску и с жадностью принялся глотать тающий во рту снег. Глаза обрели резкость, и он увидел варвара, напряженно

всматривающегося в даль.
Утонувший в своих меховых одеждах
головорез был чем-то обеспокоен, но
уж точно не морозом, Холодом или
хотя бы ознобом. Чертовы человеко-
мутанты! Он не замерз под таким
жутким ураганом, а ведь был без
всяких одеял! Тогда как Майк выжил
лишь чудом! Это нечестно!
Несправедливо! Все цивилизованные
люди должны иметь равные
возможности! Просто мутанты – это
не люди! Они тупые, кровожадные
шовинисты, обвешанные свастиками
фашисты, садисты, убийцы! Таким
место или в рабах, или в
преисподней! Боль уходила
медленно, и Майк тихо подвывал

сквозь зубы, растирая лицо снегом.

— Утрись и надень свою маску! — варвар посмотрел на него взглядом маниакального лунатика, и Майку мгновенно стало страшно. Он же не собирается его убить, ведь так?! — Снег тает у тебя на лице и начинает замерзать! — продолжил головорез. — Обморозишься! — Он немедленно отвернулся.

Майк торопливо натянул лицевую маску. Слова косматого громилы вернули его в реальность, и пошедшие вразнос нервы начали приходить в норму. Он отдышался и увидел, как варвар налегает на рулевую балку, меняя курс. Буер заложил вираж, но это явно не

устроило головореза, и он принялся быстро манипулировать парусом.

— Что происходит? — Майк вытянул шею, вглядываясь в темнеющий горизонт, но ничего не заметил. — У нас какая-то проблема? Почему мы меняем курс? Впереди ураган?!

— Где-то там трещина! — прокричал варвар, перекрывая надсадный звон такелажа. — Мы мчимся прямо на неё! Держи руль! Навались всем телом и не отпускай, пока не скажу!

Громила вцепился в какой-то трос, и Майк торопливо схватил рулевую балку. В первую секунду руль едва не вышвырнул его за борт,

рванувшись из рук с такой силой, будто Майк пытался удержать мотоциклиста. Тело оторвалось от дна буера и не вылетело прочь лишь потому, что в последний миг варвар заметил катастрофу и уперся в рулевую балку ногой, предотвращая трагедию.

— Всем телом навались! — повторил он. — Упрись ногами и держи! Быстрее, не то разобьёмся!

Чтобы не позволить рулю пошевелиться, Майку пришлось распластаться поперек буера, подобно распорке. Он что есть силы тянул за рулевую балку, давя в борт ногами до хруста в суставах. Сани неслись по дуге в заносе, поднимая

фонтан снега, и косматый варвар вцепился в трос, выставляя парусу нужный угол. Как буер не опрокинулся, было совершенно непонятно, не иначе чудом. Майк едва не надорвался от напряжения, но в следующую секунду головорез оставил парус в покое и отобрал у него рулевую балку. Он выровнял сани и принялся управлять движением двумя руками сразу: одной тянул за такелажные тросы, другой держал руль. Майк, переводя дыхание от усталости, отполз к борту, огляделся и на мгновение потерял дар речи. Буер мчался параллельно громадной трещине, рассёкшей ровную, словно стол,

ледяную бесконечность надвое. Ширина ледового разлома была не меньше пятисот ярдов, сама трещина тянулась от одного края горизонта к другому, теряясь в сумеречной дали. Сани закончили поворот в какой-то полусотне шагов от края пропасти.

— Как вы узнали, что здесь пропасть?! — изумился Майк, оглядываясь на Святогора. — Трещины же совершенно не видно! Края обрыва даже сейчас сливаются с поверхностью! Как вы сделали это?!

— Добрые люди подсказали, — устало ответил тот и обреченно вздохнул, глядя на обиженно-возмущенный взгляд Майка: — Почуял

я её. Глядел вперед внимательно, а там ветер, что снег гонит, словно проваливается куда-то. Вот я и понял, что трещина где-то впереди. Повезло, что ещё не ночь.

Майк кивнул в знак согласия и вновь посмотрел на жуткую пропасть. Черта с два туда снежный ветер проваливается! Там сейчас вообще нет никаких снежных потоков, вьюнов или позёмки, ничего не видно! Варвар лжёт, он снова скрывает что-то от Майка. Что-то важное, как и все они: стервозная дылда, её родители-князьки, тот косматый дед, что считается у них жрецом, и прочие! Не мог этот головорез заметить трещину,

абсолютно исключено! Иначе Майк бы тоже видел снежный ветер, «проваливающийся куда-то». Разберемся. Позже мы со всем разберемся! Он закутался в одеяла и привычно сжался в комок. Наступала ночь, температура падала, и ему вновь становилось холодно. Сколько теперь придется идти вдоль этой чертовой трещины – непонятно. Она тянется за горизонт, может, на тысячу миль, кто знает? А уровень заряда элементов питания уже на пятидесяти семи процентах! Майк усилием воли подавил возрастающую нервозность. Откуда косматый дикарь знает, что надо было поворачивать вправо? Может, слева

трещина заканчивалась через десяток-другой миль, а справа через пятьсот! И теперь они тратят время на огромный крюк.

— Мы можем сделать остановку и приготовить горячую еду? — Севшие связки ещё болели, голос едва звучал, и Майк сам не понимал, каким образом головорез умудряется его слышать.

— Надо обогнуть трещину и уйти от неё далече! — откликнулся тот сквозь звон такелажа. — Чтобы не сдуло в пропасть, ежели буран неожиданно грянет! На ходу огонь не развести, а на ровном месте у трещины стоять опасно! Назад лучше не возвращаться, там ураган буянит

вовсю!

Пришлось согласиться с доводами варвара и терпеть голод, терзающий желудок болезненным урчанием. Майк даже попробовал сгрызть небольшой осколок мороженой каши, но сразу начал замерзать и выплюнул ледяную дрянь за борт. Они мчались вдоль разлома до тех пор, пока окончательно не стемнело, после чего косматый головорез начал замедлять ход буера, убавляя парус.

— Мы останавливаемся? — уточнил Майк. — Вы решили все-таки организовать ночлег?

— Там, впереди, где-то внизу, что-то есть, — варвар хмуро

вглядывался в ночную темень. – Не могу понять, что... и где именно... Не будем дальше в крошечной тьме идти, повернем назад, отойдем вёрст на двадцать да заночуем. Завтра навестим, а если ночью ветер крепчать начнет, так хоть запас расстояния будет... – Он замолчал и вновь всмотрелся в ночь. – Опасно у трещины ночевать...

– Давайте пройдем ещё немного, – предложил Майк, пряча усмешку. Ага, неустрашимый и никогда не ошибающийся косматый супермен понял, что повернул не в ту сторону, и теперь пытается по-детски обосновать отказ от собственной «руководящей линии». Там, впереди,

что-то есть, только непонятно, что и где. Превосходно! Верх интеллектуальности! Однозначно, там впереди злые духи. Поэтому нужно отъехать от них подальше и заночевать. Духи, разумеется, за ночь двадцать миль не пройдут, а к утру исчезнут, потому что это злые ночные духи!

— Нет, дальше не поедem, — решительно заявил варвар. — Что-то тут не так! Надобно скорее уходить отсюда, покуда не стряслось чего! — Он принялся манипулировать с парусом.

— Я предлагаю продолжить движение на малой скорости! — Майк положил руку на рулевую балку,

пытаясь направить буер прежним курсом. — Самый малый ход! Край трещины слева от нас, и мы легко заметим его приближение. Мы должны прокатиться ещё пару миль!

— Не балуй! — нахмурился головорез, отбирая у Майка руль. — Нельзя дальше ехать! И тут оставаться нельзя! Говорю же, что-то не так в этом месте, и опасность недалече! Не мешай, не успеем ещё!

Он повернул руль и натянул трос, увеличивая парусность буера, и в эту же секунду ледяная поверхность дрогнула. Раздался оглушительный треск, и огромный кусок пространства с ползущими по нему санями с раскатыстым

скрежетом резко осел, опускаясь на десяток метров, и начал заваливаться в трещину. Катящиеся вверх по наклонной плоскости сани потеряли ход и поползли назад, быстро набирая ускорение.

– Мы падаем!!! – заорал Майк, мгновенно захлестнутый паническим страхом! – Бежим!!!

Он полез за борт, но в последнюю секунду варвар схватил его за ногу и швырнул на дно буера.

– Держись! – проорал головорез и всем телом налег на парусный трос, пытаясь поймать остатки ветра. Сползание саней замедлилось, но в следующий миг вокруг затрещало ещё сильнее, и кусок ледника

окончательно откололся от стены. Сверху хлынул ливень из ледяных обломков, смертоносными снарядами бомбардирующих поверхность вокруг саней, сама поверхность накренилась и медленно полетела в заполненную ночным мраком пропасть. Буер развернуло вокруг своей оси носовой частью вниз и потащило к краю падающего фрагмента ледника. Ускорение падения словно швырнуло все внутренности Майка куда-то к горлу, и он хрипло закричал, срывая едва начавшие восстанавливаться голосовые связки, готовясь к страшной смерти.

Неожиданно быстро падение

завершилось мощным скрежещущим ударом, похоже, фрагмент ледника столкнулся с поверхностью. Сани подбросило на пару метров, и Майк едва не вылетел за борт. Буер рухнул вниз, вбиваясь в снежную поверхность на добрый фут, и замер в десятке ярдов от обрыва. Фрагмент ледника заскользил по наклонной плоскости в ночной мрак, вновь столкнулся с чем-то, сотрясаемый ужасающим ударом, и с оглушительным хрустом раскололся на несколько частей. Обломок с застрявшими в снежной поверхности санями стал заваливаться во мрак, словно секундная стрелка на циферблате, Майк понял, что сейчас

буер просто стряхнет в бездну, он рухнет в пропасть, а после сверху осыплются миллионы тонн ледниковой массы. На корме саней мельтешил варвар, истерично дергая за такелажные тросы, видимо, обезумел от ужаса, и Майк беззвучно хрипел изо всех сил. Внезапно трепыхающийся парус исчез, падая на дно саней, и из кромешной темноты пропасти в лицо Майку ринулась бесконечная ледяная стена. Заваливающийся фрагмент ледника ударил в неё, проламывая дыру, во все стороны брызнул гигантский фонтан осколков, и буер вышвырнуло из снежного плена. Сани устремились вниз по наклонной

плоскости прямо в пробитую столкновением огромную дыру, и Майк зажмурился, ожидая смертельного удара.

Всё вокруг затряслось, сани швырнуло куда-то вниз, потом вверх и в сторону, он инстинктивно вцепился в поручень и вжался в пол. Что-то визгливо хрустело, будто лопающиеся струны, ударяло в буер, падало рядом с Майком, заставляя его вздрагивать, тело вдавливало в борт ускорением. Он открыл глаза и понял, что содрогающиеся сани мчатся куда-то в крошечной тьме, опасно накренившись, и прямо у его ног в пол вжался варвар, удерживая своим телом опрокинутую мачту,

придавившую сброшенный парус. Свист ветра заглушался громким хрустом трескающихся ледниковых толщ, сверху осыпались снежные потоки вперемишку с обломками льда, и многотонные глыбы вдребезги разбивались в считаных метрах от проносящегося буера, не попадая в него каким-то чудом. Сани обдавало градом осколков, сбивая с траектории, и Майк изо всех сил вдавливал себя в угол между бортом и полом. Неожиданно буер повело вверх, теряя скорость, и Майк почувствовал, что опора под санями исчезла. Из клубящегося снежной взвесью сумрака выскочила стена ледового тупика, и прежде, чем

полумертвый от ужаса Майк успел закричать, буер врезался в неё, пробивая насквозь. Где-то очень близко раздался хруст ломающегося дерева, Майка сорвало с поручней и швырнуло вперед. Он пролетел несколько метров прямо сквозь водопад из осыпающихся ледяных осколков, и тупой удар падения погасил его сознание.

Глава шестая

Что-то горячее и влажное несильно давило на лоб и елозило по лицу, размывая царящую повсюду темноту, и Майк открыл глаза. В утренней дымке он различил косматого головореза, сидящего рядом. Варвар держал в руке горячую тряпицу и протирал ею лицо Майка, время от времени смачивая её в чем-то невидимом и глухо бурлящем.

— Где я? — спросил Майк, поднимая голову, но тут же уронил её от навалившейся тошноты.

— Там же, где и я, — изрёк громила, выжимая тряпку. — На-ка

вот тряпицу! Подержи у лба.

Он свернул её вчетверо и уложил Майку на лоб. Майк, слабо постанывая, потянулся к ней рукой, и перед его глазами оказался встроенный в рукав термометр. Датчик показывал минус двенадцать градусов по Цельсию, и он подумал, что прибор в результате падения пришел в негодность. Майк коснулся рукой тряпки и понял, что варвар стянул с него защитные очки и лицевую маску, при этом кожа лица не ощущает ужасающего холода. И горячая влажная тряпка остывает медленно... Похоже, термометр исправен, и вокруг действительно тепло. Только сейчас он понял, что

не ощущает ветра и не слышит свиста воздушных потоков. Майк решил предпринять ещё одну попытку подняться, оперся на руку и неуклюже сел, роняя лежащую на лбу тряпку. Тошнота навалилась вновь, но быстро прошла, сменяясь легким головокружением.

– Тряпицу-то на лбу держи, – напомнил возящийся с небольшим костерком головорез, бросая на Майка мимолетный взгляд. – Она в воде целебной смочена, поможет тебе от удара оправиться. Головой ты ушибся неудачно, час-другой тебе без движения обождать надобно. Следи, чтобы тряпица всегда горячей оставалась. В гейзере смачивай, как

остывать начнет.

Майк огляделся. То, что показалось ему утренней дымкой, в действительности являлось паром, поднимавшимся от бурлящей воды, заполняющей несколько десятков естественных бассейнов. Природные резервуары были разбросаны по скальной поверхности, нешироким полумесяцем уходящей вдаль на пару миль. Вокруг вяло бурлящих гейзеров толстым слоем лежал снег, испещренный множеством звериных следов. Левая сторона каменного плато плавно понижалась и уходила под толстую ледяную корку, образующую узкую и длинную ледовую поверхность. Поверхность

уходила вдаль, обрамляя скалистый полумесяц с гейзерами, а вот её ширина не превышала пятидесяти ярдов и обрывалась в открытую воду, темное зеркало которой заполняло всё оставшееся пространство. Само пространство оказалось чашеобразной выемкой в леднике диаметром мили в три, не больше. Вокруг ввысь возносились исполинские ледяные стены, от которых слабым эхом отражались звуки возни десятков животных, заполняющих поверхность льдин. Приглядевшись, он узнал пингвинов и каких-то ластоногих, про них рассказывалось в школьном курсе. Откуда они здесь взялись... Кажется,

в этих местах должно быть море или даже несколько... на стене в кабинете Джеймса висела старая карта — мир до глобального похолодания. Тогда здесь было тепло, но когда началась климатическая катастрофа, теплолюбивое зверьё вымерло, кто-то мутировал и приспособился, из холодных широт мигрировали те, кого стремительно образующийся ледник выдавил с привычных мест обитания... Кажется, так. Да какая вообще разница... Майка больше волновало другое — что с ним будет дальше.

— Где мы? — невольно повторил он, задирая голову, из-за чего головокружение немедленно

усилилось. — Это море, да? Падение было ужасным, мы рухнули на дно ледника?

— Шутишь, человеке? — улыбнулся варвар. — Упасть с высоты двух с лишком вёрст — нас бы расшибло в лепешку. Ты же смотришь на стены! Тут и сотни саженей не наберется, двухсот метров, ежели по-вашему. Мы на плоской горной вершине, думаю я. Гейзеры тут выходят из горы, камень тёплый, вот вода и не замерзает. Котел образовался, водой наполненный, вот живность сюда и прибилась, от лютой смерти спасаясь. Видать, гейзеры тут давно бьют, может, с самого начала Второй Великой

Стужи, как тот вулкан, на котором живут твои почитатели.

— Они не мои почитатели! — возмутился Майк, но был вынужден сбавить тон, громкий возглас болезненно отдавался в голове. — Они деградировавшие дикари, практикующие каннибализм! Я не виноват, что эти идиоты никогда не видели человека с черным цветом кожи.

— Нам повезло, что горящих стрел они тоже никогда не видели, — философски заметил варвар. — Иначе отбить тебя так просто не позволили бы. Кабы не было лицо твоё черно — съели бы сразу, не мешкая. Я ведь тебя поздно хватился. Расчистил

сани, поставил парус, уложил пожитки, глядь — а тебя нет. Вот и пошел искать. Зашёл в горные отроги, там следы дорогих хозяев и увидел. Хорошо, что лук всегда с собой, не стал оставлять, хоть на холоде лютом из него и не выстрелить. Подумал, мало ли что, авось сгодится. Вот он, родимый, и сгодился, стрелы-то от лавы быстро вспыхивают. Только подходить к ней горячо шибко.

Косматый громила убедился, что небольшой костерок горит правильно и не потухнет, встал и направился к лежащей неподалеку куче барахла. Приглядевшись, Майк понял, что смотрит на обломки буера,

сложенные вместе с походными тюками. Видимо, варвар пришел в сознание гораздо раньше Майка, успел собрать всё, что уцелело после крушения, и сложил это неподалеку от места падения. Буер разбился в десятке шагов дальше, Майк хорошо видел несколько обломков каких-то деревянных направляющих, валяющихся посреди груды ледяного крошева. Место крушения располагалось у подножия отвесной ледниковой стены, рассеченной глубокой пологой трещиной, уходящей куда-то вдаль и вверх. В настоящее время трещина была забита пробкой из застрявших поперек ледяных обломков и

многотонных объемов снежной массы, скатившихся с поверхности. Судя по тому, где именно трещина выходила в котловину, Майку пришлось упасть с высоты почти четырех ярдов. Толстое арктическое снаряжение частично погасило удар, но избежать легкого сотрясения мозга всё-таки не удалось. Но самое ужасное заключалось в том, что он оказался на дне двухсотметровой расщелины посреди мирового ледника, и никто не придет к нему на помощь!

— Головокружение прошло? — Головорез вытащил из кучи пожитков мешок, вернулся к костерку и достал котелок. — Потрапезничать

сможешь? — Он извлек из мешка завернутый в чистую тряпицу кусок походной каши, бросил его в котелок и поставил разогреваться. — Поешь тебе надобно, чтоб силы восстановить. Пока трапезничать будешь, я тебе травы целебной заварю, сразу полегчает.

— Что же делать?! — горестно воскликнул Майк. Они обречены, а этот примитивный варвар пытается пихнуть ему свою идиотскую кашу. — Нам не выбраться! Мы останемся здесь навсегда!

— Зачем же навсегда? — удивился головорез. — Отдохнем малость, дождемся, покуда ты оклемаешься, да пойдем искать, как наверх

выбираться. Я тут немного побродил, покуда ты спал, там, далече, трещина вертикальная есть. У неё склон пологий, взобраться можно, ежели постараться. Только надобно ближе её разглядеть, я далеко отходить от тебя не стал, уж больно тут живности много, а ты спишь. Так что ты обогреватель одёжи своей выключи да дожидайся, когда полегчает.

— Вы собираетесь лезть по трещине на высоту в двести метров?! — опешил Майк, запоздало чувствуя ощутимый перегрев. Он отключил систему обогрева и проверил заряд элементов питания. Датчик батареи показывал пятьдесят четыре процента. — Но если лед

треснет прямо под нами и обрушится вниз?! Как это случилось ночью! Мы можем погибнуть!

— Волков бояться — в лес не ходить, — пожал плечами варвар. — Тебе ж надо свою страну спасти, разве нет? Для этого надобно до неё добраться, а сидя тут этого никак не выйдет.

— До Новой Америки тысячи миль! — Майк едва сдерживал волну отчаяния. — Даже если нам повезет вылезти отсюда, мы не сможем выжить на поверхности мирового ледника! Как мы доберемся хотя бы до его границы?! Нас убьёт первым же ураганом!

— Почему это убьёт? — хмыкнул

головорез. — Сядем в сани, как положено, да поедем. Не убьёт.

— Но буер разбился вдребезги! — если бы не больные связки, Майк точно сорвался бы на крик.

— Сани починить можно, — варвар был невозмутим. — Полозья и кузовок остались в целости. Их ковали мастера, умением редкие, такой труд от удара об лёд не разваливается. Парус и мачту я успел сложить, так что самое главное уцелело. Изломались только балки поперечные, что полозья и кузовок воедино скрепляют, так у нас на такой случай запас имеется, вдоль полозьев увязанный. Собрать сани вдвоем — забота, конечно, непростая,

попотеть придется изрядно, но разве бывает тяжким труд во благо Родины? Да и не хочется мне здесь сиднем сидеть, раз уж Пращуры от нас гибель отвели.

— Вы уверены, что сможете собрать буер? — Майк решил уточнить, правильно ли понял косматого головореза. Вдруг его секретное устройство перевода дало сбой в результате падения. — Почему же вы не сделали это сразу? Зачем ждать, когда я проснусь, я способен потерпеть ради общего дела!

— Помощник мне в этом нужен, — ответил варвар. — Одному сани чинить много дольше придется. И починку затевать наверху надобно,

иначе как мы собранные сани наверх затащим?

– Конечно... – промямлил Майк. Значит, лезть по крошащейся трещине придется с грузом за спиной! Громила, может, и справится, но как быть ему?! – Вы правы. Я об этом не подумал...

– Не робей, человече, сдюжим! – заявил головорез и пододвинул к нему дымящийся котелок. – На-ка вот, перекуси, а я покуда отваром целебным займусь. Как солнце над нами повиснет, так и пойдем выход искать.

После мутноватого варварского варева, обладающего странным душистым запахом, Майку

действительно стало легче. Уже через два часа он мог без проблем ходить и даже умылся в горячем источнике. Косматый головорез и вовсе полез туда купаться и даже советовал ему последовать его примеру, но, к счастью, Майк не настолько сильно ударился головой, чтобы снимать арктическое снаряжение посреди жуткого мороза и лезть в какую-то вонючую булькающую лужу. К полудню они начали поиски выхода. Трещина, о которой говорил варвар, действительно обнаружилась в противоположной части ледяной котловины. В этом месте отвесный склон несколько раз давал трещины

разной глубины и обрушивался, образуя подъём, который с большой натяжкой можно было назвать пологим. Происходило это довольно давно, с тех пор трещины сильно завалило снегом, но рискнуть стоило. Шансы подняться есть, угол наклона опасный, но если двигаться только на четвереньках и помогать себе ледорубом, то может получиться. Главное – случайно не сорваться вниз, как было на подъеме из Сибирского разлома. Майк долго не мог решить, просить головореза обвязать его страховочной веревкой или нет. С одной стороны, если Майк сорвётся, то русский жлоб его удержит, такое уже имело место. С

другой, если лёд начнет крошиться под весом этого громилы и сорвётся он, то Майка унесёт в пропасть вместе с ним. А ведь сейчас ещё придется тащить груз...

Имущество экспедиции и составные части буера перетаскивали к месту подъема в несколько ходок. Идти, сгибаясь под тяжестью ноши, приходилось через всю котловину, и всякий раз Майк опасался нападения зверья. Чертовы пингвины оказались очень любопытными, они приближались к медленно идущим людям довольно близко и заинтересованно разглядывали диковинных с их точки зрения существ. Вероятно, факт

хождения незнакомцев на двух ногах вызывал у тварей какие-то ассоциации, и Майк был очень рад, что любопытство проявили только пингвины, а не те здоровенные ластоногие твари с бивнями длиной и толщиной чуть ли не в руку. Особенно страшно становилось во время коротких привалов, которые требовались выдохшемуся от нагрузки Майку. В эти моменты жуткие пингвины подходили вплотную и пытались то ли обнюхать, то ли клюнуть его. Единственное, что удерживало Майка от удара ледорубом по внушающей ужас твари, так это количество зверья. Нельзя

демонстрировать агрессию, иначе они набросятся на него толпой! И вообще, почему здесь соленая вода, ледник же из снега, а снег пресный! Этих тварей тут вообще быть не должно!

Особенно бесило то, что варвара всё это дело, похоже, откровенно забавляло. В общем, спокойно вздохнуть Майк смог только к исходу дня, когда перетаскивание груза наконец-то завершилось. К тому моменту солнца уже не было видно из-за взметнувшихся в небо стен ледника, и котловина погрузилась в тень. Измученный Майк улегся отдыхать прямо на снег и с облегчением отметил, что зверьё

ходит слишком медленно и не испытывает желания топтать до человеческого лагеря. Тем временем головорез сложил мешки возле крупного обломка ледяной скалы, рухнувшего сверху много лет назад, и укрыл их полозьями. Ночевать он предложил в кузове, для чего постелил туда пару шкур и меховые одеяла, после чего принялся готовить горячий ужин. Пока громила возился с котелком и мороженой кашей, Майк решил осмотреть полозья более тщательно.

Металл, из которого они были изготовлены, сразу вызвал у него подозрения. Слишком легкий для обычного железа или стали, и в то же

время слишком прочный для примитивного сплава. Что может быть доступно примитивным варварам? Он точно не помнил школьную программу, вроде медь или латунь, или ещё что-то... В любом случае, всё это было относительно мягким и никак не могло избежать деформации от такого падения, которое Майку посчастливилось пережить. А эти полозья даже не поцарапались. Кузов тоже не помялся, а если и помялся, то в сумерках Майку заметить место деформации не удавалось. Вне всяких сомнений, подобных высоких технологий у диких головорезов быть не может. Вывод напрашивается всё

тот же, и он подтверждает наблюдения Майка: варварам достался некий склад или хранилище, содержащее артефакты погибшей в ледяном коллапсе цивилизации русских. Оттуда и устройства-переводчики, и медицинские приборы, и зарядное устройство повышенной мощности, и этот сплав. Отдельно стоит выяснить, как они получают нужную для его плавления температуру, ведь она наверняка должна быть колоссальной, но это уже дело техники. Или печь есть на складе, или температура требуется не столь и высокая, сплав-то высокотехнологичный, может, и

технология плавления какая-нибудь инновационная и низкотемпературная. Кстати! Косматый остолоп опять проболтался, заявив, что полозья изготавливали некие уникальные мастера. Значит, секрет обработки металла, или конкретно этого сплава, скорее всего первое, тоже узурпирован узкой группой лиц. Что там стервозная дикарка лопотала про касты?! Всё сходится, русские дикари используют кастовую систему, и каждая каста стережет свой секрет, за счет которого и выживает.

Позже, как только представится возможность, стоит изучить внимательнее, из чего сделаны

тросы, удерживающие мачту, парус и сама мачта. Каким образом обычная веревка, тряпка и совсем не толстая деревяшка при температуре около минус ста десяти градусов ниже нуля по Цельсию выдерживают ураганный ветер, дующий со скоростью под двести миль в час, если не больше, и при этом не лопаются?! Не то что не лопаются — не раскалываются на мелкие кусочки, в то время как в Реакторе не выдерживают узлы из высокотехнологичных материалов?! Металлы меняют свои свойства, пластмассы раскалываются, словно стекло, углепластик и синтетическое волокно деревенеют! Да любая, абсолютно любая веревка или

деревяшка бы просто взорвались при такой температуре под ударами урагана такой силы! А буер дикарей только звенел на все лады и увеличивал скорость. В том, что тут что-то не так, нет никаких сомнений. Они скрывают от него ценные артефакты, что, впрочем, совершенно неудивительно. На их месте он бы тоже скрывал.

— Человече, поди к костру, кашка поспела да отвар целебный! — окликнул его варвар.

Майк сделал вид, что просто задумался о своём возле сложенных запчастей и совершенно не смотрит ни на что конкретно. Он постоял так пару секунд, потом спохватился,

будто до него дошло, что его зовут, и побежал к костру, широко улыбаясь.

— Ваша походная каша в горячем виде абсолютно отличается от замороженной! — Майк счел нужным польстить головорезу, чтобы тот ничего не заподозрил. — И этот отвар, он очень сильно мне помог! — Майк с готовностью потянулся за кружкой и невзначай добавил: — Из чего вы его сделали?

— Из трав да кореньев целебных, — ответил косматый громила. — Весняна в дорогу собрала, они с Дарьяной в делах целительских отменные мастерицы, в их огороде чего только не растет. Вот и приготовили нам с тобой сбор, дабы

В   тяжелом   походе   силы
восстанавливать да немощь изгонять.

— То есть вы не знаете точного
состава этой смеси? — уточнил Майк
будто мимоходом.

— Травы да коренья можно и по
вкусу определить, — пожал плечами
тот. — Чего-то, может, и не знаю, да
тут ведь ещё ведать надобно, в каком
количестве что добавлять. То
целителям виднее, на то они и
целители, у них свои премудрости,
коим с детства обучение ведётся.

— Кузнецов, которые изготовили
наш замечательный буер, тоже
обучают отдельно от всех? —
ненавязчиво спросил Майк,
исподволь наблюдая за реакцией

варвара. Нельзя вызвать у него подозрений! — Их квалификация очень впечатляет! Когда вы переносили полозья, я обратил внимание, что они почти не пострадали в результате крушения, хорошая работа!

— Полозья вообще не пострадали, — поправил его варвар. — Мастера дело своё знают, их умения от дедов внукам передаются, за металл можно не переживать, он выдержит. Это нам с тобой повезло, что всё так сложилось и удар не силён вышел. Иначе мы бы не выдержали, — косматый громила улыбнулся, бросая взгляд куда-то в сгущающиеся сумерки. — Не

оставили в беде Пращуры.

Он умолк, и Майк принялся доедать горячую кашу. Всё обстоит именно так, как он просчитал. Касты хранят какие-то осколки технологий и тщательно скрывают их друг от друга. Варвар не знает состава лечебной смеси, потому что кастовое табу запрещает молодой дикарке раскрывать «священный секрет» не члену касты, даже если это её будущий муж. И все вместе косматые русские варвары дружно прячут свои секреты от Майка, наивно полагая, что представитель высокоразвитой американской цивилизации не видит их примитивных уловок и ни о чем не догадывается. Забавно!

Закончив ужин, Майк поблагодарил варвара и отправился готовиться ко сну. Спать посреди местности, набитой диким зверьём, да ещё и любопытным, очень опасно, даже если для этого приспособлен кузов от буера. Мало ли что взбредет в башку этим пингвинам ночью? Набросятся огромной стаей на спящих людей и сожрут прежде, чем успеешь проснуться! А головорез даже не предложил поочередно нести караул. Похоже, он совершенно не опасается зверья. Но у Майка хватает здравого смысла не испытывать судьбу чаще, чем это получается само по себе. Поэтому он решил принять меры для

собственной безопасности. Майк забрал из буера свою шкуру и одеяло, взобрался на ледяную глыбу, у подножия которой был разбит их лагерь, и устроился там. Варвар пусть ночует где пожелает, а ему, Майку, так будет спокойнее. Он улегся, закутался в одеяло понадежнее и приготовил ледоруб на крайний случай.

Даже с поверхности трехметровой глыбы погруженная в ночной мрак долина гейзеров, так Майк для себя обозначил это место, никак не была видна. Единственное, что притягивало глаз, был маленький огонёк костерка, наполовину высвечивающий сидящего пред ним

двухметрового головореза, и Майк разглядывал его сверху, делая вид, что уже спит. Варвар вёл себя несколько странно — сидел пред костром с закрытыми глазами и что-то тихо бормотал. Понять, что он там нашёптывает, Майку не удавалось, но в неслышном шевелении губ варвара угадывались паузы разной продолжительности, словно тот вел разговор с кем-то невидимым. Остается надеяться, что столь странное поведение есть нормальная ситуация для примитивного головореза, а не яркий симптом помутившегося рассудка. Скорее всего, он молится. Или как там у варваров — «с Предками

разговаривает». Косматый громила просидел так минут десять, после чего погасил костер, и тьма поглотила долину гейзеров целиком.

Утром головорез изрядно напугал его. Проснувшись, Майк не обнаружил жлоба поблизости, и в результате наспех проведенного осмотра выяснилось, что исчез один из мешков. От глыбы, на которой спал Майк, к стене ледника вела цепочка следов, которая обрывалась у начала трещины. Из самой трещины свисала веревка, уходящая куда-то в полусумрак ледяного разлома. Поначалу Майк решил, что варвар бросил его, выбрался из долины гейзеров и ушёл, и эта

догадка привела его в ужас. Он влез обратно на глыбу и полчаса сидел на ней в молчаливом шоке, не сводя глаз с заполонившего льдины зверья, не понимая, что же теперь делать. Потом появился варвар. Он вылез из трещины, держась за веревку, и мешка за его спиной не было.

— Где вы были, мистер Свитогоа?! — полуживой от страха Майк соскочил с глыбы. — Я боялся, что с вами что-нибудь случилось! Вы в порядке? Эти монстры, они не тронули вас?

Громила бросил на него свой фирменно-дебиловатый взгляд и ответил с небольшой заминкой:

— Зверушкам до меня дела не

было. Наверх я взбирался, хотел, покуда ты спишь, дорогу разведать, да заодно отнести туда груз какой небольшой. Всё одно за раз нам всего не затащить. — Он перестал таращиться на Майка и смерил взглядом кучу из тюков и частей буера. — Первые полкруга саженой подъем шибко крутоват, не влезешь ты, что с мешком, что без мешка... Придется втащить тебя на веревке. Дальше путь сносный, поднимешься. Только у самой вершины вновь загвоздка будет в две сажени, но зато там место ровное, аккурат для сборки саней сгодится, чтоб на поверхности под бураном-то не собирать. Коли подсобишь мне, так с

двух саженой сани веревкой
вытянем... – Головорез задумался, с
сомнением разглядывая Майка. –
Ежели сдюжишь...

– Я сожалею, но не понял, о
какой глубине идет речь, – Майк
постарался прозрачно и
одновременно вежливо намекнуть
жлобу, что цивилизованный человек
не разбирается в примитивных
единицах измерения. Если две
саше... жаже... короче, если это
дикарское обозначение метрической
системы, то тянуть веревками
собранный буер с такой глубины,
стоя на скользкой поверхности
ледника, да ещё и под сильным
ветром, – это либо суицидальный

мазохизм, либо идиотизм, иначе и не скажешь.

— Сажень суть два метра и тринадцать сантиметров с малым лишком, — варвар направился к полозьям буера. — Или что там у вас, гигантов цивилизации... сам посчитай, человеке, ты же умеешь.

Майк спрятал улыбку. Примитивный дикарь понемногу осознаёт превосходство интеллекта над тупой грубой силой. Даже не попытался считать, сразу признал, что для его мозга это слишком обременительно. Это прогресс, на самом деле! Если один примитивный начал понимать своё истинное место в этом мире, то и другие со временем

поймут, надо только создать им для этого надлежащие условия. Вообще у русских неплохой потенциал, из них получится отличная рабочая сила: говорят мало, думают ещё меньше, здоровья хоть отбавляй, Холода не боятся и к пище неприхотливы. И на наркоте сидят плотно, а это ещё один рычаг влияния.

— Хватай мешок, — варвар указал Майку на один из тюков и взвалил на себя полозья. — Перенесем всё к трещине да у самой стены сложим. Я влезу туда, где крутой подъем заканчивается, и веревку тебе сброшу. Будешь поклажу к ней привязывать, а я наверх затаскивать. Потом и тебя подниму.

Некоторое время они перетаскивали груз вплотную к ледовой стене, потом громила полез вверх и исчез в полумраке трещины. Минут через десять сверху донесся его голос, и из трещины вылетел трос. Майк прицепил к нему пару туюков и крикнул головорезу, что можно поднимать. Груз пополз вверх и скрылся в ледяном разломе. Стоило признать, что варвар поднимал поклажу весьма бодро. За полчаса он успел затащить почти всё, проблема возникла только с полозьями, которые развернуло поперек трещины, они уперлись в её края и застряли. Майку пришлось несколько раз освобождать их из

ледового плена, но стоило громиле вновь потянуть за трос, полозья опять разворачивало. В конце концов жлоб спустился к Майку разбираться с проблемой.

— Что ж ты, человече, веревку-то за середину полоза привязал? — укоризненно покачал головой варвар, разглядывая расклинившуюся в трещине деталь буера. — Мы его так никогда не затащим. У самого острия вязать надобно, тут и шейка для этого специально мастеровыми придумана.

Он принялся развязывать трос и завязывать его заново. Майк лишь пожал плечами и ничего не сказал. Не устраивает — завязывай сам! Надо было предупреждать сразу, как

привязывать, откуда он знал, что слабозаметная проточина в концевой части полозьев – именно то место, куда нужно веревку заводить?! В учебных заведениях Новой Америки не обучают ползанию по ледникам!

Варвар перевязал тросы, как хотел, и полез обратно наверх. Через какое-то время полоз дрогнул и начал подниматься. У ног Майка остались только второй полоз и кузов, который является самой объемной и, пожалуй, самой неудобной частью всего груза. Поднимать его будет сложнее всего. Майк принялся осматривать металлическую гондолу в поисках какой-нибудь «шейки», раз до нормального крюка или петли

ремесленники косматых дикарей ещё не додумались. Едва он склонился над кузовом, как на заполненных зверьём льдинах разразилась настоящая какофония воплей. Майк мгновенно обернулся и невольно замер, в тот же миг узнавая чудовищного монстра. Жуткий белый медведь, такой же, как тот, которого Майк выкопал из снега в процессе очистки Завесы, только живой, голодный и пылающий жаждой крови! Монстр, похоже, только что вынырнул из воды, потому что был мокрый, и теперь мчался по ближайшей льдине, стремясь сожрать кого-нибудь из пингвинов и ластоногих. Вопящее зверьё в ужасе

разбегалось в разные стороны и ныряло в воду в поисках спасения. За несколько секунд льдина опустела полностью, и голодный монстр остановился, озадаченно озираясь. Он уже хотел было плыть к другой льдине, как вдруг его взгляд упал на Майка. Смертельно опасная тварь сравнила расстояние до льдины и свои шансы поймать там кого-нибудь с шансами прижатого к стене человека убежать и ринулась в атаку на Майка.

– Помогите!!! – завопил Майк и бросился к трещине в надежде спастись, но без веревки не смог преодолеть подъем. Он дважды срывался с крутого уклона и

соскальзывал по трещине обратно вниз, не переставая звать о помощи, но то ли варвар его не слышал, то ли не успевал сбросить ему веревку – помощи не было. Майк понял, что ещё несколько секунд и чудовищная тварь разорвет его на части, и рванулся к ледяной глыбе, на которой провел ночь. Он буквально взлетел на её поверхность, карабкаясь по толстым наростам с помощью ледоруба, и в ужасе замер в самом центре, не сводя глаз с медведя. Жуткие клыки монстра разминулись с человеческим телом на какие-то футы, и теперь голодная тварь пыталась карабкаться следом. Источающая кровожадность зверюга

оказалась слишком здоровенной и срывалась с наростов, вспарывая огромными когтями в ледяной поверхности глубокие борозды.

— Помогите мне!!! — не переставал орать Майк, панически озираясь на трещину в леднике.

Тем временем монстру стало ясно, что он не в силах залезть на скользкую скалу, и чудовище принялось ходить вокруг ледяной глыбы кругами, буравя добычу злобным голодным взглядом. Майк понял, что тварь решила взять его измором и не уйдет отсюда до тех пор, пока голод или жажда сами не сгонят жертву вниз. Больные связки опять засипели, и голос пропал. В

ЭТОТ момент чудовище пошло на второй штурм и снова полезло на глыбу.

— Чего шумишь, человеке? — из сумрака ледовой трещины выпрыгнул косматый громила. Конечно же, именно сейчас у него не имелось с собой никакого оружия. Он увидел скользящего по отвесному склону глыбы медведя и улыбнулся: — Ух ты ж, мать честная! Ты откуда взялся, косолапый?!

Гениальный вопрос! Майк чуть не взвыл от злости. Ничего полезнее, кроме как ляпнуть тупость, косматый дикарь сделать не мог! Какой смысл в том, чтобы круглосуточно бряцать своим

дикарским оружием, даже спать с ним, а именно тогда, когда оно действительно требуется, не иметь его при себе?! Монстра нечем остановить! Если даже чудовище не доберется до Майка и сожрет тупого варвара, он всё равно обречен, одному ему отсюда не выбраться!

— А ну! Поди прочь! — зычным голосом заявил варвар. — Топай восвояси подобру-поздорову!

Он поднял руки над головой, стремясь выглядеть выше, чем на самом деле, затряс ими и побежал на медведя, издавая громкие угрожающие звуки. Кровожадная тварь сползла с края глыбы и остановилась в нерешительности,

разглядывая приближающегося противника.

— Поди прочь, косолапый! — продолжал гудеть косматый остолоп, надвигаясь на медведя.

Майк схватился за голову. Сейчас этот идиот допрыгается! И он допрыгался. Чудовищный монстр оправился от удивления, встал на дыбы, яростно взревел и бросился на безмозглого головореза. Варвар неуловимым движением ушел от жутких ударов когтистых лап и вцепился в медведя, обхватывая его руками. Монстр взревел ещё сильнее и попытался вгрызться в человека клыками, но тот не дал ему такой возможности. Он ловко ушел от

укуса и в следующий момент мощным рывком оторвал медведя от земли и броском впечатал монстра в припорошенную снегом скальную поверхность. Жуткая тварь мгновение беспомощно перебирала лапами в воздухе, потом резко вывернулась, вскакивая, и бросилась бежать, набирая огромную скорость. Спустя несколько секунд монстр преодолел прибрежную льдину и скрылся в воде.

— Слезай, человеке, поторапливаться надобно! — заявил варвар потерявшему дар речи Майку.

— Как вы это сделали?!! — опомнился тот, карабкаясь вниз. — Вы остановили его! Как вам это

удалось?! Я думал, что он разорвет вас! Я видел, как подобные монстры раздирали людей десятками!

— Так это ж медвежонок был, — неподдельно удивился варвар. — Совсем малый ещё, едва год от роду. Какой с него вред? Только кусать себя не позволяй, и всё. Он ещё бороться не научился, в схватке на лапах как следует стоять не умеет. Вот я и бросил его наземь, для острастки. Только пойдем-ка, человеке, поспешим! Щенята медведей в таком возрасте ещё молоком материнским питаются, стало быть, медведица где-то рядом! — Он схватил Майка под локоть и потащил за собой. — Видать, неподалеку есть ещё одно

теплое место, и косолапые туда-сюда под водой плавают. Ежели медведица нас увидит — вот тогда нам несдобровать! Так что вяжи кузовок да полезай наверх, я подсоблю. За вторым полозом сам потом спущусь, лучше тебя тут одного не оставлять!

С этим Майк был полностью согласен. Остаться в этом жутком, наполненном кровожадными монстрами месте он не собирался ни секунды и наотрез отказался ждать внизу подъема кузова. К счастью, варвар пошел на уступки и сначала втолкнул его на ледовую трещину, а после занялся подъемом оставшихся частей буера. Пока дикарь лазал вниз-вверх, привязывал и вытягивал

груз, Майк взвалил на себя два мешка из шкур и потащился с ними вверх по наклонной поверхности засыпанной снегом трещины. Надо же показать головорезу, что мы собратья по несчастью, чтобы позже у него не имелось оснований обвинить Майка в отсутствии помощи. Однако через пятьдесят ярдов подъема один мешок пришлось оставить, а ещё через пятьдесят ярдов он понял, что если не бросит и второй, то вряд ли доберется до верха. Усталость брала своё, подъем становился слишком крутым, и без использования ледоруба Майк идти дальше не решился. Неуклюжий и тяжелый мешок за спиной стал опасен даже

для ползущего на четвереньках. Если что-то пойдет не так, то страховочных тросов нет, варвар остался где-то внизу, так что качение вниз закончится смертью.

Немного передохнув, Майк продолжил подъем налегке. Вскоре начался ветер, температура резко упала, и пришлось включить обогрев. Колючие снежинки больно били в лицо, и он принялся натягивать лицевую маску и защитные очки, бросая взгляд на встроенный в рукав термометр. Минус пятьдесят два по Цельсию и продолжает падать, стало быть, до поверхности ледника пройдено не меньше половины пути. Майк проверил надежность застежек

арктического снаряжения и пополз
дальше. Косматый громила догнал
его ярдов за тридцать до
поверхности. Безмозглый остолоп
подобрался как всегда неожиданно, и
Майк чуть не сорвался от страха,
когда боковое зрение выхватило в
заснеженном полумраке огромную
тень, крадущуюся рядом.
Навьюченный несколькими мешками
сразу, головорез был похож на
очередного голодного монстра, и
Майк чудом удержался на склоне.
Оставшиеся ярды дались ему
особенно тяжело. Ветер бушевал
вовсю, перемешивая в воздухе клубы
снега, видимость сильно упала, угол
наклона опасно увеличивался, и

появление перед глазами ровного горизонтального участка Майк встретил благодарной молитвой.

— Вы же говорили, что здесь достаточно места для сборки буера! — Майк, отдышавшись, попытался повысить голос, чтобы перекричать свист ветра, но больные связки оказались способны лишь на тихий шепот, отдаваясь мучительной резью. — Здесь всего несколько ярдов свободного пространства!

— Полка просторная! — крикнул варвар. Как он умудряется слышать шепот через завывания воздушных потоков? Скорее всего, прибор-переводчик имеет высокую чувствительность и фильтры

шумов. – На двое саней хватит! Тут снегом всё занесло, тащит его с наветренной стороны! Расчистить надобно! Зато собранные сани на поверхность затаскивать легче будет! Не придется, словно из колодца, тянуть, затащим по снежной горке!

Косматый громила ухватил один из мешков двумя руками, словно дубину, и несколькими размашистыми ударами срезал часть снежной толщи. Он уложил поклажу на образовавшуюся площадку и подтолкнул туда Майка.

– Расчищай место! – проорал он. – Я покуда остальной груз перетаскаю! Да смотри, близко к вершине не прокапывайся, не

испортить насыпь! Нам ещё сани на ледник ставить!

Варвар спустился с полки и исчез в сумеречно-снежном водовороте. Майк принялся за расчистку снега. Это занятие взбесило его очень быстро. Почему ему всегда достается именно уборка снега?! Сначала в Реакторе, теперь здесь, под жутким ветром, на крохотном пятачке у поверхности мирового ледника, за тысячи миль от Новой Америки! И везде им командуют какие-то напыщенные уроды, которые всё всегда лучше всех знают и считают себя выше него! Радует только одно: почти всех их забрал Холод, который они так

обожали, что отождествляли его чуть ли не с живым существом. Майк пришел к выводу, что у этих психов из Реактора с напрочь отмороженными мозгами есть что-то общее с психами в меховых безрукавочках. Такие же дикари, если судить по уровню интеллекта! И вообще, хватит ковыряться в снегу, это идиотское занятие, едва Майк счищает пару фунтов этого белого дерьма, ветром тут же наносит сверху десяток! Он уселся между двух мешков, закрываясь от ветра, и принялся ждать варвара.

— Худо ты снег чистишь! — внезапно выросшая из сумерек безразмерная тень заставила его

подпрыгнуть от страха и неожиданности. — Пошевеливайся, человек! Ежели ты меня дожидаясь, то помни: коли не успеем до ночи сани на ход поставить, придется тут ночевать! Если ночью буран придет, сани в пропасть сдует, без них мы тут навеки останемся, ежели вообще уцелеем! Шевелись!

Могучая рука ухватила Майка за локоть и бесцеремонно толкнула в сугроб. Головорез сгрузил с себя на освободившееся место ещё несколько тюков и вновь спустился в завьюженную ледовую трещину. Майк, шепча ругательства, продолжил идиотскую борьбу со

снегом. Принцип «десять килограмм убрал — восемь насыпало заново» бесил до всепоглощающей ярости, но он терпеливо разгребал сугробы, сдерживая готовые вот-вот лопнуть нервы единственной мыслью. Сейчас надо выжить. Варвар прав, ночью может случиться что угодно. С тех пор, как ионосфера планеты свихнулась, напрочь перекореженная цепными реакциями, никто не мог ни в чем быть уверенным. Прогнозы, расчеты, наблюдения — все новые базы данных не раз летели к чертям. Ученые не могли уверенно объяснить процессы, протекающие в ионосфере с тех пор. Чего стоит одно только то, что теперь Холод катастрофически

усиливается в момент удаления планеты от Солнца, и становится немного менее злобным в момент приближения, причем происходит это сразу и везде. На наклон земной оси ему плевать. Умники из научных академий что-то там бубнили об изменении реакции на интенсивность каких-то полей, не то исходящих от звезды, не то зависящих от расстояния до неё, не то ещё чего-то... Какая разница?! Главное, что ночью всегда холоднее, этот факт остался неизменен. И ураган действительно может грянуть в любой момент.

И Майк остервенело рыл, закусывая губу от кипящей внутри

злобы. Он будет рыть столько, сколько потребуется. Хоть десять часов подряд. Будет рыть и выберется отсюда, из этого дьявольского ледника, и доберется до замдиректора Коэна живым. Вот тогда и увидим, кто сколько стоит! Он, Майк, со всеми рассчитается! Со всеми и за всё! Вскоре вновь появился варвар, сбросил груз и ушел, не обратив на него никакого внимания. Плевать! Майку на него тоже плевать, он роет ради себя! Майк расставил мешки вдоль очищенной площадки, чтобы замедлить осыпание снежной кромки, и продолжил борьбу со снегом. Он представил, что вместо

снежных куч сталкивает в пропасть всех своих врагов, и эта ассоциация значительно облегчила задачу. К тому моменту, когда варвар втащил на площадку полозья, места под них уже было достаточно. Наконец громила поднял кузов, и мучения Майка прекратились. Он заполз в образованное сложенным имуществом укрытие и уселся перевести дух и успокоить kloкочущее внутри бешенство.

Варвар отдыхать не стал и сразу приступил к сборке буера. Он что-то отвязывал от полозьев, видимо ремкомплект, о котором говорил, что-то втыкал в сугроб, чтобы не унесло ветром, расставлял в снегу

полозья и кузов, подпирая их мешками, что-то увязывал, дергая канаты всем телом... Подробно разглядеть все его действия посреди завьюженных полусумерек Майку не удавалось, да он и не пытался. Пусть делает что угодно, лишь бы спастись. Майк безропотно помогал головорезу по первому требованию, терпеливо удерживая здесь, поддерживая там, наваливаясь сразу везде... Когда тянуть или держать не требовалось, он отползал за мешки и прятался от пронизывающего ветра, становившегося всё более и более ледяным. Потом снова варвар махал ему рукой, подзывая к себе, и он снова помогал...

Сколько часов прошло в таком режиме, Майк не считал. Температура упала до минус семидесяти восьми, порывы ветра, срывающиеся с поверхности ледника, стали напоминать признаки начинающегося урагана, и вокруг потемнело ещё сильнее. Он так и не понял, приближение ночи послужило тому причиной, или это облачный фронт урагана закрывает собою небо, единственное, что интересовало Майка, это показания датчика состояния элементов питания. Уровень заряда батареи пятьдесят три процента... пятьдесят два... пятьдесят один... А ведь они ещё не только не на поверхности, но даже

не собрали буер... Сколько до Новой Америки? После неоднократных изменений курса и полубессознательных состояний под лютыми ураганами Холода он потерял ориентацию и уже не понимал, где они находятся. Где-то в районе Средиземного моря... наверное.

— Ступай сюда, человеке! — двухметровый жлоб переорал завывания вьюги. — Сани на поверхность вытаскивать будем! Я сверху потяну, а ты отсюда подтолкнешь!

То, что произошло дальше, заставило Майка вспомнить школьную притчу о Сизифе,

закатывающем в гору огромный камень. Варвар исхитрился вылезть на поверхность ледника прямо под бушующим ветром, и то ли зарылся в снег по пояс, то ли забил в его спрессовавшуюся поверхность какие-то упоры и заякорился на них, — непонятно. Так или иначе, сверху донесся его окрик, и привязанный к носовой части буера канат натянулся. Сани, заранее развернутые по ветру и установленные передними частями полозьев на откос, медленно поползли вверх. Майк, преодолевая сопротивление воздушного потока, дополз до буера, схватился за кормовой поручень и изо всех сил

уперся ногами. Сани пошли быстрее, но на середине пути остановились, и сдвинуть их дальше оказалось абсолютно невозможно. Ноги утопали в глубоком снегу, хлещущий снежной пылью ветер затруднял обзор, мышцы гудели от усталости, а руки отказывались толкать. Буер стал настолько тяжел, словно Майк пытался сдвинуть не сани, а саму ледниковую толщу. Он хрипел от натуги, толкая чертов буер, но тот не продвигался ни на миллиметр, и даже медленно сползал назад. Чем там занимается этот косматый debil?! Он там вообще жив?! Или Майк давно уже упирается в долбаную повозку в одиночку?!

Очередной порыв ветра швырнул в лицо охапку снега, окончательно засыпая лицо, Майк прекратил идиотское толкание и принялся стряхивать снег с очков и маски.

— Э-ге-гей! — издалека сверху зазвучал голос громилы. — А ну, навались! По ту сторону разлома ураган лютует, несдобровать нам, коли подъем не осилим! Навались, человече!

— Так тянуть лучше надо! — взъярился Майк. В одиночку, что ли, он должен долбанный буер выталки... Майк оглянулся и остолбенел, чувствуя, как внутренности будто окатило ледяной водой. Воронку он узнал сразу. Ужасающий вьюн

исполинских размеров, соединивший заснеженную поверхность с исчезающим в вечерних сумерках облачным фронтом, двигался по противоположной стороне разлома в паре миль от обрыва. Воронка медленно плыла параллельным курсом, сопровождаемая океаном бурлящего в воздухе снега, с запредельной скоростью несущимся по бесконечному ледяному простору. Там, позади, на той стороне разлома, откуда они рухнули в долину гейзеров вчера ночью, безраздельно властвовал хаос, размалывающий в пыль ледяные скалы. Если Воронка изменит курс в нашу сторону хотя бы на несколько градусов... Майк

бросился к буеру и изо всех сил уперся в него, вкладывая в толчок всё, на что только был способен.

— Наваливаемся одновременно! — донесся крик варвара. — Раз-два, взяли! Ещё! Взяли!

Майк хрипел от напряжения, трещали мышцы, хрустели суставы, дыхания не хватало, но он толкал, как проклятый, спиной ощущая приближение Воронки. От перенагрузки он едва не потерял сознание и не сразу понял, что почти не дотягивается до буера, увязнув в снежном склоне по грудь. Сани короткими рывками переваливали через край поверхности, раз за разом выползая на ледник. Очередной удар

воздушного потока довершил дело, и буер оказался наверху, обдавая оставшегося под обрывом Майка снежными брызгами. Сани поползли вперед, подгоняемые ветром, и скрылись из вида. На мгновение его охватил ужас. А если варвар сейчас сядет в буер и попросту бросит Майка здесь одного?! Чтобы не рисковать попасть под Воронку! А у него уже не хватит сил преодолеть эти четыре ярда самостоятельно! Майк ринулся вверх по санному следу, но под ревущим ветром снег осыпался под весом его тела. Он что-то кричал, чувствуя, как внутри арктического снаряжения падает температура микроклимата и по телу

бежит пока ещё мелкая дрожь.

— Куда?! — утопающая в глубине мехового капюшона голова варвара нависла над обрывом, почти незаметная в нарастающем снежном ветре. — Мешки подавай! Без припасов сгинем! Вяжи, я вытяну!

Головорез сбросил ему веревку, и Майк сполз к занесенным снегом тюкам. Он торопливо просовывал трос в ременные петли, увязывая всё в одну большую сцепку. Ничего, варвар вытянет, здоровья хватит! Пока он будет тянуть, Майк вскарабкается на поверхность и залезет в буер! Он не позволит дикарю бросить его здесь, не на того напали! Мешки подавай! Ага! Майк

подаст мешки, тупой жлоб их вытянет, а Майка оставит тут, на краю пропасти?! Не выйдет!

Едва был завязан последний узел, Майк дважды дернул за трос, подавая сигнал, и пополз к подъему. Передвигаться на животе было тяжело, в лицо била жестокая позёмка, скорость движения минимальна, зато снежный склон не проседает под телом. Ему удалось доползти до края обрыва, но сама кромка оказалась спрессованной до ледяного состояния, и руки соскальзывали с неё, не в силах ухватиться. Майк судорожно греб руками и ногами, стремясь заползти на поверхность, но только разрывал

под собою снег, оказываясь всё ниже. Кисти рук и ступни ног начали замерзать, и его охватила паника. Он отчаянно забился, царапая пальцами ледяную кромку, и попытался снять с пояса ледоруб. Это ему удалось, и Майк с размаху вонзил лезвие в ставший каменным снег. Сползание прекратилось, он рванулся, подтягиваясь на ледорубе, но ухватиться свободной рукой оказалось не за что. Несколько забитых снегом трещин могли вместить в себя пальцы, но вытянуть всего себя усилием одних только пальцев Майк не смог. Он вцепился в лёд и ледоруб, понимая, что застрял, и закричал, но больные связки

издали лишь хрип. Силы таяли с каждой секундой.

– Руку давай! – донеслось сквозь завывание бурана, и он увидел перед собой головореза.

Майк оторвал руку от трещины и с трудом удержался на ледорубе. Варвар схватил его за запястье и выдернул на поверхность вместе с ледорубом. Майк попытался встать на ноги, но усталость и ураганный ветер не позволили ему этого сделать. Он нащупал болтающийся на кистевой ременной петле ледоруб и поднялся на четвереньки, пытаясь понять, где находится буер. Саней почти не было видно в бушующих над ледяной поверхностью снежных

потоках.

– Забирайся в сани! – прокричал
головорез и впрягся в лежащую
рядом связку тюков.

Он поволок мешки за собой в
сторону буера, сгибаясь под
завывающим ветром, и Майк пополз
следом, оглядываясь на
противоположный край разлома. Но
снежное месиво стало настолько
густым, что увидеть что-либо дальше
десятка ярдов было невозможно.
Кисти рук и ступни болели от холода,
двигаться быстро не получалось, и
ему не сразу удалось перелезть через
низкий борт кузова. Наконец Майк
оказался в буере и заметался в
поисках одеял. Необходимо укрыться

немедленно, пока не обморозило стопы и кисти! Но меховых накидок нигде не оказалось, и он понял, что они упакованы в тюки, с которыми сейчас возится варвар. И Майк не знает, в какой именно мешок косматый головорез их запихнул!

— Где одеяла?! — ему пришлось вылезти на пронизывающий ледяным холодом ветер, чтобы разглядеть зашвыривающего тюки в сани варвара. — Я хочу укрыться одеялами! Система обогрева не справляется! Дайте мне одеяла, где они?!

Головорез ткнул рукой куда-то в кормовую часть буера и продолжил погрузку. Майк чуть не взорвался от злобы. Куда ты тычешь, тупое

одноклеточное?! Там пять мешков, в каком из них?! Руки замерзают!!! Он бросился к ближайшему тюку и лихорадочно принялся распутывать завязки, но окоченевшие пальцы слушались плохо, и кожаные ремни не поддавались. Тогда Майк схватил ледоруб и замахнулся им, стремясь разрубить долбаный узел, но не смог нанести удар. Ледоруб словно застыл в воздухе, вмерзнув в него, как в каменную скалу.

— Одеяла продырявишь и мешок испортишь! — прозвучала над ухом рыкающая белиберда варварского языка, отпечатываясь в сознании точным смыслом произнесенных слов. — Испортишь мешок — будешь

тащить поклажу на себе, человеке! Я её к тебе веревками примотаю!

Головорез отпустил ледоруб и выпрыгнул из буера за борт. Майк, завывая от жестокой ледяной рези в пальцах и kloкочущей внутри ненависти, снова вцепился в ремни. Развязать мешок ему удалось, пожалуй, в последнюю секунду, иначе и не скажешь. К счастью, одеяла оказались именно там, и Майк буквально вырвал их из тюка. Сгибаясь под бьющим в лицо ветром, он расстелил одно покрывало в углу гондолы буера, стараясь максимально скрыться от воздушных потоков, торопливо закутался в него и укрылся сверху вторым. К этому

моменту тело буквально подпрыгивало от сотрясающей его дрожи, а ступни и кисти словно были не затянуты в арктическое снаряжение, а погружены в ледяную воду. Закутавшись целиком, Майк оставил лишь узкую щель для наблюдения и притока воздуха, после чего поискал глазами варвара.

Тот обнаружился неподалеку от буера возящимся с какими-то кольями, вбитыми в заснеженную поверхность. Только сейчас Майк заметил, что сани были привязаны к ним тросами, вот почему полозья проскальзывали под порывами ветра влево-вправо, но сам буер не сдвигался с места. Варвар выдернул

один костыль, и буер дернулся, разворачиваясь боком. Головорез забросил костыль с веревкой в сани и выдернул второй якорь. Буер вновь дернулся, оказываясь по ветру, и покатился, удаляясь от бегущего за ним косматого жлоба. Подхваченные бешеным ветром сани ускорялись, и сматывающий на бегу трос головорез не успевал за ними. Веревка натянулась и швырнула дикаря на снег. Донельзя замерзший Майк наблюдал, как вцепившегося в трос варвара тащит за буером, и испытывал смешанные чувства. С одной стороны, очень хотелось ударить ледорубом по натянутому тросу и избавиться от ненавистного

неандертальца навсегда. Он бесил Майка одним своим видом! Слишком независимый, слишком заносчивый, слишком непобедимый, слишком высокий, слишком белый и слишком тупой, чтобы стать цивилизованным человеком хотя бы лет через двадцать непрерывной муштры! С другой стороны, без этого тупого одноклеточного Майку не добраться до Новой Америки. Компас не выдержал крушения челнока, да и толку от компаса сейчас...

Пока Майк со злорадной ненавистью глядел через щелку в одеяле на волочащегося за буером по снежной поверхности головореза, тот начал подтягивать себя по

веревке и исхитрился добраться до саней за считанные секунды. Громила ухватился за кормовой поручень, ловко подтянулся на одной руке и другой забросил в кузов смотанный трос с якорным костылем. После чего схватился за край борта и рывком забросил на него своё тело.

— О, мой бог! — воскликнул Майк, выбираясь из одеяла и хватая варвара за руку. — Я держу вас! Я держу! Не волнуйтесь, всё в порядке, я здесь! — Он принялся тянуть на себя жлоба. — Что же вы не крикнули мне?! Мне ничего не видно из-под одеяла! Вы могли погибнуть!

— Отпусти, человеке, ты мешаешь мне залазить, — пробасил

тот, глядя на него ставшим уже привычным дебиловатым взглядом. Головорез забрался в буер и полез к мачте, возиться со сложенным парусом. Майк закутался обратно в одеяло. Всё-таки русские варвары не только тупы, но ещё и неблагодарны. Ему руку помощи протягивают, а он ещё недоволен, болван! Майк бросил взгляд на термометр. Минус сто один по Цельсию, это под двумя дикарскими одеялами. Сколько тогда на ветру, если система обогрева не справлялась? Градусов на десять ниже, не меньше. А жлоб чувствует себя в полном порядке, и даже собрался ставить парус. При таком ветре и на такой температуре это

невозможно. Причем всё: и нормально себя чувствовать, и парус ставить. Ткань должна потерять эластичность и просто порваться под ударами ужасающе ледяных воздушных потоков. Но варварский парус исправно развернулся, издав громкий хлопок, и буер рванулся вперед, завывая звенящим от запредельных нагрузок такелажем. Майк смотрел на выгнувшуюся дугой мачту и кривился от боли в отогревающихся пальцах. Из чего они сделали парус? Пошили из космических скафандров, которые тоже достались им в том складе, где нашлись приборы лингвистического перевода, медицины и подзарядки

электрических батарей?

Сани мчались сквозь буран, быстро набрав сумасшедшую скорость, и Майк молился о том, чтобы впереди не оказалось ещё одного разлома. В сплошном месиве из снежного крошева на скорости свыше ста миль в час видимость не превышала полудюжины ярдов, и ни о какой остановке или повороте в случае возникновения опасности не имеет смысла даже мечтать. Дрожь от холода сменилась дрожью от непрекращающегося страха, и он зарылся в одеяла, предпочитая не смотреть вперед. Видеть варвара, не обморозившегося при минус ста десяти по Цельсию без всяких одеял

и обогревов, не хотелось ещё сильнее. Майк подумал, что, как только всё сложится удачно и безопасно, нужно убедить замдиректора Коэна под каким-нибудь предлогом осмотреть одежду дикаря. Ну, там, типа почистить или ещё что... Потому что очень похоже, что обогрев у варвара имеется. Не может человеко-мутант быть морозоустойчивым до такой степени. Даже зверьё возле Реактора при подобных температурах предпочитает передвигаться под снежной толщей, где гораздо теплее, чем на раскаленной ледяным ураганом поверхности.

Спустя два часа безумной гонки

им удалось вырваться за пределы действия урагана, и Майк вздохнул спокойно. Воронка так и не перешла разлом, это их спасло. А также то, что других трещин на пути не оказалось. Взвесив в памяти все произошедшие с ним события, Майк пришел к выводу, что покойный Джеймс прав — он исключительно везуч. А это лишнее свидетельство того, что Майк не такой, как все. Наверняка он Избранный самим Господом, очень похоже! Если ему удастся всё, что он задумал, то это будет лучшим доказательством его исключительности. Он станет величайшим героем Новой Америки, вернувшим тепло замерзающей

заживо стране! Ну, или обеспечившим её рабочей силой, которая сделает так, что Новая Америка выживет и без возвращения тепла. Это на крайний случай, конечно, но тоже вариант не из плохих. В домах русских варваров очень тепло, там вполне можно жить, если мигранты будут исправно обеспечивать тебя пищей и всем необходимым.

Снегопад прекратился, скорость ветра перестала быть ураганной, и температура повысилась до минус девяносто трех. Наступала ночь, и варвар сбросил ход, сильно сократив площадь паруса. Буер катился через ночную мглу не быстрее сорока миль

в час, и Майк с удивлением заметил, что головорез, вместо того чтобы напряженно вглядываться во мрак в поисках трещин и прочих возможных препятствий, тупо таращится на звезды.

— Что-то не так, мистер Свитогоа? — Майк приподнял край одеяла. — Мы никуда не рухнем?

Косматый жлоб несколько мгновений молчал, не сводя взгляда со звездного неба, потом изрёк:

— Нет. Путь впереди ровный до самого края Великого Льда. — И вновь уставился в небо.

— Откуда вы знаете? — Майк старался говорить как можно более ненавязчиво, чтобы не разозлить

неуравновешенного головореза. Если он чуть не покусал его за какой-то идиотский мешок из шкур, то стоит быть осторожным. — Вы хотите сказать, что знаете наше точное местоположение?

— А отчего ж не знать-то? — негромко ответил тот, не переставая буравить глазами небо. — Звезды на небе всегда путь укажут, смотри на их расположение, и поймешь, где находишься.

— Но я смотрю на них, — Майк приоткрыл одеяло сильнее и посмотрел на небо. Ветер холодный, это ясно четко. Больше ни дьявола не понятно, звезды как звезды, в школе на астрономии ничего не говорили о

вычислении точных координат при помощи бестолкового разглядывания созвездий безо всяких приборов. – И не могу определить наши координаты. Как вы сделали это? Тоже усилием своей могучей мысли? – Этот разговор становился занятным. Похоже, у головореза имеется какой-то навигационный прибор. Скорее всего, компас или секстант. – Это как с переводом с языка на язык?

– Не ведаешь ты, как путь по звездам читать, потому и не видишь, где мы, – лениво сообщил варвар, не меняя положения головы. – Иначе бы сам знал, что мы в полутора тысячах вёрст от границы Великого Льда,

ежели по прямой. Только нам надобно курс поправить, чтобы до твоей страны добраться, по прямой отклонимся шибко.

— То есть вы изучаете положение звезд на небе, потому что прокладываете курс? — Майк решил подыграть дикарю. — Рассчитываете угол смещения? Поэтому мы сбросили скорость, правильно? А как вы узнали, что впереди нет больше препятствий и мы не разобьёмся в очередном разломе?

— Добрые люди подсказали, — безразлично ответил дикарь и тихо добавил: — Не мешай, человеке, дай на Чертоги Предков поглядеть спокойно. Люблю я на звезды

смотреть. Они успокаивают и даруют силы. Особенно когда совсем не вмоготу становится... — Он мгновение молчал. — Когда-нибудь я обязательно буду там, в Чертоге Лебедя, у Аркольн-Солнца, на Руте-Земле. Обниму старших родичей, увижу прекрасные грады и безкрайние рощи священных деревьев...

Варвар заткнулся, и Майк мысленно хихикнул. Похоже, у примитивного одноклеточного иногда случается меланхолия. И это вызывает в нем острый приступ философии на тему жизни и смерти. Майк посмотрел на небо. Это, кажется, Большая Медведица, варвар

таращится именно туда. Видимо, русские дикари считают, что после смерти они переносятся на Большую Медведицу, то-то он бубнил какую-то варварскую молитву про родичей, солнце и землю с употреблением не несущих смысловой нагрузки слов. Пусть молится, не стоит ему мешать, ведь религиозный фанатизм один из самых опасных. Кто знает, как головорез отреагирует, если случайно сказанная фраза покажется ему кощунственной и оскорбляющей религию. Он за гнилой мешок-то на Майка чуть не набросился, так что безопасней дождаться, пока до примитивного болвана не дойдет, что чем быстрее мы едем, тем раньше

закончатся наши мытарства. Майк, морщась от холода и недовольства, выглянул из-под одеяла и принялся вглядываться в бегущую навстречу снежную равнину. Облачности не было, Луна почти полная — не гарантия, конечно, но на такой скорости можно попытаться заметить опасность хоть как-то. Это лучше, чем вообще не смотреть на дорогу и тупо таращиться в небо.

Глава седьмая

К полуночи ветер вновь усилился, температура упала до минус девяносто девяти, и дикарь наконец-то вышел из своего «звёздного» ступора. Он выставил парус, изменил курс, и буер помчался через ночь, стремительно набирая скорость. Майку вновь стало страшно. Очень не хочется погибнуть, по-идиотски врезавшись в очередной вулкан или разбившись на дне ещё одного разлома. Головорез делал вид, что внимательно следит за вылетающей из темноты снежной пустыней, но спокойнее Майку стало

неnamного. Вряд ли дикарь сможет заметить разлом или трещину ночью так же заблаговременно, как заметил её днем. Около получаса Майк пытался следить за дорогой, но озяб и вновь укутался в одеяла. Варварские покрывала не пропускали ветер, и под ними система обогрева справлялась со своей задачей. Всё бы хорошо, но неуклонно уменьшающийся уровень заряда батареи заставлял Майка переживать всё сильнее. Вконец измотанный душевными и физическими страданиями, он закутался с головой и уснул. Во сне за Майком долго гнался косматый головорез, размахивающий

огромным топором, испещренным свастиками и изображениями черепов с костями. Майк пытался убежать, но у него не хватило скорости. Тогда он запрыгнул в буер и помчался с огромной скоростью, но увешанный оружием шовинист успел схватиться за якорный трос и начал взбираться на борт по нему. Майк рубил трос ледорубом, но тот не поддавался, лишь громко звенел, словно натянутый ураганным ветром такелаж. Варвар всё-таки забрался в буер, бросился на Майка и принялся душить его, затыкая руками нос и рот. Воздух перестал поступать в легкие, и Майк судорожно забился, хватая ртом углекислоту. Варвар

гулко захохотал и издевательски заявил:

– Сколько раз тебе говорить, не закрывайся целиком! – он убрал ладони, и в лицо Майку ударил солнечный свет. – Задохнешься ведь, кто Америку спасти будет?

Майк открыл глаза, жадно вдыхая морозный воздух, и увидел голову, сжимающего в руке край его одеяла. Судя по бьющему в глаза Солнцу, близился полдень, и смертельно опасных ураганов поблизости не было. Даже такелаж не звенел под ветром, да и парус сложен...

– Мы остановились? – подскочил Майк, сообразив, что буер

не двигается. — Разлом? Вулкан?!

— Штиль, — успокоил его варвар. — Не думал, что на поверхности ледника такое бывает. Покуда ветра нет, я огонь развел, так что пойдем трапезничать, раз так повезло. Чувствую я, это ненадолго.

Майк выбрался из вороха одеял и подсел к железной миске, в которой был разложен небольшой костерок. Над ним уже шкворчал котелок с кашей, и громила, протянув ему деревянную ложку, велел есть прямо оттуда, чтобы пища не успевала остыть на морозе. Термометр показывал минус семьдесят семь, и Майк решил, что варвар прав. К тому же как только

нос почуял запах горячего мяса, желудок едва не свело судорогой, сообщая об остром чувстве голода, и стало не до брезгливости. За минуту Майк полностью опорожнил свою половину котелка и с грустью посмотрел на оставшуюся часть пищи, неторопливо поглощаемую головорезом. Хотеться есть меньше не стало, и Майк со вздохом полез за борт — стоило заняться системой отвода отходов жизнедеятельности. Пока он возился с застежками и шлангами, по бескрайней снежной поверхности вновь заскользила позёмка. Торопливо застегивающийся Майк оглянулся на наветренную сторону и увидел

облачный фронт, темнеющий на горизонте. Шкала термометра медленно поползла вниз.

— Ураган идет! — заявил он, влезая в сани. — Надо убираться отсюда!

— Испей отвара целебного, покуда время есть, — косматый громила протянул ему дымящуюся кружку. — Мороз перетерпеть легче будет. — Он посмотрел на темнеющий на глазах горизонт: — Гонка нам знатная предстоит, буран идёт свирепый. Пей, да в одеялах хоронись.

Первый удар стихии догнал буер спустя десять минут. Закутавшийся в варварские накидки Майк невольно

вздрагнул, когда сани содрогнулись, едва ли не подпрыгивая над поверхностью, и рванулись вперед с бешеной скоростью. Снасти взвыли, начиная ставший привычным звон, мачта выгнулась дугой, парус с громким хлопком раздулся, и его поверхность застыла, будто изготовленная из матового хрусталя искусным стеклодувом. Подхваченный бушующим воздушным потоком буер мчался сквозь несущийся вдаль хаос из снежной пыли, и Майк предпочел укрыться с головой, чтобы максимально сократить теплотери. Он оставил в недрах одеял лишь узкую щель для притока воздуха, но

вскоре похолодало настолько, что казалось, будто весь Холод планеты тянется к Майку именно через эту чертову щель в складках меха.

Около часа система обогрева справлялась с натиском ледяной стихии, потом похолодало настолько, что термометр даже под двумя одеялами показывал минус сто двенадцать по Цельсию. Тело охватил озноб, быстро переросший в крупную дрожь, и Майк тихо взвыл, чувствуя, как внутри арктического снаряжения медленно разливается колючая студеная купель. Ему опять предстоит испытать жуткую боль от Холода, стискивающего тело ледяными тисками, а после, если

повезет выжить, жестоко страдать от мучений нервных окончаний, возвращающих себе потерянную от переохлаждения чувствительность. Но вскоре Майк уже не думал об этом. Он окоченел настолько, что легкие с трудом сокращались при выдохе и едва расширялись при вдохе, несущем внутрь заледеневающего организма лютое дыхание Холода. Сознание поплыло, в глазах помутнело, завывания ветра и звон такелажа слились в однородный вой затухающими ударами натужно бьющегося сердца. Казалось, что окоченение ломит жестокой ледяной болью уже не кожу и даже не мышцы, а кости, вымораживая их

насквозь, и Майк потерял ощущение реальности.

Студеное безумие, поглотившее мозг подобно проруби, в которую невидимые садисты погрузили с головой обнаженного человека, начало отступать рывками, то отпуская помутившееся сознание, то вновь захватывая его в ледяной плен. Майк не чувствовал ни рук, ни ног, только безгранично-холодную боль, вгрызшуюся в тело миллионом острых ледышек, и ему пришлось следить за пальцами кисти, чтобы убедиться, что они действительно пытаются приподнять край одеяла. Взгляд подернутых мутной пеленой глаз уткнулся в затянутую в меховые

одежды фигуру варвара, неподвижно сидящую у руля. Если головорез замерз заживо, безразлично мелькнула отстраненная мысль, то Майку конец. И это даже хорошо, потому что больше терпеть жуткую боль у него не осталось никаких сил. Ещё один-два градуса к ужасающей силе Холода — и его мучения закончатся, страдания перейдут в лишенный боли сон, и станет тепло... Достаточно лишь сбросить с себя одеяло.

— Терпи, человеке! — неподвижная гора меха вдруг повернула к нему свою верхнюю часть, оказавшуюся капюшоном. Майк медленно вспомнил, что там,

внутри него, должна быть голова варвара. Раз она разговаривает, значит, головорез ещё жив. Или у Майка начались предсмертные галлюцинации. В обоих случаях наплевать... — Скоро курс менять будем, тяжело тебе придется!

Майк мысленно засмеялся, и его рука безвольно сползла вниз. меховая толща одеяла сомкнулась, отрезая его от внешнего мира, и он закрыл глаза, продолжая веселиться от исторгнутой варваром нелепости. Майку придется тяжело! Хуже уже не будет, потому что ему уже наплевать, вокруг темно, тихо и совсем не холодно. Хорошая возможность поспать, он так устал от всех этих

варваров с их свастиками, кровожадными тварями и всепоглощающим Холодом; от всех этих уродливых дикарей, что живут и здравствуют среди запредельных температур, от этой бесконечной гонки по бескрайнему леднику, от вечных мучений под одеялами... От всего этого мира ненавистных мутантов, не знающих о демократии и не понимающих, кого они обязаны носить на руках, ибо другого шанса познать, что такое цивилизация, и вкусить её плоды у них никогда не будет... Спать... Ему необходимо выспаться, может, хотя бы во сне он забудет об этой мутировавшей грязи. Спать... Майк погрузился в белесое

безмолвие, и оно окутало его теплой ватной пеленой. Он наслаждался наступившим блаженством, забыв о Холоде, страданиях и глупой мирской суете, ощущая лишь ласковое тепло, обволакивающее его тело. Тепло пригревало всё сильнее, плавно переходя в жар, и стало горячим, радуя кожу. Внезапно ватная пелена закипела, ошпаривая Майку, и её белесая бесконечность пропиталась красным. Белесая вата быстро превратилась в заледенелую кровавую корку, густо покрывающую трюм перевернутого бронетранспортера, и из неё на Майку ринулся поток беснующихся мутантов. Десятки тварей вгрызлись

в него и принялись рвать на части.

Жестокая невыносимая боль безжалостным пинком выбила Майка из забытья, и он очнулся в темноте меховых одеял. Погруженное в кипящий металл тело заболело ещё сильнее, словно к пытке ожогом добавилось разрезание на куски заживо, и он забился в конвульсиях, вновь теряя рассудок в бездне жутких страданий. Сколько ему пришлось кататься по гондоле буера, понять было невозможно. Казалось, что боль стала стихать спустя месяц или год, и когда к Майку вернулась способность мыслить, он обнаружил себя завернутым в одеяла и придавленным сверху чем-то очень

тяжёлым. Чем-то, что мешало ему раскрыться и не давало сдвинуться с места.

– Очухался? – прогудел сверху варварский бас. Похоже, головорез сидел на Майке, используя его вместо табурета. – Не вылазь из-под одеял, покуда полностью не оклемаешься. Ураган ушел, но для тебя ещё холодно. – Громила встал с Майка и пересел на своё место. Дышать стало легче, но тело ещё пылало, медленно отходя от раскаленной рези. – Впереди путь закончился, убегать стало некуда и пришлось над собой его пропустить, – донеслось сбоку. – Как самый центр до нас дошел, то вокруг

так студёно стало, что аж дух захватывало. Я боялся, что не сдюжить тебе. Вовремя ты отвар целебный испил, тако бы замерз навсегда, ни одеяла, ни одежда твоя с подогревом не помогли б.

Головорез замолчал, и Майк несколько минут тихо стонал от затухающих мучений. Наконец боль ушла, и он смог оглядеться. Термометр показывал минус восемьдесят восемь, небо было чистое, скорость ветра, по меркам поверхности мирового ледника, невелика. Буер двигался куда-то вдоль кромки обрыва, и Майк не смог увидеть противоположной стороны разлома, настолько далеко

она была. Внизу, под обрывом, густо висели облака, и в редких разрывах между ними не было видно ничего, кроме белой пелены оседающей снежной взвеси, срываемой с обрыва потоками ветра.

— Какой громадный разлом! — недовольно скривился Майк. — Нам постоянно не везёт! Мы ищем узкое место, правильно? Как мы будем поднимать буер на противоположную стену?!

— Это край Великого Льда, человек, — ответил головорез из глубины скрывающих его мехов. — Нам надобно спуститься, дальше до страны твоей понизу пойдем. Но пока спуска не видать, стена

обрывается вниз отвесно. Придется обождать, пока не найдем подходящее место.

Майк издал усталый вздох. Неужели он сделал это?! Он пересек мировой ледник и выжил! Господь на его стороне! Остался последний отрезок этого изматывающего и смертельно опасного вояжа. Майк проверил индикатор заряда батареи. Тридцать девять процентов. В среднем за сутки он теряет десять процентов заряда, значит, энергоресурса у него осталось где-то на семьдесят часов. До Полярного Круга где-то две тысячи триста – две тысячи четыреста километров, если считать по прямой. На поверхности

ледника буер может развивать огромную скорость, и подобное расстояние можно покрыть за сутки, если не сталкиваться с ураганами, вулканами и разломами. Но внизу скорость наверняка будет меньше. Насколько?! Если вдвое, то у него есть шансы. Если втрое, то он рискует остаться без обогрева как раз перед Полярным Кругом, а ведь ещё надо идти через самую Новую Америку. Одна надежда, что внизу ещё не так холодно, как вверху, и можно будет время от времени отключать обогрев в целях экономии энергии.

Место, пригодное для спуска, обнаружилось только спустя два часа

непрерывной езды вдоль кромки мирового ледника. Впереди показалась почти километровой длины поперечная трещина, и варвар налег на канаты и балки, закладывая крутой вираж. Через пятнадцать минут он остановил буер у края спуска и принялся задумчиво разглядывать уклон, теряющийся в скоплении облаков.

— Что-то не так, мистер Свитогоа? — не выдержал Майк спустя десять минут тупого ничегонеделания. — Спуск достаточно пологий, я думаю, нам пора начать движение, пока не пришел ещё один ураган! Чего вы ждете?

– Не нравится мне это место, – хмуро изрёк варвар. – Опасностью веет смутно. Где-то далеко внизу... – Косматый громила умолк и закрыл глаза.

«Отлично!» – Майк выкатил глаза в ироничном жесте. Примитивный болван недоволен спуском! Да-да, давай ещё в медитацию впади! Кто сказал, что следующий спуск будет лучше?! А заодно и ближе, чем через тысячу миль?! Здесь хоть уклон плавный! Надо убираться с ледника, пока нет ураганов, или этому идиоту доставляет удовольствие наблюдать, как Майк каждый раз находится на волосок от смерти и

обморожения?! – Мистер Свитогоа! – Он вежливо, но настойчиво вторгся в раздумья идиота-переростка: – Мы должны принять решение! Если вам не нравится склон, давайте оставим буер здесь, спустимся ниже облачного фронта и внимательно всё проверим! Только не теряйте время зря, я хочу спуститься вниз до наступления темноты, пока не стало ещё холоднее!

– Спустишь, проверь, – согласился головорез. – Я покуда сани постерегу да якоря вобью.

– Что?! – опешил Майк. – Я не могу идти туда один! Вы должны мне помочь!

– Тогда не мешай мне, –

спокойно отрезал варвар и вновь закрыл глаза, принимая позу истукана.

— Вы не понимаете! — не сдавался Майк. — Другого спуска может не оказаться на протяжении сотен миль! Мы потеряем время! Энергии моих элементов питания хватит лишь на четверо суток, а до Нью-Вашингтона почти две с половиной тысячи километров! Мы не можем ждать! А если налетит ураган?! Нас может сдуть вместе с буером в пропасть! Мы должны спускаться! Немедленно!

— Как хочешь, — пожал плечами закутанный в меха громила. — Давай спускаться, — он принялся возиться с

парусом и недовольно добавил: — Кабы не быть беде...

Варвар довольно быстро снял парус с мачты, после чего развязал сразу несколько тюков, уселся среди них и начал возиться с какими-то веревками, застёжками и уключинами. Спустя полчаса Майк пришел к выводу, что головорез попросту издевается над ним, специально затягивая время какой-то бесцельной возней. Варвар просидит за этим ковырянием до наступления темноты, а потом скажет, типа, ночь наступила, спускаться опасно, поехали лучше дальше, чтобы время не терять. Наглость и безграничная спесь этого болвана окончательно

разозлили Майка, он влез в буер и заявил, выдергивая из рук головореза какую-то железяку:

— Эй, мистер! Вы специально делаете это?!

— Что именно, человеке? — нахмурился варвар, поднимая на него глаза.

— Сидите здесь и занимаетесь ерундой, чтобы не начинать спуск! — категорично конкретизировал Майк. — Через два часа начнет темнеть, через три наступит ночь, а мы даже не проверили спуск!

— Зачем его проверять, коли ты решил спускаться здесь в любом случае? — невозмутимо уточнил головорез. — Я же сказал: желаешь

осмотреть спуск — ступай да осмотри! А мне делом заниматься надобно! Или ты собираешься на загровке сани вниз тащить? — Он выдернул из руки Майка отобранную железяку и продолжил накручивать на неё трос. — Не мешай!

Неприкрытая издёвка человекомутанта взбесила Майка, и он отошел в сторону, чтобы не грубить и не провоцировать головореза. Выбора нет, придется ждать, пока дикарь не перестанет кривляться. Нет смысла идти на обострение, ещё бросится на него, как тогда, из-за какого-то идиотского узла на чертовом тюке! Майк проверил индикатор заряда. Тридцать восемь

процентов.

Варвар возился с парусом час, прикручивая к нему веревки, потом принялся снимать мачту. Ещё полчаса ушло на её укладку вдоль кузова и увязывание, потом ещё полчаса он привязывал к парусу освободившиеся от мачты тросы. Затем поволок получившуюся неразбериху к корме, выкинул за борт и начал привязывать всё это хитросплетение тросов и паруса к поручням.

— Вы сделали из паруса парашют?! — Майк с недоумением наблюдал за действиями жлоба. — Вы уверены, что это хорошая идея?! Вдруг что-нибудь не сработает?! Мы

можем разбиться!

— Можем разбиться, — согласился варвар и невозмутимо добавил: — А можем и не разбиться. Ты, главное, держись крепче! — Он покосился на обомлевшего Майка и усмехнулся: — Не робей, я тебя ремнями привяжу, не упадешь. Пешком идти две версты вниз, с санями на плечах — долго и опасно. Но просто скатиться с горы тоже не мёд, эдак костей не соберешь, коли чего случись. А то, как ты сказал, вдруг прямо под санями обвал произойдет. Посему парус за кормой укрепим, он в случае чего нас и выручит. Подсоби-ка, человече, увяжи мешки надежно, чтобы из саней не выпали, ежели в

воздухе повиснем.

Услышанное настолько поразило Майка, что он был готов согласиться с желанием дикаря искать другой путь, но тот заявил, что всё уже готово к спуску, и бесцеремонно затащил его в буер. Головорез затолкал Майка в угол, привязал ремнями крест-накрест к поручням, выпрыгнул за борт и принялся толкать сани под уклон. Майк пытался образумить идиота, крича о том, что это ошибка и они погибнут, но больные голосовые связки быстро посадили голос до болезненного шепота, и варвар проигнорировал его. Косматый болван столкнул сани на спуск и запрыгнул внутрь. Буер

покатился вниз, ускоряясь, удерживающие парашют канаты натянулись, и сани дрогнули, подтормаживая куполом. Несколько минут буер довольно плавно спускался на полозьях, потом сани нырнули в облачный фронт, и видимость исчезла. Майк, дрожа от страха, судорожно вцепился в поручни, каждую секунду ожидая катастрофы, и внезапно ушедшая из-под него поверхность саней едва не убила его острым приступом ужаса. Они рухнули!!! Они сорвались в пропасть прямо внутри облаков!!! Они падают!!! Он сейчас разобьётся!!! Майк истошно орал сипящими связками, болтаясь на

удерживающих его дикарских ремнях.

— Не кричи, человеке, простудишься! — отпечаталась в сознании фраза повисшего рядом варвара. — Или задохнешься, воздух-то на такой высоте беднее, чем внизу. Не робей и держись крепко.

От неожиданности Майк действительно задохнулся и замолчал, натужно дыша. В голове зашумело, в висках застучала кровь, дыхание спёрло. Пока он пытался отдышаться, облачная вата ушла куда-то вверх, и внутри Майка всё оборвалось от нового приступа ужаса. Он падал в бездну!!! Он висел в воздухе, привязанный к чертову

буеру, и под ногами у него было не меньше мили!!! Склон ледника оказался недлинным и заканчивался обрывом как раз внутри облаков, буер скатился с него в пропасть и теперь падал вниз!!! Майк вновь задохнулся от нахлынувшей паники и закрыл глаза, чтобы не видеть приближающуюся смерть, содрогаясь от непреодолимой жажды выжить.

— Не дергайся, человече! — одернул его варвар. — Не то нас снесет на склон! Уж больно близко к нему спускаемся. Пока нас парашют несет, никакого управления нет.

Слова головореза вызвали у Майка ещё больший приступ паники, и он открыл глаза, инстинктивно

собираясь закричать. Майк сделал вдох, но голосовые связки обожгло болью, и вопля не получилось. Он заморгал слезящимися глазами, избавляясь от слез, и заметил, что дно пропасти под ногами приближается слишком медленно. Может быть, они и не разобьются от падения... Он оглянулся и вновь сжался от страха: исполинская стена мирового ледника высилась совсем рядом, в каких-то десяти-пятнадцати ярдах от спускающегося на парашюте буера. Висящие носовой частью вниз сани с болтающимися вокруг них гроздьями привязанных тюков и парой человеческих фигур, снижались неравномерно, то

ускоряя, то замедляя спуск.

— Ветер вдоль стены вверх поднимается! — коротко выкрикнул головорез. — Нас сносит! Когда земли касаться будешь, держи ноги вместе и на полные ступни приземляйся!

Покачивающийся под куполом буер вышел из ветреной области, и снижение пошло быстрее. Сани медленно удалялись от гигантской ледниковой стены, приближаясь к земле, и Майк увидел под собой большое облако пара. По мере снижения облако разрасталось, увеличиваясь в размерах, и вскоре оказалось, что его размеры в поперечнике достигают полутора-двух миль.

– Налегай на правую сторону, человеке! – висящий рядом варвар уцепился руками за поручни правого борта и попытался навалиться на них. – Надо изменить курс, мы опускаемся аккуратно на лес!

Полуживой от страха Майк не понимал, что происходит, и вяло попытался повторить действия головореза. Откуда внизу пар на таком холоде? Вдруг они падают прямо в жерло вулкана!!! Эта мысль резко подхлестнула его активность, и Майк задергался, хватаясь за всё подряд.

– Не трожь мешки! – крикнул варвар. – На правый борт налегай! Не цепляйся за мешки!

Но было уже поздно. Охваченный страхом Майк ухватился за один из болтающихся неподалеку мешков и вцепился в него, стремясь укрыться за ним от жуткого падения. Центр тяжести буера изменился, купол слегка накренился, и сани потащило к паровому облаку. Майк понял, что оно приближается слишком быстро, и скорость падения ещё опаснее, чем он думал.

— Держись! — варвар отцепился от борта, повисая на ремнях. — Смотри, чтобы санями не накрыло!

Снижающийся буер вонзился в клубящийся пар, в ушах зашипело, и защитные очки покрылись капельками влаги. Несколько секунд

мимо Майка пролетали ввысь вертикальные струйки пара, потом из белесого тумана под ногами неожиданно выскочила покрытая мхом поверхность, и он невольно закричал, сжимаясь в комок. Острия полозьев ударились оземь, и буер стал заваливаться вверх дном. Майк с криком врезался в землю и замер от полученного удара. Спустя секунду на него упало что-то тяжелое и твердое, больно ударяя колено, ещё через несколько мгновений сверху опустилось нечто большое, белое и почти невесомое. Майк понял, что это саван господень укрывает его усопшее тело, и закрыл глаза.

Секунд двадцать ничего не

происходило, после чего по телу разлилось нежное тепло и необычайная легкость. Майк осознал, что он находится где-то перед входом в райские сады и его приглашают войти. То, что очень больно придавило ему ногу, уже ничего не весило и не приносило страданий. Он вытащил ногу и попытался встать, но Господь приготовил ему небольшой тест на сообразительность. Что-то, невидимое сквозь белоснежный саван, держало его тело, не допуская в рай. Майк благоговейно улыбнулся. В священные сады не может попасть каждый, но он докажет свою избранность, как не раз уже делал

это! Майк нащупал путы, связующие его с обителью душ бранных и недостойных, и развязал узлы от Лукавого сначала на одной верви, а после на другой. Избавившись от пут, он встал и пошел, вытянув руки, и белоснежный саван легко скользил по перчаткам, струясь по синтетике ставшего ненужным арктического снаряжения. Майк уверенно шел навстречу заслуженным райским кущам, и вскоре саван закончился, открывая его взору восхитительный мир, висящий в нежных облаках. Он сделал ещё шаг навстречу прекрасной зеленой бесконечности, утопающей в белоснежных небесах, но вдруг почувствовал сильную

усталость. Арктическое снаряжение стало удушливо жарким и безгранично тяжёлым, сродни огромному чугунному якорю, не позволяющему сделать и шага. Майк понял, что в раю ему не нужно никакое снаряжение, оно будет только мешать раскрывать крылья, и потому решил избавиться от бестолковой обузы. Он остановился, стянул с лица очки с маской и принялся нащупывать застёжки снаряжения, но опоздал. Слуги дьявола выследили его!!! Огромное исчадие ада вылетело из восхитительно-прекрасного облака и с разбега схватило Майка. Он закричал от тоски, не веря своим

глазам: райские кущи, бывшие всего в нескольких шагах, стремительно отдалялись от избранного! В лицо ударил колючий Холод, и слуга Люцифера швырнул его в снег. Лицо больно обожгло ледяной стужей, Майк подскочил и тут же согнулся в приступе рвоты. С минуту его выворачивало наизнанку, потом скручивающие тело в жгут спазмы начали стихать, и он поднялся на колени, тяжело дыша.

— Снега горсть съешь, да лицо им утри! — варвар сидел неподалеку, опираясь на руку, и протирал лицо снегом. Он снял капюшон и подставлял лицо дующему со стороны ледника ветру.

Зрение прояснилось, и райские кущи исчезли, уступив место заснеженной пустоши. Справа от Майка она отходила от ледниковой стены и терялась в сумеречной бесконечности близящегося вечера, слева упиралась в заскорузлый замшелый лес, едва заметный в окутывающих его испарениях. Бесчисленные струйки пара поднимались от земли, покрытой зеленым лишайником с нездорово-желтыми влажными гнойниками, достигали верхушек влажных от стекающей росы деревьев и тянулись ввысь, закручиваясь в клубы под действием ветра. Лишенные листьев деревья от корней до кончиков

ветвей покрывали гнойно-зеленые лишайники, ближайšie к небу ветки тускло поблескивали грязной наледью, из-за чего казались надетыми на кроны насадками, изготовленными из мутного зеленого стекла. На удалении ярдов триста от окраины леса пустынная заснеженная местность начинала повышаться, плавно уходя вдаль, и Майк понял, что курящаяся испарениями территория находится значительно ниже уровня снежной поверхности, образуя своеобразную котловину. Порыв ветра выхватил из утопающего в струйках пара леса небольшое белесое облачко и погнал его в сторону Майка, быстро

растворяя в потоках воздуха. В носу
вновь возник заманчиво-
восхитительный запах райских кущ,
но едва его развеяло ветром, как
Майка скрутило новым приступом
рвоты.

— Что... — отплевывался Майк,
протирая лицо снегом по примеру
варвара, и судороги начали стихать. —
Что... это... было?! Что за чертова
дрянь здесь творится?! Почему тут
тепло?

— Это Пятно, — косматый жлоб
уже пришел в норму и поднялся на
ноги, с подозрением осматриваясь
вокруг. — У нас тоже такое есть, тебя
в нём Остромысл сыскал. Забыл?

— Здесь радиация?! — Майк

вспомнил рассказы дикарской ведьмы и заторопился встать, но голова ещё кружилась, и ноги не слушались. — Миссис Да-ри-ана говорила, что Пятно смертельно опасно!

— Так и есть, — варвар достал из дебрей меховых одежд какую-то то ли косынку, то ли шарф, и принялся наматывать её себе на голову, закрывая лицо до самых глаз. — Пятна появляются под дырами в озоновом слое. Ты ведь знаешь, что это такое. — Он продолжал закутывать голову. — Сверху сюда идет солнечная радиация, а из-под земли к ней тянется что-то поганое... Какая-то химия, что оседает из воздуха. До

наступления Стужи Старая Америка много всякой погани в небе распыляла, боролись с глобальным потеплением. Теперь под радиацией в почве идет какая-то химическая реакция и что-то ещё... Выделяется тепло, продукты распада и ядовитые галлюциногены, в самом центре поганой земли радиация и отравы всякая человека за полчаса убивают. Да и на окраинах Пятна долго не проживёшь, разум помутнеет – сам в центр потопаешь. А в Пятне живут твари недобрые, радиацией и дурманом изувеченные, они всякого пожирают, кто сил лишился... И лишиться сил там недолго: не дурман сразит, так радиация обожжет, а коли

наземь ляжешь без доспеха или одёжи ладной, так и не встать уже — лишай, что землю и древа всякие внутри Пятна покрывает, в кожу мгновенно вгрызается и отраву тяжелую впрыскивает. Только животина изувеченная, что в Пятне плодится, там выжить может, да и той худо живётся.

Головорез закончил закутываться и надел на голову капюшон, окончательно становясь похожим на серийного маньяка-убийцу, расчленяющего жертвы десятками. Он тщательно застегнул свои одежды и двинулся к границе утопающей в океане паровых струек территории.

— Что вы делаете?! — Майк огромным усилием заставил непослушное тело встать на ноги.

— Сани вызволять надобно, — негромко ответил тот, останавливаясь в пяти ярдах от паровой стены. — Пешком до твоей страны долго идти придется. Одежда-то твоя без батареек останется. Замерзнешь, коли мороз лютый грянет. Ты покуда здесь оставайся, сиди тихо да маску свою суши.

Майк машинально проверил датчик батареи. Тридцать семь процентов. Надо отключить, пока вокруг тепло. Он деактивировал систему подогрева и только сейчас почувствовал, как жарко внутри

арктического снаряжения. В этот момент варвар разбежался и исчез внутри моря пара. Майк торопливо снял влажную лицевую маску, расстегнул снаряжение и засунул её внутрь. Термометр показывал плюс четыре по Цельсию, но мокрая маска всё равно обожгла тело сильным холодом. Майк скривился. Чертовски холодно! Придется терпеть, пока она не высохнет, это в любом случае гораздо легче, чем отогревать на себе насквозь заледеневшую ткань. Порыв ветра донес до него тихий, почти стеклянный хруст, и Майк завертел головой, всматриваясь в паровую взвесь. Кажется, в лесу под тяжестью ледяного панциря обломилась ветка.

Он с минуту внимательно вглядывался в заледеневшие верхушки крон, но ни малейшего шевеления там не обнаружил и искал глазами варвара. В бескрайнем пару его не видно было, и Майк напрягся. А не нанюхался ли головорез токсичных испарений... Если жлоб отравился и потерял сознание, то сможет ли выйти назад? В подобной ситуации в Сибирском разломе Майк вышел, но ведь Майк полноценный человек, а варвар всего лишь мутант, к тому же ещё и белый. Хватит ли ему силы интеллекта понять, что организм на грани отравления, бросить всё и вернуться? Вряд ли. Это не доисторическим

боевым металлоломом размахивать, химически активные испарения мечом не победить. Но если дикарь издохнет внутри Пятна, то как Майк доберется до Новой Америки?! Впереди две с половиной тысячи километров! Без саней, без припасов, даже чертова замороженная каша осталась там, в буере!

– Мистер Свитогоа! – закричал Майк. – Хэллоу?! Вы слышите меня?! Вы в порядке?! Хэллоу?!

Сорванные голосовые связки обожгло болью, и больше кричать он не смог. Головорез не отзывался, время шло, и Майк испугался не на шутку. Лезть внутрь смертельно опасных испарений, кишащих

кровожадными мутантами, ради
какого-то дикаря он не собирался, но
без пищи Майк обречен! Даже если
арктическое снаряжение выдержит
здесь морозы и без подогрева,
дойти до Новой Америки пешком без
пищи невозможно! И куда идти?! Как
определить правильное направление
движения? Может, рискнуть
задержать дыхание и добежать до
буера, забрать мешок с
замороженной кашей и дровами? А
если косматый болван именно так и
издох?! Вдруг до места падения буера
не добежать на одном вдохе?! Или
буера не видно в этом месиве пара?
А может, около саней уже
бесчинствуют мутанты, они и

сожрали дикаря?!! Что же делать?!! Майк заметался, охваченный паникой, но зайти внутрь Пятна так и не решился. Он решил подождать ещё немного, и в этот момент в толще паровых струй замелькала какая-то тень. Мгновенно пришедший в ужас Майк бросился прочь, оглядываясь на ходу, но из белесого облака выскочил варвар, разматывающий за собой бухту троса. Оказавшись на чистом месте, громила бросил трос и повалился на снег.

— Мистер Свитогоа? —
остановившийся Майк в
нерешительности не двигался с
места. — Вы в порядке? — Он сделал

шаг к варвару и замер, вглядываясь в медленно шевелящую руками двухметровую фигуру. Хочется верить, что дикарь не издохнет сейчас, когда у Майка вновь появился шанс добраться до Новой Америки живым. – Мистер?! – повторил он. – Вы в порядке?

– Абсолютно! Разве не видно?! – Варвар вялыми движениями размотал закрывающую голову косынку и зачерпнул ручищей горсть снега. Он обтер лицо и сел, тяжело дыша: – Ты зачем кричал, человеке? – Головорез посмотрел на Майка: – Здешнее зверьё взбаламутил, жди теперь беды...

Вскоре громиле полегчало, он

поднялся, болезненно морщась, и побрел к торчащему из Пятна тросу. Варвар присел и осторожно протянул руку, хватаясь за лежащую в рыхлом снегу бухту так, чтобы не попасть под случайно раздуваемые ветром струйки. Отмотав веревку на безопасное расстояние, громила уперся ногами в землю и принялся изо всех сил тянуть за трос, выбирая его на себя. Веревка поддавалась неохотно, но задуманное варвару явно удавалось. Майк подошел ближе, всматриваясь в океан испарений, и вскоре различил смутный силуэт буера, рывками ползущий навстречу. Через несколько секунд он был у края Пятна и стал

четко различим. Внутри кузова лежал парус, накрытый кучей веревок, мешков и тюков, поверх которого валялось дикарское оружие.

— Я помогу вам! — спохватился Майк, подбегая к головорезу. Ещё скажет потом, что всё делал один! А так не выйдет! — Он вцепился в трос и принялся вытаскивать сани вместе с варваром. — Я не думал, что вы вытаскиваете буер! Мне казалось, что он упал где-то недалеко, но вас не было слишком долго! Я уже собирался вас искать!

— Сани приземлились вверх полозьями, — налегал на трос варвар, — пришлось переворачивать.

Буер выполз из Пятна, головорез

впрягся в него, словно бык, и потянул дальше, отволакивая от границы испарений, туда, где уровень заснеженной поверхности начинал повышаться.

— Давай-ка подсоби, человеке! — велел он, явно торопясь. — Нельзя близко к Пятну оставаться! Зверьё твои крики услыхало, твари те больны безумием да бешенством, от них добра не жди!

Майк пристроился у кормы и принялся трудолюбиво толкать буер, оказывая неугомонному жлобу посильную помощь. Информация о бешеных мутантах встревожила Майка настолько, что он постоянно оглядывался назад, ожидая появления

из Пятна кровожадных монстров. Но время шло, а чудовищ не было. Буер отволокли уже метров на пятьдесят, вокруг ощутимо похолодало, снег стал сухим и глубоким, но никаких тварей не появилось, и даже звуков никаких не было слышно, ни топота, ни рычания. Майк криво усмехнулся. Косматый дикарь просто хотел напугать его и таким способом заставить толкать буер. Видимо, не хотел волочить сани в одиночку. Тупой болван, мог бы просто попросить! Майк, конечно, не стал бы напрягаться так, как сейчас, но в помощи бы не отказал, зачем же так пугать?! Идиот! Он перестал толкать, переводя дух, и увидел, что головорез

впереди тоже бросил веревку. Варвар побежал к саням, запрыгнул внутрь и принялся быстро извлекать из мешков своё примитивное вооружение. Громила торопливо надевал на себя весь полагающийся головорезу дикарей металлолом, и Майк забеспокоился. Варвар соскучился по своему антуражу или им действительно грозит опасность?

Чтобы не рисковать попусту, Майк, не теряя времени, запрыгнул в сани и сел на дно, укрываясь за бортом. Лишним не будет, мало ли что... В следующую секунду из облаков пара выскочила крупная уродливая тварь, затем ещё одна, и оба мутанта остановились,

рассматривая оказавшиеся так далеко сани. Майк вжался в борт, лихорадочно взвешивая шансы. Точно разглядеть мутировавшее зверье с такого расстояния было сложно, но и так видно, что твари уродливы, велики и кровожадны. Если они голодны, то бросятся наверняка. С другой стороны, их всего две, и варвар должен с ними справиться, ему же не привыкать... В глубинах пара заколыхались потоки белесых струй, словно потревоженные сильным сквозняком, и из Пятна вывалилось десятка два разномастных мутантов. Зверьё увидело своих вожаков и остановилось, нервно переминаясь

на лапах. До Майка донеслось тихое истеричное повизгивание, и несколько тварей, хрипящих от избытка злобы, начали грызться между собой, брызжа желтой слюной. Майк, холодея от страха, оглянулся на варвара. Тот замер рядом с буером словно истукан, с натянутым луком в руках, и целился в одного из мутантов.

– Стреляйте! – тихо взвизгнул Майк. – Чего вы ждете?! Стреляйте скорее!

– Могут броситься, – негромко произнес головорез. – Обождать надобно, пусть сами уйдут.

– Они не уйдут! – Майк едва не сорвался на крик, но больные связки

вновь запылали. — Они голодны, у них бешенство, они не уйдут! Убейте одного, остальные кинутся жрать его труп!

— Их слишком много, — негромко ответил варвар, — не сработает. Если они почуют угрозу, то бросятся на нас всем скопом. Надо обождать, вожак знает, что вне Пятна, без дурман-тумана, его сородичи слабы, и опасается атаковать. Не провоцируй его, человеке, помолчи.

Тем временем из клубов пара выплеснулись новые твари, и кружащих вдоль границы Пятна монстров стало вдвое больше. Вожак почувствовал, что его силы возросли, и оскалился, сверкая длинными

желтыми клыками уродливо-разного размера. Он сделал шаг вперед, но порыв свежего ветра ударил ему в морду, и здоровенная уродливая тварь вновь остановилась.

– Стреляйте! – не выдержал Майк. – Иначе будет поздно! Убейте его!!! Немедленно!!!

Покореженное мутацией ухо вожака дрогнуло, он издал истеричный рев и бросился в атаку. Варвар спустил тетиву, и стрела с коротким свистом умчалась к цели. Снаряд пробил вожаку горло на втором прыжке, монстр споткнулся и покатился по снегу. Остальное зверье бросилось к его трупу и вгрызлось в тушу, остервенело рыча друг на

друга.

— Вот видите! — воскликнул Майк. — Я же говорил! Это тупые твари, их не интересует ничего, кроме голода! Убейте ещё нескольких, и они окончательно о нас забудут!

В толпе беснующихся мутантов раздался громкий заунывный вой, и самка вожака с остервенелым захлебывающимся рычанием бросилась в кучу жрущих соплеменников. Она одним ударом разметала половину монстров, вцепилась в горло ближайшему и с громким хрустом перекусила ему трахею. Самка отшвырнула бьющуюся в агонии тушу и вновь

взвыла, уставившись остекленевшим взглядом на стоящий вдали буер. Остальное зверье подхватило её вопль, и Майк невольно сжался от леденящей кровь истеричной какофонии.

— Убейте её! — завопил он. — Убейте!!! Стреляйте во всех! Нужно больше трупов!

— Не поможет, — угрюмо выдохнул варвар, спуская тетиву. — Беги, человек! Вон из саней!

Стрела вонзилась самке вожака в глаз, пронзая голову насквозь, её мертвое тело мешком рухнуло на труп самца, и Майк, словно в замедленном фильме, увидел, как четыре десятка мутантов срываются

с места, устремляясь в атаку единым потоком. Кишащее оскаленными мордами живое месиво, разбрызгивая хлопья желтой пены, яростно рыча и истерично визжа, мчалось прямо на него, стремительно увеличиваясь в размерах. Ужасающие мутанты оказались гораздо крупнее, чем казались издали.

— Вон из саней! — варвар зашвырнул в буер лук, схватил Майка за шиворот и одним движением выбросил за борт. — Если парус и тросы изгрызут, без хода останемся! Беги прочь! Отвлекай их!

— Что?! — Майк едва не умер от ужаса. — Куда?! Куда мне бежать?!

Они меня разорвут!!!

— Куда глаза глядят! — головорез подтолкнул его с такой силой, что Майк пролетел несколько метров, прежде чем упал наземь. — Подальше от саней! Живо!

Майк вскочил и бросился бежать, озираясь. Клокочущая яростью стая мутировавших тварей заметила его мгновенно и изменила направление, сближаясь с огромной скоростью. Он понял, что ему не убежать, и отчаянно закричал, спотыкаясь и падая в снег. Майк подскочил на четвереньки и судорожно пополз по становящемуся всё глубже снежному покрову, не сводя глаз с рвущихся к нему

монстров. Позади него, быстро удаляясь от буера, бежал варвар, на ходу срывая со спины длинный меховой сверток. Поток бешеных тварей увидел более близкую цель и бросился на новую добычу. В следующую секунду опора под руками Майка исчезла, и он провалился в засыпанную снегом яму, сипя от панического ужаса. Майк отчаянно забился, изо всех сил пытаясь выкопаться наружу, и это ему удалось. Он выполз из ямы, хватая ртом воздух, и в этот миг по ушам ударил резкий drobный грохот пулеметной очереди. Майк вжался в снег, укрывая голову руками, и посмотрел из-под ладоней, пытаясь

увидеть, откуда пришла помощь.

В десятке шагов от него стоял варвар с пулеметом в руках и почти в упор расстреливал поток атакующих монстров. Двухметровый гигант упирался ногами в землю и словно висел на изрыгающем огонь пулемете, длинной очередью вырезая взбешенную звериную массу. Варвар несколько раз перечеркнул свинцовым потоком атакующих тварей и перешел на короткие прицельные очереди. Пробитые пулями монстры кувыркались по снегу, разбрызгивая вокруг фонтаны алой крови, и белоснежная поверхность быстро превращалась в кровавую корку. Бегущие последними

твари поджали хвосты и уши и бросились бежать, спасаясь бегством. Остальные спотыкались о трупы соплеменников и отскакивали в стороны, не понимая, что происходит.

Ударно-спусковой механизм пулемета сухо клацнул, сообщая об опустошении ленты, варвар бросил пулемет на валяющуюся у ног размотанную шкуру и схватился за меч. Он занес клинок для удара, выхватил из-за сапожного голенища здоровенный кинжал и бросился на опешивших тварей с громким свирепым рычанием. Клинки замелькали, словно лопасти пропеллера аэросаней, и с полдюжины тварей

оказались разрублены менее чем за три секунды. Остальные мутанты окончательно утратили боевой дух и повернули назад, спеша убежать от чудовищного существа, убивающего ужасающе громким грохотом и слишком длинными и острыми когтями. Спустя полминуты вокруг варвара остался только усеянный истекающими кровью тушами снег.

— Вставай, человеке, да побыстрее! — Головорез торопливо вытер клинки и убрал их в ножны. — Бежим к саням! — Он подхватил дымящийся пулемет и упаковочную шкуру. — Надобно утащить их подальше отсюда, нет времени парус крепить! Столько свежих туш вокруг

— скоро голод сюда пригонит
животины тьму целую! Поторопись!

Громила побежал к буеру, на
ходу заматывая пулемет в шкуры, и
Майк запоздало бросился следом,
косясь на бьющихся в предсмертной
агонии мутантов, вяло
трепыхающихся на окровавленном
снегу, усыпанном стреляными
гильзами. От охватившего его
крайнего изумления мысли Майка
путались, расплзаясь в разные
стороны, и беспорядочно
перескакивали с одного на другое, не
в силах сконцентрироваться. У
варвара есть пулемет! Это не
американское оружие, но это
однозначно пулемет, схожие черты не

оставляют сомнений. И головорез умеет им пользоваться! Он очень даже метко расстрелял половину мутантов, у него это получилось значительно лучше, чем у полярников там, в Реакторе. Значит, он держит пулемет в руках не впервые...

— Надевай! — варвар протянул подбегающему Майку снегоступы. — И упирайся в корму! Я потяну спереди! — он быстрыми движениями надевал на себя лыжи. — Надобно быть далече, когда здесь начнется пиршество, иначе зверьё юродивое снова набросится, не дадут мачту с парусом укрепить, на это несколько часов нужно! Давай-ка подсоблю! —

он наклонился к обалдевшему Майку, вяло возящемуся с завязками снегоступов, и ловко завязал на его ногах крепёжные ремни: — Всё, ступай!

Головорез убежал вперед, впрягся в привязанный к носовой части саней трос и зычно крикнул:

— А ну, человече, навались! — Майк проковылял к корме и послушно уперся в неё руками. Варвар убедился, что он на месте, и рывкнул своё обычное: — Раз-два, взяли!

Буер пополз прочь от покрытого кровавым льдом места бойни, всё дальше углубляясь в снежную пустошь, и повышение уровня

снежной поверхности стало гораздо более ощутимым. Толкать было тяжело, но Майк терпеливо выкладывался изо всех сил, боясь разозлить увешанного оружием головореза. У него есть пулемет! Варвар таскал его с собой всё это время за спиной, замотанным в шкуры, а Майк считал, что там сложены какие-нибудь копья, дротики или ещё какое-нибудь примитивное барахло. А ведь у того фашиствующего маньяка верхом на медведе, у него за спиной был точно такой же сверток... Внезапная вспышка памяти озарила сознание, и Майк вновь увидел себя стоящим на окраине дикарского стойбища.

Русские троглодиты, взявшись за руки, ходят кругами вокруг подожженного святого креста, Святогор рассказывает ему об этих чертовых свастиках, а поодаль, сливаясь с сумерками и тенями жилищ, затаились другие головорезы, до зубов вооруженные примитивным металлоломом. И у каждого за спиной длинный сверток из шкур...

Да у них полно пулеметов! — вспыхнула догадка. Варвары носят их в тех свертках, чтобы он, Майк, не видел! Они так старались скрыть от него факт наличия высокотехнологичного оружия, что едва не потеряли полдюжины своих головорезов в бою с каннибалами

Вахха, но так и не использовали пулеметы... Почему?! Следующая догадка поразила его до глубины души. Русские хотят захватить Новую Америку!!! Именно!!! Вот почему всё так странно, он недаром чувствовал подвох с самого начала! Загадочные приборы-переводчики, таинственное медицинское оборудование, неизвестное зарядное устройство, двадцатикратно превышающее штатный прибор Полярного Бюро... Станный обмен мехов на бусы, которыми никто не пользуется... Люди, играючи переносящие стоградусный Холод... Головорез, якобы прокладывающий путь по звёздам без единого прибора, не

имея даже примитивного компаса...

В следующую секунду Майк понял всё. Это западня!!! Ловушка!!! Русские устроили маскарад, чтобы обмануть его, и выдали ему в напарники шпиона-головореза! Они хотят отобрать у Америки секрет поддержания вечно тёплого климата! Возможно даже, захватить Реактор! Просто они не знают, где его искать! Они неоднократно пытались напасть на Новую Америку, но были не в силах преодолеть Полярный Круг, вот почему «дикарь» так хорошо знает дорогу! А теперь Полярный Круг исчез, и Майк собственноручно ведет шпиона русских в сердце погибающей, беззащитной страны!

Это генномодифицированный убийца, выведенный на секретной военной базе русских, уцелевшей в ходе климатической катастрофы! Сама база находится где-то недалеко от их стойбища, скорее всего, прямо под ним! Стойбище – это ширма для отвода глаз! Вот почему у них так запросто в «огороде» растет зерно, овощи, и скот дает молоко! В действительности они всё выращивают в подземных бункерах базы, там же синтезируют наркотики, которыми подманивают зверьё! И бусы им на фиг не нужны!!! Им нужна технология изменения климата, они же так прямо и говорят, что хотят вернуть земле тепло! Хотят

вернуть СВОЕЙ земле тепло!
Святогор — шпион! Он должен
собрать сведения для организации
нападения, и после этого в Новую
Америку ворвутся сотни
генномодифицированных
двухметровых клонированных
фашистов с пулеметами, верхом на
питающихся людьми медведях, у
которых даже уздечки испещрены
свастиками!!!

Потрясенный Майк не смог
произнести ни слова, осмысливая
открывшуюся ему страшную тайну, и
когда русский шпион сообщил, что
сани достаточно далеко от опасных
мест и теперь можно перестать
толкать и отдохнуть, лишь торопливо

закивал. Русский велел ему садиться рядом с буером, а сам полез внутрь и принялся устанавливать мачту. Потом он отвязывал купол от веревок, складывал его вдвое, вновь делая из парашюта парус, затем надевал его на снасти и растягивал такелаж... Головорез занимался этим несколько часов, и всё это время Майк неподвижно смотрел за его действиями невидящими глазами. Что же делать? Надо что-то сделать, но что? Убить головореза он не может, тот гораздо сильнее его, да и без него Майку до Новой Америки не добраться. Пожалуй, лучшим решением сейчас будет подыграть «дикарю», всем своим видом

демонстрируя, что он ни о чем не догадался и по-прежнему наивен и дружелюбен. А когда они окажутся в Нью-Вашингтоне, первым делом он предупредит замдиректора Коэна, и они вдвоём придумают, как решить эту проблему. Пока же необходимо показать русскому шпиону, что Майк воспринимает произошедшее как само собой разумеющееся.

— Мистер Свитогоа, — Майк решился задать первый вопрос только тогда, когда головорез полностью подготовил буер к пути и развел небольшой костерок для разогрева мороженой каши. — А почему вы не использовали пулемет в бою с Ваххами? Это могло всё

упростить!

— От клинка Ваххи умирают быстрее, — ответил тот, бросая в котелок несколько осколков колотой пищи. — Боль они чувствуют слабо, зато от кровотечения слабеют быстро. А пулевое ранение по сравнению с клинковой раной дает много меньше кровотечения. Патронов слишком много уйдет, а с ними тяжело, вещицы это редкие. Жаль, гильзы подобрать времени не было, так бы мастеровые переснарядили те из них, что от холода не повело. Из пулемета стрелять надобно, только если уж совсем худо дело и деваться некуда. Да и старое это оружие, ствол

изношен сильно, побережь бы.

— Вы не боитесь, что на сильном холоде пулемет не сможет стрелять? — вкрадчиво уточнил Майк, собирая бесценную информацию. Похоже, головорез действительно туповат и не понимает, что сам разбалтывает важные сведения, которые Новая Америка сможет использовать против сил вторжения. Патронов мало, оружие изношено, что ещё? — Ведь при температурах ниже минус шестидесяти металлы сильно меняют свои свойства и их хрупкость возрастает.

— Нам-то переживать уж не за что, — хмыкнул головорез. — Патронов нет боле. Я одну только ленту с

собой брал, чтобы груза лишнего не нести, да и то на всякий случай. Остромысл велел. Я не хотел пулемет вообще брать, потому как ты прав, на лютом морозе сломается он быстро. Однако Остромысл не зря предупреждал. Я-то думал, везде холодно будет, ты же сам так рассказывал.

— Это правда! — торопливо подтвердил Майк. Похоже, всё не совсем фатально, и шансы у Новой Америки есть, нужно только использовать больше арктического вооружения и атаковать при заведомо низких температурах. — Когда я вылетал к вам на челноке, в Новой Америке было уже минус пятьдесят

по Цельсию, и температура продолжала падать. Я даже не представляю, насколько сейчас там холодно!

— Градусов на пять-шесть, — туповатый шпион, по простоте душевной разбалтывающий военные секреты, помешал в котелке ложкой. — Ежели теперь на планете зима наступает везде в одно и то же время, так у вас сейчас лето, как у нас. А летом тепло, разве метель иногда поозорничать может, тако и с ней меньше минус шестидесяти редко когда бывает.

Он выдал Майку ещё одну деревянную ложку, и некоторое время они ели молча. Потом дикарь

занялся кипячением своего отвара из трав, и Майк решился на ещё один вопрос. Он сделал вид, что спрашивает как будто между делом, даже не ради ответа, а лишь с целью поддержания разговора:

— Скажите, Свитогоа, как вы планируете уничтожить мутантов в Реакторе, если пулемет остался без патронов? Или вы рассчитываете получить новые патроны у нас, в Новой Америке?

— А подойдут ли они? — пожал плечами громила. — Да и ни к чему это, всю живность в лесу не перестреляешь. Тут другой способ надобен, вот доберемся до твоего Реактора, там видно будет.

Что ж, в Новую Америку генномодифицированный шпион попадет без патронов, это уже хорошо. Дальше Майк с Коэном решат, что делать. Русские сильны и кровожадны, но глупы и примитивны, так что переиграть их в битве интеллектов не составит труда. Пока же нужно во всём поддакивать головорезу, глубже втираться к нему в доверие и собирать как можно больше информации.

— Испей отвара целебного, чтобы не захворать на морозе, — головорез протянул ему дымящуюся ароматным варевом кружку и затушил костерок, накрыв его куском шкуры. — Теперь спать по очереди

будем, коли с Великого Льда сошли. Ты первый дежуришь. Через четыре часа самое сонное время настанет, там я тебя и сменю.

— Давайте отъедем подальше отсюда! — Майка мгновенно охватил страх, и в темноте ночной пустоши зашевелились крадущиеся к нему мутанты. — Пятно слишком близко! Твари могут напасть!

— Живность в Пятне хвора и от пара далеко отходить не будет, — варвар невозмутимо укладывался спать внутри буера. — Она без испарений тех быстро силы теряет. А здоровая животина близко к Пятну не подходит, радиацию и тамошнюю отраву чувствует. Так что мы лагерем

встали в самом безопасном месте. Не робей, человек, здесь никто тебя не тронет. Но караул неси исправно, привыкай, как далече поедем, так безопасных мест можем и не сыскать боле.

Косматый головорез укрылся одеялом и исчез из вида, оставляя Майка в крошечной тьме наедине с мерещащимися повсюду тенями.

Глава восьмая

Сильный порыв ветра потрянул мчащийся по заснеженной пустоши буер, и задремавший Майк открыл глаза. Сон выбило мгновенно – ему на голову накинули мешок и хотят убить!!! Он закричал и задергал руками и ногами, изо всех сил пытаясь освободиться. Мешок слетел с головы, и Майк с облегчением увидел, что это всего лишь меховое одеяло, в которое он машинально закутался, пока спал.

– Чего шумишь, человек? – русский шпион обнаружился на своём месте, у рулевой балки.

– Я в порядке, – Майк потянулся за отброшенным одеялом. – Просто плохой сон. Всё о'кей.

Варвар кивнул и продолжил смотреть вперед. Майк криво усмехнулся про себя. Русские знали, кого послать шпионить, этот головорез не просто немногословен, из него даже пары фраз не вытянешь. Шестые сутки длится их совместный поход, но количество произнесенных варваром слов, при желании, несложно подсчитать. Майку толком не удалось выяснить никаких подробностей о тщательно скрываемых русскими секретах. На все вопросы громила отвечает односложно или несет дежурный

бред про «Предков, кои суть Боги наша». Приходится признать, что подобный способ информационной защиты хоть туп и примитивен, но действует довольно эффективно. Вот и сейчас — как варвар держит курс? Приборов у него якобы нет. Звезд на небе тоже нет, вокруг никаких ориентиров, лишь гладкая снежная пустыня, поверхность которой то слегка поднимается, то опускается, да иногда кое-где из белой глади выпирают крупные заснеженные холмы. Насколько Майк помнил рассказы Джеймса, Африканский континент равнинный то ли полностью, то ли в части, примыкающей к Новой Америке,

неважно. Короче, здесь хоть и не поверхность мирового ледника, но тоже куда ни глянь — везде снежная пустошь от горизонта до горизонта. Как головорез держит правильный курс, да ещё настолько уверенно?

— Мистер Свитогоа, — Майк решил задать шпиону провокационный вопрос. Он наверняка отвертится, но интересно, каким образом он сделает это на этот раз. — Вы уверены, что мы не сбились с правильного курса? Сейчас день, звезд не видно, ориентиров нет... Как же вы едете?

— По солнцу, — лаконично ответил варвар. — И тени от паруса.

— Но как? — Майк сделал

преданные глаза. – Солнце же движется! Мы рискуем идти кругами!

– Солнце уходит на Запад, – неторопливо изрёк головорез. – Тень от паруса указывает на Восток. Нам надобно на Юг. Что тут непонятного? Держи солнце по правую руку да поглядывай за тенью. Коли не раз под парусом ходил, то ведомо тебе, как она меняться должна, если долго одним и тем же курсом идешь. Смотри за ней да правь курс вовремя. Это ежели чутьё не развито.

– Вау! – восхищение талантом головореза получилось у Майка более чем натурально. Русский явно

не догадывается о том, что раскрыт, раз продолжает пичкать его примитивной дикарской мистикой. — Значит, у вас чутьё отлично развито! Вы же управляли буером во время урагана, когда небо было затянуто облачным фронтом! Там ни звезд, ни солнца — света белого не видно!

— Так ведь ветер-то тоже направление имеет, — пожал плечами варвар. — Да и чутьём меня родовые Образы Крови не обделили, благодарю за то Пращуров. Доберемся, человече, не робей. До страны твоей тысячи две верст осталось. Коли ураган не заставит курс менять, через два дня там будем.

— Отлично, мистер Свитогоа,

хорошая работа! – Майк похвалил шпиона и поправил одеяло.

Наивная глупость варвара была бы забавна, если б не бесило коварство русских. Впрочем, с их целями ещё предстоит разобраться, а вот «чутьё», доставшееся от «Пращуров», правильно называется «компас»! При обыске это самое «чутьё» обнаружится быстро, в этом Майк не сомневался. Невозможно по смещению тени от паруса выдержать правильный курс, если б такое было правдой, то люди не изобретали бы компас! Зачем он тогда нужен?! Смешно даже... Чутьё у него родовое! Ладно, пусть болтает что угодно, лишь бы довёз. Майк

прикинул скорость буера. На глаз миль пятьдесят в час, когда ветер слабеет, то немного меньше. Ночами теперь двигаться опасно, можно не заметить какую-нибудь скалу или холм, поэтому варвар сразу предупредил, что перемещаться будем только днем. С этим Майк согласен, не хватало ещё разбиться перед самой Новой Америкой. Он бросил взгляд на датчик энергоресурса. Тридцать два процента. Днем температура воздуха колебалась у отметки минус шестьдесят один градус по Цельсию, и под одеялами удавалось обойтись без системы обогрева. Но ночью резко холодало градусов на восемь-

десять, и подогрев арктического снаряжения приходилось включать. Если ничего не изменится, то энергии должно хватить до самого Нью-Вашингтона, но если налетит затяжной ураган, то всё, что останется у Майка, это трое суток. При условии, что они вовремя найдут укрытие.

Ураган, конечно же, начался. Ближе к вечеру прямо по курсу чистый горизонт потемнел, ещё через полчаса впереди отчетливо наблюдался мощный облачный фронт, спустя ещё час навстречу ударили первые порывы приближающегося бурана. Варвар возился со снастями, что-то там

тянул, накручивал-раскручивал, и даже умудрился какое-то время продолжать движение, пуская буергалсами то в одну, то в другую сторону под углом к встречному ветру. Но вскоре вокруг начало быстро темнеть, температура поползла вниз, и Майк был вынужден активировать обогрев.

— Как бураном накроет, ни зги не видно будет! — Варвар перекричал гудение такелажа. — Впереди по левую руку холм, доберемся до него и переждем! Там и заночуем! Держись, сейчас потрясёт!

Он продолжил возню с управлением, и Майк вытянул шею, стараясь не вылезать из-под одеяла.

Ни черта впереди не видно, ни по левую руку, ни по правую! Сплошное снежное месиво и сумерки, сквозь которые они мчатся вслепую на большой скорости! Так можно разбиться в два счета! Он сильнее вцепился в поручни и уперся ногами в поклажу, чтобы погасить болтанку. Буер метался из стороны в сторону, катастрофически завывая такелажем, и Майк каждую секунду ожидал удара или хруста, зажмуриваясь при очередном рывке. Но через пятнадцать минут ветер резко ослаб, и он увидел надвигающуюся на буер из темноты невысокую пологую сопку. Холм оказался довольно широким и существенно гасил

скорость ветра, что обещало относительно надежное укрытие в совокупности с сильным снежным заносом. Похоже, головорез собирался переждать буран тем же способом, что на поверхности мирового ледника у вулкана, потому что вогнал буер в сугроб и свернул парус. Выпрыгнув за борт, он с размаху воткнул в снег металлический костыль якоря, и тот ушел в поверхность целиком.

— Снег слишком мягкий, — резюмировал головорез. — Не удержит якорь, коли ветер сменится. Посему будем вплотную к саням берлогу устраивать, подопрем их собой, покуда снегом не занесет.

Подпирать пришлось долго, и разместившийся на шкуре возле буера Майк успел продрогнуть насквозь. Варвар разбросал по саням тюки и накрыл кузов шкурой, получившуюся конструкцию в виде закрытой мыльницы снегом замело быстро, но с обустройством берлоги пришлось повозиться. Пока головорез отрыл достаточное для двоих углубление, пока расстилал на дне одеяла и готовил навес из шкур и каких-то жердей, Майку пришлось контролировать буер. За это время, проведенное без движения, кисти рук и ступни начали мерзнуть, но ещё больше бесили потоки снега, засыпающие его отовсюду. Из-за них

он не видел, чем там занимается варвар, и подозревал, что берлога давно готова, просто русский шпион не зовет Майка в укрытие из желания лишний раз поиздеваться. Хотя нет. Более вероятно, что причина кроется в другом: человеко-мутант просто не в силах понять, что нормальному, полноценному, цивилизованному человеку просто **ХОЛОДНО** в этом ледяном кошмаре! В конце концов, Майк не выдержал и полез в сужающийся с каждой минутой вход, пока нору не замело полностью. Головорез ещё возился с рытьем, но сидеть снаружи Майк категорически не желал и потому заявил, что с буером всё в порядке и его надежно

засыпало.

— Я не могу оставаться наверху! — Майк сделал измученное страданиями лицо. — Я замерзаю, энергия на исходе, мне нужно избавиться от ветра! Я хочу воспользоваться одеялом!

Варвар ничего не ответил, лишь молча кивнул в сторону более-менее обустроенного угла берлоги, где были уложены одеяла и пара мешков. Майк завернулся в одеяла и принялся отогреваться, следя за датчиком заряда батареи. К сожалению, существенно сэкономить энергию не удалось. Буран длился всю ночь и почти весь следующий день, и Майку пришлось то отключать обогрев, то

снова активировать его, чтобы избавиться от начинающейся дрожи. Когда завывания ветра снаружи окончательно стихли, индикатор показывал двадцать четыре процента, и такая маленькая цифра серьёзно пугала Майка. Он настоял, чтобы они покинули берлогу и продолжили путь при первой же возможности. Поначалу головорез не возражал. Они вылезли из берлоги, и варвар начал откапывать буер. Майк принялся помогать, но вместо того, чтобы полностью очистить сани, русский шпион выудил из них свои лыжи и кивнул на вершину холма:

— Надобно посмотреть, что за места вокруг. Скоро стемнеет,

видимость ухудшится.

Он полез наверх, и Майк решил, что не должен отпускать громилу одного. Вдруг это уловка, а на самом деле он хочет использовать навигационный прибор или что-то ещё. Майк торопливо разыскал снегоступы и принялся мучиться с завязками. Чертовы ремни бесили, но он справился и заторопился следом за головорезом. И вовремя. Поднявшись на вершину, Майк замер от неожиданности. Холм оказался одним из заснеженных отвалов породы, множество которых окружали очень крупный котлован. Похоже, когда-то здесь добывали какие-то полезные ископаемые, и

котловина была значительно глубже. Позже, с наступлением климатической катастрофы, в котловине построили укрепленный населенный пункт. Его основные строения или были сооружены под землей, или занесены многометровым слоем снега, но из белоснежной толщи всё ещё выпирали самые высокие из них. Майк без труда узнал покосившиеся сторожевые вышки и пару бетонных зданий без окон, испещренных узкими бойницами. Это башни с огневыми точками, гарнизон которых контролировал поверхность окружающих отвалов. Кое-где на их крышах ещё можно разглядеть

обломки спутниковых антенн. Наверняка под несколькими ярдами снежной толщи можно обнаружить и другие боевые позиции, и бетонный забор, и пояса заграждений из колючей проволоки. Это анклав. Один из тех, что пережили климатическую катастрофу, продержались порядка восьмидесяти лет, но потом всё равно достались на растерзание Холоду.

— Недоброе место, — варвар настороженно разглядывал занесенные снегом руины, и лицо его принимало всё более хмурое выражение. — Чую я, уезжать отсюда надобно. Пошли сани откапывать.

— Этот анклав мертв очень

давно, – успокоил его Майк. – Я работал в Гуманитарной Миссии, в те давние годы она занималась оказанием помощи таким поселениям. Последнее из них перестало выходить на связь сто двадцать лет назад. Вы видите погребенное под снегом кладбище. Я предлагаю переночевать здесь ещё одну ночь, а завтра с утра продолжить путь. – Майк указал рукой на окрестности: – Смотрите, сколько холмов вокруг! Скоро стемнеет, мы рискуем разбиться в ночи! Нельзя идти на такой риск только из-за того, что мы наткнулись на мертвое поселение. Глупо будет погибнуть, почти добравшись до

Новой Америки! Тем более у нас есть берлога, и буер надежно закреплен. Переночуем спокойно и поедем дальше.

— Недоброе место, — повторил головорез, — чую я, недоброе... — Он пристально обводил взглядом снежную поверхность вокруг торчащих из-под неё развалин. Девственно-ровный снежный покров не имел никаких следов. — До кромешной тьмы ещё три часа, успеем уехать отсюда далече.

— Стоит из-за трех часов разбирать лагерь и потом заново разбивать новый? — убедительно аргументировал Майк. — Ночью температура понизится, и моя потеря

энергоресурса станет угрожающей! Наша берлога хорошо утеплена, в ней я смогу сократить потерю до минимума! Завтра выдвинемся с самого утра и наверстаем упущенное. К вечеру будем в Новой Америке! Мы должны остаться тут, я очень прошу, мистер Свитогоа, для меня важен каждый процент энергии!

— Как знаешь, человеке, — варвар устоялся на него своим дебильным взглядом. — Как бы не случилось худо... — Он развернулся и начал спускаться вниз.

Майк последовал за ним, стараясь выглядеть спокойным и неторопливым. Ему удалось убедить русского шпиона заночевать на

прежнем месте, теперь необходимо усыпить его бдительность, надо вести себя как ни в чем не бывало. Майк дождется, когда головорез заснет, бесшумно выберется из берлоги, наденет заранее оставленные в буере снегоступы и спустится в мертвый анклав. Это даже хорошо, что варвару не понравились руины, можно будет вызвать в караул на первую половину ночи, и головорез уляжется спать без каких-либо подозрений. Несколько часов Майку вполне достаточно для того, чтобы осмотреть челнок.

Челнок!!! Этот анклав один из тех, что пытались захватить челноки

Гуманитарной Миссии и добраться на них до Новой Америки! Майк увидел его сразу. Воздушная машина лежала на одном из холмов-отвалов, что был ниже других и находился внутри котловины. Челнок был выше уровня поверхности, и потому снег не мог замести его целиком — машину каждый раз заносило только с одной стороны, потом ветер менялся, сугроб раздувало, наносило с другого бока и так далее. И анклав этот мертв даже больше, чем сто двадцать лет, потому что это пилотируемый челнок! Даже с такого расстояния Майк хорошо разглядел кокпит в носовой части машины, его стекла сохранились в целости,

именно это и давало надежду на успех. Внутри челнока могут обнаружиться приборы, которые ему удастся использовать! Пилотируемые челноки укомплектовывались оружием для экипажа, оно вряд ли уцелело, наверняка его разграбили неудачники, для которых этот анклав сначала был домом, а позже стал кладбищем. Но в аварийные комплекты до сих пор входит ручное зарядное устройство для подзарядки элементов питания арктического снаряжения, и в те годы оно тоже имелось в челноках в обязательном порядке.

Ручное зарядное устройство
приводится в действие

механическим способом — ручку крутишь, и всё! Майк сможет зарядить свою батарею, и не только. В составе аварийного комплекта должна быть рация, которая работает от этого зарядного устройства! Она не могла выйти из строя из-за холода, она специально так сконструирована... Майк не помнил подробностей, Джеймс что-то объяснял пару лет назад, то ли она как-то там законсервирована, то ли действительно не замерзает... Неважно! Главное, что если рация уцелела, он сможет подать сигнал бедствия и связаться с замдиректора Коэном. Майк предупредит Коэна, а если хватит времени, то и введет в

курс подробностей. Тогда к появлению русского шпиона подготовятся, и Майк сможет использовать варваров для захвата Реактора. У него уже есть план, как после установления контроля над Реактором избавиться от русских. Но для начала нужно сделать так, чтобы к точке аварийного управления ХААРПом попал только один из них. В этом ему потребуется помощь Коэна, тот сможет организовать шаттл и вооруженную поддержку, никто не откажет замдиректора, от доброй воли которого зависят поставки продовольствия. Но самое главное сейчас добраться до Новой Америки и уцелеть.

Ведь если русский шпион считает, что Майк увидел и узнал слишком много, он попытается избавиться от опасного свидетеля. И сделать это головорезу выгоднее всего сразу перед тем, как ничего не подозревающие граждане Новой Америки с восторгом примут его в надежде на помощь. Шпион убьет Майка, свалит вину на каких-нибудь бандитов, бесчинствующих в руинах Нью-Вашингтона, и, обливаясь слезами, с бездыханным телом Майка на руках выйдет к Полярному Бюро! Ну, или что-то в этом роде. Поэтому Майка должны встретить! И встретить так, чтобы для русского головореза это явилось полной

неожиданностью. И в любом случае Майку нужно зарядное устройство, если что-то пойдет не так, ещё один затяжной ураган или ещё что, он рискует замерзнуть заживо, а этого допустить нельзя. Он уверен, что меховые одежды русского тоже имеют обогрев, и громила наверняка взял с собой зарядное устройство, даже если емкость его батарей аналогична или превышает то, что доступно Майку. Но вряд ли шпион позволит ему увидеть или использовать устройство, недаром же русские так тщательно прячут уцелевшие технологичные артефакты.

От внезапной догадки Майк аж

остановился. Так вот в чем план
головореза! Он специально
рассчитывает время их путешествия
таким образом, чтобы Майк остался
без обогрева в самый последний
день, быть может даже, час
путешествия! Ведь это они заряжали
его элементы питания перед началом
экспедиции! Это их зарядное
устройство, они точно знают, на
сколько часов ему хватит питания!
Их план прост: Майк должен
замерзнуть заживо где-нибудь в
полумиле от центрального офиса
Полярного Бюро – и никто ни в чем
не виноват! Скорее всего, как только
русский шпион сориентируется, где
именно находится конечная цель их

пути, то произойдет что-то непредвиденное. Например, на ровном месте сломается буер, который запросто выдержал бешеные ураганы. Или громила попросту схватит Майка, воспользовавшись преимуществом в росте и физической силе, свяжет и сядет рядом – ждать, пока он не умрет от переохлаждения. А дальше сценарий уже ясен: загадочный супермен, не знающий страха перед Холодом, посол доброй воли честных и открытых суперлюдей-русских, выходит к зданию Полярного Бюро с телом героя, не дожившего до своего триумфа считанных минут. Он сожалеет, рыдает, не может себе

простить и прочее бла-бла-бла. Короче, Майку нужно зарядное устройство и связь с Коэном. А для этого необходимо пробраться в челнок. И сделать это надо так, чтобы варвар ничего не заподозрил.

— Я буду нести караул первым, как обычно, — Майк неторопливо обогнал головуреза и принялся демонстративно снимать с ног снегоступы. — Вы можете ложиться спать, я разбужу вас, если что-то покажется мне подозрительным. — Он положил снегоступы в буер и полез в берлогу.

Как назло, варвар не стал ложиться сразу. Сперва он затеял ужин, и Майк впервые был не рад

горячей пище, потом варил свой чертов целебный отвар, потом просто лежал и пялился в потолок с задумчивым видом, наверное, выспался за время бурана. Когда головорез наконец-то уснул, Майку стоило огромных усилий не рвануть из берлоги сию же секунду. Он выждал ещё пять минут, для надежности несколько раз бряцая ледорубом о котелок, убедился, что варвар не реагирует на негромкий звук, и только потом осторожно полез к выходу. Снаружи уже начинало смеркаться, и Майк с досадой скривился. Из-за чертовой возни головореза потеряно больше часа! Он торопливо надел

снегоступы и полез на вершину холма.

Взобравшись наверх, Майк осмотрелся. Ранние сумерки ещё позволяли видеть достаточно далеко, и он для надежности убедился в полной пустынности окрестностей. Снежная целина была девственно-нетронутой, вокруг ни души, ни тени. Анклав мертв больше ста двадцати лет, нет сомнений. Да он и не собирался спускаться вниз, мало ли что там может случиться — снег провалится в пустоты под тяжестью человека, лавина сойдет при ходьбе вниз по склону... Отвалы тут достаточно высоки, может накрыть так, что и не выберешься, кто знает,

насколько прочен снежный покров на склонах. Опять же, мутанты могут жить под снегом, там, в погребенных под многометровой толщей зданиях, хотя следов не видно, ни нор, ни троп. Чтобы не рисковать, Майк обойдет анклав по кругу, по вершинам отвалов. Это дольше и утомительней, зато безопасней. Он бросил взгляд на термометр. Приближается ночь, и снова начинает холодать, уже минус шестьдесят семь, и здесь, наверху, ветер свежеет. Майк со вздохом активировал обогрев, и индикатор показал двадцать три процента заряда. Ладно, осталось совсем немного, и у него будет полный

ресурс, надо только добраться до челнока.

Двигаться по вершинам отвалов оказалось сложнее, чем ему представлялось. Хоть торцевые склоны насыпей, примыкающие друг к другу, и не были высоки, постоянный спуск-подъём по глубокому снегу давался непросто даже в снегоступах. Майк изрядно вымотался, пока добрался до нужной вершины, и остановился отдышаться перед финальным спуском. Он вновь осмотрелся вокруг, но сумерки уже сгустились, и видимость значительно сократилась. Полузасыпанный челнок лежал прямо под ним, на вершине внутреннего кольца отвалов,

и Майк решительно направился вниз. Площадка, на которой находилась машина, вблизи оказалась неожиданно большой и ровной, толщина покрывающего её снега была явно невелика, и двигаться по ней было несложно. Входной люк в пилотскую кабину находился со стороны челнока, полностью заметенной снежной толщей, и для начала Майк решил обойти машину. Если грузовой люк, находящийся в корме челнока, открыт, то откапывать пилотский вход не придется, тем более он может оказаться запертым изнутри.

На первый взгляд челнок выглядел непострадавшим, не было

заметно никаких следов крушения. Даже странно, что машина оказалась здесь, на вершине одного из отвалов, да ещё с внутренней стороны. Возможно, челнок когда-то давно совершил здесь вынужденную посадку, пилотам удалось избежать столкновения с вершинами и как-то приземлить челнок. Наверняка под снегом остались борозды от того приземления. А уже потом недоумки из анклава, не желающие трудиться ради собственного блага, захватили в плен и челнок, и его экипаж. А может, всё было по-другому, неважно, это даже хорошо, что челнок оказался здесь. Потому что в анклавах имелись взлетные полосы,

и если бы крылатая машина осталась на полосе, то сейчас её покрывала бы снежная толща глубиной ярдов в пять-шесть, не меньше, и заметить челнок Майк бы не смог.

Добравшись до хвостовой части машины, он остановился. Грузовая аппарель челнока была поднята, но не запирала люк полностью, не доходя до крайнего положения на половину фута. Или гидравлику заклинило, или кто-то вручную пытался закрыть люк снаружи. Для этого потребовалось бы человек десять, не меньше, но и им вряд ли бы хватило сил не просто затворить аппарель, но и защелкнуть её в мощных креплениях. Без рабочей

гидравлики сопротивление упоров не преодолеть, видимо, в те давние времена так и произошло: те, кто руками поднимал аппарат, просто задвинули её настолько, насколько возможно. Странно, что она не рухнула обратно вниз под собственным весом. Наверное, тогда её подперли чем-то. С годами шарниры заledenели, подпорку снесло ураганами, но замерзший люк так и остался почти закрытым. Ну, как-то так. Майк задумчиво разглядывал аппарат. Как же ему проникнуть внутрь челнока... Надо потрясти аппарат, вдруг это поможет. Он подпрыгнул, стараясь оттолкнуться как можно сильнее, и

ему удалось ухватиться пальцами за щель между краем поднятой аппарели и обшивкой корпуса. Майк повис на руках, аппарат с жалобным скрипом дрогнула, но пальцы начали соскальзывать, и он был вынужден спрыгнуть. Раз аппарат поддаётся, то надо трясти сильнее! Майк подпрыгнул ещё раз, уцепился за край люка и неожиданно нащупал поручень. Быстро ухватившись за него, он принялся трясти всем телом, заставляя аппарат поддаваться. Спустя несколько секунд люк с ужасным скрежетом медленно опустился вниз и замер параллельно земле. Майк взобрался на него и несколько раз

подпрыгнул, вбивая в снег. Наконец аппаратель опустилась полностью.

Довольный Майк отряхнул насыпавшийся на защитные очки снег и шагнул по аппарели внутрь челнока. И остановился, замирая. В глубине машины что-то светилось неровным подрагивающим светом. От удивления он поднял на лоб очки и внимательно взгляделся в трюм. Без очков в сумерках стало видно гораздо лучше, и в открывшееся лицо потянуло теплым воздухом. Там, в глубине трюма, горел костер, и теперь Майк видел легкий дымок, тонкой струйкой выползающий из распахнутого им люка где-то под самым потолком. От внутренней

обшивки челнока остались только заиндевевшие металлические листы, испещренные рядами заклепок, трюм был абсолютно пуст, из него вынесли всё, вплоть до мельчайших неприкреплённых намертво элементов. Единственной обстановкой челнока являлись расставленные вдоль голых стен мятые исцарапанные металлические бочонки, доверху наполненные углём. Присыпанный снежной пылью пол нес на себе давнишние отпечатки обуви, вдали, возле двери в пилотскую кабину, стояла обрезанная на две трети бочка из-под топлива, служившая очагом, именно в ней и горел костер. По обе стороны

от входа к пилотам, точно напротив друг друга, замерли две человеческие фигуры.

Майк заметил сидящих не сразу, он сделал несколько шагов, заходя в трюм, и лишь тогда понял, что плохо заметные в скачущих по ободранным стенам бликах двое чернокожих людей на самом деле живы и смотрят на него с выражением колоссального изумления. Он мгновенно вспомнил Ваххов и поклоняющихся вулкану людоедов и рванулся назад, но было уже поздно. Оба человека подскочили, разом загалдев что-то непонятное, и бросились за ним. Они в два счета догнали Майка, подхватили его под руки и потащили

обратно. Он завопил, пытаясь призвать варвара на помощь, но замотанные в грязные вонючие шкуры люди поставили его на ноги рядом с костром-бочкой и бросились на колени. Оба принялись отбивать ему поклоны и воздевать руки, непрерывно вереща какую-то непонятную молитву, и Майк затих, узнавая в потоке чужой речи исковерканные английские слова.

— Миси-я, здесь — Судан, пьи-ём! — тот, что слева, пал ниц и снова подскочил на колени, не сводя с Майка черных глаз, наполненных суеверным благоговением. — Я — Судан, пьи-ём!

— Миси-я, здесь — Судан, пасадку

разришью! — вторил ему тот, что справа, воздевая руки к Майку.

Замотанные в грубо обработанные звериные шкуры, перетянутые кусками изоляции и разлохматившегося троса дикари внушали Майку ужас. Они брызгали слюной от рвения и тянулись к нему заскорузлыми пальцами, тоже обмотанными чем-то вроде выпотрошенного из зимней одежды утеплителя. Их гнилые зубы и покрытые язвами толстые губы выглядели жутко, и в памяти Майка всплыли уродливые дикари, мчащиеся прямо на него с острым окровавленным вертелом наперевес. Он прижался к запертому люку в

пилотскую кабину и молчал, тихо подвывая от охватившего его панического страха, боясь произнести хоть слово. Он опять попал в лапы каких-то дикарей!!! И они вновь приняли его за какое-то божество, гладкий синтетический материал арктического снаряжения вызывает у деградировавших человеческих существ ассоциации со сверхъестественным! Так уже было, и стоит ему сказать хоть что-нибудь, как они сожрут его! Ну, почему, почему он не догадался снять очки прежде, чем полез открывать аппарель?! Без очков он бы смог разглядеть дым от костра!

— Миси-я, здесь — Судан, пьи-

ём! — тот, что слева, подполз вплотную к Майку и принялся тереться физиономией о его обувь. — Пьи-ём! Пасад-ку раз-ри-шью! Пьи-ём! Миси-я, как слы-шти ми-ня?!

Второй дикарь ползком устремился вслед за первым и вцепился во вторую ногу Майка.

— Миси-я, здесь — Судан, пасад-ку раз-ри-шью, пьи-ём! — почти зарыдал он, и Майк с ужасом увидел, как рука дикаря потянулась за заткнутым за пояс длинным ржавым ножом.

— Не трогайте меня! — не выдержал Майк, пытаясь вырвать ноги из рук дикарей. — Я — американец! Вы не имеете права!

Отпустите меня!

Оба дикаря резко замолчали, не прекращая держаться за его ноги, и уставились на него с таким видом, будто он как минимум господь, в настоящий момент являющий им свои заповеди.

— Миси-я! — благоговейно выдохнул левый. — Сли-шу вас ха-ра-шо! Ожида-ю чилнок!

— Миси-я, я — Судан, сли-шу вас ха-ра-шо! — немедленно присоединился к нему правый.

Дикари пожирали его глазами, и Майк лихорадочно соображал, как выйти живым из чудовищно опасного положения. Его приняли за божество или духа, это понятно, это надо

использовать, но в прошлый раз такая попытка едва не закончилась смертью! Но другого выхода нет, ему не убежать от них, они бегают быстрее, и он прижат к стене! Нужно выбраться наружу, в снегоступах у него есть шанс скрыться, можно кричать, вдруг русский головорез услышит, хоть и далеко. Надо что-то де...

— Миси-я! — тот, что слева, настойчиво потряс его за штанину. — Здесь Судан! Сли-шу вас ха-ра-шо! Пьи-ём! Ожида-ю чилнок!

И тут Майк понял. Миси-я — да это же Миссия! Гуманитарная Миссия! Они, словно по рации, вызывают Гуманитарную Миссию!

Это их молитва! Джеймс же рассказывал, что захватившие челноки жители анклавов не покидали их до полной потери связи центра управления полетами с летательными аппаратами в надежде, что когда-нибудь челноки все-таки полетят в Новую Америку! Перед ним потомки тех, кто когда-то работал в авиадиспетчерской службе анклава! Этим надо воспользоваться, нужно хотя бы протянуть время до ночи, потом русский головорез проснется, не увидит Майка и отправится на поиски! Надо взять себя в руки и установить контроль над ситуацией!

— Я — Гуманитарная Миссия! —

торжественно провозгласил Майк, гигантским усилием воли заставляя голос не срываться на нервный крик. – Судан, – здесь миссия, слышу вас хорошо, прием!

Реакция на его ответ последовала мгновенно. Дикари разразились феерическим счастьем, вскочили на ноги и завопили что-то невообразимое, размахивая руками и скача вокруг костра от радости. Судя по отчаянной жестикуляции, они не то звали Майка куда-то наружу, не то стремились обратить его внимание на что-то, находящееся вне челнока. Он не успел понять смысла их восторженного визга, как вдруг оба дикаря бросились прочь из трюма, не

переставая издавать радостные вопли. Майк торопливо последовал за ними. Похоже, они собрались сбегать куда-то, и это очень хорошо, как только дикари отойдут достаточно далеко, он попытается спастись. Идти по стальному полу в снегоступах было неудобно, и когда Майк добрался до аппарели, его глазам предстала неожиданная картина. Покинув челнок, дикари разделились, и каждый бросился к своему краю отвала, держа путь к торчащей из-под снежной толщи крепостной башне. Стало ясно, что живут они в разных зданиях, но не это оказалось главным. Тот, что был слева, неожиданно развернулся,

выхватил нож и ринулся догонять того, что был справа. Он не успел пробежать и двух шагов, как второму дикарю, похоже, в голову пришла та же мысль. Тот, что был справа, тоже выхватил ржавый нож и тоже развернулся. Увидев друг друга, дикари пришли в бешенство от осознания степени подлости своего визави и ринулись в бой. Они сшиблись, падая наземь, и сцепились в клубок, осыпая друг друга ударами и громко визжа. Через несколько секунд один из них оказался сверху и, яростно орудуя ножом, принялся кромсать своего врага. Наконец он посчитал, что подлый предатель побежден, и оставил изрезанный

труп в покое. Дикарь с трудом поднялся на ноги, опираясь руками о залитый замерзающей кровью снег, и посмотрел на застывшего на краю аппарели Майка.

— Миси-я, здесь — Судан! — он победно потряс окровавленным ножом. — Сли-шу вас ха-ра-шо! — Дикарь зажал кровоточащую рану в своей груди и с выражением бесконечного счастья добавил: — Ожида-ю чилнок! — Дикарь что-то затараторил на непонятном языке, указывая на левую из двух крепостных башен, ещё раз заявил «Ожида-ю чилнок!» и, пошатываясь, побрел вниз по склону.

Остолбеневший от страха Майк

заставил себя важно помахать ему рукой и остался стоять на месте. Едва истекающий кровью дикарь скрылся из вида, он бросился бежать, что есть силы карабкаясь на склон отвала. Быстрее! Дикарь пошел за себе подобными, он тут не один, в этом сомневаться не приходится! Нужно добежать до варвара, поднять парус и убраться отсюда раньше, чем дикари найдут их лагерь! Майк бежал по гребням отвалов так быстро, как только мог, задыхаясь от напряжения, но удача оказалась не на его стороне. Через несколько минут внизу вспыхнули факелы и слышались отдельные крики, вскоре переросшие в многоголосые

вопли. Обитатели левой башни заметили Майка и бросились в погоню, разделяясь на две группы численностью не меньше трех десятков каждая. Одна группа рванула за ним напрямик, карабкаясь по склону, другая кинулась наперерез, по кратчайшему расстоянию через центр анклава. Майк отчаянно заорал, надеясь докричаться до спящего в берлоге варвара, и больные голосовые связки вновь засипели, отзываясь острой болью. Он бежал, как только мог и сколько мог, но дикари всё-таки догнали его. Не меньше десятка замотанных в разномастное заскорузлое рваньё преследователей

выскочили ему навстречу, и Майк заметался в ужасе, пытаясь бежать в другую сторону. В следующую секунду на него набросились сзади, схватили и подняли на руках. Толпа дикарей разразилась восторженными криками и потащила его обратно.

— Миси-я, здесь — Судан! — верещали они, пританцовывая от счастья. — Пьи-ём! Пьи-ём! Миси-я!

Толпа принесла полумертвого от ужаса Майка назад к челноку и остановилась перед аппарелью. Несколько дикарей с факелами в руках бросились разжигать наполненные углем бочки, стоящие вдоль стен, остальные терпеливо ждали, удерживая Майка над собой.

Костры долго не зажигались, в сторону факельщиков из толпы понеслось угрожающее шипение и тихий разъяренный шепот, но огни всё же вспыхнули. Дикари радостно взвыли и торжественно внесли Майка внутрь, в безумной пляске продвигаясь по освещенному огнями пути. Возле костра, горящего у двери пилотской кабины, его осторожно опустили на ноги, и все заорали ещё громче, прыгая и потрясая руками, ржавыми ножами и факелами. От страха Майк вжался в пилотскую дверь, втянул голову в плечи и едва не заработал инфаркт. Внезапно толпа стихла, обернулась к выходу и попадала на колени, воздев руки к

потолку. Майк, ожидая худшего, проследил их взгляды. Снаружи несколько человек вносили внутрь челнока ещё одного, очень стараясь держать его как можно более бережно. Странная процессия дикарей достигла финального костра и осторожно поставила на ноги очень древнего старца. Седой и донельзя сморщенный чернокожий старик был облачен в рваные остатки какого-то снаряжения, в котором Майк с удивлением узнал лётный комбинезон. Комбинезон был ему велик, но держался старик так, будто это королевская мантия, сшитая персонально для него. Старец дрожащими руками снял с пояса

истертый до дыр пилотский шлем с поломанными наушниками, водрузил его себе на голову и торжественно произнес, воздевая руки к Майку:

— Миссия, здесь — Судан! — голос старика звучал скрипуче, но несмотря на ужасный акцент понять его труда не составляло: — Ожида-ю челнок! Как слыши-те меня? При-ём!

Дряхлый дикарь воззрился на Майка, и остальные, как один, повторили его жест и взгляд.

— Я — Миссия! — выдавил из себя Майк. — Судан, слышу вас хорошо! — Он судорожно думал, что делать дальше. Перед ним какой-то верховный жрец или вождь дикарей, это понятно, но что им всем нужно?!

Если они хотят сожрать его так же, как те, у вулкана, то это конец. Как убедить их не убивать его?! – Приём! – добавил он на всякий случай.

– Миссия, здесь – Судан, слы-шу вас ха-ра-шо! – торжественно проскрипел старикашка.

Он обернулся к остальным дикарям и что-то возопил им. Толпа взвыла от восторга, и половина бросилась наружу. Другая половина засуетилась, усаживаясь в трюме как можно плотнее. Вскоре в челнок хлынул поток дикарей с женщинами и детьми. Чернокожие лица в полумраке освещенного кострами трюма сливались с тенями, и Майку

казалось, что из темных углов на него смотрят зависшие в воздухе глаза, горящие внутри обрывков шкур и синтетического тряпья. Очень быстро челнок оказался забит дикарями настолько, что кое-где им пришлось сидеть друг на друге. Несколько человек набросили на уключины грузового люка донельзя истрепанный трос и принялись дружно тянуть за него, поднимая аппарат. Люк с громким скрежетом поднялся и застопорился в верхнем положении, не дойдя до крайней отметки на половину фута, но дикари посчитали челнок запертым и вновь радостно заголосили. Дряхлый жрец повернулся к Майку и заявил:

– Челнок! Это – дис-петч! Мете-
о усло-вья в норме! Начи-най-те пра-
вер-ку!

Он сунул руку в карман остатков
своего летного комбинезона, извлек
оттуда большой толстый кованый
ключ и воздел его вверх, показывая
всем. Набившиеся в челнок дикари
издали благоговейный вздох.
Изможденный старикашка, едва
держась на ногах, проковылял к
пилотской двери и торжественно
вставил ключ в грубо прорезанную в
люке замочную скважину. Он
провернул ключ, и замок громко
лязгнул. Сидящие в полнейшей
тишине дикари дружно вздрогнули,
не отрывая глаз от двери.

Старикашка навалился на дверь и распахнул её, открывая путь в кабину. Он обернулся к Майку, рухнул на колени и воздел к нему руки:

— Челнок! Это — дис-петч! — заскорузлые пальцы жреца указали на люк. — Мете-о усло-вья в норме! Начи-най-те пра-вер-ку! Дала-жити о га-товно-сти! При-ём!

Майк, пошатываясь от охватившей его паники, сделал шаг и остановился, затравленно озираясь. Аппарель поднята, челнок забит дикарями, его загоняют в кабину! Неужели его там сожрут?! Он собрался закричать, но дряхлый старикашка бодро подскочил на ноги, схватил Майка за руку и втолкнул в

кабину. Майк не решился сопротивляться, боясь быть растерзанным на месте, и, спотыкаясь, побрел за жрецом. Старикашка подвел его к пилотскому креслу, усадил внутрь и раболепно подал лежащий на приборной панели ветхий пилотский шлем с наушниками.

— Челнок! Это — дис-петч! — дрожащим от волнения голосом произнес он. — Вы-лет разришаю!

Дряхлый жрец засеменил к креслу второго пилота, влез в него, сложил руки на груди и замер с выражением вселенского счастья на сморщенном лице, покрытом густой сыпью старческого пигмента. Майк

похолодел. Они считают, что он увезет их в Новую Америку! Они уверены, что он поднимет в воздух давным-давно умерший от Холода челнок только потому, что на нём надето арктическое снаряжение! Нет, только потому, что они мерзкие дикари, не передохшие ещё тогда, когда Холод пожрал все остальные анклавy! Господи, ну почему за Полярным Кругом выжило так много дикарей?!! Они же все должны были издохнуть на таком морозе, все!!! Цивилизованный человек не может выжить при таких температурах, почему же может выжить дикарь?!! Новая Америка замерзает заживо, а внутри Холода спокойно живут и

русские, и рыбоеды, и Ваххи, и какие-то жуткие жертвы инцеста, и даже темнокожие африканцы!!! Почему?!! И теперь его, Майка, сожрут или растерзают с маниакальной жестокостью потому, что он не может исполнить мечту этих недобитых идиотов! Гуманитарная Миссия не одеяла с куртками должна была поставлять в анклав сто двадцать лет назад, а гамбургеры с крысиным ядом!!!

— Челнок! — полупьяно от захлестнувшего его счастья прошептал пребывающий на вершине блаженства старикашка. — Это диспетч! Вы-лет разришаю!

Майк почувствовал, как

сознание начинает тонуть в паническом безумии. Что, что он должен сделать?!! Завыть, подражая вою турбин?! Сплясать ритуальный танец пилота?! Возможно, это оттянет смерть на какое-то время, для дикарей челнок стал святыней, в пилотской кабине ничего не разбито и не тронут, только панели электронных приборов давно полопались от запредельных температур. Но что потом?! Потом за ним придет варвар! И что он сделает с закрытым люком, и сотней с лишним дикарей, набившихся в челнок? Но это хоть какой-то шанс, может, в конце концов, они просто сожрут русского, а ему удастся

бежать?! Надо выжить любой ценой!

— Начинаю подготовку к взлёту! — произнес Майк, тыкая во все кнопки и выключатели, имеющиеся в кабине. Некоторые из них даже поддавались, и для надёжности Майк свистяще загудел, имитируя запуск турбин.

Старикашка задрожал, пуская слезу от избытка переполняющих его торжественных эмоций, и закрыл глаза, выдыхая с чувством исполненного долга. Но в следующую секунду где-то снаружи загремел многоголосый яростный рёв, и из кормовой части челнока донесся грохот ударов, молотящих по поднятой аппарели. Дряхлый жрец

подскочил, бросил на Майка полный ужаса взгляд и заковылял к выходу из кабины. Он остановился в дверях, с другой стороны которых его уже ждали кипящие яростью дикари с ржавыми ножами в руках. Они заговорили разом, гневно тыча оружием в сторону аппарели, и старикашка возопил какой-то приказ, пылая праведным негодованием. Дикари зашлись в истеричных воплях, и Майк услышал знакомый скрежет. Аппарель рухнула, поддаваясь усилиям десятков повисших на ней снаружи тел, и прямо на ней закипела беспощадная резня. Соплеменники жреца бросились туда, за ними устремились

остальные, и Майк запоздало понял, из-за чего те два дикаря, которых он обнаружил внутри челнока, так остервенело резали друг друга.

В каждой башне крепости жило отдельное социальное сообщество. Наверное, в какой-то момент выживания одичавшие люди, укрывшиеся в угольных шахтах, разделились на две группы. А может, они были разделены ещё до гибели анклава и деградации выживших... Смысл не в этом, а в том, что челнок являлся святыней для обеих групп. Их связывает общая легенда о том, что когда-нибудь челнок поднимется в воздух и унесет их в мир вечного тепла, счастья и благоденствия. И с

тех пор в челноке всегда несут ритуальный караул два дикаря, по одному представителю от каждого сообщества. И эти «смотрители челнока» поняли, что крылатая машина не вместит в себя всех. И каждый из них попытался ценой подлого убийства спасти своих соплеменников. Здесь, в челноке, засело сообщество того, кто победил в той кровавой схватке. А сообщество того, что был убит, штурмует сейчас челнок снаружи!

Ужасная догадка заставила Майка сжаться в комок и забиться в истертое кресло. Если эти дикари решат, что он виноват во всём, потому что не успел вылететь

вовремя, они убьют его! А если не захотят отдавать его врагу, то тем более! И если те, другие, одержат верх, они тоже убьют его! Он выглянул из-за подлокотника, стараясь не быть заметным снаружи. В трюме челноке шла жестокая и беспощадная поножовщина, истошно визжали женщины, плакали дети, яростно орали сражающиеся, хрипели раненые. Дряхлый жрец стоял с ножом в руке в пилотской кабине, в шаге от люка. На изможденном старческом лице застыло выражение спокойной решимости, старик не шевелился и не сводил глаз с кипящей резни. Майк даже не пытался понять, кто

побеждает в кровавой бойне, его взгляд метался по сторонам, судорожно выискивая пути побега, но шансов не было. Запасной люк оказался в самой гуще резни и был уже полностью заляпан кровью, из-за спин яростно шинкующих друг друга ножами дикарей не удавалось даже увидеть, как именно он заперт, и не поломан ли запорный механизм. Добраться до грузового выхода и вовсе нереально, зарежут сразу за дверями пилотской кабины. С каждой секундой Майк всё отчетливее понимал, что обречен. Он потянулся было за ледорубом, но передумал. В одиночку ему не отбиться от дикарей, своей

агрессией он лишь усугубит катастрофу, усилив их ненависть и жажду крови.

Резня продолжалась долго, в распахнутый люк Майк видел, как челнок заполняется трупами, и безжалостная поножовщина идет среди мертвых тел, через которые в ужасе перебираются чудом уцелевшие женщины и дети, тут же падая под ударами ножей и кусков ржавой арматуры. Несколько раз к кабине подскакивали окровавленные дикари с пылающими от бешенства глазами. Судя по полным лютой ненависти взглядам и истеричным крикам, предназначеннымся дряхлому жрецу, они принадлежали к

лагерю врага. Но их лица были такими же чернокожими, как все остальные, а одежды столь же нелепы, и Майк не смог найти отличительных признаков. Похоже, пилотская кабина челнока являлась ужаснейшим табу для простых смертных, потому что враждебно настроенные дикари потрясали измазанными кровью ножами и кулаками, но не делали и шага в сторону люка. Проорав что-то яростно-ненавидящее, они разворачивались и вновь бросались в гущу кипящей бойни. Спустя какое-то время Майк заметил, что некоторые из них уже не возвращаются к поножовщине.

Несколько густо заляпанных кровью дикарей с явно самодельными мечами в руках стояли снаружи пилотской кабины и буравили старикашку испепеляющими взглядами. Тот демонстративно игнорировал их, и Майк понял, что нападающие одерживают верх, это их люди блокировали пилотскую кабину. От этого понимания его затрясло, и он вновь схватился за ледоруб.

Через несколько минут резня стала стихать. Похоже, нападающие перебили всех сторонников дряхлого старикашки подчистую, не выпустив из челнока никого. Как только был зарезан последний из конкурентов,

трюм огласился победными воплями, и окровавленные дикари пустились в пляс, яростно скача по трупам поверженных врагов. Потом раздался пронзительный крик, и всё мгновенно стихло. Победители попадали на колени, воздев руки к потолку, и в челнок вошел какой-то особенный дикарь с небольшой свитой. Несколько вымазанных в крови с головы до ног человек бросились к нему с докладами, тыча ножами в распахнутый люк пилотской кабины, и в усыпанном трупами трюме воцарилась мертвая тишина. Особенный дикарь, шагая по трупам, приблизился к костру у входа, и Майк разглядел его

отчетливо. Дикарь был немолод, но явно младше дряхлого старикашки лет на двадцать, и тоже носил изодранный летный комбинезон. Похоже, это жрец победителей, и он направляется в кабину! Майк невольно отпрянул, едва не выпав из кресла.

Он не ошибся. Новый жрец вытащил из-за пояса ржавый нож и величественно вошел в пилотскую дверь. Он скользнул взглядом по Майку и тут же что-то гневно заявил дряхлому старикашке. Тот гордо вскинул голову и ответил даже более резко, оба взмахнули ножами и бросились друг на друга. Схватка была недолгой. С трудом

шевелившийся старикашка не попал ножом во врага, зато тот вполне успешно вонзил ему свою ржавую железку в живот и принялся кромсать жертву, исторгая победные крики. Он повалил бьющегося в агонии врага на пол, придавил коленом и принялся пилить ему шею, отделяя голову от тела. Это ему удалось не сразу, и Майка затрясло от хруста рвущихся под тупым ножом мышц и позвонков. Новый жрец вскочил, бросился к выходу и вскинул руку, сжимающую отрезанную голову противника. Не издавшие до сих пор ни звука дикари, сидящие на трупах, взвыли от радости и забились в истеричной пляске.

Несколько секунд жрец держал свой трофей на всеобщем обозрении, после чего издал пронзительный вопль, останавливая празднество, и повернулся к Майку. Он пристальным взглядом окинул его арктическое снаряжение с головы до ног и уставился на лицо. Кто-то из его приближенных подскочил к люку и что-то зашептал, тыча то себя в рожу, то в сторону лица Майка, то в небо, и показывал всем зажатую в руке горсть снега, и Майк догадался, в чем дело. Дикари не верили в его божественное происхождение, потому что он был таким же чернокожим, как они сами. Оратор заявлял, что пришедшие с неба

должны иметь лицо цвета снега, вероятно, так гласили предания. Майк понял, что несчастные пилоты, которых убили здесь более ста двадцати лет назад предки этих кровожадных животных, были белыми, и это отражено в изуверских легендах местных. Судя по выражению лица жреца, он находил претензии оратора не лишены смысла, и Майк сжал рукоять ледоруба. И тут же пожалел об этом. Его движение не осталось незамеченным, и дикари взревели, вскакивая с трупов и размахивая ножами. Жрец оскалился по-звериному, отшвырнул отрезанную голову в руки оратору и вскинул нож.

Он медленно двинулся к Майку, и тот в ужасе соскочил с пилотского кресла, упираясь спиной в угол кабины. Его сейчас убьют!!! Майк замахнулся ледорубом, но угроза не подействовала. Новый жрец продолжал приближаться.

– Я американец! Я сотрудник Гуманитарной Миссии! – завопил он, пытаясь использовать хоть какую-то возможность выжить. – Вы не имеете права!

Жрец остановился, и на его лице отразилась усиленная работа мысли. Он вскинул руку, издавая визг, и беснующиеся от злобы дикари мгновенно заткнулись. Они сбились в кучу возле пилотского люка и

тянули шеи, стремясь разглядеть происходящее, не нарушая священного табу.

— Миссия, — здесь Судан! — торжественно изрёк жрец, пристально таращась на Майка. — Ожида-ю чил-нок! Как слыши-те меня? — похоже, он устраивал ему сакральную проверку: — При-ём!

— Я — Миссия! — судорожно подтвердил Майк. — Слышу вас хорошо, Судан! — Кажется, у него всё же есть шанс выжить, надо только правильно воспользоваться моментом. Поэтому Майк выложил мощный козырь: — Судан, я — челнок! Сообщите метеосводку! Каковы метеоусловия?

Глаза жреца расширились в религиозном ужасе, он выронил окровавленный нож и пал ниц перед Майком, громко причитая что-то на своём недочеловеческом языке. Дикари испуганно отпрянули.

— Чил-нок!!! — пронзительно возопил жрец, вскакивая с воздетыми к Майку руками. — Чил-нок!!!

По трюму пронесся выдох благоговейного ужаса, и перемазанные в крови с головы до ног дикари рухнули на колени, вжимая головы в плечи и жмурясь, словно ожидая немедленной и беспощадной кары с небес. Секунду стояла полнейшая тишина, после

чего жрец понял, что он и его народ прощён.

– Чил-нок! Это дис-петщ! – торжественно произнес он. – Мети-о усло-вья в норме!

Он возликовал от счастья и бросился Майку в ноги, бормоча что-то полубезумное и радостное. Потом вскочил, подбежал к выходу из кабины и изо всех сил проорал что-то своим людям. Дикари восторженно завизжали и мгновенно развили бурную активность. Кто-то побежал на выход, кто-то начал вышвыривать из челнока трупы, ещё один выхватил у оратора отрезанную голову дряхлого старикашки, достал огромный ржавый нож и рванул

прочь из челнока. Жрец церемониальными шагами вернулся к Майку и исполненными почтения жестами пригласил его занять пилотское кресло, после чего гневными криками принялся подгонять своих людей. Похоже, дикари больше не испытывали агрессии, и Майк осторожно встал. Необходимо выбраться из челнока, пока они успокоились! Но жрец, едва заметив движение Майка, ринулся к нему, дрожа от суеверного ужаса.

— Чил-нок!!! Чил-нок!!! — завопил он усаживая его обратно в кресло. — Это дис-петць! Мети-о усло-вья в норме! Начи-най-те прав-верку! При-ём!

Он с подобострастной суею поправлял руки и ноги Майка, стремясь придать им максимально удобное положение. Убедившись, что Майк вновь сидит, жрец метнулся к люку и что-то заорал, срываясь на визг от гнева. Снаружи раздался топот несущегося со всех ног человека, кто-то испуганно залопотал что-то жрецу, но тот рассерженно оборвал его и заторопился к Майку.

— Чил-нок! Это дис-петць! — он протянул ему какой-то круглый предмет, и Майк с ужасом узнал голову дряхлого старикашки. Верхняя часть черепной коробки была грубо срезана, и обнажившуюся мозговую

ткань украсили ажурной каёмкой из старательно вылепленного снега. В самый центр мозга была воткнута гнутая проржавевшая столовая ложка. — Мети-о усло-вья в норме! Дала-жити о га-товно-сти! — Жрец всучил Майку вскрытую голову и невольно сглотнул слюну: — При-ём!

От отвращения Майка не вывернуло только из страха быть убитым немедленно. Если дикари решат, что он самозванец, его растерзают на месте! Майк с трудом сдержал рвоту и торопливо поставил голову на пульт управления. На физиономии жреца отразилась смесь непонимания и подозрения, и Майк торопливо выдернул из мозга ложку.

Он потряс ею в воздухе и заорал:

— Судан, это Миссия, слышу вас хорошо! — воткнул ложку обратно и быстро запрыгнул в кресло.

Чтобы дикарь отстал от него, Майк вцепился в штурвал и сделал вид, что предельно занят и сосредоточен. Уловка удалась. Жрец завизжал от счастья и пустился в пляс. Следом за ним буйная радость распространилась на весь челнок, и дикари утроили активность. Несколько минут Майка не трогали, жрец суетился в дверях, подгоняя своих, и Майк уже обдумывал вторую попытку выхода из кабины, как вдруг из трюма раздался знакомый громкий зловещий скрежет. Майк

обомлел. Дикари поднимали аппарель!!! Он вскочил, стремясь выбежать из пилотской кабины, но тут же столкнулся со жрецом. Майк увидел, что весь челнок заполнен плотно усевшимися дикарями, и выходной люк находится в характерном почти закрытом состоянии. Внутри Майка всё оборвалось от ужасной догадки, но было уже поздно. Жрец схватил его на руки, отнес к креслу, усадил и упал на колени.

– Чил-нок! Это дис-петць! – он с благоговейным трепетом уложил руки Майка на штурвал и торжественно провозгласил: – Вылет раз-ри-шью!

Майк тихо взвыл от ужаса. Они все хотят от него полета в волшебную страну! Дикари никогда не позволят ему выйти из пилотской кабины! Недочеловеки так и будут сидеть, набившись в челнок, и не сдвинутся с места до тех пор, пока не поймут, что Майк не может явить чудо! А как поймут, придут в ярость и жестоко убьют его! Выхода нет!!! Он доживает свои последние минуты!!! Жрец смотрел на Майка с всевозрастающим вниманием, и Майк начал щелкать выключателями и ворочать штурвал, пытаясь оттянуть неизбежную мучительную гибель. Дикарь просиял и в безумном восторге залез в кресло

второго пилота. Он нацепил на себя пилотский шлем с наушниками, блаженно выдохнул «Вы-лет раз-ри-шью!» и замер, не сводя замороженного взгляда с рук Майка, терзающих давным-давно мертвые элементы управления. Захлестнутое паникой сознание Майка рухнуло в пучину животного ужаса, и он отчаянно и истошно заорал:

— Помогите!!! Кто-нибудь!!! Помогите мне!!! — голосовые связки вновь отказали, и он захрипел.

Испуганный жрец сорвался с кресла, подскакивая к бьющемуся в истерике Майку, как вдруг из хвостовой части челнока раздался скрежет и грохот падающей

аппарели. Кто-то из дикарей вскрикнул, послышался стук, словно что-то крупное влетело в трюм и упало на стальной пол, и в следующую секунду дикари разразились криками. В челноке вспыхнула отчаянная неразбериха, панические вопли которой стали тонуть в многоголосом зверином визге. Жрец бросился к выходу, что-то вереща, и Майк рванулся следом. Он выхватил ледоруб и хотел ударить жреца по голове сзади, но в ужасе остановился, увидев творящееся в трюме. Аппарель вновь была распахнута, и внутрь челнока рвался поток разъяренных тварей. Голодное зверье бросалось на дикарей,

вгрызаясь в человеческую плоть, и сбитые с ног люди мгновенно оказывались облеплены беснующимися монстрами. Вдали, снаружи челнока, в свете валяющихся на снегу факелов, громадное месиво диких тварей всевозможных форм и размеров рвало на куски сваленные в кучу трупы. Со всех сторон к ним прибывали всё новые стаи зверья, трупов на всех не хватало, и не в силах пробиться к пище голодные монстры бросались внутрь челнока за более опасной, но ещё доступной добычей.

Дикари отчаянно отбивались, что-то вереща жрецу, и тот, взвизгнув

в ответ, захлопнул люк в кабину. Он торопливо достал из кармана такой же ключ, какой имелся у убитого ранее конкурента, и запер дверь, оставляя ключ в замке. Сразу после этого жрец выхватил свой нож и замер перед люком с крайне воинственным видом. Он преданно посмотрел на Майка, явно собираясь защищать его ценой собственной жизни, и клятвенно сообщил:

— Чилнок! Это дис-петць! Мети-о усло-вья в нор-ме! — и потряс над головой ножом.

С минуту забившийся в угол Майк стоял, не шелохнувшись, и вслушивался в доносящуюся из-за двери истеричную какофонию

звуков. Внезапно прямо рядом с ним раздался глухой удар, и запорошенное стекло кокпита брызнуло паутиной трещин. Майк в ужасе отскочил, и следующий удар разнес один из фрагментов остекления вдребезги, пробивая здоровенную дыру в кабину. Что-то огромное и меховое метнулось внутрь, и Майк захрипел, уже не в силах кричать. Он заметался по углой кабине, тщетно пытаясь спастись от монстров, но ни укрыться, ни бежать было некуда. Неожиданно Майк понял, что ворвавшийся монстр оказался русским шпионом, стоящим посреди пилотской кабины. В руках он

сжимал молот, которым на поверхности ледника забивал якорные костыли в ледяную толщу. Головорез быстрым взглядом окинул кабину, отыскивая Майку, и выжидающе посмотрел на жреца. Тот понял, что некто явился украсть у него великое божество, яростно взревел, занося нож для удара, и ринулся на громилу. Головорез перехватил молот в правую руку, лёгким и почти незаметным движением сместился с линии атаки, пропуская жреца мимо, и мощнейшим ударом огромного кулачища левой руки буквально снёс жреца. Дикарь рухнул, словно набитый тряпьем мешок, и громила

установился на Майка, жмущегося к приборной панели.

– Трапезничаешь, человек? – он кивнул на лежащую рядом с Майком вскрытую голову старикашки с торчащей из неё ложкой. – Что это у тебя, охлажденные обезьяньи мозги? – он с интересом изучал воткнутую в мозговое вещество ложку. – Я не помешал? Могу и попозже зайти.

– Что?! – Майк едва не задохнулся от ужаса. – Вытащите меня отсюда, Свитогоа! Эти дикари убивают друг друга! Они убьют нас, если увидят! Мы должны бежать! Бежать!!! Немедленно!!!

– Побежали, – пожал плечами

варвар, — коли нужно. Чего так орать-то? Зверушек приманишь!

Он одним прыжком взгромоздился на приборную панель и выскочил в разбитое окно. Майк устремился за ним, соскальзывая снегоступами по осколкам битого стекла, но головорез успел схватить его за руку и вытянул наружу. Они оказались на носу челнока, головорез спрыгнул вниз, к воткнутым в сугроб лыжам, и принялся надевать их на ноги.

— Быстрее! — Майк скатился по заснеженному боку крылатой машины в сугроб. — Бежим!

Он выполз из снежной толщи и поднялся на ноги. Варвар уже стоял

на лыжах. Он бросил взгляд куда-то назад, коротко кивнул Майку и размеренным шагом направился прочь от челнока.

— Бежим!!! — просипел Майк, догоняя головореза. — Надо бежать!!! Чего вы медлите?!! Дикари организуют погоню и схватят нас!!! Они меня так поймали!!! Я не успел добежать до вас!!!

— Не схватят, — невозмутимо успокоил его варвар. — Не до нас им, я живность сюда со всей округи приманил. Зря они убитых-то прямо рядом с кораблем своим побросали. Видать, совсем неспособны им было, сильно улететь хотели, даже друг дружку не пожалели... — Он

замолчал, укоризненно качая головой. — А бежать сейчас незачем, до саней далече, выдохнешься ты быстро, придется отдыхать. Так ещё медленнее добираться будем. Ступай ровнее да береги дыхание. А бежать станем, ежели земляки твои нас таки хватятся и следом пойдут.

— Они мне не земляки! — Майка всё ещё трясло от пережитого ужаса. — Это дикари! Это полностью деградировавшие потомки террористов, населявших этот анклав! Они абсолютно потеряли человеческий облик! Это кровожадные убийцы и каннибалы! Это...

— Помолчи, человеке,

простудишься, — посоветовал
головорез. — Отвара целебного
нескоро испытать доведется. Поспешай
молча, нам ещё сани откапывать да
через кромешную темень ехать,
покуда место для ночлега не сыщем.

Майк замолчал, усиленно
перебирая ногами, и постарался
взять стабильный темп. Он убеждал
себя, что всё позади, что варвар
вытащил его из этого чудовищного
кошмара, но доносящиеся из-за
спины крики разрываемых зверьём
дикарей и яростный хрип бешено
рычащих кровожадных тварей ещё
долго заставляли его вздрагивать от
ужаса и панически оглядываться.

Заночевать им удалось лишь

далеко за полночь. От анклава до саней добирались в обход, на это ушло больше получаса, затем ещё час готовили буер, и Майк каждую секунду с ужасом ожидал нападения дикарей. К счастью, то ли варвар убил жреца ударом кулака, то ли всех дикарей сожрало голодное зверьё, то ли ещё что, но деградировавшие ублюдки так и не появились. Майк вздохнул с облегчением только тогда, когда головорез вытолкнул сани из-за сопки на открытую местность, запрыгнул внутрь и поставил парус. Совершенно разбитый и измученный Майк закутался в одеяла и приказал себе успокоиться. Буер дикарям не догнать. Если вообще осталось кому

догонять! Зверья к челноку набежало не меньше, чем тогда, в Реакторе, когда сожрали бригадира Уокера вместе со всей бригадой. А жрец наверняка издох. Головорез убил его, это точно. Все дикари одинаковы, обожают убивать. Этому жлобу силы не занимать — как он смог пробить стекло челнока?! Какой-то кувалдой, с двух ударов?! Стекло, от которого пули отскакивают! Такого вообще не может быть, а он разбил! И как ему удалось натравить дикое зверьё на этих чертовых ублюдков? Не иначе, использовал наркоту, русские это умеют, Майк хорошо помнил их «соль» и как на неё выходили тягловые твари.

Из-за пережитого ужаса заснуть не получалось, и Майк смотрел вперед, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Буер полз на малом ходу свозь непроглядную тьму, и он решительно не понимал, как варвар контролирует курс. Небо было черным-черно, никакой луны и даже малейших звезд, всё обложено густой облачностью, никаких ориентиров, не говоря уже о том, что за все время похода головорез не использовал никаких источников света. Похоже, таковых у него просто не имелось. Зато наверняка имеется прибор ночного видения, который он старательно прячет от Майка и использует в темноте, когда Майк не

имеет возможности этого заметить. Плевать, пусть прячет, лишь бы убраться подальше от этого долбаного анклава!

Через пару часов езды ветер серьёзно усилился, и удерживать малый ход стало сложно. Минут сорок Майк вздрагивал на каждой снежной неровности, опасаясь столкновения с невидимым в ночном мраке препятствием, и не разжимал держащихся за поручни рук. Потом варвар засуетился, манипулируя с парусом и рулём, и буер подкатился к черной громадине, едва заметной на фоне всеобщей черноты. Громадина оказалась довольно крупной скалой неправильной цилиндрической

формы с отвесными склонами, и у её подножия обнаружилось некое подобие грота. Головорез затолкал туда буер и объявил ночлег. Майк честно признался, что чувствует себя настолько плохо, что не может нести караул, закутался в одеяла и провалился в полный кошмаров сон. До наступления утра он раз десять просыпался в холодном поту, сипя и отмахиваясь то от облепивших его мутантов, врывающихся в покрытый кровавым льдом бронетранспортер; то от пронзающих его вертелом уродливых дикарей; то от одетых в лохмотья летного комбинезона жрецов, тянущих заскорузлые окровавленные пальцы к его мозгу,

почему-то не имеющему крышки черепной коробки. Последний раз он подскочил с сиплым криком, отбиваясь от толпы дикарей с ржавыми гнутыми ложками в руках, пожирающих его мозг. К утру кошмары выжали психику, словно лимон, и окончательный удар нанес датчик системы обогрева, сообщивший о шестнадцати процентах заряда батареи.

За завтраком косматый громила словно почувствовал близкое к помутнению состояние Майка. Он молча протянул ему кружку с горячим варевом, и Майк послушно выпил её содержимое дважды. Вскоре ему стало легче, внутри

потеплело, и он даже смог спокойно поспать пару часов. Буер продолжал путь, приближаясь к экватору, вскоре температура медленно поползла вверх, и Майк смог выключить обогрев. К полудню термометр показывал минус пятьдесят восемь, что явилось для него лучшим свидетельством близости Новой Америки. Ведь она тянется точно по экватору, значит, там должно быть теплее всего на планете, это однозначно. Уже скоро на горизонте должны показаться силуэты небоскрёбов, пусть торнадо и разрушили многие из них, но некоторые должны были уцелеть, хотя бы в общих контурах. Высотки

Нью-Вашингтона видно издалека — когда едешь на электричке домой из Гуманитарной Миссии, они величественно возвышаются из-за горизонта.

Но по неровной снежной пустоши сани шли с переменной скоростью, то замедляясь до сорока миль в час, до ускоряясь почти до семидесяти, и кроме то повышающейся, то понижающейся белой пустыни с выпирающими из-под снега скалами песчаника, из-за горизонта ничего не появлялось. Весь день Майк не вылезал из-под одеял, надеясь дотянуть до хоть какой-нибудь цивилизации до наступления ночи, но Новая Америка

так и не показалась. Когда вокруг стали сгущаться первые сумерки, его подозрения о том, что русский шпион планирует заморозить его заживо, чтобы избавиться от свидетеля, вспыхнули с новой силой. Тем более что варвар вновь сбросил скорость и ещё до полуночи заявил, что пора искать место для ночлега. В итоге остановились у какого-то бугра, головорез сначала долго заякоривал буер, потом долго рыл берлогу, а после ещё дольше бродил вокруг неё под ледяным ветром, будто принюхиваясь к ночной тьме.

— Какая-то проблема, мистер Свитогоа? — уточнил Майк, твердо решив не включать обогрев до

последнего и экономить энергию, несмотря на уловки русского шпиона.

— Чую я, будто дальше пути нет, — задумчиво ответил тот. — Странно это. Словно с полсотни вёрст проехать можно, а потом — никак. — Он нахмурился и погасил костерок, погружая берлогу в чернильно-черный мрак. — Ложись спать, человек, завтра разберемся. Утро вечера мудреней.

Майк по ставшей доброй традицией привычке показал невидимому в темноте головорезу средний палец. Достал со своими примитивными варварскими присказками! И с примитивными варварскими хитростями — тоже

достал! Чует он, что пути нет! Время тянешь! Ничего, в берлоге под шкурами термометр показывает минус пятьдесят два, для такой температуры обогрев не нужен. А днем потеплеет, Новая Америка рядом. Майк справится, потому что он – избранный и на его стороне Господь! Майк усмехнулся и закрыл глаза. В эту ночь он не увидел ни одного кошмара.

Наутро головорез поднял его с наступлением предрассветных сумерек, заявив, что время дорого, а день предстоит долгий. Полусонный Майк, выбравшийся из берлоги на пронизывающий ветер, в считанные минуты замерз до состояния озноба.

Он забился вглубь буера и не вылезал из-под одеял, даже не пытаясь делать вид, что помогает русскому шпиону сворачивать лагерь. Однако тот ничего не сказал, молча упаковал все тюки и вытолкал сани из сугроба. Около часа они шли по снежной пустоши со скоростью, явно меньшей, чем возможная, и Майк не выдержал.

— Вы заблудились, мистер? — поинтересовался он у варвара. — Или боитесь, что вам не хватит этой бесконечной снежной пустыни для разгона? — Майк украдкой бросил взгляд на термометр. Минус пятьдесят семь. Днем должно быть теплее, он справится без подогрева, а

сейчас можно избавиться от дрожи, активировав обогрев на полчаса, этого должно хватить. — Тогда, может, пойдем пешком?

— Пойдем, — согласился варвар без тени иронии. — На санях дальше не пройти, а на себе нам их так далеко не утащить, мало нас. — Он кивнул куда-то вперед и принялся останавливать буер.

Недоумевающий Майк высунулся из-под одеял, приподнялся и вытянул шею, заглядывая вперед.

— О, мой бог! — невольно вырвалось у него. Буер плавно останавливался у края пятнадцатиметрового обрыва, тянувшегося от горизонта до

горизонта, насколько хватало глаз. Вместе с обрывом обрывалась и снежная пустошь, сменяясь уходящей вдаль голой каменистой поверхностью. Противоположного края исполинского желоба не было видно, его дно покрывали гладко отполированные волны скал, зашлифованные десятилетиями ужасающих торнадо до состояния гладких булыжников. По присыпанному мелким слоем свежего снега каменному морю легкий ветер лениво гонял позёмку, закручивая в воздухе идеально белые клубы снежинок.

— Что это за место, человеке? — разглядывающий кромку обрыва

варвар перевел взгляд на Майка.

— Это Полярный Круг, — ответил тот. — Огромный овал шириной в десять миль, окружающий Новую Америку. Пока Реактор не вышел из строя, здесь ходили бесконечные торнадо, защищая мою страну от Холода. Теперь они образуются тут каждые трое суток и уходят вглубь страны, разрушая города... — Майк замолчал, стараясь подсчитать, когда торнадо возникнут здесь в следующий раз, и растерянно добавил: — Я не знал, что Полярный Круг именно такой...

Глава девятая

Ложе Полярного Круга,
пятнадцатый километр
поперечного сечения, 56
километров от ближайшей
окраины Нью-Вашингтона, 21
августа 2225 года, полдень, минус
55 градусов по Цельсию.

Очередной порыв ветра стегнул по защитным очкам плетью из снежной пудры, и Майк остановился, закрываясь рукой. Идущий впереди варвар оглянулся и бросил на него вопросительный взгляд. Майк отмахнулся, типа, со мной всё о'кей,

и громила двинулся дальше. Майк согнулся, уравнивая навьюченную на спину поклажу, уперся руками в колени и отдышался, кривясь от гудящей в ногах усталости. Они шли по дну Полярного Круга пятый час, но противоположная стена обрыва, обманчиво кажущаяся близкой, по-прежнему была далеко. Когда они спускались с оставшегося позади склона, Майк полагал, что преодолеть ровный каменный желоб, пусть даже и десятимильной ширины, не составит особого труда. Три часа пешей прогулки — и они в Новой Америке, что тут может быть сложного? Однако реальность

оказалась иной.

Вообще проблемы начались ещё раньше, когда варвар заявил, что необходимо частично разобрать и спрятать буер. Тащить его на себе через десять миль Майк не собирался, и потому не стал спорить. Тогда, в долине гейзеров, где Майк едва не погиб в лапах разъяренного медведя, они перетащили разобранный буер от стены к стене за четыре ходки, и повторять этот подвиг на дистанции в шестнадцать километров было более чем глупо. За это время проще добраться до какого-нибудь населенного пункта и поискать там выживших. У них может найтись радиостанция или

транспортное средство, а может, и зарядное устройство. Короче, Майк поддержал идею головореза, и тут началось...

Оставлять буер у края обрыва жлоб отказался. Он развернул сани и покатыл назад, и прошел почти пять километров, пока не нашел торчащий из-под снега обломок какой-то скалы. У её подножия он долго отрывал здоровенную яму, спускал в неё буер, затем снимал парус и мачту, укладывал всё это, закрывал сани шкурами и закапывал яму снегом. Как будто нельзя было бросить её прямо так! Да первый же буран засыплет яму с горкой! Но варвар старательно тянул резину. Он зарыл

буер, прилежно утоптал снег над ним и забил в ближайшую скальную трещину оба якорных костыля в качестве ориентира. Майк лишь улыбался, глядя на это. Похоже, русский шпион всерьёз рассчитывает сюда вернуться. Какая умиляющая наивность — думать о примитивных санях, зная о наличии у Новой Америки шаттла... Впрочем, мешать головорезу он не стал, кто знает, вполне возможно, что замдиректора Коэн захочет потом получить образцы материалов, из которых русские изготовили свою доисторическую повозку, так бодро преодолевшую половину мирового ледника.

Варвар уже заканчивал возню, когда Майк заметил два объемистых мешка, забытые головорезом под скальным выступом. Он, тщательно сдерживая улыбку и иронию в голосе, указал на них жлобу и вкрадчиво поинтересовался, не придется ли теперь откапывать всё заново. Однако громила заявил, что эти безразмерные тюки они возьмут с собой, причем один из них придется тащить на себе Майку. Здравомыслие подобного решения, опасно стремящегося к мазохизму, вызвало у него серьезные сомнения, и он прямо объяснил косматому болвану, что до Новой Америки осталось два десятка километров,

которые проще пройти налегке, зато быстро. Варвар тупо уперся и стоял на своем: «всяко может случиться», «до друзей твоих ещё дойти надо» и тому подобное. В итоге Майку всё равно пришлось тащить на себе мешок с одеялами и пару здоровенных шкур в скатках. Сам головорез обвешался своим боевым металлоломом, не взяв только оставшегося без патронов пулемета, и нацепил на себя мешок с припасами и снаряжением, вдвое меньший по размерам. Подобное неприкрытое проявление шовинизма оскорбило Майка до глубины души, и он возмутился, в ответ на что варвар предложил поменяться тюками. К

сожалению, мешок жлоба оказался вдвое тяжелей мешка Майка, несмотря на относительно небольшие размеры, и от идеи всучить свою поклажу косматому болвану пришлось отказаться.

Больше часа они пешком возвращались к кромке Полярного Круга, после чего возникла новая проблема. Прежде чем спускаться вниз, головорез заставил Майка ещё раз вычислять, когда состоится ближайшее трёхсуточное формирование торнадо, и оказалось, что в первый раз Майк ошибся в расчетах, и торнадо должны появиться чуть ли не прямо сейчас. Пришлось рыть берлогу прямо на

ровном месте, выстилать её шкурами и зарываться в снег. Несколько часов они провалились в ней бессмысленно, хотя могли бы давно уже быть на другой стороне Полярного Круга. Майк выразил протест против бесцельной траты времени и потребовал продолжить движение, и вот в это самое время чертовы торнадо начали своё формирование. Снаружи взвыло так, что у Майка заложило уши, температура резко упала за минус семьдесят, пришлось включить систему обогрева, и всю ночь он вздрагивал с каждым новым завыванием стихии. От поверхности их берлогу отделял едва фут снежной

толщи, и Майк боялся, что бушующие воздушные вьюны сорвут столь тонкое покрытие, выдернут людей из берлоги и разmozжат о скальное дно Полярного Круга. К счастью, торнадо всё ещё подчинялись старым закономерностям и, возникая, быстро уходили вглубь Новой Америки. Берлогу задевало лишь самым краем начавшегося по эту сторону Полярного Круга урагана, вспыхнувшего из-за резкого изменения давления, вызванного вспышкой торнадо, и, кроме оглушительного завывания и сильного похолодания, других бед не последовало. Впрочем, и этого Майку хватило с лихвой. К ночи,

когда всё успокоилось, датчик заряда батареи показывал двенадцать процентов. Спускаться с отвесного обрыва высотой в пятнадцать метров в крошечной тьме было равносильно самоубийству, поэтому переживание ураганов перешло в ночевку, и утром на индикаторе было уже девять процентов. В панику он не впал лишь потому, что дневная температура воздуха позволяла обходиться без обогрева, и это давало шанс добраться до первого попавшегося зарядного устройства живым.

Но на этом проблемы не закончились. Поутру оказалось, что выточенный двумя сотнями лет непрерывных торнадо желоб

Полярного Круга не имеет пологих склонов. Пятнадцатиметровая стена обрывалась почти вертикально на всём протяжении, какое только можно было разглядеть, и не было никаких оснований надеяться на то, что где-нибудь очень далеко может обнаружиться пологий спуск. Майк было запаниковал, но варвар флегматичным движением сбросил с себя заплечный мешок и сообщил, что они будут спускаться прямо здесь, по веревке. Сказать, что этот спуск стоил Майку нервов – это не сказать ничего. Болтаться над пятнадцатиметровой пропастью на изготовленной варварами веревке, без всякой страховки, да ещё и под

порывами ветра, пусть и несильного, надеясь лишь на то, что головорез не выпустит из рук каната от усталости — испытание не из рядовых. Когда ноги Майка коснулись скалистого дна желоба, он дрожал, как осиновый лист, хотя и не испытывал озноба. Потом жлоб спустил ему оба тюка, после чего Майку вновь пришлось изрядно попереживать, пока головорез спускался сам. Если забитый громилой в край обрыва костыль выскочит из породы под тяжестью варвара, русский шпион разобьется насмерть. Или умрет от полученных травм и прочих переломов, что одно и то же. Как тогда Майк сможет выбраться из

этого чертова Полярного Круга?! Он не таракан, чтобы лазать по отвесным стенам!

В общем, головорезу повезло спуститься живым, они взвалили на себя поклажу и двинулись через каменистое ложе напрямик. Идти по неровному, словно застывшему волнами скалистому дну с громоздким вьюком на спине оказалось гораздо тяжелее, чем рассчитывал Майк. Он еле телепался следом за варваром, который шагал, будто заведенный, и постоянно уходил вперед. Спустя два часа изнурительной ходьбы они достигли лишь середины желоба, и измученный Майк потребовал

передышки. Он, не снимая мешка, завалился назад, упав прямо на него, и пролежал так двадцать минут, не обращая внимания на бьющую в защитные очки позёмку. Ноги гудели, словно пройти пришлось миль сто, и к тому моменту, когда варвар заявил, что пора идти дальше, легче не стало ни на грамм. Майк даже не хотел подниматься, но двухметровый громила ухватил его за плечи и поставил на ноги. Пришлось идти. Потом усилился ветер, и снежная взвесь, клубящаяся вокруг, стала гораздо гуще. Видимость упала, скорость движения замедлилась, хорошо хоть температура снизилась незначительно, и арктическое

снаряжение держало тепло без помощи системы обогрева.

Вторые два часа Майк двигался медленно, необходимость продираться сквозь снежную вьюгу выматывала всё сильнее. Он уже собирался объявить следующий привал и не сдвигаться с места ближайший час, но ветер пошел на убыль, и впереди показалась противоположенная стена Полярного Круга. Майк решил, что цель близка, это придало ему сил, и он прибавил скорость. И вот теперь эта чертова стена с каждым шагом словно не приближается, а удаляется от него! Ноги уже не просто гудят, они налились свинцом и не желают

переставляться, а до долбаной стены всё ещё далеко... Майк поковылял дальше, поправляя мешок, за прошедшие два часа потяжелевший килограмм на сто, и твердо решил не отставать от варвара. Иначе тот дойдет до стены раньше, уляжется возле неё отдыхать, и зрелище отдыхающего вдали головореза точно добьет Майка, которому ещё идти и идти. Майк собрал волю в кулак и двинулся дальше.

Когда до стены осталось не более пяти ярдов, Майк почувствовал себя победителем Олимпийских игр. Он рухнул на свой мешок и блаженно расслабился, искоса наблюдая за варваром. Тот, похоже, в отдыхе не

нуждался, потому что сразу сбросил поклажу и принялся бродить у подножия стены, задрав голову. Всё-таки русские человеко-мутанты исключительно выносливы, из них выйдет отличная рабочая сила, если Майк с Коэном сделают всё грамотно. Хотя наличие пулеметов у русских несколько усложняет дело, но это не то, с чем невозможно справиться. Варвары туповаты и наивны, вот где их слабое место, этим и предстоит воспользоваться. Кстати, интересно, головорез заранее продумал, как они будут подниматься наверх, или эта проблема встала перед ним только сейчас, и поэтому он так усиленно шевелит своей

единственной извилиной?

Однако наличие препятствия высотой в пятнадцать метров шпиона не смутило. Он закончил осмотр, выбрал некий, одному ему известно почему именно, подходящий участок стены и приступил к приготовлениям. Головорез извлек из своего мешка несколько металлических костылей, моток веревки и молоток, чем-то напоминающий ледоруб. Затем с невозмутимым видом снял с себя верхнюю одежду, потом нательную рубаху, и остался в одних штанах и сапогах. Глядя на по пояс обнаженного варвара, запросто ковыряющегося в мешках на

пятидесятичетырехградусном морозе, у Майка отвисла челюсть. Он запоздало вспомнил фразу головореза, произнесенную им в ночь кощунственного еретического праздника — «лето же на дворе» — и привстал от изумления. Без рубахи громила выглядел ещё более угрожающе, чем в ней. Огромные мышцы, здоровенные кости, запястье толщиной с два обычных, кулачищи размером с половину головы Майка... Да как они не мерзнут, дьявол их заberi?!! Не может нормальный человек не умереть в пять секунд, оставшись чуть ли не голышом на морозе в минус пятьдесят четыре по Цельсию, не

может!!! Майк задохнулся от злости. Это мутанты, это не люди, успокаивал он себя, потому что все люди равны, и никто из них не может быть лучше или хуже по рождению! А раз мутанты не люди, то и общечеловеческие ценности на них не распространяются! Не мёрзнут – так пусть работают на благо цивилизации!

Тем временем человеко-мутант упаковал своё шмотьё в мешок, уложил и увязал с ним весь свой металлолом, и привязал ко всему этому один конец смотанного в бухту троса. Другой конец веревки он закрепил у себя на поясе, после чего набросил ременную петлю рукояти

молотка себе на запястье и затянул её, добиваясь надёжной фиксации. Варвар подтащил всё барахло к самой стене и оглянулся на Майка, всматриваясь в него фирменным взглядом примитивного дебила:

— Как поднимусь наверх и подниму поклажу, сброшу тебе веревку, — он даже не вздрогнул под налетевшим порывом ветра. — Первым делом вяжи к ней свой мешок заплечный и скатки со шкурами. Сначала их поднимем. Тебя после втащу. Ты всё понял, человеке?

— Да, мистер Свитогоа! — Майк торопливо закивал. — Конечно! Не волнуйтесь! Но... — он покосился на почти отвесный склон обрыва, — как

вы собираетесь подняться наверх?

— По стене! — лаконично ответил
головорез и отвернулся, берясь за
висящий на руке молоток.

Варвар подошел к каменной
толще и принялся долбить её острой
стороной молотка. Поначалу это
вызвало у Майка массу веселых
эмоций, и он, лежа на тюке,
беззвучно, но зато от души, вовсю
посмеялся над косматым болваном.
Однако вскоре веселье прошло само
собой. Головорез выбивал в камне
углубления и поднимался по ним,
слипшись со скалой, словно по
лестнице. Как он определял, где
именно каменная поверхность
является достаточно мягкой, чтобы

поддаться молотку, и одновременно достаточно твердой, чтобы не крошиться под весом его мощного тела, оставалось загадкой. Видимо, для этого он и осматривал склон снизу так тщательно. Как бы то ни было, полуобнаженный варвар выдалбливал себе ямки-упоры и забирался всё выше, и вскоре ветер уже с силой трепыхал тянущуюся от него к лежащему внизу мешку веревку.

В какой-то момент Майк понял, что задуманное головорезу удастся, и заторопился принять участие, чтобы потом в случае чего не быть обвиненным в бездеятельности. Он подбежал к пожиткам шпиона,

поймал мечущийся туда-сюда под порывами ветра трос и стал держать его, чтобы исключить рывки, затрудняющие жлобу задачу. Тот почувствовал изменения и посмотрел вниз. Увидев контролирующего трос Майка, он одобрительно кивнул и продолжил колотить молотком по камню. Верхнего обреза стены головорез достиг всего лишь за полчаса. Его силуэт скрылся из вида, затем свободно свисающий трос натянулся, побежал вверх, выбирая излишек длины, и привязанная к нему поклажа варвара начала подниматься. Через минуту шпион сбросил освобожденную от груза веревку, и Майк послушно привязал к

ней свою ношу. Ещё через минуту он уже обвязывал тросом себя. Подниматься вверх оказалось не так страшно, как спускаться, особенно если не смотреть вниз. Нервишки, конечно, покалывало мыслью о том, что произойдет с Майком, если варвар его не удержит, но на самом деле Майк знал, что тот его вытянет. Он уже не сомневался в том, что отмечен дланью Господа, а избранные, как известно, всегда побеждают.

— Хорошая работа, мистер Свитогоа! — похвалил головуреза Майк, оказавшись наверху.

Варвар уже успел одеться, причем не в зимнюю одежду, а в

свою летнюю меховую безрукавку, и теперь развешивал на себе боевой металлолом. На похвалу Майка он отреагировал кивком и молча протянул ему тюк со скатками шкур. Майк даже не обиделся на такой ответ и бодро взвалил на себя поклажу. Он в Новой Америке, до окраины Нью-Вашингтона пятьдесят километров, сущий пустяк по сравнению с тем, через что ему пришлось пройти. К чему обижаться? Скоро всё изменится, он об этом позаботится! Пока же необходимо как можно быстрее найти связь и зарядное устройство.

— Ну, человеке, вот мы и в твоей стране, — варвар закончил

вооружаться и забросил за спину походный мешок. – Куда путь держать будем? Указывай дорогу.

Это неожиданное заявление несколько сбило Майка с толку. Он привык к тому, что головорез всегда знает, куда надо двигаться, и только сейчас понял, что понятия не имеет, где они находятся. По логике, нужно перемещаться перпендикулярно ложу Полярного Круга, это приведет их вглубь страны, в центральной части которой и находится столица.

– Надо идти туда! – Майк прикинул направление перпендикуляра и указал рукой вдаль. – Там центр Новой Америки, и мы обязательно наткнемся на какой-

нибудь населенный пункт, может быть, даже сразу выйдем к Нью-Вашингтону! Это огромный мегаполис, он находится в самом центре Новой Америки и занимает пространство почти правильной овальной формы размерами сто на пятьдесят километров. Значит, от нас до его окраин ровно пятьдесят километров! За два дня дойдем! Но я уверен, что мы гораздо раньше встретим каких-нибудь граждан Новой Америки! — Майк не стал добавлять, что покрывающие варвара с ног до головы свастики могут вызвать проблемы. Не нужно заранее настраивать головореза враждебно. — Они окажут нам помощь!

— Мне казалось, что это мы идём оказывать им помощь, — не без иронии хмыкнул головорез. — Чем же они нам помогут-то, коли замерзают от лютых морозов в развалинах разбитых ураганами жилищ? — Он покачал головой. — Ежели ты не уверен, что дорогу знаешь, может, я поведу, куда место какое приметное не сыщем? Там и сориентируешься.

— Вы считаете, что сможете лучше меня ориентироваться в Новой Америке? — Майк даже пожалел, что на нем защитные очки и лицевая повязка и этот болван не видит выражения его лица.

— Страны твоей я не знаю, —

спокойно согласился жлоб. – Но чую я, что человек, о котором ты часто думаешь, находится далеко в той стороне, – он указал на Запад. – А место, куда ты меня ведешь, вон в той, – рука головореза сместилась на юго-юго-запад, существенно отклоняясь от намеченного Майком курса. – До него ближе, но за два дня всё равно не добратся, по прямой верст сто выйдет, не меньше. Может, сразу туда и пойдём? Так-то оно скорее будет.

Данное заявление едва не вызвало у Майка хохот. Примитивный варвар опять вспомнил про колдовство и прочие волшебные штучки. Нет, всё-таки русские либо

послали шпионить полного идиота, либо все такие! Скорее всего, второе. Косматый жлоб что, и правда думает, что цивилизованный человек может всерьёз воспринимать весь этот бред?! Кстати, даже если на секунду предположить, что колдовство существует, то варвар явно родился лишенным магического дара! Майк невольно улыбнулся. Если он и думал о ком-то часто, то это замдиректора Коэн, а комбинат Коэна находится в противоположенной стороне, на Востоке! Это если вообще допустить, что они вышли более-менее к середине Новой Америки. Если это так, то да, направление на Нью-Вашингтон косматый «колдун»

определил верно, вот только не обязательно быть могучим волшебником, чтобы определить местоположение города, занимающего сто километров в самом центре почти семисоткилометровой продольной оси государства! Интересно, он вообще думает, прежде чем заявлять такое, или просто несёт чушь экспромтом? Что ж, подыграем, пусть думает, что убедил!

— Ваши экстраординарные способности поражают! — Майк сделал круглые глаза. Будем надеяться, что через очки их было видно. — Я считаю, что мы можем полностью довериться вашему чутью

и идти на Юг, раз уж туда ближе. В Полярном Бюро Нью-Вашингтона есть передатчик, оттуда мы сможем связаться со всеми, кто нам нужен!

Головорез опять посмотрел на Майка взглядом дебила, и тот лишь мысленно вздохнул. Раньше он не верил в то, что по глазам можно понять степень умственного развития человека. Теперь он твердо убежден, что, по крайней мере, по глазам варваров можно точно. Косматый жлоб просто донельзя достал этим своим взглядом тихо свихнувшегося сомнамбулы. Нет, ну надо же — чуёт он! Совершенно несложно понять, что, пока Майк ждал внизу веревки, варвар достал

свои «секретные» навигационные приборы и попросту сориентировался на местности! Вот почему он с такой уверенностью тычет рукой в сторону Нью-Вашингтона. А с Коэном он ткнул пальцем в небо и, естественно, не угадал. Нет, право, ну как ребёнок! Майк скрыл обреченный вздох и сделал величайшему колдуну всех времен и народов указующий жест рукой, типа после вас! Варвар встал на лыжи, дождался, пока Майк завяжет на ногах ремни снегоступов, и неспешно двинулся по своему курсу. Майк побрел следом, сверяясь с термометром. Минус пятьдесят пять по Цельсию. Температура

держится на этой отметке уже давно, похоже, теплее не будет. Выходит, в Новой Америке теперь ещё холоднее, чем до его отлета в Сибирь.

Идти пришлось долго. Уровень местности быстро повышался, само пространство вокруг было абсолютно пустынным и ровным, словно они двигались не по Новой Америке, а всё так же брели по мёртвым заснеженным пустошам скованной Холодом планеты. Вскоре впереди показалась длинная нитка забора, выпирающего из-под снега, и Майк понял, что они достигли линии оборонительных сооружений, окружающих периметр страны. Если верить школьной программе, высота

проволочных заграждений Новой Америки достигала пяти ярдов, но сейчас забор едва доходил Майку до пояса. Получается, что земля здесь покрыта почти четырехметровым слоем снега, вот почему не видно военных укреплений, лишь кое-где из снега торчат обломки вдребезги разбитых мощными торнадо наблюдательных вышек и осветительных платформ. Рассчитывать встретить здесь кого-то выжившего не приходилось — в момент распада Полярного Круга эти места первыми попали под сокрушительный и безжалостный удар стихии. Произошло это в секунды, вряд ли кто-то успел

понять, что случилось... Если кто из военных и уцелел, то явно здесь не остался.

Через три часа пути Майк выпросил у головореза получасовой привал и устало опустился на снег. Бесконечная ходьба с безразмерным тюком за спиной выматывала не только физически, но и морально, однако он нашел в себе силы внимательно следить за варваром. Рано или поздно тот захочет свериться с приборами, интересно, какую уловку он выдумает для отвлечения Майка на этот раз? А посмотреть на компас придется, вокруг идеально ровная снежная пустошь, не за что глазу зацепиться.

И так будет ещё довольно долго, жилые территории Новой Америки окружает широкий пояс сельхозугодий, на которых создается продовольствие для страны, это тысячи квадратных миль. Даже по кратчайшему расстоянию предстоит пройти не меньше десяти миль, чтобы их пересечь, а они сейчас движутся под углом — это если косматый громила не сбился с назначенного им же самим курса.

Но варвар сверяться с приборами не торопился и следующие четыре часа шел с абсолютно уверенным в себе видом, после чего объявил остановку на обед. Вероятно, где-то в процессе

разбития лагеря, разведения костра и приготовления пищи Майк и проглядел махинации головореза. Как-то русскому шпиону всё-таки удалось уточнить курс незаметно для него, потому что после еды варвар опять уверенно двигался в одном ему известном направлении. Чтобы совместить приятное с полезным, Майк ещё дважды вытребовал у громилы короткие привалы и, отдыхая, не спускал с головореза глаз, но тот даже ни разу не засунул руки в карман или мешок. В бесконечном хождении по заснеженной пустыне прошел весь день, по подсчетам донельзя измучившегося Майка они прошли

не менее тридцати километров, когда в надвигающихся сумерках им впервые попался какой-то населенный пункт.

Занесенное снегом по самые крыши поселение оказалось совсем маленьким, скорее всего, небольшое фермерское хозяйство. Из-под снежной целины виднелось несколько крыш и верхние этажи сильно поврежденного ураганами коттеджа. Майк предложил заночевать внутри, но варвар запретил подходить к строению близко. Он несколько секунд стоял на месте, настороженно прислушиваясь к шуршащей крепчающим ветерком пустоте,

после чего заявил:

— Живности вокруг много. Видать, под снегом лежали туши хозяйской животины, что от морозов да ветров лютых полегла, вот зверье когда-то и собралось на пир, да так здесь и осталось. Где-то в округе есть легкий проход через этот ваш Полярный Круг, не нашли мы с тобой его... — Он внимательно огляделся. — Полезли вон на ту крышу, что слева торчит! Там люк на чердак есть, попробуем на чердаке схорониться. В берлоге ночевать опасно будет.

Спорить Майк не стал. Вокруг не имелось ни единого звериного следа, но в Могильнике на поверхности тоже было чисто. А

потом почти всех сожрали мутанты. Так что осторожность лишней не будет. Варвар тоже боится быть съеденным, просто не желает в этом признаваться и потому затянул свою любимую песню «Чую я...». Влезть на крышу оказалось несложно, благо её обрез выпирал из снега меньше чем на ярд. Сложнее было открыть ведущий на чердак люк, но косматый жлоб использовал молоток, сломал запоры и распахнул крышку. В следующую секунду оттуда с яростным рычанием вылетела какая-то хищная тварь, покрытая грязно-белой шерстью. Острые клыки громко клацнули, промахиваясь по стремительно уклонившемуся

варвару, и в тот же миг головорез нанес монстру кулачищем жестокий удар в голову. Тварь коротко взвизгнула, отлетая, и рухнула на снег. Она попыталась вскочить на лапы, но они разъезжались в разные стороны, и зверюга пьяно заваливалась на брюхо. Через пару секунд ей всё же удалось подняться, тварь поджала хвост и молча бросилась прочь. Соскочив с крыши, монстр мгновенно зарылся в снег и исчез.

— Там логово мутантов! — Майк, вооружившись ледорубом, отпрянул от люка подальше.

— Нет там никого, — покачал головой варвар. — Одна была

волчица. Щенная она, вот и устроила логово на чердаке, щенята у неё через месяц будут. Ничего, одну ночь снаружи переночует.

Он полез внутрь, и Майк остался на крыше один. Стоять посреди погружающейся в темноту голой пустоши, кишащей затаившимися под снегом монстрами, с одним ледорубом в руках — ждать особого приглашения он не стал и, не мешкая, устремился следом за головорезом. Его заплечная ноша не протиснулась в узкий лаз, и Майк застрял, едва не заорав от страха. В первую секунду ему почудилось, что это бесшумно подкравшиеся из темноты монстры

набросились на него сзади и вцепились в поклажу клыками. К счастью, всё обошлось. Чердак оказался сильно занесен снегом, набившимся туда через выбитое стихией чердачное окно, которое и служило волчице входом в логово. Головорез заткнул его тюком, после чего выдал Майку осколок ледяной каши.

— А как же костер?! — опешил тот. — Мы должны приготовить горячую пищу! Времени хватает!

— Зато дровишек осталось на один раз, — парировал косматый жлоб. — Поутру горячим потрапезничаем. Да и негоже сейчас костер разжигать. Живности в округе

много, подманим теплом, а нам тут ещё ночевать. Ежели хочешь, человеке, поищи вокруг дров. Только обледеневшую древесину не бери, не загорится она, её прежде высушивать надобно.

С этими словами головорез захлопнул люк, погружая чердак в крошечную тьму, и улегся спать. Пришлось грызть чертову ледышку из каши — есть хотелось слишком сильно. Майк быстро продрог, чувствуя, как от холода онемел язык и нёбо, и включил систему обогрева. Это что, такой план?! Заморозить его даже при температурах, с которыми арктическое снаряжение способно справиться и без подогрева?! «Поищи

вокруг дров»! Идиот! Как Майк может искать что-либо в полной темноте?! И где? Новая Америка – это тебе не варварское стойбище, здесь дома из стекла, бетона и пластика! А лазать в поисках антиквариата в виде деревянной мебели Майк не собирается, так недолго быть сожранным мутантами! Короче, пусть чертов головорез идет в ад! Майк исполнил ставший обязательным ритуал с непроглядным мраком и средним пальцем и плотнее закутался в одеяло. Нужно согреться и сразу же отключить обогрев, сэкономить остатки энергии.

– Вставай, человеке, трапезу

проспишь! — кто-то бесцеремонно тряс его за плечо, и Майк открыл глаза. Варвар сидел рядом возле весело пылающего в миске под котелком маленького костерка и размешивал деревянной ложкой соблазнительно пахнущую мясом кашу.

Майк криво ухмыльнулся про себя. Головорез сам не выдержал голода, стоило ныть про заканчивающиеся дрова? Он вылез из-под одеяла и выключил подогрев. Индикатор заряда батареи показывал шесть процентов, и сон с Майка как ветром сдуло. Что?! Уже утро?! Он не заметил, как уснул и проспал всю ночь с работающим обогревом!!! Не

может быть... Настроение было мгновенно испорчено, и Майк угрюмо жевал кашу, косясь на русского шпиона. А может, это он всё устроил? Специально вынудил Майка съесть ледяную кашу, знал, что ему станет холодно и придется включить обогрев! А в ледышку заранее было добавлено снотворное... Очень может быть, что всё именно так и произошло. Майк молча доел свою пищу, выпил предназначенный ему отвар и покосился на костерок. Огонь едва тлел в остатках углей, и если других дров у косматого жлоба нет, то горячей пищи больше не предвидится. Вот, значит, каким

образом русский шпион планирует заморозить Майка — кормить его ледяной едой. Без системы обогрева это неизбежно вызовет переохлаждение, болезнь и смерть. Вообще не есть Майк не сможет, он обессилеет прежде, чем они доберутся до Полярного Бюро. Подлый, коварный и по-варварски дикий план!

— Собирай поклажу, поспешать надобно, — голос шпиона был невозмутим, словно тот специально издевался над Майком. — Живность на тепло идет, как в сильную стаю собьются, так бояться нас перестанут и нападут. Лучше уйти заранее. Когда до домов каких дойдем, дрова

поискать придется. Иначе без горячей пищи останемся. Не думал я, что у вас так пустынно, так бы захватил из саней дровишек поболее. Пойдем! Волчице уж неумогу, боится навсегда логово потерять.

Он сложил пожитки в мешок и выбрался на крышу. Разозленный Майк уложил в тюк одеяло, скатал шкуру и полез следом. Какая ещё, к дьяволу, волчица?! Что ты несёшь, косматый болван?! Экспедицию качественней готовить надо было, лучше бы количество дров правильно рассчитал, идиот! Майк взгромоздил на себя поклажу и поплелся вслед за удаляющимся варваром.

Весь день прошел в

утомительной ходьбе. Косматый жлоб явно не знал, что означает понятие «усталость», и двигался вперед, словно механический. Майк сильно выматывался, пытаясь не отставать, и редкие получасовые передышки почти не приносили ему облегчения. Хорошо быть генномодифицированным идиотом: кожа не мерзнет, ноги не устают, голова ни о чем не болит! И никак не понять, что нормальный, полноценный человек — это не машина и нуждается в отдыхе. Окончательно добил Майка обед ледяными осколками каши. Пришлось снова включать обогрев. Он тщательно отследил десять

минут, медленно отсчитывая про себя до шестисот, и деактивировал систему. Часа через три после обеда впереди показался погребенный под снегом населенный пункт. Добравшись до ближайших развалин, русский шпион остановился и потянул из-за спины лук.

— Что случилось? — Майк увидел его настороженный взгляд и на всякий случай присел, озираясь.

Варвар прыжком метнулся в сторону, и из полузасыпанного оконного проема полыхнула вспышка дульного пламени. Грянул выстрел, и пуля выбила снежный фонтанчик на том месте, где только что стоял головорез. Русский шпион

перекатился по снегу, вновь оказываясь стоящим на лыжах, рванул из колчана стрелу и одним движением наложил её на тетиву, одновременно натягивая лук. Стрела с коротким свистом метнулась в чернеющий провал окна, и оттуда донесся хрипящий крик. Головорез сорвался с места и покатил вперед, быстро набирая скорость. Из развалин, на бегу разбивая сугробы, выскочили десяток одетых в немыслимые комбинации зимних вещей человек с холодным оружием в руках. У одного из них оказался дробовик, и он принялся палить в варвара, остальные ринулись в атаку с нечеловеческими воплями. Стрелок

дважды выстрелил от бедра, но не смог попасть в движущуюся цель. Головорез на ходу пригибался и отработанными движениями менял направление. Внезапно он выхватил из-за спины вторую стрелу и, не останавливаясь, натянул тетиву. Стрелок не оценил угрозы и вскинул дробовик, намереваясь произвести прицельный выстрел. Стрела пробила ему лоб, выходя из затылка, и заряд дробы ушел в воздух. Стрелок медленно рухнул в снег, и за это время варвар успел спустить тетиву дважды. Ближайшая пара нападавших рухнула замертво, головорез круто развернулся, выхватил меч и устремился навстречу

остальным. Удар двухметрового громилы оказался столь ужасен, что перерубил алюминиевую битку ближайшего противника и отсек ему голову. Следующий враг замахнулся топором, но не успел нанести удар, клинок меча пробил ему грудь. Варвар четким движением вновь изменил направление лыжного хода, удаляясь от остальных противников, неуклюже рвущихся к нему по глубокому снегу, и покатиł прочь, меняя меч на новую стрелу. Легко уйдя от преследователей на десяток метров, он отточенными движениями всадил стрелы в грудь троим яростно орущим врагам, и до остальных дошло, что такая же

участь очень скоро ожидает их самих. Атакующие перестали орать и повернули назад, торопясь укрыться в развалинах. Один из них добежал до убитого стрелка и вырвал из руки трупа дробовик. Он развернулся в сторону варвара, изрыгая проклятия, обильно сдобренные нецензурной бранью, и с перекошенным от злобы лицом вскинул ружьё. Рука головореза метнулась за стрелой, и варвар сорвался в боковой перекат, уходя с линии атаки. Но выстрела не последовало. Что-то в оружейном механизме дало сбой на пятидесятипятиградусном морозе, побывав в снегу сразу после нескольких выстрелов, и

новоявленный стрелок безрезультатно терзал дробовик, пытаясь заставить его стрелять. Короткий свист летящей стрелы оборвал его усилия, и хрипящий человек осел на забрызганный кровью снег, хватаясь за торчащее из горла древко. Оставшиеся в живых враги попрыгали в разбитые окна и исчезли.

— Я тешу себя надеждой, что это не твои друзья, человеке! — варвар подкатил к ближайшему трупу и принялся вытирать меч о его одежду, но остался недоволен чистящими качествами синтетического пуховика и достал из своего кармана какую-то тряпицу.

– Нет, что вы! – зарывшийся в снег при первых выстрелах Майк поднял голову. – Это бандиты! Плохие люди, собравшиеся в банды, они убивают добропорядочных граждан и отбирают у них еду и теплую одежду! Мы не такие! Мы – полярники, мы хотим спасти всех людей!

– Ты уверен, что спасти нужно всех? – головорез убрал меч в ножны и скептически разглядывал чернеющие в заснеженных стенах провалы окон. – Ступай ко мне, пока вороги схоронились. Пойдем отсюда, попытаем счастья дальше, коли здесь нам не рады.

Майк торопливо поднялся и

подбежал к русскому шпиону, не сводя глаз с оконных проемов. Он подумал, что неплохо было бы подобрать дробовик, но отказался от этой мысли. Оружие лежало слишком близко к зияющим в развалинах дырам, и получить оттуда пулю, копье или ещё что не хотелось. Головорез извлек из колчана стрелу и покатил вперед, внимательно осматривая окрестности. Майк спешил следом, забыв об усталости, и постоянно оглядывался в ожидании погони. Но больше на них нападать никто не осмелился, а может, в остальной части маленького городка живых людей не осталось. Добравшись до противоположной

окраины, варвар остановился, убрал лук со стрелой и вновь извлек меч. Он окинул окружающие развалины пристальным взглядом и двинулся к одному из разрушенных домов, торчащему из-под снега на два этажа.

— Я зайду внутрь, дров сыскать надобно, — сообщил он, снимая лыжи возле оконного проёма.

— Я иду с вами! — мысль о том, чтобы остаться на улице одному, привела Майка в ужас. Он бросился к русскому, втыкающему лыжи в сугроб. — Кто-то должен прикрыть вам спину!

Косматый громила ничего не ответил, лишь пожал плечами, мол, дело твоё, и шагнул в окно. Майк

влез следом, не желая рисковать на открытом месте, и принялся снимать снегоступы. По не засыпанном снегом этажом лазали почти час, но найти что-либо деревянное так и не смогли. Ранее здесь побывали другие и вынесли всё, вплоть до дверных косяков и наличников в тех местах, где они не были пластиковыми. Следующий дом оказался таким же, и головорез, хмуро посетовав на отсутствие деревьев, предложил продолжить путь. Майк с радостью согласился, находиться рядом со смертельно опасными бандитами ему не хотелось, пусть даже они и прячутся где-то в развалинах.

— Этот город слишком мал, —

заявил он русскому. — Выжившие первым делом собирают топливо и пищу, мы здесь ничего не найдем. Искать надо там, где никто не выжил. Давайте убираться отсюда!

Они продолжили путь через заснеженную равнину, и с наступлением ночи Майк пожалел, что поторопился уйти из городка без дров. Ночевать пришлось в поле, варвар, как обычно, отрыл в снегу берлогу, и Майк даже помогал ему, чтобы согреться без траты энергии, в условиях быстро понижающейся температуры. На какое-то время это помогло, но оказавшись внутри берлоги закутанным в одеяло, Майк понял, что не в силах отказаться

даже от замороженной каши. Бесконечная ходьба выматывала, и голод ощущался слишком остро. Он взял у варвара несколько осколков дробленой пищи, и в итоге замерз так, что зуб на зуб не попадал. Упавшая до минус шестидесяти шести температура довершила картину, и тоскливо разглядывающий датчик системы обогрева Майк активировал подогрев. Наутро на индикаторе зловеще отображался уровень в три процента, и Майк выложился по полной, стремясь отдыхать как можно меньше, а идти как можно быстрее. Где-то спустя час ходьбы на горизонте показались развалины небоскребов.

– Нью-Вашингтон! – воскликнул Майк, указывая на темнеющий вдали лес высотных руин. – Мы уже близко! Я узнаю небоскребы кварталов Даунтауна! Наша цель – главный офис Полярного Бюро, отсюда его не видно, но это обширный комплекс зданий, он находится... там! – Майк быстро прикинул в голове направление и неожиданно понял, что варвар ведёт его правильно. Всё-таки расфуфыренный свастиками жлоб угадал, конечно же, случайно.

– Не так уж и близко, – покачал головой косматый громила. – Давай-ка поспешать. Нам бы к обеду добраться до каких-нибудь строений, не то придется ураганы под снегом

пережить.

Майк выдохнул от досады. На радостях он совсем забыл, что сегодня третий день и скоро на Полярном Круге начнут формироваться разрушительные торнадо. Нужно двигаться быстрее! За день до Полярного Бюро не дойти, от ближайшей окраины до него только по прямой километров двадцать, не говоря уже о том, что город ещё далеко, а у Майка на индикаторе всего три процента! Эта мысль удвоила его силы, и он устремился вперед вровень с варваром. К обеду до окраин Нью-Вашингтона оставалось не больше мили, но Майк выдохся настолько,

что едва полз. Русский шпион сам предложил ему привал, и он не смог отказаться, ноги гудели, легкие пылали, в висках гулко била кровь. Майк рухнул на снег, не в силах снять со спины поклажу, и полчаса пролежал на тюке, не шевелясь и не отводя взгляда с обломанных вершин городских высоток.

Они вошли в город и двигались ещё час, после чего варвар заявил, что больше рисковать не имеет смысла, ураганы скоро будут здесь и нужно искать укрытие. За время, прошедшее с отлета Майка, город засыпало ещё на метр, и теперь он отчетливо это видел. Третьи этажи зданий, ранее словно являвшиеся

первыми, теперь были занесены снегом до самых окон, и в разможенные торнадо оконные проемы можно было просто войти самым обычным шагом. От великого множества пальм, украшающих городские аллеи, не осталось и следа, оставшиеся без плафонов осветительные фонари торчали из-под снега на уровне пояса, столбы электрических линий с обрывками проводов, уходящих куда-то в снежную толщу, стали немногим выше Майка. Разможенные высоты, покрытые снежными шапками руины многоэтажек, зияющие чернотой провалы окон, внутри которых смутно белели сугробы... Ставший

слишком просторным мегаполис
зловеще молчал, остро напоминая
Майку город в Сибирском разломе,
населенный злобными
плосколицами коротышками. Ни
человеческих следов, ни отпечатков
транспорта, ни дыма от костров,
лишь звенящее на
пятидесятипятиградусном морозе
безмолвие.

Варвар кивнул на ближайшие
руины, и оба молча направились к
ним. Они были в паре шагов от окна,
когда несильный порыв ветра донес
до них женский крик, прерываемый
яростным звериным визгом.
Головорез обернулся на звук, замер
на секунду, будто брал след верховым

чутьём, и устремился вперёд. Майк побежал за ним, на ходу снимая с пояса ледоруб. Драки со зверьём не избежать, и поэтому лучше быть ближе к варвару, так шансы уцелеть значительно выше. Но угнаться за двухметровым жлобом Майк не смог и до следующего квартала добрался с опозданием в сотню ярдов. Увидев происходящее, он ужаснулся и сбавил скорость. Лежащую впереди снежную пустошь покрывали отпечатки звериных лап, облепившие цепочку человеческих следов. Следы вели к окну одного из зданий, возле которого бесновалась стая зверья, рвущаяся внутрь. Само окно было на две трети забаррикадировано,

оставшуюся щель пыталась заткнуть каким-то здоровенным мешком женщина, недавно забравшаяся внутрь. Судя по всему, это именно её следы вели к окну через прилегающее к разбитому зданию пространство. Облаченная в пару пуховиков, надетых поверх друг друга, и перевязанная сверху одеялом женщина, похоже, опоздала на считанные секунды. Её объемная экипировка не позволила ей влезть в окно быстро, и стая зверья настигла несчастную. Несколько тварей вцепились в её одежды и довольно успешно вытягивали наружу. Остальные вгрызались в мешок-задвижку, за который держалась

беглянка, или яростно рычали, пытаясь дотянуться до человека. Женщина изо всех сил пыталась удержаться и одновременно не подставить лицо под пасти беснующегося зверья, и кричала от ужаса с каждым новым рывком хищников, вытаскивающих её из спасительного окна.

Отбить её у стаи из двух десятков разъяренных монстров было невозможно, голодные кровожадные твари сожрут и жертву, и спасителя, Майк собрался было закричать и остановить варвара, но понял, что уже поздно. Головорез был слишком близко к хищникам, и своими криками Майк может лишь привлечь

их внимание к себе. Он заозирался, срочно выискивая убежище, как вдруг многоголосье рычания прорезал визг боли. Варвар катился на лыжах в самый центр стаи, в руках у него был лук, из которого он посылал стрелы с виртуозной быстротой. За несколько секунд головорез подстрелил троих монстров, одним движением заткнул лук за спину, выхватил меч с кинжалом и врезался в стаю. Сверкая вспышками солнечных бликов, замелькали клинки, истошно заверещали подранки, и зверьё отхлынуло в сторону. Варвар, не останавливаясь, ловко развернулся и бросился на них, размахивая

оружием и издавая дикий рёв, ничем не уступающий звериному. Кто-то из монстров бросился на него, но был тут же разрублен надвое. Остальные твари метнулись врассыпную, добрались до противоположных развалин и остановились, вновь собираясь в стаю.

— Поторопись, человеке! — крикнул Майку головорез, стремительными рубящими движениями стряхивая с клинков дымящуюся кровь. — Покуда живность не расхрабрилась и тебя не задрала!

Майк рванул бегом что было сил, покрывая оставшееся до варвара расстояние с рекордной для себя

скоростью. Оказавшись рядом, он с трудом восстанавливал дыхание и не сразу услышал женский голос. Оглянувшись, Майк увидел, что спасенная ими женщина выглядывает из окна.

— Джентльмены! Скорее внутрь! — она махала им рукой. — Монстры сейчас вернутся!

Женщина оказалась молодой, темнокожей и привлекательной, даже несмотря на ворох одежд и шарфов. Она с явным изумлением глядела на здоровенного варвара в безрукавке, время от времени угрожающе взмахивающего клинками в сторону не спешащей уходить стаи. Майк подумал, что

лучшего места переждать удар торнадо им не найти, и обратился к головорезу:

— Мистер Свитогоа! Мы должны ей помочь! Давайте зайдем в здание!

— Господа, я так благодарна вам за спасение! — воскликнула женщина. — Я здесь совсем одна, если бы не вы, эти твари разорвали бы меня на куски! Залезайте, пока они не вернулись, пожалуйста!

— Пошли отсюда, человек, — неожиданно изрёк варвар, косясь на милостивую женщину колючим взглядом. — Темное здесь место. Недоброе. Укрыться и дальше можно, развалин хватает.

— Но все они открыты настежь! —

возразил Майк, глядя на стеснительно улыбающуюся незнакомку. Понятное дело, увешанный свастиками косматый шовинист увидел афроамериканку и занял о «темных недобрых местах»! Он даже готов рисковать попасть под торнадо, лишь бы не находиться в одном помещении с темнокожими. Не выйдет, мистер фашист! Придется привыкать к демократии, скоро она придет в вашу долбаную Сибирь! Майк ткнул пальцем в горизонт: — Сейчас здесь будут торнадо, и всё это зверьё ринется в развалины вместе с жутким ветром и тоннами снега! А здесь мы имеем подготовленное убежище! Может быть, и дрова! — Он

обернулся к незнакомке: – Мисс, у вас не найдется немного дров разогреть пищу? Мы с радостью поделимся с вами едой, но у нас закончились дрова!

– У меня очень много дров! – воскликнула она. – Мои друзья заполнили ими целую комнату, мы готовились к ужасным морозам, но потом на нас напали монстры... – она не выдержала и разрыдалась: – Я осталась совсем одна! Помогите мне, умоляю! Зверье сейчас вернётся!

– Мы спасем вас, мисс! – с готовностью заявил Майк. – Мистер Свитогоа, мы остаемся здесь пережидать торнадо! – Он полез в окно. – Следуйте за мной! Мисс, моё

имя Майк, Майк Батлер!

Расчет оказался точен, варвар не стал упираться и протиснул в окно свою супермясную тушу. Попасть под торнадо ему не улыбалось, и инстинкт самосохранения возобладал над расизмом и личными амбициями. Русский шпион, конечно, разозлился и стал мрачен и молчалив, но это его проблемы. Он молча телепался позади всех, не принимая участия в разговоре, типа демонстрировал свои недовольство и несогласие, но Майку было плевать. Это даже хорошо, что жлоб молчит, меньше напугает прекрасную незнакомку. Она и так смотрит на его безрукавку огромными глазами.

Спасенная женщина заткнула за ними окно, подперла его шкафом, в чем Майк галантно помог ей и был награжден скромной улыбкой со словами благодарности, и провела их вглубь квартиры по утопающему во мраке коридору. Здание до катастрофы было доходным домом, в котором незнакомка снимала квартиру, рядом проживали несколько её приятелей по институту. У неё было совершенно прелестное имя – Оделия, и внешне она радовала глаз куда больше, чем дылды из сибирского стойбища: невысокая, темнокожая, с очаровательными дредами, очень милостивая и, что особенно

приятно, с пышной фигурой, просто воплощение американской сексуальности! Майку Оделия понравилась сразу, и взгляд её изумительных черных глаз красноречиво свидетельствовал о взаимности. Неудивительно, что варвар надулся. В присутствии двух утонченных цивилизованных людей он чувствовал свою неполноценность. Майк бесшумно прыснул. Пусть привыкает! Скоро они все начнут к этому привыкать!

Оделия привела их в большую комнату, устланную матрасами и одеялами. Посреди помещения стояла металлическая бочка, в которой горел костер, над бочкой

кто-то приладил вытяжку от профессиональной печи, видимо, вытащили из какого-нибудь ресторана, выходящую через дыру в потолке на следующий этаж. В комнате было довольно тепло, термометр показывал плюс восемь, и Майк стянул с себя очки и лицевую маску.

— В соседней комнате тоже есть костер, — Оделия сняла с себя накидку, затем верхний пуховик и постелила их на один из матрасов. — Если его разжечь и добавить дров в этот, то скоро здесь станет тепло. Раньше у нас всегда было не меньше плюс двадцати градусов, но после того как монстры сожрали моих

друзей, я не справляюсь одна с двумя кострами. Вытяжка есть только здесь, я боюсь задохнуться во сне и потому не зажигаю второй костер. Из-за этого бывает очень холодно, когда приходят торнадо...

— Я помогу вам, Оделия! — только что опустившийся на один из матрасов Майк подскочил. — Покажите, где у вас дрова и вторая бочка, я быстро разожгу там костер! Торнадо могут прийти в любой момент, мы должны торопиться!

— Вы так добры, мистер Батлер! — смутилась девушка. — Пойдемте, я покажу вам здесь всё. Вы можете брать дров столько, сколько хотите, я вам жизнью

обязана!

Она подожгла от костра изрядно потрепанный факел и увлекла Майка за собой в коридор. Усевшийся в углу мрачный головорез даже не сдвинулся с места. И правильно, подумал Майк, пусть сидит подальше и молчит подольше, меньше проблем. Девушке и без его фашизма очень досталось.

— Мистер Батлер, — Оделия повела его в соседнюю комнату. — Я не нравлюсь вашему другу? Он смотрит на меня очень... очень тяжёлым взглядом. Как ему удастся не замерзать?! Он ведь почти без одежды! На улице минус пятьдесят шесть по Цельсию, люди замерзают

заживо прямо на ходу, закутанные в целый ворох одежд! А он не выглядит даже озябшим! Это невероятно! Фантастика!

— Для вас я просто Майк, Оделия! — Майк широко улыбнулся. — А человек со мной — это дикарь, не обращайте на него внимания. Я выполнял правительственную миссию, летал устанавливать контакт с дикарями, это восемь тысяч километров от Новой Америки. Я привел его сюда, мы используем его для запуска Реактора и восстановления в стране летнего климата!

— Не может быть! — восхитилась Оделия. — Майк, так вы полярник!

Теперь я вспомнила, где видела раньше такое снаряжение! Вы настоящий герой! Вы действительно спасете страну?!

Она привела его в комнату, до самого потолка заваленную разломанной на дрова мебелью.

— Конечно! — Майк гордо расправил плечи. — Я верну тепло великой Америке! О! Да у вас тут серьёзные запасы, Оделия! — он принялся выдергивать из кучи ножки от столов и стульев.

— Мы с друзьями проверили все квартиры в этом доме, до которых смогли добраться, — объяснила девушка. — С дровами проблем не было. Но вот с едой очень тяжело.

Чтобы как-то выжить, мы осматривали близлежащие магазины и собирали всё, что можно съесть. Поначалу нам удавалось найти себе скудное пропитание, но потом в городе появились хищные монстры, и одна такая стая набросилась на нас прямо в магазине! Жуткие твари рвали людей на части прямо на моих глазах! – Она заплакала и прижалась к Майку. – Я не знаю, как смогла добежать до дома! С тех пор я совсем одна! У меня нет еды, я голодаю третий день, сегодня решилась забраться в засыпанное снегом кафе напротив, надеялась найти там хоть что-нибудь съестное! Но там всё кишит монстрами, они погнались за

мной, и если бы не вы, меня бы сожрали, как всех моих друзей!

Она задрожала в тихих рыданиях, и Майк прижал её к себе одной рукой, успокаивающе поглаживая по спине. Трагическая история! Они действительно пришли вовремя.

— Вам очень повезло, что мы оказались рядом, но теперь всё будет хорошо, я обещаю, — ласково произнес он. — Давайте разведем костер и нагреем помещение, скоро торнадо! У нас с собой есть еда, это замороженная каша с мясом, варвары делали. Не бог весть что, но есть вполне можно. Мы немедленно разогреем её для вас! Нужно только

принести дрова!

– Да, да, конечно! – Оделия торопливо утерла слезы и начала неловко, одной рукой, подавать Майку обломки мебели. Держалась она стойко, но дрожащий во второй руке факел выдавал глубину её переживаний. – Вторая бочка рядом, в соседней комнате. Других комнат здесь нет, только ванная и кухня, но я редко выхожу из гостиной, мне страшно находиться одной в такой большой квартире...

Нагрузившись дровами, Майк проследовал за девушкой в соседнюю комнату. Плотнo закупоренные всяким хламом окна не пропускали свет с улицы, и Оделия зашла туда

первой, освещая ему дорогу факелом. Там действительно имелась приспособленная под костер бочка, и он принялся закладывать в неё дрова. Девушка бросила туда факел, и через пару минут костер запылал, озаряя помещение неровными, скачущими по стенам бликами. Вырвавшийся из бочки язык пламени осветил ближний угол комнаты, и Майк увидел стоящий на полу бумбокс.

— Это бумбокс, не так ли? — он указал на переносной аудиоцентр. — Он в рабочем состоянии?

— Да, мы с друзьями раньше немного увлекались танцами, — печально ответила Оделия. — Он так и остался здесь с тех пор. Бумбокс в

порядке, только вчера сели мои последние батарейки. Я включаю его, когда становится совсем страшно, чтобы не чувствовать себя в полном одиночестве. — Она с надеждой посмотрела на Майка: — Майк, у вас есть батарейки? Я могу заплатить...

— Мне очень жаль, Оделия, но батареек у меня нет, — сочувственно вздохнул он. — Но вы не будете возражать, если я попробую подключить его к элементам питания своего снаряжения? Я бы хотел прослушать эфир, а в этом бумбоксе хороший радиоприемник.

— Конечно, пробуйте! — девушка подхватила аудиоцентр. — Я рада хоть

чем-нибудь вам помочь!

Они вернулись в гостиную, и Майк увидел варвара, разглядывающего что-то в полутемном углу помещения. Присмотревшись, он понял, что головорез ковыряется в куче дочиства обглоданных костей, сваленных там, где пол не закрывали матрасы.

— Нам иногда удавалось убить зверя, — Оделия поставила бумбокс у ног Майка и уселась поближе к огню. — Это был настоящий праздник, свежее мясо! — она вздохнула. — К сожалению, такое случалось нечасто. А теперь и вовсе никогда... Мне не справиться даже с одним монстром...

– Не волнуйтесь, теперь всё будет хорошо! – Майк забросил дрова в бочку. – Мы спасем вас! Мы возьмём вас с собой, в Полярное Бюро! Там две тысячи человек, запасы еды, медикаменты, топливо!

– До Полярного Бюро двадцать пять километров! – глаза Оделии расширились от ужаса. – Вы хотите идти туда через кишущий монстрами город?! Они разорвут вас на части, едва вы выйдете к следующему кварталу! Майк, мне страшно!

– Не бойтесь, с нами всё будет о'кей! – заверил её Майк. – Мы что-нибудь придумаем... Что это?

Он замер, прислушиваясь к глухо доносящемуся с улицы гудению.

Шум быстро нарастал.

— Торнадо! — воскликнула Оделия. — Они идут сюда! — Она метнулась в угол. — Лучше сесть по углам, если здание обрушится, в углу больше шансов выжить, я читала брошюру про катастрофы!

Майк бросился в соседний с Оделией угол и вжался в стену. Варвар неторопливо подошел к дальней стене, уселся на старую диванную подушку, достал меч, кинжал и тряпку и принялся натирать клинки. Его нарочитое безразличие злило Майка. Неотесанный троглодит, мог бы и не демонстрировать свой шовинизм настолько неприкрыто! Хорошо ещё,

что Оделия образованная и культурная девушка, она не стала задавать вопросов на тему «почему дикарь использует свастики», не хочет создавать острых углов. Косматому жлобу стоило взять с неё пример! В следующую секунду на квартал обрушился удар торнадо, и все мысли мгновенно выбило из головы. Ужасающий грохот и завывания, сопровождающиеся хрустом лопающегося бетона и глухими хлопками вонзающихся в снежную толщу обломков зданий, перемежались с таранными ударами — закрученные ураганом обломки били в стены, сотрясая строения. Что-то гроыхнуло в коридоре,

совсем близко, рёв яростно завывающих воздушных масс стал оглушительным, и в квартире начало быстро холодать. Неужели здание обрушилось?! Майк в ужасе дернулся, инстинктивно вдавливая себя в стену, и посмотрел на Оделию. Та сидела в углу, сжавшись в комок и закрыв глаза. Варвар продолжал чистить свои железки, не обращая внимания ни на содрогающееся здание, ни на спутников, которым сейчас не помешала бы помощь хотя бы в виде ободряющего или участливого взгляда. Как он может быть спокойным, если рискует умереть в любую секунду?! Очередной удар сотряс здание, и

Майк зажмурился, забывая о головорезе.

Торнадо бесчинствовали больше трех часов, после чего шум и грохот начали постепенно стихать. За время своих мытарств Майк успел забыть, как действуют торнадо в Нью-Вашингтоне, но теперь пришел к выводу, что ураганы стали держаться дольше. Очень похоже, что кто-то из Профсоюза был прав, когда рассказывал, что торнадо стремятся к экватору и ходят точно по нему до тех пор, пока не ослабеют, и только потом уходят дальше и распадаются на окраинах, где сталкиваются с буранами, идущими с материка. Вроде бы чем меньше плотность

застройки, тем медленнее они слабеют, или как-то так. Выходит, что со временем ураганы сровняют город с землей, если не удастся запустить Реактор. Ведь с каждым ударом плотность застройки падает, следовательно, время существования торнадо увеличивается? А это значит, что даже в Полярном Бюро небезопасно, несмотря на особую надежность конструкции его корпусов?

— Торнадо ушли! — Оделия выбралась из своего угла. — Майк, вы не поможете мне забаррикадировать окно? Чувствуете, как холодно? Это ураганом выбило баррикаду. Каждый раз выбивает, раньше мы быстро её

восстанавливали, но теперь я одна и боюсь не успеть – вдруг сюда заберутся монстры! Я не знаю, как скоро они выползают из руин после торнадо!

– Конечно! Мы поможем вам! – Майк подскочил с пола. – Мистер Свитогоа, вы с нами?

Косматый жлоб особо не торопился. Он медленно окинул их своим фирменным дебиловатым взглядом, лениво поднялся и направился к выходу, не говоря ни слова. Майк скривился, но ничего не сказал. Он выскочил из комнаты вслед за Оделией. Коридор был по щиколотку завален снегом, части разбитой баррикады захламили его

почти полностью, и некоторое время пришлось разгребать завал, чтобы пробиться к окну. Хорошо ещё, что варвар перестал ломаться и быстро разобрал эту свалку хлама своими огромными ручищами. Он заново сложил баррикаду и кивнул Майку на улицу:

— Пойдем дальше, человеке. Если выйти сейчас, к утру будем там, куда ты стремишься.

— Идти ночью? — опешил Майк. — Нас же сожрут эти чертовы твари! Мы их даже не увидим!

— Живность из-под снега нападает, — невозмутимо заметил головорез. — Ты и днем их не увидишь. Сейчас время удобное.

Ураганы только что ушли, зверь из нор сразу наружу не полезет. Многие останутся спать и выйдут только поутру. Если не будем кота за хвост тянуть, дойдем спокойно.

Стоящая рядом Оделия изумленно переводила взгляд с варвара на Майка. Как уже выяснил Майк, прибор-переводчик головореза работал сразу на весь радиус действия, и девушка понимала их разговор. Просто для неё явилось неожиданностью, что она слышит незнакомую речь и тут же получает её перевод прямо в сознание. Но цивилизованный человек не может долго удивляться техническим новинкам, и она быстро поняла, что

происходит.

— Майк! — взмолилась несчастная девушка. — Не бросайте меня одну! Мне страшно! Пожалуйста!

— Я не брошу вас, Оделия, — решительно заявил Майк. — Вы пойдете с нами! Не так ли, мистер?

Он требовательно посмотрел на головореза. Тот ответил полным абсолютного безразличия тоном:

— Дело твоё, человеке. Бери её с собой, коли желаешь. Пусть одевается, и выходим. Поторопись.

— Я не смогу! — девушка зарыдала и бросилась на грудь Майку. — Я едва переставляю ноги от голода! У меня не хватит сил! Майк,

умоляю, не бросайте меня! Останьтесь хотя бы на ночь, там полно монстров! Днем у вас больше шансов! Ночью вы все умрете! Не бросай меня, Майк!

Она забилась в рыданиях, и Майк укоризненно посмотрел на варвара. Мог бы хотя бы накормить девушку, прежде чем уходить! Вот что значит фашизм — он запросто готов бросить её умирать только потому, что её кожа другого цвета. Никакого человеколюбия и толерантности. Да... демократия варварам необходима, и как можно скорее.

— Мы не можем уходить сейчас! — Майк твердо смотрел в

глаза головорезу. – Мы должны её накормить, мы обещали! Она спасла нас от стаи монстров, укрыла от торнадо и обогрела, абсолютно бескорыстно! Будьте благодарны, мистер Свитогоа, мы не можем с ней так поступить! Мы остаемся, ужинаем, ночуем и выходим в дорогу завтра, втроём! Дойдем до Бюро к вечеру!

Варвар презрительно хмыкнул и прошел мимо них назад в квартиру. Он скрылся в гостиной, и Майк перевел взгляд на заплаканную Оделию, испуганно жмущуюся к его груди.

– Не обращай внимания, – объяснил он девушке, испуская

тяжелый усталый вздох. — Он дикарь, мутант, они живут по варварским законам, не знают ни демократии, ни толерантности. Фактически это даже не люди. Но они могут быть полезны Новой Америке, поэтому приходится терпеть его скотство. — Она вздрогнула от страха, и он поспешно добавил: — Не бойся, я его контролирую. Он туповат, но обычно ведет себя спокойно, если не злить. Давай закроем вход и позаботимся об ужине.

Они заткнули лаз в окне и вернулись в комнату. Варвар сидел у стены и сооружал небольшой костерок из обломков мебели. Рядом с ним лежал распахнутый заплечный

мешок и стоял котелок. Майк подошел к нему и увидел, что на дне котелка лежит подозрительно маленький осколок каши.

— Эй, мистер! — Майк негромко, но настойчиво привлек к себе его внимание. — Я надеюсь, вы не забыли, что сегодня на ужине нас трое? Мы должны покормить эту несчастную девушку!

— Ты обещал — ты и корми, — флегматично заявил головорез, запуская руку в мешок. Он вытащил оттуда крупный осколок каши и бросил его Майку. Тот опешил от такой душевной черствости и неприкрытой фашистской агрессии, но осколок поймал. В общем-то,

кашу дикарь отдал, и инцидент умнее считать исчерпанным. Неграмотно бесить человеко-мутанта перед самым прибытием в Бюро. Ничто не должно повредить планам Майка, а сегодня он и так давил на голову реза слишком часто.

– Спасибо, – Майк расплылся в дружеской улыбке. – Я не сомневался в вашей порядочности и был уверен, что вы меня поймете! Я рад, что мы не теряем общий язык и работаем в команде!

На всякий случай он поблагодарил жлоба ещё раз и вернулся к Оделии, робко стоящей в дверях.

– Всё о'кей, тебе нечего

бояться! – Майк покровительственно обнял испуганную девушку. – Дикарь немного поартачится и успокоится, это вопрос времени. Пора заняться ужином! – Он показал ей замерзшую ледышку: – Это мясная каша, пусть вас не смущает её непрезентабельный вид, она достаточно вкусная и сытная! Но нам нужна ёмкость, чтобы её растопить и прожарить!

– У меня есть кастрюля! – спохватилась Оделия. – Не беспокойтесь, Майк, я всё сделаю!

Девушка убежала на кухню и вернулась с кастрюлей и решеткой для барбекю в руках. Она накрыла решеткой бочку с костром, поставила

сверху кастрюлю и забрала у Майка увесистый осколок каши, покрывшийся испариной на теплом воздухе. Оделия принялась хлопотать с готовкой, с веселой иронией рассказывая о своём побеге от стаи голодных мутантов, и Майк решил заняться бумбоксом. Он разобрал аккумуляторный отсек аудиоцентра и извлек из арктического снаряжения элементы питания. Оставшихся трех процентов заряда должно хватить надолго, вряд ли бумбокс в режиме радиоприемника потребляет больше, чем система обогрева. А завтра у него уже будет полный заряд! План русского шпиона заморозить Майка на подступах к Бюро провалился!

Они переночуют в тепле и выйдут к Бюро втроем, так что «случайно» умереть Майк тоже не сможет. Убивать обоих головорез не осмелится, объяснить гибель сразу двух афроамериканцев «случайными причинами» человеку, увешанному свастиками, будет невозможно! Кстати! Может быть, стоит как-нибудь ненавязчиво намекнуть головорезу на это?.. Стоит обдумать!

Элементы питания арктического снаряжения оказались никак не совместимы с гнездами для аккумуляторов бумбокса, и Майку пришлось применить скотч и обрывки проводов, чтобы всё-таки подать напряжение на аудиоцентр. К

тому моменту, когда бумбокс наконец-то заработал, Оделия поставила перед ним тарелку с дымящейся кашей.

— Вы настоящая волшебница, Оделия! — Майк втянул носом исходящий от каши пар. — Пахнет просто божественно! — Он ткнул пальцем в сенсор, запуская радиоприемнику автопоиск активных частот, и с удовольствием взялся за настоящую ложку. Цивильную, из металлического сплава, а не деревянное размалеванное идиотскими цветочками-лепесточками примитивное убожество.

Оделия присоединилась к нему,

и некоторое время они ужинали, ведя приятный диалог. За всё это время варвар не произнес ни звука. Так и сидел у стены молча. Съел свою кашу, выпил дикарское варево, очистил куском хлеба котелок с кружкой и после этого съел этот самый кусок. Майк лишь тихонько покачал головой. Дикари, что с них взять...

— Полярник, Полярник, это Коэн, вы слышите меня, приём? — вот уже полчаса безрезультатно шипящий бумбокс ожил пойманной частотой. — Полярник, ответьте! Это Коэн, приём!

— Здесь Полярник, — ответная передача звучала значительно

слабее. — Мы слышим вас, господин замдиректора! Ваш вылет согласно плану? У нас заканчивается топливо!

— Торнадо вызвал поломку крыши вертолетного ангара! — заговорил Коэн. — Её заклинило, мы не можем вытащить вертолет! Мы уже приступили к ремонту и будем работать всю ночь, но вылет придется отложить до завтра! Я вылечу к вам сразу же, как только появится такая возможность! Держитесь, Полярник! Экспедиция к Реактору не должна сорваться! От этого зависят судьбы всех нас! От вас зависит само существование Новой Америки! Как вы пережили торнадо, прием?

— Мы укрылись в котловане, жертв удалось избежать! — отвечал Полярник. — Но топливо на исходе, наступает ночь, температура падает! К полуночи отопительное оборудование отключится! Мистер Коэн, нам нужно топливо! Иначе к Реактору будет лететь некому! Вы слышите меня, приём?

— Мы делаем всё, что в наших силах, Полярник, и даже больше! — заверил его Коэн полным тоскливой боли голосом. — Люди выбиваются из сил, работая на крыше под сильным ветром! У нас нет арктического снаряжения, двое уже обморозились, но мы продолжаем работы! Как только крыша будет починена, мы

откроем люк, и я немедленно вылечу к вам! Держитесь, Полярник! Держитесь!

— У нас нет выбора, — угрюмо ответили ему. — Мы ждем вас, Коэн, поторопитесь! Если сможете прилететь хотя бы на час раньше, то сделайте это! Спасете чью-то жизнь! Это Полярник, отбой!

Бумбокс затрещал помехами и умолк, переходя на тихое шипение. Майк, внимательно вслушивавшийся в переговоры, задумчиво нахмурился. Голос замдиректора он узнал сразу, это действительно был Коэн. Но с кем он разговаривал? Кто такой Полярник? У Полярного Бюро в эфире позывной «Бюро»... И голоса

такого Майк не помнил ни у кого из членов Профсоюза, да и вообще ни у кого из числа укрывшихся в Бюро полярников. И о каком котловане идет речь? В Полярном Бюро нет котлованов, все живут в помещениях первого этажа, давно уже ставшего минус третьим по отношению к уровню снега. По логике выходило, что Коэн разговаривал не с Бюро, а с кем-то другим. Но речь шла об экспедиции к Реактору, а выполнять её могут только члены Профсоюза, больше никому, других полярников в стране не осталось. Странно, что экспедиция до сих пор не состоялась, ведь в день вылета Майка в Сибирь на заводе шаттлов сказали, что

ракетоплан будет готов к полету через пять суток, а прошло дней двадцать! И разговаривать сейчас с Реактором Коэн тоже не мог, в Реакторе тем более нет котлованов, да и речь шла о вертолете, а не о шаттле. Скорее всего, экспедицию отложили по веским причинам, и состояться она должна со дня на день, возможно, даже завтра, очень вероятно, что Коэн говорил с Полярником именно об этом! Видимо, весь состав экспедиции уже сформирован и ждёт старта в каком-то удобном для шаттла месте, где есть котлован. Наверняка это поле, чтобы ракетоплан мог взять разбег, а котлован служит убежищем для

людей, пока заканчиваются последние приготовления.

— Оделия, вам раньше не доводилось слышать подобные переговоры? — Майк перевел взгляд на девушку. Она не выглядела удивленной или заинтересованной. — Вы же иногда включали бумбокс?

— Вы говорите об экспедиции к Реактору? — уточнила Оделия. — Такие переговоры приёмник ловит уже давно, иногда по несколько раз в день. Какие-то люди планируют лететь в Австралию, но до сих пор им это не удалось. По крайней мере, по радио я ни разу не слышала о каких-нибудь успехах. Одно время они вообще пропали на несколько

суток, но дней десять назад появились вновь.

– Это мои друзья и сослуживцы из Полярного Бюро! – гордо заявил Майк. – Завтра вы увидите их, Оделия! Мы вернулись как раз вовремя! Скоро в Новой Америке будет тепло, как прежде!

– Вы настоящий герой, Майк, – девушка застенчиво опустила глаза. – Я так благодарна вам!

Майк великодушно улыбнулся и скромно отшутился, мол, на его месте так поступил бы каждый. Всё-таки героем быть приятно! Даже если ты герой лишь для одного человека. Но это пока. Уже завтра положение Майка изменится! Он

действительно появился в Нью-Вашингтоне очень вовремя. Если экспедиция улетает к Реактору завтра или в ближайшие дни, они успеют взять на борт варвара. Главное — быстро связаться с замдиректора Коэном. Очень может быть, что он решит отправить челнок не в Австралию, а в Сибирь, чтобы взять с собой побольше дикарей. Вряд ли косматый жлоб справится в одиночку, но одно только его хождение в безрукавке посреди шестидесятиградусного мороза явится лучшим доказательством гениальности плана Майка, который он предложит Коэну!

— Мне пора спать, — неожиданно

заявил варвар, поднимаясь. Он подхватил свой мешок и направился к выходу. — Я буду в соседней темнице. Позови, как надумаешь путь продолжить.

Варвар вышел из комнаты, и Майк вздохнул, философски покачивая головой. Он извинился перед Оделией за грубость неотесанного болвана-мутанта и вновь поблагодарил за гостеприимство.

— Ну что вы! — смутилась девушка. — Это самое малое, что я могла для вас сделать! Но ваш дикарь такой странный! Он так странно разговаривает! На непонятном языке, смысл которого я понимаю как-то

отдельно от звучания слов!

— Это действие специального прибора-переводчика, — важно объяснил Майк. — Наша секретная американская разработка. Пока прибор включен, все, кто находится в радиусе его действия, понимают друг друга. Но об этом ни слова! Государственная тайна!

— Государственная? — Оделия скептически улыбнулась. — Только где оно, это государство... Превратилось в заснеженное кладбище, на котором доживают последние дни жалкие остатки людей, готовых на всё ради того, чтобы продлить свою несчастную жизнь хотя бы на день. Придет зима,

и нам не помогут ни костры, ни одежда, ни запасы дров. Ударит минус сто, и выживут лишь дикари вроде вашего приятеля. Невероятно! Он реально не мерзнет?! Неужели ему вообще не холодно?!

— Это мутанты, я же говорил, — мягко объяснил Майк. — Они не люди в полном смысле этого слова, вот почему они способны переносить предельно низкие температуры. Но вы зря паникуете, Оделия, именно эту их способность мы используем в своих интересах! Дикари обеспечат нам беспрепятственный доступ к Реактору, и мы запустим его! И всё станет как прежде! Верьте мне!

— Я вам верю, Майк! — девушка

собрала посуду, отложила её в сторону и придвинулась вплотную к нему. – Когда умираешь от голода, а за окном рыщут голодные монстры, поджидающие тебя, очень хочется верить в то, что счастье обязательно вернется и всё будет даже лучше, чем было. – Она посмотрела ему в глаза, её взгляд затуманился, и рука легла на его руку.

– Обязательно будет, вот увидите, – Майк стянул перчатку и погладил её ладонь. – Я обещаю.

– Пока вы рядом, Майк, мне хорошо и спокойно, – Оделия плавно потянулась к нему, и её взгляд скользнул по тихо шипящему бумбоксу. – Вы же остались без

элементов питания! – испуганно воскликнула она. – Как же вы пойдете завтра к Полярному Бюро?! Вы замерзнете! Это моя вина!

– Что вы, Оделия! – Майк поспешил успокоить потрясенную девушку. – Мне ничего не угрожает! Абсолютно! Во-первых, арктическое снаряжение уверенно защищает полярника от температур до минус шестидесяти по Цельсию без активации системы обогрева. Если у полярника высокая адаптация к холоду или на морозе предстоит находиться недолго, то некоторое время можно вытерпеть и минус шестьдесят пять! Правда, потом обогрев необходимо включить, иначе

обморожения не избежать, особенно при сильном ветре, но завтра днем будет не холоднее минус пятидесяти восьми в любом случае. Во-вторых, я соединил свои элементы питания с бумбоксом на время. В них ещё остался заряд, этого хватит на дорогу до Полярного Бюро, а там я их заряжу!

— Вы хотите сказать, что ваш аккумулятор можно вставить обратно в костюм? — просветлела Оделия. — Действительно?! Тогда верните их куда положено, пока они не разрядились из-за бумбокса! Я очень переживаю за вас, Майк, и не прощу себе, если с вами что-нибудь случится!

– Всё будет о'кей! – улыбнулся Майк и потянулся за шипящим помехами аудиоцентром. – Вот, смотрите! – Он отцепил аккумуляторную батарею от самодельного гнезда: – Я использовал куски провода и скотч, всё легко отцепляется! – Майк показал девушке лежащую на ладони батарею. – Вот элементы питания. – Он расстегнул снаряжение, распахнул отвороты и показал ей внутреннюю поверхность комбинезона. – Это место для батареи. Она вставляется сюда вот так! – Майк утопил аккумулятор в штатный карман. – Слышали щелчок? Элемент питания

установлен! Теперь смотрим на индикатор, вот здесь, где активируется обогрев. Видите? Заряд три процента, значит, бумбокс был для батареи почти незаметной нагрузкой! Ничего не изменилось. Трех процентов хватит на ночь непрерывной работы, а у вас очень тепло. Вам не о чем беспокоиться, Оделия, всё под контролем!

— Очень хорошо, — улыбнулась девушка. — А ведь вы правы, у меня стало очень тепло, даже жарко! — Она принялась снимать с себя пуховик. — Это благодаря вам, Майк! — Она отбросила пуховик в сторону. Следом полетел жакет и несколько кофт. — Рядом с вами мне действительно не о

чем беспокоиться... — она потянула вниз застежку молнии на куртке спортивного костюма, медленно наклоняясь к Майку, и коснулась губами его губ. — Я хочу быть у вас под контролем, Майк... — томно прошептала она, обнимая его за шею. — Это так... безопасно...

Майк обнял её, отвечая на поцелуй, и их губы слились в порыве страсти. Одежая, не переставая целовать Майка, принялась расстегивать на нем полурасстёгнутое арктическое снаряжение, томно постанывая. Снаряжение не поддавалось девушке, но Майк быстро справился с застежками и сам избавился от

комбинезона. Оделия отшвырнула снаряжение в угол и набросилась на Майка, словно львица. Она повалила его на спину, уселась сверху и вновь слилась с ним в поцелуе. Потом она прижалась к нему и возбуждающе поползла вверх, упираясь грудью в лицо. Майк потянулся губами к её соску, и в этот миг Оделия выпрямилась, и в её руке мелькнул молоток. Она с размаху нанесла ему удар, кожу на лбу обожгло болью, голова словно раскололась, и глаза захлестнуло мутной пеленой. Майк закричал, инстинктивно прикрываясь руками, и на него обрушился град ударов.

— Что вы делаете?! — орал он,

отчаянно извиваясь под разъяренной
девицей, пытаюсь помешать ей
наносить удары. — Оделия!!!
Остановитесь!!! За что?!!
Остановитесь! Остановитесь!

Но она продолжала бить, и
спустя несколько секунд его руки
едва шевелились, пылая болью.
Потерявший ориентацию Майк
собрал остатки быстро покидающих
его сил и рванулся всем телом,
сбрасывая с себя Оделию. Это ему
удалось, девица отлетела в сторону, и
он пополз прочь, стирая заливающую
глаза кровь. Голова кружилась, руки
слушались плохо, и Майк не сразу
понял, что пытается ползти вверх по
стене, упершись в угол. Позади

послышалась возня, и он дернулся, стремясь развернуться. Оделия вскочила на ноги, подобрала оброненный молоток и устремилась добивать жертву. Майк закрылся рукой и выставил ногу, пытаясь не подпустить её к себе, но удар молотка по голени заставил его взвыть от боли. Она ринулась к нему, заносся молоток для удара, и в эту секунду в коридоре грянул выстрел. Затем ещё один, тут же раздался громкий крик боли, резко обрывающийся на высокой ноте, и всё стихло. Оделия замерла в шаге от Майка, не сводя глаз с двери. В глубине коридора слышались медленные тяжёлые шаги,

приближающиеся к комнате, и она отпрыгнула от беспомощно стонущего Майка. Он попытался пошевелиться, но ноющее болью тело не слушалось его, глаза с трудом разбирали, что происходит. Оделия отбросила молоток, подбежала к своему матрасу и извлекла из-под него маленький револьвер. Она взяла на прицел дверной проем и замерла, готовая выстрелить немедленно, едва цель появится из-за дверного косяка. Тяжёлые шаги остановились у самого входа, дикарь бешено взревел и буквально влетел в дверь из темноты. Оделия выстрелила в летящее на неё тело дважды, и тело врезалось в девицу, сбивая с ног. В комнату

молниеносно скользнул варвар с мечом в руке, носком сапога выбил револьвер из рук барахтающейся под окровавленным телом Оделии и ударом ноги в голову отправил её в глубокий нокаут. Майк заморгал, стирая рукой кровь с ресниц, и понял, что лежащее на Оделии тело принадлежит не варвару. Головорез стоял над ней, а тело оказалось одето в цивильный пуховик, с наброшенным через голову пончо, грубо изготовленным из одеяла. Незвестный мужчина был мертв, на его одежде виднелась крупная сквозная колотая рана, ткань вокруг которой быстро пропитывалась кровью.

– Ты жив, как я погляжу, – варвар окинул Майка оценивающим взглядом и покосился на валяющееся в углу арктическое снаряжение. – Не порвалась одёжа-то электрическая?

– Н... – Майк поперхнулся, отплевываясь от попавшей на губы крови. – Нет... Она обманом вынудила меня снять снаряжение, а потом ударила по голове молотком сзади...

– Как же сзади, – головорез рывком оторвал от пончо убитого кусок одеяла и начал вытирать меч, – коли рана у тебя на лбу? – Он покачал головой. – Эвон как она мудрёно замахнулась, стало быть!

– Я... я не ожидал... – Майк

перевернулся на четвереньки, дождался, когда стихнет головокружение, и поднялся на ноги. Его тут же повело в сторону, и он едва успел опереться о стену.

– Говорил я тебе, сразу уходить надобно было, – укоризненно хмыкнул варвар. – А теперь придется здесь ночевать. До утра ты не ходок. Отвара я тебе целебного сделаю, да спать ложись.

– Кто... это... – Майк, держась за стену, доковылял до трупа мужчины в пончо. – За что она так... со мной?! Мы же спасли её от монстров... поделились едой... хотели спасти, с собой взять...

– Мужик это её, – громила убрал

меч в ножны и отшвырнул тряпку. — Людоеды они, съесть тебя хотели. И меня заодно. — Он кивнул на лежащие в углу обглоданные кости. — Не звериные то кости. И не звериных зубов на них следы.

— О, мой бог! — вырвалось у Майка. Внезапно он понял, почему Оделия устроила весь этот театр с охватившей её страстью. Она не хотела, чтобы его арктическое снаряжение пострадало! Убитый мужчина был с Майком одной комплекции, и она решила преподнести ему подарок! — Они людоеды! Почему вы не сказали мне сразу?!

— А ты бы поверил, человеке? —

усмехнулся головорез, не скрывая иронии. — Уж больно ты хотел остаться с бабёнкой этой. Прямо волком на меня смотрел, когда рядом с ней сидел.

— Я не знал... — промямлил Майк. — Откуда я мог знать?.. Я думал, ей нужна помощь...

— Плохо ты думал, человеке, — пожал плечами варвар. — Кабы головой соображал, тако и сам бы понял, что дело тут тёмное. Бабёнка сказала, что есть ей нечего, а сама толста уж больно. Али от голода опухла так сильно за три дня? Еды ей взять негде, а тушу зверя, что я стрелой убил, с собой взять и не подумала, а ведь тушка-то у самого

окна лежала, только руку протяни! И окно её снаружи не запереть, тюк-то, который она шкафом подпирает, больше входа, почитай, на аршин. Не могла же она берлогу свою открытой настежь оставить, когда выходила! Стало быть, ждал её кто-то. Не за снедью она ходила, а людей искать. Давно они так промышляли: бабенка эта высматривала путников одиноких, жалостливо на одиночество сетовала да в гости к себе приглашала. Тут они бедолагу убивали и съедали. И с нами так же обойтись хотели. Только нас двое, и я в другую темницу ушел, посему пришлось им разделиться. Опасались спугнуть одного из нас, потому

задумали убить одновременно. Повезло тебе, что уши лопухами развесил на слова её красивые, – не стала она в тебя стрелять, решила молотком погубить. Патроны-то нынче и у вас в большой цене.

– Это подло! – повинуюсь вспышке злобы, Майк пнул тело Оделии ногой. – Вонючая тварь! А я ещё хотел отвести её в Полярное Бюро! Стерва! – он пнул её ещё раз. – Потаскуха!

Внезапно девица подскочила и отпрыгнула от Майка в угол, яростно рыча, словно хищная тварь.

– Она жива! – Майк панически отшатнулся назад, и Оделия бросилась к двери. – Остановите её!

Остановите её! Немедленно!

— А ну! — зычно пробасил варвар, провожая взглядом пробегающую девицу, и рывкнул: — Стой!!!

Та замерла в дверях как вкопанная, в ожидании удара вжав голову в плечи и закрыв глаза.

— Остановите её! — орал Майк, лихорадочно мечась взглядом между Святогором и Оделией.

— Она уже стоит, человеке! — вздохнул варвар. — Али тебе молотком очи повредило?

— Она людоед! Её необходимо остановить! — бушевал Майк. — Остановить навсегда!

— Что ж я теперь, всю жизнь возле неё стоять должен и следить,

чтоб с места не сходила? – удивился косматый головорез. – Человече, тебе, вижу я, крепко по голове досталось!

– Остановить – это значит убить! – не выдержал Майк. – Вы понимаете?! Я цивилизованный человек, а цивилизованные люди дипломатичны и не используют непозитивную экспрессивную лексику! Это элементарная культура речи!

– Остановить – это значит заставить перестать двигаться, – варвар брезгливо посмотрел на Майка. – А убить – это означает лишить жизни. Понятия подменяет тот, кто подл, двуличен и труслив и

от ответственности за деяния свои уйти желает. Хочешь казаться чище, чем ты есть, цивилизованный человек? – Головорез поморщился. – Остановить я её остановил, вот она, столбом стоит, не шелохнется. А коли убить её желаешь, так сам и убивай. Как-нибудь цивилизно и культурно, без непозитивной лексики. – Варвар сложил на груди мощные руки. – А я погляжу на тебя, поучусь.

– Что?! – Майк опешил. – Почему я?!

– А почему я? – невозмутимо парировал головорез.

– Она же хотела вас убить! – воскликнул Майк. – Убить и съесть!

— А почём я знаю? — нарочито задумчиво нахмурился варвар. — На меня она не нападала, а своего обидчика я сразил. Это тебя она хотела убить, вот ты и воздай ей по заслугам. А я тут ни при чём.

Майк ошарашенно смотрел то на косматого головореза, то на сжавшуюся от ужаса Оделию. Её необходимо остановить, она чуть не убила его! Но почему делать это должен он, он же не грязный палач, он будущий герой Новой Америки! Избранные не должны выполнять грязную работу, для этого существуют другие! Однако русский шпион явно не собирался ничего делать вообще, только стоял и с

нескрываемым интересом таращился на представшую перед ним картину. Эту подлую стерву нельзя просто так взять и отпустить! Если Майк её остановит, это будет проявлением героизма! Он спасет чью-то жизнь, возможно, не одну! Да, именно так! Воодушевленный этой мыслью, Майк наклонился и подобрал револьвер Оделии. От наклона голову прошибло тупой болью, и он чуть не упал, опираясь о пол. Подлая стерва! Вспышка боли вызвала в нем приступ злобы, он выпрямился и решительно направил на неё оружие.

— Нет... — зашептала Оделия, обливаясь слезами. — Майк... умоляю тебя... не убивай меня... — девушка

смотрела на него исполненными тоски глазами. — Я не хотела... Это всё он! Он заставлял меня! Угрожал убить меня и съесть вместо тебя, если я не убью тебя! Пожалуйста... Не убивай... Умоляю... Майк...

Оделия была воплощение несчастья, горя и безграничной тоски. Слезы катились по кроткому лицу девушки, смотрящей на Майка исполненным печали обреченным взглядом, и рука его дрогнула. Он начал опускать револьвер, но тут голову вновь обожгло болью, утихающая злоба вспыхнула с новой силой, и Майк вскинул оружие. Оделия жалобно запричитала, и он опять заколебался. Она хотела его

убить! За это её надо остановить! Но выстрелить, глядя в печальные глаза симпатичной девушки, никак не получалось, и Майк не понимал, что делать.

— Понятно! — подвел итог варвар. — Вы тут забавляйтесь, а я спать пойду. В соседнюю темницу. — Он направился к выходу и негромко прикрикнул на замершую в проходе Оделию: — А ну-ка посторонись, страхолудина чернющая! — И вышел вон, протиснувшись мимо неё.

На секунду Майку захотелось всадить пулю в его мутантскую спину, но он не рискнул сделать это, помня о фантастической реакции головореза. Если вдруг варвар

умудрится отпрыгнуть, или Майк не сможет убить его с первого выстрела... А ведь они живучие, эти человеко-мутанты, он видел их в резне там, в Сибирском разломе. Нет уж, так рисковать Майк не будет, разумнее и безопаснее потерпеть его издевки, осталось недолго. Скоро они все приползут к Майку на коленях и будут молить, как умоляет сейчас это ничтожество!

— Ты хотела меня убить, стерва! — зашипел Майк, тыча в девуцу стволом. — Ты заплатишь за это!

— Нет, Майк, нет! — взмолилась Оделия, рыдая. — Я не виновата! Это всё он! Я влюблена в тебя с первого

взгляда! Ты настоящий герой, ты спас меня от монстров! И от него! Майк! Я люблю тебя!

— Ты лжёшь! — воскликнул Майк, но опять не смог выстрелить. Оделия выглядела так жалобно, что он на мгновение усомнился в её коварстве. Может, она действительно говорит правду?

Револьвер в его руке вновь дрогнул, качнувшись вниз, и Оделия воспользовалась этой секундой. Она неожиданно метнулась вон из комнаты и скрылась в темном коридоре. Майк бросился за ней, но не рискнул продолжать преследование в крошечной тьме. Он вскинул револьвер и выстрелил в

темноту, затем выстрелил вновь, но вместо выстрела револьвер издал сухой щелчок. Майк несколько раз нажал на спусковой крючок, но патронов больше не было, и он со злости запустил револьвером в темноту. Из глубины квартиры донесся звук захлопывающейся двери, и он сделал вывод, что Оделия спряталась в ванной. Или на кухне, других комнат в квартире нет. Внезапно Майк понял, что не осматривал квартиру и знает о её планировке исключительно со слов Оделии. Здесь может быть сколько угодно комнат! И там может прятаться не только эта подлая тварь! Вдруг в квартире есть ещё оружие?

Или, хуже того, ещё людоеды?! А он остался один, без защиты, в комнате без дверей! Майк метнулся в комнату, похватал арктическое снаряжение и прочие пожитки и побежал в помещение, где скрылся варвар. Оно оказалось с дверью, и дверь была заперта.

— Мистер Свитогоа! — Майк тарабанил в запертую дверь. — Пустите меня! Это я, Майк!

— Пошто тебе не спится, человеке? — философски прозвучало из глубины комнаты.

— Я не могу оставаться здесь один! — Майк испуганно вглядывался в темноту коридора, ожидая появления Оделии с дробовиком в

руках. Надо было убить её сразу! Там нет дверей!

— Да от кого ж тебе хорониться-то? — не открывал голову. — Все ж уже остановленные! Али кто ещё двигается?

— Это не смешно, мистер Свитогоа! — Майк дрожал от страха. — Она скрылась где-то в квартире! Там у неё может быть спрятано оружие! У меня закончились патроны!

— У-у-у... — сочувственно протянул варвар. — Да ты, никак, промахнулся! Бывает! Это дело такое... Так у тебя ж топоришко имеется. И молоток негритянки той, что тебе так приглянулась.

— Впустите меня, мистер

Свитогоа! – голос Майка сорвался на фальцет. – Я был неправ! Мне очень жаль! Я не могу спать в комнате без дверей! Она может убить меня во сне!

– Заходи, человек, – за дверью что-то загремело, будто от неё отодвигали массивный стол. – А то ещё, упаси Пращуры, некому станет Америку спасать... Вещички-то свои захватил?

– Да, конечно, я всё взял! – Майк пулей влетел в открывшуюся дверь и с облегчением увидел, как варвар подпирает её полуразбитым шкафом. – Спасибо, мистер Свитогоа! Вот, возьмите одеяло!

Он торопливо распахнул свой

походный тюк и вытряхнул из него одеяла. Через пару минут варвар уже спал, растянувшись на шкурах у противоположной стены, и Майк затаил дыхание, прислушиваясь к звукам снаружи. Оказалось, что он слышит потрескивание дров в отапливающей комнату бочке, в остальной части квартиры, кажется, стоит тишина. Он попытался заснуть, но каждый раз, стоило закрыть глаза, ему чудился шорох шагов крадущейся по коридору Оделии. Промучившись часа два, он всё-таки заснул, но до самого утра ему снилось её искорёженное животной яростью лицо и обрушивающийся на голову молоток. Майк полз от неё прочь,

почему-то на спине, и едва ему удавалось удалиться на безопасное расстояние, как она догоняла его длинным звериным прыжком, усаживалась сверху и била молотком со словами «Я люблю тебя, Майк, ты мой герой!» Майк пытался закрыться руками и стряхнуть её с себя, но Оделия вцепилась в него пышными бедрами намертво и осыпала ударами, постоянно отклоняясь то влево, то вправо, чтобы пропустить проходящего мимо варвара. Косматый головорез сновал туда-сюда со словами «Посторонись, страхолюдина чернющая!» и наблюдал за происходящим с научным интересом.

Глава десятая

Наутро Майк проснулся совершенно разбитым. Косматый головорез был уже на ногах и возился с завтраком. После кружки варварского отвара Майку стало легче, и он смог нормально одеться. Когда русский шпион отодвинул от двери шкаф и беспечно вышел вон, ночные страхи всплыли в памяти, и Майк не сразу решился покинуть помещение. Но прошла минута, ни выстрелов, ни звуков резни не слышалось, и он заторопился следом, опасаясь отстать от русского шпиона слишком сильно. Он не стал

заглядывать в комнату Оделии и догнал варвара у самого выхода на улицу. Тот стоял возле забаррикадированного окна и отпирал ведущий наружу лаз. В открывшуюся щель ударил солнечный свет, и Майк зажмурился от боли в привыкших к полумраку глазах. Пока он моргал, вытирая слёзы, головорез извлек из ножен меч и быстро протиснулся на улицу.

— Вылезай, человек! — донеслось снаружи, и Майк торопливо выскочил из жуткой квартиры.

— Идти придется быстро, — варвар стоял у крупного обломка и надевал лыжи. После прошедших

торнадо ещё вчера ровное снежное пространство походило на какое-то мистическое поле боя. Всё вокруг усеяно глубокими воронками и торчащими из-под снега обломками зданий. Разбитый дом напротив раскололся наполовину и рухнул, став ещё более раздолбанным, чем был накануне. — Не отставай, человек, ежели животное тебя под снег утащит, не сыщу! Рядом держись!

Майк вздрогнул, отрываясь от осмотра произошедших разрушений, и засуетился, завязывая на ногах ремни снегоступов. Ему снова казалось, что за спиной, в квартире Оделии, кто-то крадется по коридору.

Он смог успокоиться лишь тогда, когда они покинули этот квартал и зловещий дом пропал из вида. Варвар шел быстро, окидывая заснеженные руины мертвого города пристальным взглядом. В одной руке он сжимал лук, в другой стрелу, и это ещё больше нагнетало панику в сознании Майка. Ему постоянно вспоминалась стая монстров, настигшая Оделию у самого окна, и вечерние слова головореза о том, что после торнадо кровожадные твари залягут в спячку на ночь и выйдут на охоту утром. Не желая рисковать ещё сильнее, Майк сам попросил варвара не устраивать привал на обед и выразил готовность идти до

Полярного Бюро без остановки. Правда, гнаться за двухметровым жлобом, идущим на лыжах, было слишком утомительно, и несколько раз делать передышки всё же приходилось, но Майк скрупулезно следил, чтобы они не затягивались дольше пятнадцати минут. Закончилось тем, что к моменту, когда из-за городских развалин показались руины комплекса Полярного Бюро, он окончательно выдохся и еле переставлял ноги.

— Мистер Свитогоа... — Майк остановился возле россыпи заснеженных обломков. — Давайте немного отдохнем... — он перевел дух, чувствуя, как заходятся лёгкие. —

Самая опасная часть пути уже позади! Я боялся, что мы столкнемся с бандитами, раньше по этому району проходила граница территории Гангстеров, очень крупной банды. У них имелось достаточно оружия. Теперь их нет, наверное, их уродливые души забрал к себе Холод!

— Отдохнём, — согласился головорез, забираясь внутрь нагромождения руин. — Садись сюда, так снаружи незаметней. — Он всмотрелся в развалины, предшествующие кварталу Полярного Бюро. — Не нравится мне это место. Чую, люди недобрые в камнях засели...

– Исключено, – Майк осторожно выглянул из укрытия и проследил взгляд варвара. – Это наш район, он патрулируется пулеметными вездеходами, Гангстеры туда не суются! Если нам повезет и патруль выйдет на маршрут, нас подберут раньше и довезут до Бюро!

– Как знать... – задумчиво протянул русский шпион. – Давай-ка отдыхай, человеке, да пойдем дальше. До друзей твоих не меньше двух верст осталось, небо мрачнеет, скоро пурга начнется, поторопиться бы нам.

Вставать с обломка кирпичной стены очень не хотелось, всё тело гудело от усталости и отказывалось

шевелиться. Майк сделал над собой героическое усилие и не стал отдыхать дольше обычных пятнадцати минут. Остался последний рывок, успокаивал он себя, может, удастся встретить патруль! Если русский шпион планировал заморозить Майка, то его план провалился. И чем быстрее Майк окажется на расстоянии прямой видимости от часовых Бюро, тем больше шансов, что и убить его головорез не сможет. Выступившая от долгой напряженной ходьбы испарина начала остывать, и Майку стало зябко. Он включил подогрев. Теперь энергию можно не экономить, фактически он уже дома.

Подумать только, он вернулся в Нью-Вашингтон из Сибири! Прошел столько смертельных опасностей и остался жив! От настоящих людей и цивилизованной пищи его отделяют лишь полторы мили, надо собраться и сделать это!

— Я готов! — Майк решительно поднялся на ноги. — Идем! — Он устремился к заветной цели.

— Держись-ка за мной, человеке, покуда не добрались! — русский в два шага догнал его, обошел и зашагал впереди. — Как дойдем, так и будешь радоваться, а пока не время.

Майк решил, что так дело не пойдет, и увеличил скорость, насколько смог. К Полярному Бюро

ему необходимо выйти первым! Часовые должны увидеть, кто кого ведёт, чтобы потом не возникло неправильных домыслов и ненужных вопросов. Несколько минут он держал высокий темп, двигаясь почти бегом, но быстро выдохся и перешел на шаг. Стало ясно, что головорез заранее продумал и это, вот почему Майку выдали снегоступы вместо лыж...

Рука варвара схватила его плечо и отшвырнула в сторону. Из ближайших руин громыхнул выстрел, и мимо Майка просвистела пуля. В ту же секунду головорез спустил тетиву, посылая стрелу в ответ. Кто-то закричал от боли, вопли

переросли в ругательства и истеричные требования помощи. Голос раненого начал удаляться, похоже, его уносили вглубь развалин, и варвар выпустил ещё одну стрелу. Майк вскочил на ноги и увидел падающее с верхних этажей тело в двойном пуховике, со стрелой в груди. Сверху грянули выстрелы, головорез мгновенно перекатился в сторону, и Майк снова упал, спасаясь от свистящих вокруг пуль. Варвар оказался на ногах, даже не коснувшись руками снега, и одну за другой выпустил вверх несколько стрел. Одному из засевших наверху стрелков пронзило голову, второму пробило руку, остальные торопливо

скрылись. Не теряя времени, косматый громила помчался к руинам, меняя лук на меч, и притаился за одним из крупных обломков. Из развалин выскочили несколько человек с холодным оружием и бросились к лежащему на открытом месте Майку, не замечая засады. Головорез разрубил двоих из них прежде, чем их сообщники поняли, что происходит. Кто-то ринулся на варвара врукопашную, но двухметровый жлоб без труда парировал удар и проткнул нападавшего мечом насквозь. Остальные остановились и начали медленно расходиться в стороны, охватывая русского полукольцом.

– Что это ещё за ублюдок, мать его?! – воскликнул один из них, с ног до головы перемотанный обрывками одеял, стянутых автомобильными ремнями. – Эй ты, придурок, ты в курсе, что на улице минус пятьдесят шесть? Руки не мерзнут, нет? Если мерзнут, то не волнуйся, сейчасотрежем!

Он подал знак своим людям и бросился на варвара. Остальные атаковали спустя миг, но в двух шагах нападающий остановился, заканчивая отвлекающий маневр, и двое его сообщников вышли головорезу в спину. Майк понял, что если русский шпион не обернется сейчас же, то получит мачете в

спину, а если обернется, то главарь шайки нанесет роковой удар. Но варвар не стал оборачиваться. Вместо этого он рванул к главарю, поигрывающему здоровенным мачете, больше напоминающим меч. Бандит не позволил застать себя врасплох и встретил головуреза мощным диагональным ударом. Их клинки с металлическим звоном столкнулись, варвар отразил удар и молниеносно нанёс ответную серию. Главарь бандитов слишком поздно понял, что уступает странному незнакомцу в искусстве фехтования. Первые два удара ему удалось отразить, затем клинок варвара сверкнул перед его глазами, и бандит

истошно заорал, глядя, как собственная рука с оружием, отсеченная от тела, падает на снег. В следующий миг варвар стремительно развернулся и длинным выпадом вонзил меч в грудь одного из атакующих сзади. Бандит рухнул, его спутник торопливо отпрянул назад, но не успел выйти из-под удара и с воплем покатился по снегу, сжимая руками рассеченное бедро. Русский шпион, не прекращая движения, вернулся в прежнюю стойку и отсёк орущему главарю голову, останавливаясь. Он коротко и резко взмахнул мечом, стряхивая с клинка кровь, и ловко выхватил из-за сапожного голенища кинжал.

Уцелевшие бандиты попятились, отступая на безопасное расстояние, и один из них торопливо полез рукой под одежды, вынимая пистолет. Головорез стремительно замахнулся, виртуозно перехватывая в движении кинжал за лезвие, и мощным броском метнул оружие в цель. Кинжал вонзился бандиту в горло, и тот осел, выпуская запутавшийся в складках одежды пистолет. Сразу два ближайших сообщника ринулись к трупу за оружием, и один из них вцепился в пистолетную рукоять. Он рванул её на себя, но грянувший на морозном воздухе выстрел отшвырнул его в сторону с пробитой грудью. Вторая пуля разбила голову

следующему бандиту, остальные бросились в руины. Русский шпион вытянул им вслед левую руку, в которой Майк с удивлением увидел автоматический «Глок», и неторопливо застрелил ещё двоих, после чего боек пистолета щелкнул, сообщая об отказе автоматики на морозе, превышающем самые смелые ожидания конструкторов. Убедившись, что больше никто не собирается атаковать или вести огонь из засады, варвар перевел взгляд на Майка.

— Не зацепило тебя? — Он подкатился к трупам бандитов и извлек из одного из них свой кинжал.

— Н... нет! — запнулся Майк,

трясаясь от нервного напряжения. — Откуда они взялись?! — Он встал и подошел к трупам. — Это не полярники, это Гангстеры! Раньше они не решались заходить так далеко!

— Видать, у друзей твоих дела идут худо, — пожал плечами варвар, вытирая клинки об одежду убитых. — Раз вороги так осмелели. Пошли-ка, поторопимся! — Он поднялся, осматриваясь по сторонам, и засунул пистолет в походную сумку. — Пурга приближается!

— Вы не говорили, что у вас есть пистолет, — Майк на всякий случай подобрал мачете мертвого главаря. Это оружие внушало ему больше доверия, чем лёгкий ледоруб.

— Потому как не было его у меня, — головорез убрал кинжал в засапожные ножны. — Подарок это. Муженек твоей негритянской подружки вчера заглянул на огонёк да подарил. Сувенир из Америки.

Он вновь взял в руки лук и стрелу, бросил взгляд на развалины, в которых скрылись уцелевшие бандиты, и кивком велел Майку следовать за собой. Они заспешили вперед, быстро удаляясь от места боя, но Майк ещё долго оглядывался на заснеженные руины. Вряд ли бандиты, не имеющие арктического снаряжения, смогут остаться на холоде так долго. Они давно уже скрылись внутри, там, где разведен

костер и можно обогреться, стрелять в спину Майка некому. Но логика логикой, а жить хочется, и он продолжал оглядываться до тех пор, пока не началась метель и разрушенное здание пропало из зоны прямой видимости.

К комплексу Полярного Бюро они вышли минут через сорок. За время отсутствия Майка здания претерпели серьёзные повреждения, регулярные торнадо медленно, но неумолимо разрушали город, и высотки комплекса лишились нескольких этажей. Рухнувшие обломки частично засыпали главный вход, раздробили выстроенные из льда огневые точки и погребли под

собой вертолетную площадку. Странно, что никто не попытался очистить хотя бы её, но ещё более странным было то, что Майк не видел никаких новых постов охраны. Территория Бюро, ранее более-менее облагороженная и превращенная в надежный оборонительный периметр, сейчас предстала перед его глазами в безмолвном запустении. От неожиданности Майк остановился, растерянно осматривая засыпанный заснеженными обломками вход. Кажется, в одном месте всё ещё можно пройти, там виднеется нечто вроде узкой тропинки. Но почему никого нет?! Где охрана?! А если нападут

Гангстеры?!

— Что-то не так, человече? — варвар остановился рядом с ним и неторопливо наложил стрелу на тетиву. — Вроде сюда ты хотел вернуться, только не встречают тебя, как я погляжу.

— Здесь никого нет... — недоуменно произнес Майк. — Пусто... Оборонительные сооружения разрушены, нет ни охраны, ни патрульного вездехода, он вон там, слева во дворе стоял обычно! И людей нет! Я даже дыма от печей не вижу, а ведь в Бюро укрывалось две тысячи человек!

— Ну, люди-то там есть, — негромко ответил головорез. —

Видишь, тропинка из глубины развалин выходит? Идет она к рухнувшей части дома, что правее. Внутри неё человек сидит, за нами следит.

– Эй! – Майк замахал рукой. – Эй, мистер! Там, в развалинах! Вы меня слышите?

– Убирайтесь отсюда! – донесся из руин хриплый голос. – Проваливайте, или стреляю!

– Не стреляйте, сэр! – Майк снял очки и маску. – Я Майк Батлер! Я вернулся! Мне необходимо срочно связаться по рации с замдиректора Коэном! Я привел помощь! Срочно соберите Профсоюз!

– Майк Батлер? – засевший в

развалинах был явно удивлён. — Мы думали, ты погиб! Коэн сказал, что челнок не долетел до Сибири и потерпел крушение, а вы с Джеймсом погибли!

— Я выжил, сэр! — заверил его Майк. — Челнок действительно разбился, Джеймс погиб, рация сломалась, и я не мог ни с кем связаться! Но я добрался до русских, и они прислали к нам своего представителя! Мы пересекли половину мирового ледника, восемь тысяч километров! Мне нужно срочно связаться с замдиректора Коэном, это очень серьёзно, у нас есть шанс запустить Реактор!

— С возвращением, сынок! — Из-

за усыпанной снегом горы обломков появился человек в арктическом снаряжении с арктической винтовкой в руке. Судя по его нетвердой походке и лыжной палке во второй руке, одну из ног стрелку заменял протез. — Жаль, но мне нечем тебя порадовать. Ты вернулся в очень тяжелое время. Заходите внутрь, пурга усиливается!

Закручивающий снежные вихри ледяной ветер обжигал лицо, и Майк торопливо устремился к заваленному обломками входу. Варвар неспешно пошел следом, убирая лук и стрелу за спину.

— О, мой бог! — опешил охранник, когда они подошли

ближе. – Да он же без рукавов!!! Скорее, Батлер, внутрь! Почему ты молчал?! Сколько он пробыл на открытом воздухе? Может, руки ещё можно спасти! Бегом вниз, сразу на первый этаж, плюсовая температура только там!

– Всё в порядке, не волнуйтесь, сэр! – успокоил охранника Майк, узнавая в нем старого полярника, знакомого с Джеймсом ещё со времен совместных вахт. – Этому джентльмену не холодно! Он из Сибири, это про него я вам говорил, он посланник русских ди... эээ... дипломатов.

– Невероятно... – старик смотрел на голые ручки варвара

расширившимися от изумления глазами. — Этого не может быть... — Он поднес к глазам термометр, чтобы разглядеть его в завьюженном вечернем свете, увидел отметку в минус пятьдесят восемь по Цельсию и вновь посмотрел на косматого головореза: — Глазам своим не верю... Мистер... эээ... сэр! Вам действительно не холодно? Совсем?! Батлер, сынок, он меня понимает?

— Мне не холодно, старче, — мягко успокоил его варвар. — Лето на дворе, как можно замерзнуть?

— Что он сказал? — старик обернулся к Майку и замер, сообразив, что понял смысл сказанного. — Что?! О, мой бог! Лето

на дворе?!! – охранник задохнулся от удивления. – Значит, старина Джеймс был прав! Они действительно научились показывать Холоду кукиш! Ха-ха! А ведь точно, Батлер! Сейчас лето! На дворе лето! Ха-ха! Такое вот чертово, мать его, лето! – Старик захохотал и тут же подавился кашлем. – Идите внутрь, джентльмены. Батлер, найди там Дуэйна Дорна, он сейчас за главного. Дуэйн всё объяснит. Да скажи ему, чтобы не забыл прислать мне замену! Моей батарее хватит ещё на три часа, а после наше лето меня окончательно доконает! Ха-ха! Кхрр... Кхх...

Майк, опасливо косясь на заходящегося в кашле смеющегося

старика с винтовкой, поспешил поскорее попасть внутрь здания. Внутри Полярное Бюро представляло собой жуткое зрелище. Заледенелые ступени и коридоры с узкими, наскоро выдолбленными в толстом слое льда тропинками, холод, безлюдность и полумрак. Из приспособленных под костры бочек горела едва каждая десятая, и в тех огонь теплился слабо, больше для поддержания минимального освещения, нежели тепла. Двери, ведущие в жилые помещения, были неплотно затворены, в оставшиеся щели виднелись языки горящих костров, но не было слышно ни детского смеха, ни разговоров, зато

отовсюду доносился надрывный кашель и горячее сипение больных людей. Майк прошел через весь первый этаж до центральной серверной, заменяющей Профсоюзу офис, и не встретил никого. Ни один человек не вышел из своей комнаты на звук шагов, никому не было дела до того, что происходит за собственными дверьми.

– Батлер! Не думал, что увижу тебя снова! – Дорн поднялся из-за стола, стоящего рядом с вяло пылающей бочкой, и остановился, увидев входящего вслед за Майком варвара. – Гореть мне в аду... он и вправду без рукавов... – Бывший полярник воткнул портативную

радиостанцию в зарядное устройство и протезом второй руки ловко отодвинул его в сторону. Майк заметил, что зарядное устройство было обесточено, похоже, Дорн использовал его в качестве подставки под рацию. — А я-то подумал, что старик совсем свихнулся... орал в эфире про лето на дворе и хохотал...

— Что здесь произошло, мистер Дорн? — Майк приладил к поясу недавно снятые снегоступы. — Почему Бюро в таком запустении? Почему не восстанавливают укрепления и не расчищают вертолётную площадку?! На какой день назначен старт экспедиции к Реактору? Включите наш

радиопередатчик и свяжитесь с замдиректора Коэном, мне необходимо срочно с ним поговорить! Я привел представителя русских, они могут оказать нам помощь! Надо срочно...

— Расслабься, Батлер! — махнул протезом Дорн, обрывая его на полуслове. — Сядь, погрейся, побереги заряд аккумулятора! Не с кем нам связываться, — он тяжело вздохнул, — и не по чему.

— Как?! Почему?! — опешил Майк. — О чем вы говорите, мистер Дорн?! Я не понимаю!

Только сейчас он заметил, что Дорн сильно похудел, его лицо осунулось, щеки ввалились, кожа под

глазами почернела. Полярника покачивало от слабости, и он опустил обратно в кресло.

— Сейчас поймешь, — угрюмо буркнул тот, указывая протезом на пластиковые стулья, стоящие рядом с костром. — Присаживайтесь, джентльмены, торопиться больше некуда. Я введу вас в курс дела... Батлер, наш гость вроде как понимает по-английски?

— Ты говори, человеке, — варвар аккуратно стряхнул с лыж капельки талого снега, скинул заплечный мешок и бережно уложил всё это в углу. — Я пойму, о чем ты мыслишь.

— Невероятно... — глаза Дорна расширились от удивления. — Как

такое возможно?! Он же говорит на своём языке! – Дорн перевел на Майка изумленный взгляд. – Я не понимаю слов, но всё равно понимаю его! Это что, телепатия?!

– Долго объяснять, мистер Дорн! – Майк недовольно скривился. – Объясните, что произошло?!

– Произошло то, чего мы боялись, – удивление Дорна сменилось мрачной и угрюмой ухмылкой. – Вы с Джеймсом улетели в Сибирь, и на следующий день с завода шаттлов сообщили, что челнок разбился при прохождении штормового фронта. Вроде как телеметрия в последнюю секунду

сообщила о начавшемся падении, потом связь с челноком пропала. Они подсчитали, что падать вам пришлось с высоты трех миль, и выразили нам свои соболезнования. Когда твоя мать узнала об этом, её хватил удар. Врачи пытались её спасти, но... Мне очень жаль, Батлер. Им не удалось сделать это. Док говорил что-то о слабом сердце и слишком большой массе тела, я не знаю подробностей, да и спросить уже не у кого. Док умер неделю назад, может, его помощник знает, расспроси его.

Несколько секунд все молчали, и Майк осмысливал услышанное. Хилари умерла... Как жаль, что она

не дожила до его триумфального
возвращения...   впрочем,
триумфальным   возвращение
называть пока рано, тем более что он
до сих пор не понимает, что за
дьявольщина здесь происходит!

– Что было потом? – хмуро спросил Майк, машинально отключая систему обогрева.

– Ещё через пять суток завод доложил, что шаттл готов к полету, – голос Дорна стал ещё мрачнее. – Прилетел Коэн и забрал экспедицию. За полчаса до его приземления какой-то ублюдок проник на узел связи, зарубил радиста и раздолбал топором радиопередатчик. Так постарался, что восстановить его

невозможно, теперь это металлолом. Подонка так и не нашли, нам не удалось выяснить, кто это сделал. В общем, Коэн обещал, что по возвращении с Реактора привезет нам новый передатчик, а если он не вернется, то это сделает тот, кто будет вместо него снабжать нас припасами. Экспедиция погрузилась на его вертолет и улетела. Вот и всё. — Он поник и тяжело вздохнул. — С тех пор к нам никто не прилетает. Прошло две недели, ни Коэна, ни наших. А ведь с ним улетели все полярники, кто только мог, двадцать два человека! Не взяли только четверых стариков и меня, да и то лишь потому, что с нашими

протезами в Реакторе проблем больше, чем помощи. Улетели даже те, у кого протезы были не больше ступни или кисти. Через неделю, в обычное время, вертолет от Козна не пришел. Через две — тоже. У нас закончилось топливо, затем продукты, начался голод и болезни. От переохлаждения люди стали заболеть, ослабленный голодом организм не может сопротивляться болезни... В общем, умерло уже больше четырехсот человек. Ежедневно умирает по десять — двенадцать. Из каждых десяти жителей шестеро больны, остальные едва держатся на ногах от истощения.

Дорн тоскливо закрыл глаза и пару секунд молчал. Потом посмотрел на индикатор батареи своего снаряжения и продолжил:

— Все, кто имеет арктическое снаряжение, объединены в поисковый отряд. Когда на улице наступает штиль, мы выходим на поиски любого топлива и пищи. Иногда удается подстрелить несколько хищных тварей, но для того, чтобы выманить их из-под снега, приходится бросать им на растерзание труп. Но теперь твари стали умнее и пытаются утащить труп под снег, не показываясь на поверхности. Пока мы ещё держимся, но один раз уже был

замечен случай каннибализма, семья пыталась съесть труп одного из своих. Возник скандал, и они ушли на второй этаж. С тех пор их никто не видел, но на всякий случай я приказал не ходить на второй этаж меньше чем втроем, и только с оружием. Туда выведены дымоходы из многих помещений, и их необходимо осматривать, чтобы не заледеневали...

— Почему вы не отправили вездеход на комбинат замдиректора Коэна?! — не выдержал Майк. — Там же постоянно проживают два члена Профсоюза! Они должны заставить его соблюдать договор!

— Все наши улетели к Реактору, —

с грустью возразил Дорн. – И те двое тоже. Людей не хватало. Батлер, ты же знаешь, что такое Реактор и сколько нужно народа для минимального обслуживания одной только Барбекю, не говоря уже о ремонтных работах на ХААРПе! Но тех двоих мы заменили на обычных гражданских в день вылета экспедиции. Я не знаю, почему они не добились от комбината продолжения поставок топлива и продуктов. У нас нет передатчика, спросить не у кого. Может, просто не смогли, их ведь всего двое, а на комбинате несколько десятков жителей. А может, Коэн вместе с нашими и вертолетом не вернулся из

Австралии, а второй вертолет вышел из строя...

— Коэн жив! — перебил его Майк. — Я слышал его в эфире! Вчера! Он здесь и готовит экспедицию к вылету в Реактор! Они ещё не отправлялись! Нужно немедленно с ним связаться!

— Ты уверен? — глаза полярника сузились. — Эта сволочь жива?! Он просто бросил нас умирать?! Это точно, Батлер?! Где ты его слышал? Что он сказал? Где сейчас наши?

— Я не знаю! — воскликнул Майк. — Я поймал его переговоры с экспедицией случайно, мне попался в дороге бумбокс с мощным радиоприемником! По нему

невозможно разговаривать, но я хорошо слышал голос замдиректора, это именно Коэн, без сомнений! Я уверен, что он просто не знает о том, что нам прекратили поставки! Он вёл переговоры с кем-то, имеющим позывной «Полярник»! Речь шла о скором вылете экспедиции к Реактору, они укрылись в каком-то котловане и ждут старта! Коэн должен был сегодня утром отправить к ним вертолет с топливом, на комбинате из-за торнадо вышел из строя люк на крыше ангара, они чинили его всю ночь! Экспедиция ещё не вылетела, все поглощены подготовкой, я уверен, что Коэн поручил наши поставки кому-нибудь

из помощников, а тот отнесся халатно! Может быть, он вообще погиб, у них на комбинате высокая смертность! Погиб и не успел никого предупредить о нас! Нужно послать на комбинат вездеход!

— Мы посылали четыре раза! — окрысился Дорн. — Ты, что, Батлер, думаешь, мы тут просто сели, беспомощно сложив лапки, и приготовились тихо умереть в тоске и печали?! Первые аэросани мы отправили к Коэну на вторые сутки опоздания вертолета! Они не вернулись, и через два дня мы послали вторые! Потом вездеход, затем ещё один! Никто не вернулся! Машины выходили из радиуса

приема портативных раций и всё, больше о них никто не слышал! Я бы отправился туда пешком, но пройти четыреста километров без еды и с протезом вместо руки невозможно! Мы даже не знаем, где конкретно находится комбинат Коэна! Известен только район, комбинат нужно ещё найти!

— Я знаю, где находится комбинат! — заявил Майк. — Я там был перед вылетом в Сибирь! У нас же было пять машин, я возьму оставшийся вездеход, доберусь до Коэна, и он пришлет вертолет с продовольствием и топливом! На комбинате есть наш врач, я, правда, его тогда не видел, но не думаю, что

мистер Коэн откажет нам в просьбе откомандировать врача на время в помощь Бюро!

— Не выйдет, Батлер, — с горечью поморщился Дорн. — Мы не можем дать тебе вздоход. У нас осталась последняя бочка топлива, каждые сто грамм на вес золота! Мы используем его только для запуска генераторов, чтобы подзаряжать батареи арктического снаряжения и раций. Без элементов питания мы не сможем добывать даже те крохи дров и пищи, что добываем сейчас. Четыреста километров даже в одну сторону — это слишком много, Батлер! Мы потратим почти всё. Я никогда не доверял Коэну, а после

твоего рассказа доверяю ещё меньше! Дойдешь ты до комбината или сгинешь, как все предыдущие, я не знаю. Но без этого топлива все здесь обречены на мучительную смерть! Никто не даст тебе вездеход. Если знаешь дорогу и готов рискнуть ради всех нас, отправляйся пешком. Если ты вернулся из Сибири, то четыреста километров для тебя не проблема. Кстати, Батлер, как ты это сделал?! Там же мировой ледник, минус сто по Цельсию и ураганы!

— Мне помогли русские, — нехотя признал Майк. Русский шпион сидел рядом, и говорить приходилось с большой осторожностью. — Они изготовили буер и специальные

одеяла из разных шкур. Мы использовали это, чтобы добраться до Полярного Круга, дальше шли пешком.

— Буер?! — до крайности изумился полярник, от удивления почесывая подбородок протезом руки. — Ты смеешься, Батлер? Парусные сани при минус ста с лишним? Под ураганом? Никакие паруса и веревки не выдержат таких нагрузок! Дерево лопнет, словно пенопласт! Это невозможно, я отслужил одиннадцать вахт, я знаю, что такое Холод! И я учил в колледже физику! Такого не может быть!

— Один раз термометр показал минус сто шестнадцать по

Цельсию, – хмуро пробурчал Майк. – Это последнее, что я помню. Я терял сознание от холода даже под одеялами, с включенным подогревом. А вот мистер Свитогоа, – он вежливо указал на косматого головореза, – чувствовал себя вполне нормально и управлял буером, который не прекращал двигаться под ураганом скоростью в двести миль в час! Я не знаю, как это ему удалось, спросите у него сами! Только какая разница?! Мы должны как можно скорее найти замдиректора Коэна и рассказать ему обо всём! Я уверен, что он пришлет сюда вертолет с припасами, включит мистера Свитогоа в состав экспедиции на Реактор, и ХААРП

будет запущен!

— Ты рассказываешь фантастические вещи, Батлер... — Дорн болезненно закрыл глаза. — Я бы решил, что ты свихнулся, если бы не видел перед собой джентльмена в безрукавке, пришедшего в мой офис с пятидесятишестиградусного мороза... Но вездеход я тебе дать не могу. Мы погибнем без этого топлива. Оно — наша последняя возможность выживать. Если ты сможешь добраться до Коэна пешком и заставишь этого ублюдка выполнить данные Профсоюзу обещания, то хотя бы у некоторых из нас есть шанс дожить до прибытия вертолета.

– Вы не понимаете! – всплеснул руками Майк. – Мистер Коэн просто не знает о том, что в Бюро перестали посылать вертолёт, он слишком занят подготовкой экспедиции! Именно поэтому я не могу идти к нему пешком, это слишком долго! Вылет может состояться в любую минуту, а на вездеходе я доберусь до комбината за день!

– Батлер, что у тебя с рукой?! – Дорн, опешив, провожал глазами жестикулирующую руку Майка. – Она же была мертвой! Я сам видел! У тебя было омертвление нерва, это невозможно вылечить!

– Русские как-то вылечили, – Майк с трудом сдержал

недовольство. Этот Дорн болван, необходимо срочно спасать ситуацию и бросать все силы на поиски замдиректора Коэна, а его интересуют эти чертовы варвары! — Я не знаю, как они это сделали, спросите нашего гостя!

— Невероятно... — в который раз выдохнул Дорн, — нам всегда говорили, что они примитивные дикари... — Полярник осёкся и спохватился: — Господа! Хотите кипятку? Чая у нас нет, накормить мне вас нечем, но могу предложить горячей воды, это помогает согреться... — Он умолк, глядя на обнаженные ручки варвара, и добавил: — Тем, кому холодно...

Скажите, мистер... — Дорн посмотрел на косматого головореза, — мне жаль, я не расслышал, как правильно звучит ваше имя...

— Меня зовут Святогор, — неторопливо подсказал головорез. — А не собрался ли ты часом, человек, задать глупый вопрос насчет свастики? — Он указал на висящий на мощной груди свастичный амулет. — Уж больно внимательно ты на мою Валькирию смотришь.

— На фотографии моего прапрапрадеда имеется очень похожий амулет, — смутился Дорн. — По этой причине наша семья тщательно скрывала данное фото.

Говорят, один раз его даже удалили из семейного архива, но потом кто-то воспользовался программой восстановления данных втайне от остальных... Скажите, Свья-то-гор, вы действительно можете запустить Реактор?

— Откуда мне знать, коли я никогда там не был, — пожал плечами варвар. — Вот как доберемся до него, погляжу, там и видно будет. А вот человека того, о котором вы меж собой толкуете, сыскать могу. Чую я, на Запад идти надобно, отсюда вёрст сто двадцать будет. Только надо ли? Человек он плохой, серым от его образа тянет.

— Чушь! — не выдержал Майк. —

Замдиректора Коэн замечательный человек! Он спас всех нас от голодной смерти! И не только нас! Тысячи человек обязаны ему жизнью! Он истинный патриот Новой Америки, он делает всё для её спасения, совершенно не заботясь о себе!

— Это точно, — зло хмыкнул Дорн. — Так сильно жаждет спасти мир, что забыл о такой мелочи, как две тысячи человек, подыхающих от голода и холода в чертовом Полярном Бюро! Очнись, Батлер! Если ты не ошибся и действительно слышал голос Коэна, то он просто бросил нас на произвол судьбы, как только получил экспедицию! Меня больше

интересует, где сейчас наши! Мы уже похоронили их, а тут выясняется, что Коэн жив! Что с остальными?! Почему экспедиция до сих пор не вылетела к Реактору, прошло почти двадцать дней! Где они?! Я гарантирую, что Коэн не сказал им, что прекратил нам поставки! Профсоюз бы этого так не оставил! Полярники всегда держались друг за друга, по-другому на Холоде не выжить! Нас бы не бросили!

— Я ещё раз повторяю, мистер Коэн просто не знает о том, что кто-то прекратил поставки! — горячо воскликнул Майк. — Он тоже полярник и патриот страны! Он поможет нам сразу же, как только

узнает! Надо ехать на комбинат немедленно, пока замдиректора не улетел в Австралию!

— А ежели он улетит, — варвар поднял брови, — другие без него вам помогать не станут?

— Что? — не сразу понял Майк. — Я не знаю... Конечно, станут! Они же знают о договоре!

— Если знают, то почему перестали помогать? — не унимался русский шпион. — Где помощь-то?

— Хороший вопрос! — лицо Дорна вновь исказила злобная гримаса. — Коэн обманул нас! Он не собирался нам помогать, ему нужны были люди для экспедиции! Он получил их и исчез. Вот и всё!

— Вы не правы, мистер Дорн! — не сдавался Майк. Он понял, что русский шпион уже начал свою подрывную деятельность и теперь настраивает рядовых американцев против собственных лидеров, способных сплотить вокруг себя гибнущих людей. — Я могу доказать это! Я возьму вездеход, найду замдиректора Коэна и вернусь с грузом продовольствия и топлива!

— Ничего ты не возьмешь, — хмуро оборвал его Дорн. — Я уже сказал, что не оставлю людей без последних литров топлива. Поможет нам Коэн или нет — это неизвестно. Топлива мы тебе не дадим! Можешь помочь — иди пешком. Дойдешь —

пришли сюда вертолет с припасами. Пропадешь, как до тебя пропали другие, — это топливо даст нам возможность протянуть ещё пару месяцев. Всё! Дальнейший разговор на эту тему бесполезен! Хочешь — походи по людям и поговори с ними. Сам увидишь, что тебе ответят!

— Я обязательно сделаю это! — вспыхнул Майк. Этот идиот Дорн достал его своим пессимизмом, недоверием и потаканием варвару. — Я прямо сейчас пойду по жилым помещениям и расскажу всем, что вы сознательно саботируете всеобщее спасение! Я не понимаю, что человек с такими пораженческими настроениями делает на месте

лидера нашего социума!

— Давай-давай, Батлер, сходи, поболтай с народом... — Дорн вяло отмахнулся от него протезом. — Может, поумнеешь. С приходом зимы здесь все умрут, но до тех пор мы будем бороться.

— Покуда не померли, — встрял головорез, — объясните мне, для чего я сюда добирался? Чем помочь-то? На охоту сходить, дичи настрелять? Так одному мне на всю вашу страну не поспеть. Коли собрались вы свой Реактор запускать, так надобно собираться да идти к нему. Чего ждать?

— Реактор в Австралии, — машинально объяснил Дорн. — В

одиннадцать с половиной тысячах километров отсюда. Добраться туда без шаттла невозможно... — Он замолчал и добавил: — Может быть, вам это и удастся, раз восемь тысяч километров через смертельный Холод для вас не преграда.

— Шаттл есть у мистера Коэна! — Майк поднялся со стула. — Нужно лишь добраться до него! Всё, хватит разговоров, я иду беседовать с людьми! Я обещаю вам, мистер Дорн, что поставлю вопрос о вашей компетентности как руководителя!

— Поставь, — безразлично пожал плечами тот. — И заодно скажи им, что я готов поменяться с тобой местами. Ты, я уверен, справишься с

руководством гораздо эффективнее.

— Человече! — косматый громила обернулся к Майку. — Может, пешими дойдем до твоего директора? За пять суток управимся, если одежду свою электрическую подзарядишь.

— До комбината мистера Коэна четыреста километров! — воскликнул Майк, с трудом терпя безмозглость русского троглодита. — Пешком мы будем идти туда больше двух недель! За это время здесь погибнет множество людей! А сам мистер Коэн вылетит в Австралию! Надо ехать!

— Говорю же тебе, — покачал головой варвар. — Не там ты его ищешь! Чую я, ближе он. Пять дней

пути до него, и идти на Запад надобно, а не на Восток.

– Мистер Свитогоа! – терпение Майка иссякло, и он вспылil. – Мне надоели ваши первобытные предрассудки! Какое ещё чутьё?! Тут люди умирают каждый день! Это не смешно! По крайней мере, мне точно не смешно! Я лично летал вместе с замдиректора на его комбинат и знаю, где он!

– Может быть, нам стоит прислушаться к тому, что говорит мистер Свья-то-гор? – предложил Дорн. – Если он не превращается в мертвый ледяной окорок при минус ста шестнадцати, его буер идет через этот ад и не лопаeтся на куски, а его

сограждане вылечили тебе мертвую руку, от которой отказались все наши медики, может, его инстинктам можно доверять? Ты так не думаешь, Батлер?

— Нет! — выпалил Майк. — Не думаю! Это псевдонаучный бред и ересь! — Он понял, что Дорн втайне был фашистом, вот откуда в его семье свастика. И теперь будет стоять за головореза горой, потому что на самом деле он попросту жаждет смерти всех, кто ещё остался в комплексе Бюро. Майк вспомнил, что Дорн с самого начала был против экспедиции. На заседании Профсоюза и общих собраниях жителей Бюро он всегда

высказывался против замдиректора Коэна. Это он предлагал отказаться от полета к Реактору и даже заявил какой-то уважаемой женщине, что такие, как она, мол, только зря проедают припасы, а он, Дорн, и без таких выживет, да ещё и сына своего воспитает. Теперь всё стало на свои места. Лидерство в Полярном Бюро досталось агрессивному шовинисту с маниакальными целями. Ещё один завистливый неудачник с отмороженными мозгами, обожествляющий Холод! Но Майк так просто не сдастся! Людям, а особенно замдиректора Коэну, необходимо открыть глаза на всё, и он сделает это!

— Я знаю, где комбинат! — безапелляционно заявил он. — Я там был! А вы оба — нет! Это место находится на Востоке, среди сельскохозяйственных полей, почти на самой окраине страны! Раньше там перерабатывалась продукция с близлежащих хозяйств, туда же завозились запасы топлива для них. До комбината четыреста километров по прямой, так летит вертолет, но пешком будет длиннее, придется обходить руины населенных пунктов, в которых полно бандитов! Когда мы летели туда в прошлый раз, нас обстреляла целая армия криминальных элементов, у них даже пулемет был!

— Пока суд да дело, я бы отдохнул с дороги да поспал, — объявил косматый головорез со скучающим видом. — Скажи, человеке, — он обратился к Дорну, — где мне можно разместиться?

— Располагайтесь здесь, — предложил полярник. — Я уступлю вам свой офис, тем более что делать мне здесь особо нечего. Тут хоть костер с вытяжкой имеется, с дровами у нас серьезные проблемы, поэтому мы топим только в самых необходимых помещениях...

Майк не стал дальше терпеть этот уродливый фашистский заговор и демонстративно покинул офис Дорна, пообещав вернуться. Варвару,

понятное дело, на его демарш было плевать, а вот сам Дорн, лишь усмехнувшись ему вслед, очень скоро пожалеет, что связался с Майком!

— Поставь-ка котелок на огонь, человеке, — донеслось из-за закрывающейся двери. — Я тебя целебным отваром напою, хорошо помогает. Вижу, хворый ты...

Чтобы дверь захлопнулась более значимо, Майк придал ей ускорение, с силой толкнув плечом. Убедившись, что хлопок вышел достаточно громким, он приступил к обходу жилых помещений и беседам с жителями Бюро. Но к его великому разочарованию, понимания у

населения он не нашел. Многие вообще были без сознания, ещё больше народа болело. Находящиеся в болезненно-полубессознательном состоянии люди не проявляли ни к чему интереса, кутались во что придется, прижимаясь поближе к кострам и сразу посылали Майка к Дорну, мол, пусть он разбирается. Те же, кто ещё сохранил способность соображать, заняли крайне несознательную позицию, наотрез отказываясь отдавать последнее топливо для поездки на комбинат Коэна. А два старика-полярника, несущие охрану на складе ГСМ возле той самой бочки, когда услышали идею Майка, и вовсе наставили на

него стволы винтовок и велели держаться от склада подальше. Выжившие из ума болваны пообещали подстрелить его, если он ещё раз заявится на склад без предварительного оповещения, которое Дорн должен будет прислать им по рации. Майк потратил на разъяснительную работу с населением весь вечер и половину следующего дня, но так и не достиг результатов. Он хотел продолжать собеседования и дальше, но голод заставил его свернуть активность.

Тут выяснился очень неприятный момент: еды у Майка не было. Хилари умерла, её тело лежало в одном из неоттапливаемых

конференц-залов, превращенных сообществом в морг, и кормить Майка было некому. В Бюро бушевал голод, еды катастрофически не хватало, и обессиленные люди берегли каждую кроху для себя либо для своих близких. Накормить Майка никто не захотел, пришлось идти к Дорну. Сперва Майк решил, что лучше попросит каши у варвара, чем явится на поклон к неуравновешенному инвалиду, возомнившему себя директором Полярного Бюро и по совместительству маленьким местным фюрером, но головореза в офисе не оказалось. Его тьюков с едой Майку найти не удалось, хоть он и

обыскал всё помещение. Наверняка русский шпион завербовал Дорна, и они спрятали еду специально, чтобы лишить Майка самостоятельности. Обходиться без пищи вторые сутки оказалось слишком тяжело, и Майку пришлось пойти на компромисс со своим достоинством. Он решил, что ради еды сделает вид, что во всём согласен с Дорном, но потом всё равно продолжит своё правое дело. Майк пошел искать мистера «Отмороженные мозги», но не смог найти и его. Никто не знал, куда делся Дорн, а о появлении варвара и вовсе почти никто не был в курсе. В какой-то момент Майк подумал, а не сбежал ли подлый предатель к

русским в Сибирь. Чтобы проверить страшную догадку, он даже рискнул выйти на улицу, чтобы расспросить часового.

— Не маячь перед входом, Батлер! — раздался голос Дорна, едва Майк выбрался наружу. Именно он и оказался часовым. — Рискуешь получить пулю, такое уже бывало. Теперь, когда нас мало, Гангстеры осмелели и подходят совсем близко. К счастью, их тоже стало гораздо меньше. Иди сюда, быстро! Укройся за тем обломком, но ко мне не лезь, выдашь пост, если за нами следят! Чего тебе?

— Я пытался найти что-нибудь поесть, — признался Майк, прячась в

указанное место. — Но не нашел, где теперь выдают продукты, везде пусто и никого нет. Я не ел два дня, я голоден...

— Я тоже! — тихо фыркнул Дорн. — Тут все голодны, Батлер! Еды нет, мы раздаем остатки крупы со склада по одному стакану в сутки на трех человек. Но даже так запасов хватит дней на десять-двенадцать, в зависимости от того, сколько народа отдаст богу души за это время. Позавчера поисковый отряд смог добраться до склада супермаркета на углу Седьмой авеню и Тридцать четвертой улицы. Парни зарылись почти на десять метров в снег, их пришлось вытаскивать наверх

тросами, но склады супермаркета оказались разграблены. Найти удалось лишь несколько заледеневших кругов сыра и штук сто консервов россыпью. Банки полопались, но содержимое всё равно замерзло, так что мы пустили их в дело. Но это капля в море для полутора тысяч голодных ртов! — полярник зло сплюнул: — За ночь умерло ещё двенадцать человек...

— Могу я получить хотя бы немного еды, сэр? — жалобно попросил Майк, поняв, что ему прямо намекают на то, что пищи нет и не будет. — Как же я дойду до комбината мистера Коэна без еды?

— Потерпи пару часов, —

посоветовал Дорн, не отрывая настороженного взгляда от развалин напротив. Присмотревшись, Майк заметил среди заснеженных руин цепочки человеческих следов. В памяти мгновенно всплыли гремящие из развалин выстрелы и искореженные жаждой убийства лица бандитов, рвущихся к нему с мачете в руках. — Скоро вернется поисковый отряд, мистер Свьятогор с утра увел людей за пищей, сказал, что может помочь.

— Вы позволили дикарю командовать нашими людьми?! — возмутился Майк, на всякий случай прячась глубже в обломках. Получить гангстерскую пулю совсем не

хотелось. – Почему?! Неужели у нас не осталось никого, кто может сделать это лучше?!

– Не будь глупцом, Батлер! – Дорн даже не скрывал иронии. – Что ты несешь? Этот Свьятогор настоящее порождение Холода! Старый Джеймс был прав – русские как-то приспособились к смертельно низким температурам и запросто выживают, словно зверье из Могильника! Нам так не суметь. Никто лучше него не знает, что надо делать. Я абсолютно не понимаю, почему он не мерзнет! Любой человек на его месте остался бы без рук в считанные секунды! Гарантированное омертвление тканей

до самых костей и ампутация! А ему хоть бы что! Как такое возможно?!

— Потому что они не нормальные люди! — огрызнулся Майк. — Это человеко-мутанты, вот почему!

— Оглянись вокруг, — полярник издал невеселый смешок. — Много ты видишь жизнерадостных нормальных людей, светящихся счастьем и уверенностью в завтрашнем дне, Батлер? — Он красноречиво фыркнул: — Где здесь можно записаться в человеко-мутанты? Я готов! Если, конечно, туда берут старых полярников с протезами вместо рук! Иди в офис, проверь, чтобы огонь не погас, если помещение остынет,

заново нагревать придется долго, дров сейчас не хватает, много не сжечь...

Выбора не было, и страдающему от голода Майку пришлось вернуться в офис Дорна. Он бросил в бочку десяток обломков какой-то мебели, это всё, что нашлось в помещении из горючих материалов, и по примеру инвалида-полярника вскипятил себе воды. Кипяток утолил голод лишь на несколько минут, после чего снова захотелось есть, и страдающий желудок заурчал с новой силой. Майк пытался спать, но резь в животе не давала закрыть глаз. Он опять пил кипяток, вновь ложился, снова кипятил талый снег и не понимал,

почему эти идиоты не желают прекратить собственные мучения. Пять-шесть часов езды на вездеходе, и вот он, комбинат мистера Коэна. Если бы ему дали вездеход ещё вчера, сейчас все уже разгружали бы вертолет с продуктами! Неужели всем так хочется подохнуть тут от голода, холода и мазохизма?! И куда поперся варвар?! Да ещё не посоветовавшись с Майком? Его даже не поставили в известность! Дорн однозначно продан русским за осколок каши и кружку лечебного варева! Майк в бессильной злобе пнул горящую бочку и в сотый раз обвел глазами офис. Где же эти два фашиста спрятали от него тюки с

кашей...

Глава одиннадцатая

Русский шпион с поисковым отрядом вернулись только к вечеру. К тому моменту Майка уже шатало от голодного упадка сил. Без Дорна ему не выдали стакан крупы, заявив, что сначала лидер определит, с кем именно Майк составляет тройку, а уж потом он получит крупу. Потому что стакан положен на троих, а Майк один. Столкнувшись с равнодушием такой степени, Майк не смог удержаться и возмутился, требуя справедливости, но назначенные на охрану продуктового склада люди бесцеремонно вытолкали его прочь

прикладами винтовок. Пришлось страдать от голода до смены Дорна с поста, а тот заявил, что будет нести охрану до возвращения добытчиков, так как они задерживаются, и он серьёзно волнуется за них, потому что слышал звуки перестрелки где-то далеко. Пытка голодом продолжилась, и вскоре Майка уже тошнило от кипятка. Потом поисковый отряд всё-таки вернулся, и планы Майка окончательно рухнули, потому что косматый головорез произвел настоящий фурор среди людей, от переохлаждения лишившихся мозгов.

Поисковики вышли к Бюро, сгибаясь под тяжестью добычи. Два

десятка человек выбивались из сил, таща за собой наполненные волокуши, еще десять едва переставляли ноги, удерживая на плечах тяжелую поклажу. Известия об успехе добытчиков разлетелись по Бюро мгновенно, и помогать в переноске груза с улицы на склад собралось человек двести добровольцев. Едва ли не все жители, кто не болел и ещё более-менее уверенно держался на ногах. Естественно, все принялись обсасывать подробности, куда ж без этого, и, конечно же, толпа пришла в восторг перед великим героем. Особо поражало то, что героем этим оказался какой-то примитивный

дикарь-мутант, понятия не имеющий о демократии, цивилизованности и науке, только и способный, что убивать всё, что шевелится, направо и налево, а о человеке, которому все обязаны его появлением в Новой Америке, никто даже не вспомнил! Никого не покорило даже то, что варвар расфуфырен свастиками с головы до ног, ради куска пищи все оказались готовы радостно предать идеалы толерантности, и через полчаса всё Бюро было уверено, что в свастике нет ничего крамольного. Это-де солярный символ русских, живущих в Сибирском разломе. Идиотизм!!! Раболепие! Предательство идеалов Америки!

Но на этом дело не закончилось. Наоборот, торжество примитивизма продолжилось, потому как толпа принялась распространять о варваре чуть ли не эпические легенды. Началось всё с фантастических рассказов добытчиков, разгружавших волокуши у входа в Бюро.

— ...он вообще не мерзнет! Абсолютно! — возбужденно вещал кто-то, передавая ящик с консервами в руки первому в длинной цепи грузчиков человеку, ожидающему у самого выхода. — На термометре было минус пятьдесят шесть, а он без рукавов! Какой там обогрев! Никогда бы не поверил, но я провел в пяти ярдах от него весь день!

— ...у него и лук гнется, и тетива не лопаётся! — сумбурно рассказывал рядом ещё один. — Холод такой, что резина окаменела, будто отливка из бетона, а он пуляет себе из лука спокойненько! Знаешь, что он сказал? Лето, мол, на дворе, как же тут замерзнешь!!!

— ...тактика-то сейчас у всех бандитов одна, — старик в потрепанном арктическом снаряжении делился впечатлениями с Дорном. — Сидят в развалинах поглубже, у костра, и наблюдают через проломы за улицей. Как противника увидели, начинают стрелять, если есть из чего, потом бегут врукопашную. Арктического

снаряжения у них нет, долго пробыть на таком минусе они не могут, поэтому атаки короткие. Убили, кого смогли, схватили, что успели, и бегом обратно в развалины, у костра отогреваться. Ты представляешь, пока мы от них по сугробам отстреливались, он на лыжах оббежал полквартала и влез к ним в развалины! Ты понимаешь, Дуэйн?! Прямо к ним в логово! Один! С мечом и ножом! Мне потом по тем коридорам идти было жутко! Кровищи море и трупы, чуть ли не пополам рассеченные! Гангстеры-то, ты был прав, каннибализмом не брезгуют...

— ...они кого находили в

городских руинах, так убивали и съедали! — Один из добытчиков передавал грузчику мешок с упаковками крупы. — Осторожно, пакеты замерзли до состояния камня, уронишь — ногу расшибет запросто! Так вот, они пленных жрали, а продукты экономили про запас! У них там целый склад, в подвале ресторана, они туда всё стащили, что по окрестным супермаркетам насобирать смогли! Завтра надо туда опять идти, за один раз и половины не вытащили...

— ...чую, говорит, живность за нами под снегом крадется! — изумленно повествовал кто-то ещё. — Надо, говорит, приманку сделать,

будет свежее мясо на ужин! Труп бандитский на рухнувшую плиту положил и приказал всем отойти подальше! Я думал, чепуха полная, а тут зверьё как полезло в развалины! Еле отстрелялись! Он из лука колотит лучше, чем я из винтовки! Монстров почти две тонны набили, полтора часа из-под снега стаи одна за другой выныривали! А он говорит, мол, забираем туши, которые на камнях подстрелили, а к тем, что на снегу, не подходить, их живность утащит, нельзя зверушек без добычи оставлять, злые они, когда голодают...

— ...дома вам надо строить, так и сказал! — Очередной добытчик

сгрузил с себя ящик с полопавшимся консервами. — Нечего в руинах сидеть, померзнете зимой! Обещал показать, как правильно делать заливку для внешней ледяной обшивки...

— ...не в ту сторону идете, говорит! — восхищался кто-то. — Чую, пройти короче можно, а на вашем пути люди лихие в засаде сидят. Пошли-ка за мной, ватажники! И точно, вышли к Гангстерам в тыл!

— ...вы, мол, ступайте, а мне стрелы собрать надо! — слышалось с другой стороны. — Нет здесь никого больше, враги ваши разбежались и ещё не скоро вернутся, а живность трупы растащила, у зверушек сейчас

пир, они нападать не будут! Нет, ты только подумай! У зверушек!

— ...это не свастика, это военный символ! — двое добытчиков, тащащих увесистый мешок с продуктами, спорили на ходу друг с другом. — Он сам говорил! Символ выполнен на основе свастики, но это не одно и то же! А на сумке он потому, что сумка армейская или вроде того...

— ...дров почти не нашли, — разговаривающий с Дорном старик-полярник указал рукой на волокушу, наваленную кусками застывшей на морозе резины. — Но когда Гангстеров из ресторана выбили, смогли прокопаться в паркинг

напротив. Машин там полно, топливо бандиты давно слили, но мы нарубили покрышек с колес, они хороший жар дают, если раскочегарить. Жечь их можно только там, где у нас дымоходы проделаны, но всё равно дрова сэкономим сильно. Это единственное, что мы сделали сами, Дуэйн! Короче, нам очень повезло, что этот джентльмен из Сибирского разлома оказался здесь. Я слабо представляю, как он это сделает, но если ему всё же удастся запустить Реактор, я не удивлюсь!

— Считаешь, что всё-таки надо отправить вездеход к комбинату Коэна? — нахмурился Дорн.

— Нет! — решительно отрезал старик. — До комбината четыреста километров, останемся без топлива! Нет топлива — нет подзарядки батарей. Без обогрева мы обречены. Когда пурга налетает, то температура быстро падает ниже шестидесяти, у людей нет адаптации к холоду, им требуется подогрев! С наступлением осени холодно будет даже в штиль. Мы не можем так рисковать!

— И что вы предлагаете? — Майк, всё это время стоявший неподалеку, не выдержал и вмешался в разговор Дорна со стариком. — Вообще ничего не делать? Ваша бочка всё равно когда-то закончится!

— Мистер Свья-то-гор говорит,

что Коэна нужно искать в другом месте, — ответил старик. — И оно гораздо ближе комбината, туда можно дойти пешком. Я ему верю!

— Мне он тоже об этом рассказывал, — согласился Дорн. — Может, отправить туда людей?

— Куда — «туда»?! — возмутился Майк. — Не-Знаю-Куда?! Опомнитесь! Я предлагаю единственный разумный выход из положения — доехать до комбината мистера Коэна! А вы собрались отправить людей неизвестно куда?! Только потому, что какой-то дикарь что-то там «чуёт»?!

— Э, не скажи, Батлер! — покачал головой старик. — В нашем деле чутьё

много значит! Бригадир Уокер, пусть душа его вечно пребывает в раю, всегда чуял, где под Воронкой искать выжившего! Мало кто понимал, как он это делает, но результат всем известен: бригада Уокера спасла десятки жизней. Он стал легендой ещё до того, как я вышел на пенсию!

— И где он теперь?! — окрысился Майк. — Как его чутьё помогло ему?! Он погиб! На моих глазах! Вы хотите обречь на смерть ещё кого-нибудь, потому что верите в мифическое чутьё?

— Вали отсюда, Батлер! — вспыхнул старик. — Ныть будешь где-нибудь подальше от меня! Я сам видел, как это чутьё работает, мне

этого достаточно! Если ты не согласен, бери ручное зарядное устройство, коробку сухого пайка и ступай к комбинату Коэна! Тем самым всех спасёшь! А трепать языком и я могу! Четыре машины сгинуло в попытке добраться до комбината! Иди пешком, у тебя и опыт есть, и руки-ноги целы! Вместо того чтобы ныть, лучше б помог добычу разгружать!

— Полегче! Полегче! — Майк был вынужден отступить от наседающего на него неадекватного пенсионера. — Я всего лишь высказал своё мнение! У нас свободная страна, разве нет? — Он решил замолчать, чтобы не подпитывать старческую агрессию, и

отошел в сторону.

Дедок выжил из ума на фоне Холода, это сразу видно. Русский шпион отвоевал у полуживых, замерзших до полусмерти Гангстеров несколько ящиков с консервами, и старик уже готов смотреть ему в рот, словно внимая пророчества господни. Когда нет здоровых аргументов, болваны норовят послать оппонента подальше, что сейчас и произошло! Добычу он Майка разгружать отправил! Вот умник-то! Разгружают пусть те, у кого сегодня был обед! А Майк от голода едва на ногах стоит! Как всё-таки тяжело жить нормальному человеку, когда всем заправляют

идиоты с отмороженными на бесчисленных вахтах мозгами! Он десять раз чуть не погиб, пока тащил сюда этого варвара, и кто, спрашивается, сказал ему за это хотя бы «спасибо»?! Надо было сразу идти на комбинат к Коэну!

– Я согласен с тобой, Дуэйн, – старикашка оставил Майка в покое и вернулся к Дорну. – Нужно послать к Коэну гонцов, туда, где предлагает искать его Свья-то-гор. Пусть разберутся, что затеял этот говнюк! Что стало с нашими, и почему нас бросили подыхать голодной смертью, несмотря на договор! Профсоюз бы нас не бросил, чую я, дело тут недоброе!

При этих словах Майка аж покоровило от сарказма. О! Ещё один «чующий»! Новая мода пошла: каждый должен уметь чують и поносить замдиректора Коэна! Иначе тебе не выдадут стакан крупы!

— Послать бы стоило, — болезненно вздохнул Дорн. — Вот только кого? У нас не осталось никого, кто имел бы опыт длительной работы в арктическом снаряжении в условиях Холода. Одно дело выйти из убежища на несколько часов ради поиска пищи, и совсем другое идти пять суток абсолютно автономно. Тут и батареи необходимо вовремя подзаряжать, и за целостностью снаряжения следить, и

системой отвода отходов уметь пользоваться, не то забьётся. Я уже не говорю о том, что надо уметь организовать ночлег и прием пищи. Они даже элементы питания не смогут заменить, не продрогнув до костей, ведь замена требует расстегнуться. Люди всю жизнь прожили при плюсовой температуре, из полярников остались только мы. Может, мне пойти?

— Тебе нельзя! — возразил старик. — Кто тогда останется тут? Мы, четверо стариков, из которых трое с протезами? Нам не справиться, возраст не тот, силы не те... Нужен кто-то помоложе, и чтоб знал, что такое Холод, не по

картинкам в интернете! Пусть идет Батлер! Он молодой, здоровый и наверняка знает, что делать, раз из Сибири вернулся. – Дедок обернулся и вперил в Майка ехидный взгляд: – Если, конечно, он захочет идти! А, Батлер? Как насчет поискать этого засранца Коэна?!

– Я требую, чтобы вы прекратили оскорблять замдиректора! – гневно заявил Майк. – Он сделал для всех нас и для Новой Америки слишком много и не заслуживает оскорблений! Тем более за глаза! Я своё мнение уже высказал! Я готов взять вездеход и поехать на комбинат, я не собираюсь принимать участие в нелепых

аферах!

— Тогда отправляйся в ад, Батлер, — дедок даже голоса не повысил, лишь презрительно сплюнул на снег и отвернулся. — Дуэйн, придется подобрать кого-нибудь для этой миссии. Я бы сам пошел, но пять суток пути мне не осилить, помру где-нибудь по дороге. Нужно объяснить людям, что к чему, я уверен, кто-то обязательно согласится. Проведем инструктаж, пару практических занятий — Холода у нас, хоть отбавляй! А дальше Свят-то-гор за ним присмотрит. Раз он Батлера через половину мирового ледника сюда привел, то за восемьдесят миль кого угодно

проведет. Лишь бы этот «кто угодно» не замерз заживо только от того, что просто оказался на Холоде!

– Думаю, ты прав, – согласился со стариком Дорн. – Сейчас оприходуем добычу и соберем людей. Выдадим дополнительную порцию продовольствия, заодно и обсудим. Как раз все соберутся.

Ради еды, естественно, в конференц-зал пришли все, в этом Майк не сомневался. К тому моменту Дорн вспомнил о своем обещании накормить Майка, и хоть вдоволь наесться и не удалось, самочувствие его значительно улучшилось. Майк решил воспользоваться удобной возможностью и продолжил вести

среди жителей разъяснительную работу прямо в зале общего собрания. Вскоре ему пришлось с прискорбием признать, что идиотизм есть болезнь заразная. Во всём Бюро не нашлось ни одного здравомыслящего человека, одни безмозглые болваны, все кроме него. Не получилось даже прения организовать, никто не встал на сторону Майка. Нет, конечно, сначала все соглашались с его идеей, что нужно ехать к Коэну, раз он жив, и получать от замдиректора обещанные поставки. Но как только люди узнавали, что для этого придется пожертвовать последними остатками топлива для генератора,

их мнение менялось на противоположное. Сколько Майк ни старался воззвать к здравому смыслу, все его попытки оказались тщетными. И самым нелепым в этом идиотизме являлось то, что все безоговорочно верили – смешно даже произнести! – в чутьё варвара. Он-де, если сказал, значит, приведет прямо к Коэну. Причем этот бред несли даже те, кто впервые увидел голову минута назад и обо всем узнал из слухов и бахвальства добытчиков.

– Пусть Батлер идет на Восток, к комбинату! – орал кто-то сквозь хриплый кашель. – Если он так уверен, что найдет то, чего не смогли

отыскать четыре не вернувшихся машины и двенадцать человек их экипажей! А я пойду с русским, только дайте мне чертово арктическое снаряжение!

— Правильно! — вторила ему какая-то женщина, закутанная в ворох одеял и самодельный плащ из куска брезента. — Я тоже готова идти! Дайте мне этого замдиректора, я наши припасы у него из глаз ногтями выцарапаю! Из-за этого ублюдка я лишилась мужа и дочери! Где он? Отведите меня к нему!

— Никаких вездеходов! — верещал кто-то с другой стороны. — Четыре машины не вернулись, не вернется и пятая! А мы тут без топлива

передохнем от голода и холода! Я через день хожу на поиски дров и продуктов, и я заявляю, что без обогрева арктическое снаряжение не спасет от обморожения конечностей, если пурга или буран застанет отряд посреди города! А ведь еще не осень!

— Да-да! — вопили из толпы. — Лето на дворе! Ха-ха! Если добровольцы есть, то пусть идут пешком! Я готов поделиться с ними остатками продуктов! Но остатки топлива не отдам! Русский сказал, что до Коэна можно дойти пешком! Зачем тебе вездеход, Батлер?! Устал ходить? Ляг, поспи!

Собрание бурлило эмоциями, и Майк понял, что у него нет

сторонников. Может, в таинственное «чутьё» косматого варвара верили и не все, но все верили в аргументы Дорна, выступающего против траты последнего топлива. И если половина населения требовала идти к Коэну пешком и спорила лишь о пункте назначения, то второй половине было наплевать на то, куда пойдут посыльные, лишь бы никто не трогал заветную бочку, поставленную под усиленную охрану.

— Идите куда хотите! — заявлял их представитель. — Пусть полярники решают, где искать Коэна, лично мне не удастся пройти ни четыреста километров, ни сто двадцать! Если мы останемся без топлива, то

погибнем! А если топливо останется при нас, то у нас есть шансы протянуть до того момента, когда пешие гонцы приведут помощь! Никаких вездеходов! У меня дети голодают!

Все вновь загалдели, и на Майка начали смотреть чуть ли не как на Гангстера, заявившегося в Бюро только для того, чтобы отнять у умирающих с голоду детишек вожащенное топливо. Майк понял, что ситуация начинает выходить из-под контроля и становиться опасной. Если какой-нибудь идиот решит, что он представляет угрозу для чертовой бочки с чертовым топливом, то недолго получить во сне ножом по

горлу. Все этому только обрадуются – на один рот меньше, больше припасов достанется. Отупевшая толпа не желала прислушиваться к аргументам. Майк пытался открыть им глаза на то, что жалкая бочка топлива – это не панацея, она не будет наполнена вечно. Топливо всё равно закончится, батареи всё равно станут нечем заряжать, осень всё равно придет.

– Ты самый умный, Батлер?! – взъярился на него за такое какой-то тип с закутанным в ворох тряпья ребенком на руках. – Тут все это прекрасно понимают! Но лучше это произойдет позже, чем раньше! Я хочу, чтобы у моего сына был шанс!

Пока у нас есть это топливо — мы держимся! За это время что-то может произойти! Если ты прав и экспедиция к Реактору должна стартовать со дня на день, то всё ещё может измениться! Они запустят Реактор, и мы выживем! Но кто знает, сколько времени им на это потребуется?! Может, один день, может, один месяц! Если хочешь рисковать — рискуй своей жизнью, а не жизнью моего сына! Иди пешком к своему замдиректора и вытащи из него то, что нам полагается согласно договору!

— Именно! — подхватила толпа. — Все наши полярники ушли с ним ради этого договора! Иначе они

остались бы здесь! Вместе мы могли бы выжить, Профсоюз знал своё дело!

Майк лишь тяжело вздохнул. Объяснять что-либо было бесполезно. А уж упоминать о том, что болваны из Профсоюза, которых мистеру Коэну с таким трудом удалось убедить согласиться на экспедицию к Реактору, в действительности ничего особо сделать не могли, и вовсе не стоило. Скажи сейчас такое, и толпа точно разорвет его в клочья. А ведь ни для кого не секрет, что проблема голода оказалась для Профсоюза неразрешимой, и только появление замдиректора Коэна спасло всех

здесь присутствующих. Пришлось смириться с тем, что вездеход ему не дадут. Майк отступил в сторону и прекратил бесполезные попытки образумить стадо безмозглых баранов. Пусть делают, что хотят. Лично он больше пальцем не пошевелит ради этих придурков! Идти пешком за четыреста километров он не собирается. Пройти такое расстояние в одиночку через кишящие бандитами руины городов невозможно, а идти с ним никто не захотел. Русский шпион позаботился об этом первым делом. Он сразу заявил, что не собирается идти туда, куда требует Майк, потому что, мол, чует, что Коэна надо искать

в другом месте, а просто так бродить туда-сюда ему недосуг. Всё остальное время он молчал, не вмешиваясь в собрание, но и этого заявления хватило с лихвой. Попутчиков для Майка не нашлось. Так называемое «чутьё» варвара стало для всех очень удобным предложением. И это даже хорошо, потому что идти пешком к комбинату — на такое самоубийство Майк не согласится даже, если ему дадут тридцать попутчиков. Не бандиты, так хищные твари, не твари, так ураганы, холод и голод... Ну уж нет! У него есть идея получше: путь головорез тащит кого угодно туда, где, типа, нужно искать мистера

Коэна. Естественно, они никого не найдут, всей этой чушью о великой магии суперлюдей-русских Майк сыт по горло. Вот когда они вернутся ни с чем, если вообще вернутся, вот тогда и поговорим! Тогда Майк поинтересуется у всех, кто же в итоге оказался прав?! И потребует вездеход для поездки на комбинат. Отказать ему никто не решится, лишь бы к тому моменту в бочке ещё оставалось топливо. Возможно, добытчикам удастся найти немного, ну или путь вездеход пройдет хотя бы половину расстояния, а дальше пусть русский шпион ведет, себя-то он губить не станет, значит, шансы дойти есть.

Однако вскоре Майк понял, что

план необходимо менять. Собрание постановило, что замдиректора Коэна найти необходимо, и искать его нужно там, где предлагает русский. Варвар не возражал отвести в это мифическое место посланника, и толпа принялась решать, кого послать и что конкретно гонец должен предъявить замдиректора в качестве ультиматума. Добровольцев оказалось неожиданно много. Некоторые из них прямо заявляли, что в результате голода и переохлаждения потеряли своих детей, и они убьют Коэна на месте, если тот только посмеет заикнуться на тему отказа от обязательств. И многие в толпе орали, что это

правильное решение, что они тоже потеряли близких, и что кто-то должен за это ответить, и даже называли добровольцев героями. А ещё некоторые шептались, что у Майка необходимо отобрать арктическое снаряжение и отдать его тому, кто пойдет искать замдиректора вместе с русским. Это одновременно взбесило и напугало Майка. Если кто-то из этих неадекватных психов действительно убьёт Коэна, то тут все обречены на голодную смерть. Если же у Дорна хватит мозгов послать туда кого-то более умного, то этот тип и станет для всех героем. Конечно, они там не найдут никакого Коэна, но мало ли

что?! Майка охватил страх. Если, не приведи господь, варвару просто повезет и он в дороге наткнется на летящий вертолет Коэна, или на тот самый котлован, в котором экспедиция готовится к вылету в Австралию, или ещё что... то, выходит, что русский шпион и его подхалим великие герои, а он, Майк, всеобщий враг?! Вот она, благодарность за то, что он для них сделал! Если бы не Майк, не было бы у вас никакого варвара! Это была целиком его идея! Он всё сделал, а теперь его отодвигают в сторону! Нет, не в сторону, на самые дальние задворки! Майк, чистокровный американец, оказался плохой, а

дикий фашист-варвар в свастиках – просто замечательный! Нехорошее предчувствие остро засосало под ложечкой, и Майк вдруг отчетливо понял, что головорез найдёт Коэна. Именно по закону подлости и найдет! Если Майк пойдет с ним, то не найдет, а вот если не пойдет, так найдет обязательно! А ведь замдиректора даже не знает, что косматый дикарь является шпионом!

– Я пойду с мистером Свитогоа! – громко заявил Майк, вскакивая с места. – Я сделаю это!

– Ты же был против этого похода? – Дорн скептически поднял бровь. – Чего ж ты передумал?

– У нас демократия! –

воскликнул Майк. — Каждый имеет право на собственное мнение! И я отстаивал своё! Его не приняли, но это не значит, что мне безразлична наша общая судьба! Я живу здесь так же, как все остальные! Если общественность решила, что нужно искать мистера Коэна там, где предлагает мистер Свитогоа, я готов! Я полярник, у меня есть арктическое снаряжение и опыт! Это я добрался сюда из Сибири вместе с мистером Свитогоа, мы умеем работать в команде, подумайте об этом! Кроме того, я знаком с замдиректора Коэном лично, мы с ним товарищи по несчастью, вместе отбивались от разъяренных мутантов в Реакторе!

Мне будет гораздо легче вести с ним диалог, о чем бы ни шла речь! Никто не годится на роль посланника лучше меня. Я должен сделать это! Я готов идти туда, куда скажет мистер Свитогоа! Я всё это начал, мне и заканчивать! Никто не должен рисковать вместо меня! Я пойду с ним на поиски замдиректора Коэна!

Он перевел дух, вглядываясь в лица толпы. В конце концов, десять дней пешего перехода он как-нибудь переживет. И голодать не придется, варвар обо всём позаботится. Жутко, конечно, так можно и погибнуть в какой-нибудь резне с бандитами или мутантами, но он потребует для себя арктическую винтовку! И пистолет!

На всякий случай. Это всё же гораздо лучше того, что ожидает Майка здесь, если у него отберут арктическое снаряжение, да ещё запишут во всеобщие враги. Последнее уже произошло, можно не сомневаться. Голод, холод и необъявленный бойкот — с такими перспективами долго не прожить. Нет, пока замдиректора Коэн не найден, самое теплое место сейчас возле варвара, и терять это место Майк не собирается.

Толпа вновь загалдела, обсуждая его спич, и Майк с удовлетворением отметил, что многих это предложение устроило. Однако нашлось немало тех, кто был против,

и, ну конечно же, их настраивали против Майка престарелые деды-полярники. Тоже мне, полярная взаимовыручка!

— Темнишь ты, Батлер! — один из старикашек буравил его полным подозрения взглядом. — Я тебе не доверяю! Как-то быстро ты меняешь свою позицию! Ты что-то задумал, сукин сын? Так?!

— Пусть идет кто-нибудь другой! — поддержали его из толпы. — Позвольте пойти мне! Я доберусь до Коэна, уж поверьте! Батлер! Снимай арктическое снаряжение, я уступаю тебе свою пайку!

— Я лишь хочу завершить начатое с пользой для всех! — воскликнул

Майк, холодея от страха. Они хотят отобрать у него снаряжение!!! – Я всё это начал, я летал в Сибирь, я привел сюда мистера Свитогоа! Значит, я должен найти замдиректора Коэна! К тому же он мне доверяет!

– Вот это меня и настораживает! – окрысился второй старикашка-полярник. – Что этот убудок тебе доверяет! А ты, Батлер, готов вылизывать ему задницу! Я против! Давайте пошлем другого!

Собрание забурило, перекрывая криками и возгласами друг друга, и Майк понял, что ситуация складывается не в его пользу. Аморфной половине населения было наплевать на него, они просто

требовали, чтобы поскорее прекратили болтовню и назначили уже кого-нибудь. Более деятельная половина оказалась настроена против Майка, и на его стороне почти никого не было. Мерзкие старикашки подчинили себе общее мнение, и толпа решила, что Майка посылать не стоит. Они принялись выбирать кандидата, и Майк оторопел, ярко представив себе собственные перспективы.

— Пусть идет, коли желает! — внезапно изрёк молчавший всё это время варвар, и толпа мгновенно затихла, обращая взгляд на косматого головореза. — По его мысленным образам ориентироваться легче. —

Громила секунду как-то странно смотрел на Майка и закончил: — Он так сильно хочет сыскать этого замдиректора, что точно мимо не пройдем. Пять дней пути пешими до него, можно и быстрее поспеть, ежели лыжи для посланника найдете.

Неожиданная поддержка русского дикаря решила исход собрания. С варваром спорить никто не стал, дедки с важным видом кивали головами и заявляли друг другу, мол, чутьё у него отменное, мог бы быть настоящим полярником, бла-бла-бла. Спорить с выжившими из ума престарелыми идиотами и бесить продавшуюся за несколько

ящиков полопавшихся консервов толпу Майк, разумеется, не стал. Да-да, чутьё у варвара супер, просто мегасупер, только оставьте при себе попытки сжить Майка со света. Собрание постановило наделить Майка полномочиями вести переговоры с Коэном от лица всех жителей Бюро и разошлось. Дорн велел старикашкам выдать Майку двойную норму продуктов, чтобы подготовился к тяжелому переходу, на этом всё закончилось.

С утра варвар ушел с отрядом добытчиков куда-то там за остатками трофеев, сам Майк весь день отъедался и отсыпался, заряжал элементы питания и получал

снаряжение в дорогу. Полоумные старикашки-полярники на складе выдали ему, скрепя сердце, арктическую винтовку, лыжи, ручное механическое зарядное устройство и дополнительный комплект аккумуляторов. Пистолета не нашлось, хотя Майк и требовал его, приводя веские аргументы. Сказали, что арктических пистолетов не бывает, а обычных у них нет, типа, это Полярное Бюро, а не штаб-квартира ФБР. Скорее всего, соврали, но добиться правды было не от кого, и Майку пришлось стерпеть обиду.

К обеду вернулись добытчики, и все бросились разгружать волокуши, потому что до появления торнадо

оставалась едва пара часов. Ну, конечно же, не обошлось без новых баек об эпических подвигах русского шпиона, куда же без этого. Это стадо пустоголовых баранов за еду готово кому угодно продаться! Майк, не желая быть свидетелем унижения страны собственными неосознательными гражданами, собрался гордо удалиться, но был перехвачен косматым жлобом.

— Ступай спать, человеке, — нагруженный тушами убитых монстров варвар сам напоминал такого же уродливого мутанта с множеством когтей, оскаленных клыков и остекленевших выпученных глаз. — Как ураганы пройдут, так и

выступаем. Посему подготовься, идти предстоит всю ночь.

– Что?! – опешил Майк. – Вы собираетесь идти ночью? Это слишком холодно, я потрачу ресурс!

– Днем зарядишь свою одежду, – русскому шпиону было плевать на его проблемы. – Батарейку запасную тебе обещали выдать, и устройство, чтобы её заряжать, тоже. Холодно тебе не будет. Зато за ночь из города выйдем, вокруг живности меньше станет, идти будет проще. После урагана много кто из берлог не вылезет, до утра хорониться будет. Я тебе это уже объяснял. Ступай спать!

Пришлось подчиниться. Сначала сон долго не шел, потом головорез

разбудил его слишком рано, в общем, выспался Майк плохо и чувствовал себя отвратительно. Дорн наскоро покормил его трофейными консервами и потащил на улицу, с раболепным придыханием сообщив, что великий супермен всея вселенной «дружище Свьятогор» уже там и ждёт их. Снаружи уже смеркалось, температура падала, и Майку пришлось сразу активировать обогрев и надеть на лицо маску с очками. Мистер Чутьё обнялся с Дорном и идиотами-старикашками на прощание, после чего молча указал рукой направление движения и скользнул в сгущающиеся тени. Майк заспешил следом. На этот раз

он шел на лыжах, и от варвара не отставал. Лыжи Майку выдали длинные, с палками, и он вскоре понял, что может двигаться гораздо быстрее, чем идет косматый головорез. К сожалению, варвар тоже это понял, и вскоре перешел на бег. Бежал он, словно незнающий усталости робот, что Майку было знакомо ещё по Сибирскому разлому. Эти генномодифицированные двухметровые клонированные жлобы сутками неслись за санями, и хоть бы что... За несколько часов Майк вымотался настолько, что когда упал, не удержав равновесия на каком-то склоне, то даже не попытался встать. Он пролежал десять минут в

неудобной позе, тяжело дыша, пока вынырнувший из темноты варвар не поставил его на ноги.

— До рассвета надобно из города выйти, — хмуро сообщил головорез. — Иначе стычки с живностью не миновать. Ты и так-то не воин, а на лыжах и подавно! Посему терпи и шагай быстрее, человеке! Как выберемся на место спокойное, днёвку устроим, отдохнешь.

И изнурительная пытка продолжилась. К тому моменту, когда из окружающего Майка ночного мрака перестали появляться строения, он шел, словно лунатик, не понимая, где находится и что происходит вокруг. От многочасовой

ходьбы вкупе с активированным подогревом стало жарко, Майк выключил систему, но спустя пару минут включил снова. Термометр показывал минус шестьдесят восемь, и покрытое испариной тело начало быстро замерзать. Больше часа его бросало то в жар, то в холод из-за необходимости то включать, то выключать обогрев, потом заболела голова и захотелось пить. Майк пытался на ходу хватать горстями снег и глотать его, чтобы утолить жажду, но варвар запретил ему делать это. Косматый головорез постоянно хлопал его по рукам, не позволяя подбирать снег украдкой, и Майк сам не понял, почему просто

не рухнул посреди заснеженной темноты и умер от страданий. Как наступил рассвет, Майк не заметил. Он только услышал голос варвара, объявляющего привал, упал в снег и провалился в забытье. Разбудила его крупная дрожь, сотрясающая озябшее тело.

– Проснулся? – голос варвара звучал где-то рядом. – Подымайся, трапезничай, да пойдем дальше.

От озвученной перспективы сон как рукой сняло. Майк открыл глаза и дернулся от неожиданности: вместо неба над головой нависало нечто черное и мохнатое. Оказалось, что он лежит в берлоге, слабо освещенной крохотным костерком и

пробивающимся со стороны лаза лучом света. Майк попробовал сесть и скривился. Всё тело болело, ноги отказывались сгибаться, от шевеления стало ещё холоднее. Он посмотрел на датчик заряда батареи. Ноль процентов, аккумулятор пуст. Дьявол, он совсем забыл, что элементов питания хватает на двенадцать-пятнадцать часов непрерывной работы! Привык к тому, что заряженные варварами аккумуляторы тратят от силы десять процентов заряда в сутки. Пришлось срочно ставить запасную батарею.

— Я не могу идти дальше прямо сейчас! — заявил он. — Мне нужно воспользоваться ручным зарядным

устройством, чтобы иметь заряженный запасной аккумулятор! — Майк скрыл злую гримасу под лицевой маской. Сам-то русский шпион свои батареи наверняка уже подзарядил. И зарядка у него посерьёзнее будет, но Майку он её не даст, как же! Табу, волшебство, чутьё и всё такое!

— Воспользуйся, раз нужно, — пожал плечами головорез. — Только поешь сперва. Долго огонь жечь не стоит, приманим на тепло гостей. Костерок хоть и мал, да живность больно удалая. Почует.

Он потушил костер, и в берлоге стало почти ничего не разглядеть. Есть пришлось едва ли на на ощупь,

и Майк дважды больно обжигался о край котелка, поднося его к губам слишком близко. Потом ещё час пришлось крутить рукоять зарядного устройства, восстанавливая заряд аккумуляторов. В результате путь Майк продолжил совершенно разбитым и каждые два часа требовал от головореза привалов. Варвар соглашался, но спустя десять минут гнал его дальше, и вскоре Майк жалел о том, что взял с собой арктическую винтовку — её приличный вес, дополнительным грузом легший на плечи, изматывал ещё сильнее. До самой полуночи он брел за головорезом, уставившись на монотонно передвигающиеся лыжи,

благо сегодня русский шпион держал гораздо меньшую скорость. Время от времени им попадались заснеженные развалины каких-то небольших населенных пунктов, но каждый раз головорез обходил их стороной, держась на значительном удалении. Место для ночлега подыскивали в кромешной тьме почти час, мутная пелена, застилавшая небо днем, ночью превратилась в непроницаемую для лунного и звездного света завесу. Как варвар ориентируется в условиях отсутствия видимости, Майка не интересовало. И так ясно, что он поглядывает украдкой в свой секретный прибор ночного видения, пользуясь тем, что

еле переставляющему изнывающие от нудной боли ноги Майку уже на всё плевать. Наконец из темноты вынырнул какой-то холм, и головорез принялся рыть берлогу у его подножия. Майк терпеливо помогал выбрасывать отрытый снег, потом заполз на своё место, закутался в одеяло и с трудом дождался ужина. Поев, он заснул прежде, чем его тело опустилось на подстилку из шкур.

На следующий день организм адаптировался к беготне на лыжах, и Майку значительно полегчало. Он шел за варваром с неплохой скоростью, тело уже не отзывалось болью на каждое движение, и Майк бдительно следил за русским

шпионом, вдумчиво анализируя его действия. Первое, на что он обратил внимание, была походная каша варваров. У головореза по-прежнему имелся определенный запас, значит, он и не собирался делиться едой с умирающими от голода жителями Бюро. Это ещё раз подчеркивает враждебность его намерений, а эти болваны с отмороженными на вахтах мозгами ещё пели ему дифирамбы! Придурки! О'кей, с этим Майк с Коэном разберутся позже. Второе наблюдение настораживало гораздо сильнее. Варвар вёл его куда-то к окраинам Новой Америки. Майк не сразу это понял, но во время обеденного привала обратил

внимание на то, что их путь пролегает по сплошным снежным пустошам. Новая Америка — цивилизованное государство с высокоразвитой социальной и инфраструктурой, иными словами, центральная часть страны так или иначе застроена. Так много пустого места может быть только в районах сельхозугодий и нескольких небольших национальных парков, а всё это находится на окраинах. И на национальные парки окружающая местность не похожа: пальмы, конечно, заморозило жутким Холодом и размолот в ледяную труху многочисленными торнадо, от них ничего не осталось, ведь

фактически пальмы это трава. Но должны были уцелеть хотя бы останки более серьезных деревьев, а из-под снега тут ничего не торчит. Значит, мы идем по полям. А это окраина страны. Что задумал русский шпион?! Вряд ли он заблудился, слишком уверенно идет...

Вскоре тревоги Майка усилились. На второй час после обеденного привала они впервые наткнулись на следы мутировавших тварей. Прямо посреди нетронутой целины им встретилась метровой ширины воронка, под углом уходящая глубоко под снег. Вокруг воронки всё было залито кровью и усыпано

клоками выдранной шерсти. Множество отпечатков звериных лап, перепаханная следами борьбы и волочения снежная поверхность, но ни костей, ни трупов. Судя по всему, монстры выскочили из-под снега, разорвали жертву, схватили её останки и скрылись обратно в многометровой толще. Варвар окинул место схватки внимательным взглядом, извлек из ножен меч и дальше двигался исключительно с оружием в руке. Ещё через час они натолкнулись на ещё одно подобное место, а к вечеру количество таких «находок» перевалило за десяток. Раскинувшаяся вокруг снежная целина уже не была нетронутой, то

тут, то там на её поверхности виднелись цепочки звериных следов, уходящих вдаль. С каждой пройденной милей следов становилось всё больше, зверьё явно сбивалось в стаи, но больше всего настораживало то, что следы уходят в ту же сторону, куда ведет его косматый головорез.

— Мистер Свитогоа! — после очередного залитого кровью и перепаханного лапами снежного участка Майк не выдержал и решительно потребовал от громилы объяснений: — Куда вы меня ведете?! Эти места опасны! Тут всё кишит монстрами! Это ведь окраины Новой Америки, поля фермерских хозяйств!

Под снегом наверняка множество трупов сельскохозяйственных животных, это привлекает сюда хищников! Зачем мы подвергаем себя такому риску?! Я хочу...

Закончить фразу он не успел. Головорез резко обернулся и толкнул его в грудь. Майк отлетел в сторону, и в следующее мгновение снег на том месте, где он стоял раньше, словно взорвался, выбрасывая на поверхность несколько клыкастых тварей. Оскаленные клыки щелкнули, промахиваясь по отлетающему Майку, и клинок варвара вспорол грязно-белое брюхо крупной когтистой кошки. Остальные монстры брызнули в

разные стороны и быстро закружили вокруг, выбирая удобный момент для атаки. Одна из яростно шипящих кошек оценила степень опасности противников и мощным прыжком бросилась на Майка.

– Лыжи подставляй!!! – варвар рванулся вслед за ней, на ходу выхватывая кинжал.

Тварь атаковала, и охваченный ужасом Майк инстинктивно выставил ей навстречу ноги, путаясь в длинных лыжах. Кривые желтые клыки с хрустом вцепились в лыжу, и кошка принялась царапать их когтями, за секунду нанеся полдюжины ударов. Майк, вопя от страха, дергал ногами, пытаясь

отбиться от неё второй лыжей. Раздался хруст, и беснующаяся рычащая тварь, не удержавшись, отскочила назад с обломком лыжи в зубах. В эту секунду её настиг косматый головорез. Его меч одним ударом рассёк кошку надвое, и варвар оказался рядом с Майком, отсекая от него оставшихся монстров. Он медленно переставлял ноги, переступая на коротких лыжах из стороны в сторону, и мощными взмахами клинков со зловещим свистом рассекал воздух, словно провоцируя тварей на атаку. Однако мутировавшие твари оказались не глупы. Рисковать жизнью в смертельной схватке без серьёзной

причины они не собирались. Самая крупная из тварей оскалила пасть, издавая угрожающее шипение, схватила труп пронзенного мечом сородича и проворно скрылась в уходящей под снег воронке. Остальные одновременно бросились на головуреза, но в паре шагов от него изменили направление движения, вцепились в останки разрубленной кошки и потащили их к лазу. Спустя пять секунд на забрызганной кровью снежной поверхности остались лишь Майк с варваром.

— Снимай лыжи, человеке, да побыстрее! — головурез торопливо скинул с себя заплечный мешок

извлек из него снегоступы. —
Надевай! — он бросил их Майку. —
Надобно уйти отсюда далече, запах
свежей крови может привлечь и
другую живность. Её в округе полно!

Майк лихорадочно срывал с ног
обломки лыж, невольно косясь на
чернеющую в вечерних сумерках
воронку. Он едва не остался без ног!
Монстры могут появиться в любую
секунду откуда угодно! От волнения
пальцы соскальзывали с чертовых
ремней, и ему никак не удавалось
завязать снегоступы. Наконец до
косматого болвана дошло, что Майку
не помешала бы помощь.

— Не трясись, больше времени
потеряешь, — он убрал оружие в

ножны и принялся завязывать ремни. — Живность по кровавому следу пойдет, его больше под снегом, где сейчас животное трапезничает. Вряд ли на нас кинутся, но лучше отойди подобра-поздорову, так надежнее.

Наконец Майк смог встать на снегоступы, и они поспешили покинуть место событий. Идти в снегоступах было удобнее, но в скорости они уступали лыжам значительно, и Майку постоянно казалось, что он удаляется от зловещего лаза слишком медленно. В торопливой гонке прошел почти час, и когда варвар объявил об остановке на ночлег, Майк испугался не на

шутку.

– Ночлег?! Здесь?! – воскликнул он. – Да вы с ума сошли! Тут повсюду монстры! Нас сожрут!

– Не робей, коли огонь жечь не станем, так не съедят, – успокоил его головорез. – Сейчас лето, живность от лютого голода не страдает, добычи вокруг полно. Да и не задерживаются они тут.

– Вы имеете в виду, что все следы идут в попутном нам направлении? – догадался Майк. – Монстры спешат куда-то? Что же их так влечет?

– Тепло, – лаконично ответил тот. – Чуют зверушки тепло за много вёрст. Вот и идут на него. Чем ближе

до него остается, тем больше живности собирается вместе. Сильные нападают на слабых, слабые сбиваются в стаи и нападают на сильных. Посему берлогу тут делать будем, но горячей еды не жди. Заряжай свои батареи, человеке, да ешь ледяную кашу. Завтра силы нам понадобятся.

— Откуда там, впереди, может возникнуть тепло? — удивился Майк. — Может, Пятно образовалось?

— Откуда мне знать? — пожал плечами головорез. — Я в твоей стране впервые. Но человек, которого ты ищешь, находится где-то там. День пути до него, ежели б лыжи твои не сломались, так и раньше

дошли. Давай-ка берлогу копать, чую, пурга скоро начнется.

Пришлось усиленно рыть снег, в темноте разматывать скатки шкур и доставать из тюка одеяла, укладываться в тесном снежном мешке, а потом ещё давиться чертовыми ледышками и два часа крутить рукоять зарядного устройства, восполняя истощившийся энергоресурс аккумуляторов. Ночь прошла беспокойно, поднялся ветер, берлогу быстро замело снегом, но даже через снежную толщу Майк слышал доносящийся с порывами воздушных потоков бешеный визг яростно дерущихся тварей. До самого утра он

так и не сомкнул глаз, сжимая в руках арктическую винтовку и поражаясь идиотской беспечности варвара. Тот уснул сразу же, как только перестал хрустеть замороженной кашей, и проспал всю ночь, ни разу не шелохнувшись. Если бы мутанты напали из-под снега, сожрали бы всех в считанные секунды, но поутру русский троглодит даже не сподобился сказать «спасибо» за то, что Майк нес караул, не заснув ни на минуту. Вместо благодарности варвар протянул ему осколок каши и сообщил, что и сейчас не собирается разжигать огонь.

Идти дальше оказалось очень тяжело. Сказалась бессонная ночь, и

вскоре глаза Майка начали слипаться прямо на ходу. Он неоднократно отклонялся в сторону, теряя направление на головореза, и косматый жлоб останавливался и окрикивал его, возвращая на курс. Несколько часов прошли в полубессознательной монотонной ходьбе, а потом на вновь сбившегося с пути Майка напали монстры. Где-то под снегом слышались звуки разъяренной грызни, быстро приближающиеся к поверхности, и наружу выкопались две здоровенные твари, рвущие друг друга клыками в отчаянной драке. Оказавшись на поверхности, монстры бросились друг на друга с удвоенной энергией,

и в трех ярдах от Майка закипел смертельный поединок. Майк понял, что ещё секунда и обе твари бросятся на него, и сорвал со спины арктическую винтовку. Русский шпион метнулся к нему и что-то крикнул, пытаясь отобрать оружие, но Майк уже выжал спуск. Загремели выстрелы, и пули ударили в сцепившихся в беснующийся клубок монстров. Инстинкт самосохранения не подвел Майка: разъяренные чудовища действительно бросились на него, и он продолжал стрелять, поливая свинцом мутантов. Ближайшая тварь, изрешеченная пулями, споткнулась и кубарем покатила по снегу, окропляя его

кровавыми брызгами. Второй монстр получил меньше пуль и подохнуть не успел. Он ринулся на Майка, грудью вбивая винтовку ему в плечо, и сшиб человека с ног. Руки Майка запутались в винтовочном ремне, тело сдавило навалившейся звериной тушей, и он закричал, глядя, как усеянные клыками челюсти стремительно приближаются к его лицу. Майк запоздало высвободил руки, пытаясь закрыться от смыкающихся зубов, но всё произошло слишком быстро, и защитить лицо было уже не успеть. Он зажмурился, отчаянно вереща, и в дюйме от его лица звериные клыки клацнули обо что-то металлическое.

Майк, не открывая глаз, отчаянными рывками пытался сбросить с себя монстра, и неожиданно ему это удалось. Тварь отлетела в сторону, освобождая подмятого под себя человека, и он открыл глаза, судорожными движениями пытаясь вскочить.

В двух метрах от него по снегу катался клубок из сплётшихся воедино монстра и косматого головореza, орудующего кинжалом. То, что русский обречен, стало ясно мгновенно. Ждать, когда мутант перегрызет горло варвару и расправится с ним самим, Майк не стал. Он вырвал из снега винтовку и открыл огонь по катающемуся

клубку. Винтовка выстрелила дважды, и тихий щелчок пьезоэлемента сообщил об окончании патронов. Майк в ужасе схватился за застегнутый клапан кармана, в котором лежал запасной магазин, но от страха не сразу смог добраться до боезапаса. Пока он извлекал магазин и менял его на винтовке, рычаще-хрипящий клубок из шкур затих, и Майк увидел варвара, с окровавленным ножом в руках вылезающего из-под мертвой туши монстра. Он был измазан в крови, правое предплечье оказалось рассечено и кровоточило. Головорез поднялся на ноги и устало двинулся к Майку. Тот закончил перезаряжать

винтовку, торопливо прицелился в лежащего на снегу монстра и несколько раз выстрелил в него, добивая наверняка.

— Так будет спокойнее! — заявил он, чувствуя, как винтовочная отдача отзывается болью в плече.

Варвар подошел ближе, к валяющимся на снегу лыжам и заплечному мешку, — вероятно, он успел сбросить с себя всё это, когда набросился на монстра, — и склонился над тюком. Он достал какую-то свернутую тряпку, неуклюже развернул её здоровой рукой и извлек маленький острый нож. В следующую секунду Майк оторопело увидел, как головорез

ковыряется этим ножом у себя в ране. Варвар, недовольно морщась, молча подцепил ножом что-то и вытолкнул из раны винтовочную пулю. Он швырнул её под ноги Майку, вытер медицинский нож, аккуратно завернул его в тряпицу и убрал обратно в мешок. После этого достал оттуда какую-то ткань и принялся накладывать сам себе повязку на раненую руку.

— Я хотел помочь! — торопливо заявил Майк. — Этот монстр, он же мог убить вас! Я должен был его подстрелить! Просто вы сцепились с ним слишком плотно! Мне очень жаль, сэр! Реально жаль!

— Ничего, — пробубнил

головорез, зубами помогая себе затягивать узел на повязке. — Успел я от тебя зверем прикрыться. Пуля прошла на излёте, по касательной под кожу зашла. До свадьбы заживёт. — Он поднялся на ноги и несколько раз сжал и разжал кулачище. — Терпимо вроде. Надо бы проверить, не потеряла ли рука силушку. А то без правой-то руки несподручно в сече будет. Дай-ка ружьишко своё, человече...

Варвар протянул руку и отобрал у Майка арктическую винтовку. Майк почувствовал неладное и попытался не отдать оружие, но не смог сопротивляться. Двухметровый жлоб выдернул оружие у него из рук

с такой силой, словно тянул не раненой рукой, а привязанным к стволу пикапом. Даже выстрелить в него Майк не смог, тот исхитрился сразу же встать сбоку от линии огня. Отобрав винтовку, варвар взял её в руки, словно палку, коротко крякнул, и огромные мышцы на обнаженных ручищах вздулись, выдавая мощное усилие. За две секунды косматый головорез согнул арктическую винтовку в дугу, после чего удовлетворенно посмотрел на неё и вручил потерявшему дар речи Майку.

— Слушается ещё рука. Это хорошо, — глубокомысленно изрёк варвар и принялся надевать лыжи.

Закончив, он подхватил свой

мешок и кивнул молча стоящему Майку, мол, не отставай. Жлоб пошел дальше, и оторопевший Майк побрел следом. Русский шпион оставил его без оружия! Теперь Майк беззащитен! На ледоруб надежды мало, если только мачете... Но отбиться от русского в случае чего одним лишь мачете не получится. Он способен согнуть стальную винтовку РУКАМИ!!! Это абсолютно невозможно, но, тем не менее, Майк держит в руках то, во что превратилось грозное оружие. Стоило бы сохранить винтовку, чтобы показать замдиректора Коэну на что способны эти генномодифицированные клоны, но

если они его не найдут, то, вернувшись в Бюро с гнутой винтовкой, Майк станет посмешищем! Лучше выбросить её прямо здесь! Майк в приступе злобы размахнулся и со всей силой запустил испорченное оружие в снег. Гнутая железка вонзилась в снежный покров и неожиданно отскочила с глухим металлическим стуком. Майк остановился.

— Патроны-то забери, — невозмутимо оглянулся на него варвар. — Сгодятся ещё.

Майк подошел к искореженной винтовке. Рядом с ней в образовавшемся углублении виднелось из-под снега нечто

металлическое. Он принялся раскапывать это, и вскоре понял, что наткнулся на крупный придорожный щит. Это указатель, на котором обычно указано название местности, в которую въезжает автомобилист. Майк торопливо разрывал снег, стремясь прочесть название, и похолодел. В верхней части указателя был изображен знак радиационной опасности! Он принялся рыть ещё усерднее, но уже догадывался, что прочтет несколькими секундами позже. Он не ошибся. Верхней половины очищенного от снега знака с лихвой хватило, чтобы понять всю степень нависшей над ним смертельной угрозы.

«Внимание! Впереди Зона № 7! Опасно для жизни! Проезд и проход запрещен! Немедленно поверните назад!» – раскапывать дальше не было смысла. Майк вскочил на ноги.

– Мы вошли в Зону номер семь! – воскликнул он варвару, тупо пялящемуся на указатель. – Это запретный район! Здесь расположен Могильник, тут производилось захоронение радиоактивных отходов с ядерных электростанций! Дальше идти нельзя, там смертельная радиация! Вот почему туда рвутся мутанты, они чувствуют радиоактивное тепло! Нужно немедленно уходить отсюда!

– Вы прячете радиоактивные

отходы АЭС внутри страны? – удивился Головорез. – Зачем?

– Это было в самом начале существования Новой Америки! – объяснил Майк. – Вообще ядерные отходы грузят на шаттлы и сбрасывают где-то за Полярным Кругом. Но когда впервые пришло время вывозить из реакторов отработавшее ядерное топливо, его свезли сюда, чтобы подготовить к транспортировке за пределы страны. К сожалению, среди граждан Новой Америки затесались террористы, обманом проникшие в страну под видом добропорядочных американцев, которых они жестоко убили ранее! Эти террористы

мечтали уничтожить нашу страну, потому что не могли смириться с тем, что мы свободны, демократичны и не погибаем в лапах Холода! Они тщательно спланировали террористический акт и напали на хранилище ядерных отходов. Им удалось взорвать тут что-то и убить много ни в чем не повинных людей, но армия смогла взять ситуацию под контроль. Террористы были остановлены, но Седьмая Зона подверглась сильному радиоактивному заражению. К счастью, ученые Новой Америки решили эту проблему. Зону закрыли со всех сторон и обезопасили. Опасный уровень радиации

сохраняется только внутри её границ, за пределы Седьмой Зоны угроза не распространяется. Это

общеизвестные факты, их изучают в колледже! Короче, здесь, где мы, ещё безопасно, но дальше идти нельзя. Там смертельная угроза! В Седьмую Зону даже военные не заходят, только специально снаряженные патрули Комиссии по Ядерной Энергетике! Мы должны немедленно возвращаться, там нет ничего, кроме радиации и Могильника! Всё это зверьё, что так сильно туда рвётся, обречено! Они не проживут и суток!

— Что-то ты путаешь, человеке, — совершенно спокойно возразил косматый варвар. — Живность смерть

чуется, кабы там за сутки звери жизни лишались, так облученная животиная пыталась бы назад выбираться, чтобы выжить. А все следы ведут только туда.

— Потому что они там издыхают! — воскликнул Майк. — У меня нет счетчика Гейгера, но я сам видел видеозаписи в интернете, дозиметры зашкаливают на расстоянии мили от заграждений!

— Не чувствую я смерти в той стороне, — покачал головой жлоб. — Зато образ замдиректора твоего чувствую очень хорошо. Не один он, там много жити всякой, и теплом не смертельным веет, не просто так живность туда идет. Не умирает там

никто вовсе! Может, в другой стороне Могильник-то?

— Я умею читать, мистер Свитогоа! — вспыхнул Майк. — Тут на чистом английском написано, что мы входим в Зону номер Семь! Каждый ребенок знает, что это такое! Маленькое, отрезанное бесплодными пустошами, гористое плато, в центре которого расположен с огромным трудом и риском засыпанный могильник! Радиация убивает каждого, кто приближается к его холмам, вы думаете, вы один такой неверующий?! Хватает болванов, жаждущих экстрима! В Седьмой Зоне каждый год гибнет пара-другая любопытных придурков, патрули

Комиссии по ЯЭ даже не всегда могут подобраться к их трупам, чтобы выдать родственникам для погребения! Я дальше не пойду!

— Так оставайся здесь, — безразлично пожал плечами головорез. — Коли боишься, я сам схожу за твоим замдиректора и приведу его сюда. Ежели, конечно, он захочет тебя видеть. Только зря ты робеешь, человеке. Нет впереди никакой радиации, чую я, как живность себя ведет. Ради доброго тепла они туда стремятся. Раз идти не желаешь, жди тут. Завтра к вечеру вернусь.

С этими словами варвар развернулся и направился дальше.

Майк беспомощно заозирался. Что делать?! Возвращаться одному назад, без оружия, это невозможно! В любую минуту из-под снега могут напасть мутанты, а в городских развалинах караулят бандиты! Остаться здесь ничем не надёжнее, тут зверьё найдет его ещё быстрее! Идти за варваром, добровольно залезая в пронизанную смертельной радиацией местность, есть чистой воды самоубийство!

— Подождите! Стойте! — Майк попытался остановить косматого болвана. — Вы там умрете!

Но головорез не реагировал и продолжал уходить вперед размеренным шагом. Да и пусть

катится в ад! Майк решил, что единственным выходом будет рискнуть и возвращаться в Нью-Вашингтон в одиночку. Он развернулся и пошел по своим следам назад, но очень быстро остановился. У него же нет еды! Только несколько банок консервов, которые он украл на складе, пока напыщенные старикашки, раздуваясь от важности, заносили в книгу учета его ежедневную норму. Но эти консервы нельзя есть, предварительно не прожарив, а у него ни дров, ни спичек! И через несколько часов придут торнадо! А он находится совсем недалеко от Полярного Круга, дюжина миль, если

не меньше! Торнадо дойдут сюда за минуты! Он бросился догонять варвара.

— Мистер Свитогоа! — Майк решил пойти на хитрость. — Подождите меня! Я с вами! — Он догнал головореза и пристроился рядом. — Я не могу оставить вас одного! Если вы подвергнетесь радиоактивному поражению, я смогу вас вытащить. На мне арктическое снаряжение, говорят, оно частично защищает от радиации, если это так, то я имею возможность дольше находиться там без вреда! Только давайте сначала переждем торнадо, а когда всё успокоится, пойдем дальше!

План Майка был прост. Головорез соорудит берлогу, и они залягут в неё пережидать торнадо. После торнадо жлоб, конечно же, предложит идти всю ночь, но это уже неважно. Майк вылезет из берлоги первым, и когда варвар полезет следом, просто снесет ему его тупую башку ударом мачете. Затем заберет дрова, пищу, все приборы, которые, без сомнения, обнаружатся при обыске, и вернется в Нью-Вашингтон. С приборами русских он наверняка дойдет. А там всё просто: варвара сожрали мутанты, мистера Коэна там не оказалось, покойный был не прав и всё такое. Майк возьмет вездеход и доберется

наконец до комбината. Вряд ли кто-то будет против. В крайнем случае, он соберет добровольцев и пойдет к Коэну пешком. Один пойдет, в конце концов! И останется с ним! Лучше жить в норе возле комбината, где есть топливо и пища, в арктическом снаряжении это не проблема, чем подохнуть от голода и холода в Бюро! И вообще, они с Коэном решат проблему зимовки. Теперь, когда есть эти тупые варвары, поле деятельности открывается огромное!

— Вы слышите меня, мистер? — вежливо уточнил Майк. — Скоро начнутся торнадо! Мы недалеко от Полярного Круга, времени мало, пора готовить убежище!

Косматый болван уставился на него своим дебиловатым взглядом и таращился несколько секунд.

— Вот дойдем до тех холмов, — он перестал тупить и указал на виднеющуюся на горизонте возвышенность, — меж ними берлогу и выроем. А покуда поспешай быстрее, идти нам ещё прилично.

Пока добрались до ближайшего холма, нервное напряжение Майка достигло высшей точки. Он с трудом подавлял в себе желание броситься на головуреза с мачете. Майк давно бы сделал это, но хорошо понимал, что так застать врасплох варвара не удастся, а победить двухметрового жлоба в схватке он не сможет.

Приходилось ждать, но с каждой минутой они всё глубже заходили в смертельно опасную зону, и Майк кожей чувствовал, что уже начал получать радиоактивное заражение. А ведь ещё придется пережить торнадо, это несколько часов! Чтобы выжить, действовать придется быстро. Главное вылезти из берлоги первым.

Холмистая местность Седьмой Зоны была невысокой, возвышенности выпирали из-под снежной толщи ярдов на десять — пятнадцать, но самих холмов было довольно много. Похоже, когда-то в этих местах был карьер, или что-то пытались строить, но

террористический акт сделал все усилия напрасными. Варвар завел их между двух возвышенностей, и они приступили к рытью берлоги. Майк физически ощущал, как от окружающих холмов буквально разит радиацией, и взмок от расшалившихся нервов. Когда берлога была готова, он не сразу смог заставить себя влезть в неё. Возбужденная психика рисовала картины радиоактивной западни, в которую он добровольно заключает сам себя, и несколько минут Майк сидел у входа в нору, собираясь с силами.

— Поди-ка сюда, человеке! — от неожиданности Майк вздрогнул.

Косматый громила оказался ярдах в двадцати за спиной, и он не заметил, как и когда варвар туда ушел. — Поторопись!

Майк побежал к варвару, вглядывающемуся куда-то поверх заснеженных холмов. Если он заметил приближающиеся торнадо, то умнее было бы не паять на них, а быстрее укрываться в берлоге, но сейчас головореза нельзя насторожить даже малейшим действием. Если он хочет, чтобы Майк к нему подбежал, Майк подбежит! Косматый жлоб скользнул по нему взглядом и протянул руку, указывая вверх и вдаль.

— Гляди! — велел он. — Ты через

маску свою далеко ли слышишь?

Майк обернулся в указанную сторону и замер. Там, вдали за холмами, шёл вертолет. Теперь, когда Майк увидел его, через толстый капюшон и ткань лицевой маски до его слуха донеслось негромкое стрекотание. Машина двигалась быстро, и направлялась она в самый эпицентр района, печально известного множеством смертей, вызванных губительной радиацией.

— Вертолет! — Майк инстинктивно дернулся, собираясь бежать за вертолетом. — Это мистер Коэн!

Но взобраться на холм у Майка не вышло. Варвар ухватил его за руку

и потащил к берлоге.

— Ураган уже близко! — коротко сообщил он. — Переждать надобно. После поглядим, что это у вас за смертоубийственные земли такие, что туда не только живность, но и техника сломя голову рвётся.

Удар торнадо оказался жестоким и скоротечным. Сразу несколько смерчей один за другим прошли над холмами со страшным рёвом, стремясь вглубь страны, и спустя час наступила тишина. В погруженной в темноту берлоге она оказалась неожиданно звенящей и болезненно давящей на уши, и Майку казалось, что он слышит треск радиации, вгрызающейся в тело из

чернильно-черного мрака.

— Вылезай, человеке, — вспышка неяркого вечернего света ударила по глазам неожиданно, и оттого показалась ему ослепительной. — Ночевать не будем, цель уже близко. Подымись на холм, может, увидишь чего. Да смотри, на ровное место не сходи, живности под снегом много.

Щуря слезящиеся глаза, Майк торопливо полез наружу. Он выбрался из заснеженной берлоги и понял, что варвар уже был на улице. В темноте Майк не заметил, как косматый головорез выполз из логова, и даже не услышал, как он прорывал ход через почти полтора ярда свежего снега, нанесенного

цепочкой торнадо в ложбину между холмами. План с ударом мачете провалился, но сейчас Майк не был уверен в его целесообразности. Откуда здесь вертолет? Эта мысль не давала ему покоя всё время сидения в берлоге. Однозначно, это вертолет мистера Козна, других в Новой Америке не осталось, но что он делал здесь?! В смертельно опасной Зоне № 7? Вряд ли варвар действительно «чуял», всё это чушь и первобытные сказки, на вертолет они натолкнулись случайно, но куда тот летел? Было ясно, что пилот знал о приближающихся торнадо и вёл машину очень быстро, стремясь успеть уйти из-под удара стихии. Но

где он планировал укрыться, ведь и комбинат мистера Коэна, и завод шаттлов находятся в противоположенной части страны... Наиболее вероятно, что вертолет возвращался из того самого карьера, где готовится к старту экспедиция в Реактор. Странно, что они до сих пор не вылетели. Или, может быть, они только что вернулись? И поэтому не рассчитали времени и едва не попали под торнадо! А вдруг попали?! Тут же негде укрыться, и непонятно, может ли вертолет пролететь между ураганами? Майк же не пилот... Это даже хорошо, что он не убил русского шпиона, пускай громила ведет его за вертолетом,

вдруг машина упала, и замдиректора Коэну требуется помощь! Если Майк спасет замдиректора, то серьезно улучшит свои возможности и перспективы.

— Поторопись, — двухметровый силуэт головореза, замерший на вершине холма, слабо выделялся на фоне вечеряющего неба. — Скоро стемнеет, небо затянуло, видно будет совсем плохо.

Чертов дикарь, оказывается, уже взобрался на холм. Пришлось лезть вверх быстро, и Майк сбил дыхание, добираясь до вершины. Сверху холмистая местность ещё больше напоминала застывшее волнующееся море, укрытое снежным покрывалом.

Впереди толком ничего не видно, белоснежные холмы в сумерках и ничего больше. Признаков пожара или дыма от крушения вроде нет. Если вертолет и упал, то далеко отсюда. Майка вновь обуяли сомнения. Идти ли туда? Радиация убьёт его, если подойти вплотную к могильнику, он и без того находится в опасной зоне слишком долго! Если машина всё же упала, то за спасение Коэн будет Майку обязан... А если он погиб? Тогда Майк ничего не получает, кроме дозы облучения!

— Я думаю, мы должны возвращаться! — Майк обернулся к варвару, но того рядом не оказалось. — Мистер Свитогоа?! — Он

заозирался, нигде не находя
головореза. — Мистер Свитогоа?! Где
вы?!!

— Не голоси, живность
подманишь, — прозвучало откуда-то
снизу, и Майк поспешил спуститься с
холма. Косматый жлоб нашелся у
подножия, впервые без заплечного
мешка и охапки боевого
металлолома. — Идем! — варвар
коротким жестом указал
направление. — Час пути пешему
осталось.

Громила неторопливо зашагал
вперед, бесшумно переставляя лыжи,
и Майк поспешил следом, опасаясь
отстать. Ярдов через сто он
запоздало понял, что свой тюк,

одеяла и шкуры оставил в берлоге, когда спешил выбраться на поверхность. Он оглянулся, но берлогу разглядеть не смог. В сумерках видно плохо, и вообще, они с головорезом поднимались по одной стороне холма, а спускался Майк по другой.

— Мистер Свитогоа! — Майку пришлось ускориться, чтобы поравняться с головорезом. — Я не успел взять наше походное снаряжение! Мы ушли слишком быстро, оно осталось в берлоге! И я не вижу вашего оружия! Где оно? Разве идти ночью через кишачие мутантами снега безопасно?

— Мы почти пришли, —

простодушно ответил громила, в очередной раз удивляя Майку своей дикарской наивностью. – Я оружие в берлоге обронил, а она осыпалась потом. Зачем время терять да откапывать, коли до человека твоего рукой подать? – он беспечно отмахнулся: – Потом сыщу, когда обратно пойдем. А покуда налегке пойдем, так-то оно и быстрее будет!

Гениально! Майк беззвучно засмеялся. Нет, все-таки русские варвары законченные болваны. Заставить их делать всё, что потребуется Майку с Коэном, не составит никакого труда. Эти дикари, скорее всего, даже не поймут, что являются марионетками в умелых

руках умных людей, так и останутся пребывать в полнейшей уверенности, что всё делают сами и по собственной воле. Вот только идти через радиоактивную пустошь в крошечной тьме без оружия было страшно. Майк невольно достал мачете и решил не выпускать его из рук. Сколько ещё ему придется рисковать собственной жизнью, приближаясь к эпицентру заражения? Как долго арктическое снаряжение будет защищать его от губительной радиации, ведь оно не приспособлено для радиационной защиты? Какую-то степень надежности оно даёт, Майк что-то слышал на лекциях в Полярном Бюро

о том, что некая защищенность от жесткого излучения предусмотрена, ведь полярники работают с отработавшим ядерным топливом, когда грузят его на караван и отвозят в Могильник. Но эта защита минимальна, достаточно вспомнить Мак-Алистера и тех придурков, что откапывали деревянными лопатами тепловыделяющие сборки, разбросанные по развороченной взрывом Барбекю. Майк каждой клеткой своего тела чувствует, как нарастает поток радиации! Надо срочно спасаться, немедленно, пока не стало поздно!!! Он сжал в руке мачете и ускорил шаг, приближаясь к варвару сзади, но так и не решился

нанести удар. Перед глазами постоянно маячила картинка прошлых дней, когда косматый головорез ухитрялся отпрыгивать от пуль за неуловимо короткое мгновение до выстрела. Что, если он отпрыгнет от мачете точно так же?! Тогда он точно убьёт Майка, этот неуравновешенный кровожадный садист и так чуть не убил его из-за пустяковой раны на руке... Ничего же страшного с ним не произошло, сам ведь так и сказал, зачем тогда было кидаться на Майка и ломать винтовку?! Майк защищал свою жизнь, он был вынужден стрелять, это не от «просто так» было сделано! Поток мрачных мыслей вымыл из

него последние огоньки решимости, и Майк почти час обреченно брел следом за косматым жлобом, не в силах решить, что делать.

— Пришли, — варвар неожиданно остановился у подножия очередного невысокого холма.

— Куда?! — Майк недоуменно оглянулся. — Я ничего не вижу! О чем вы говорите?!

— Слушай! — головорез поднял руку в предостерегающем жесте. — Твой человек там, за холмом, но далече идти опасно. Взберемся на холм и обождем, покуда не заметят нас.

— Что... — начал было Майк, но тут же осёкся. Через капюшон

пробился стрекот вертолета и далекий, но очень знакомый завывающий звук. — Что за ерунда... — Он бросился на вершину холма.

Вскарабкавшись наверх, Майк выпрямился, пытаясь взглянуть в темноту, и замер от неожиданности. Холм, на котором он стоял, заканчивался обрывистым склоном, явно срезанным специализированной техникой. Внизу, в десятке ярдов, лежало ровное заснеженное пространство, и холмистая местность являлась для неё одновременно оградой и своеобразной зоной отчуждения. Укрытое в холмах ровное место

имело не менее трех миль в поперечнике и больше всего с первого взгляда напоминало Реактор, только больше и без сектора ХААРП. Территория ярко освещалась прожекторами, и даже отсюда Майк хорошо видел обводы теплообменников АЭС, тройную нитку Завесы и взлётную полосу Аэродрома, уплывающую в ночную мглу от пары приземистых ангаров. Разве что Бункер был не один, а несколько десятков, равномерно разбросанных по всей территории комплекса. Кое-где между ними курсировали вездеходы с несколькими прицепными теплушками-контейнерами, и Майк

даже различил страховочные тросы, растянутые вдоль засыпанных снегом пешеходных маршрутов. Но основные события разворачивались у Завесы. Около дюжины оборудованных воздушными турбинами очистителей ползли между её нитями, ревущими потоками воздуха разметывая снег, облепивший тросы ограждения. За внешней ниткой Завесы, вдоль ограждения, двигались не меньше двадцати пулеметных вездеходов, и их орудийные башенки время от времени выпускали в темноту яркие пунктиры очередей. Кружащий над комплексом вертолет лучом мощного прожектора освещал прилегающее к Завесе пространство, и Майк

отчетливо видел стаи зверья, то тут, то там выпрыгивающие из-под снега на поверхность в попытке прорваться через заграждения и атаковать вездеходы. Твари бросались на тросы Завесы и вспыхивали искрами, пораженные током смертельной силы. Их дымящиеся тушки сползали на снег и тут же оказывались в зубах сородичей, стремительно утаскивающих их вглубь белой толщи.

— Они, что... — опешивший Майк непонимающе разглядывал загадочный комплекс. — До сих пор охраняют радиоактивные отходы... откуда здесь АЭС... какого дьявола здесь происходит?!

— Человек, которого ты так сильно сыскать желаешь, вон в той домине находится, — варвар, оказавшийся рядом как всегда неожиданно, указал рукой на один из бункеров. — Чую я его. Только с холма нам слезать негоже, живность сильно осерчала, раздерёт нас, ежели близко подойдем.

— Я ничего не понимаю! — недоуменно воскликнул Майк. — Это что, могильник?! Он похож на большой Эксмот, разве могильники такие?! У них тут всё оборудовано для существования за Полярным Кругом, Завеса, очистители, вездеходы, утепленный вертолет! Такого даже у нас не было! Я готов

поклясться, что тут под землей целый город, вон сколько бункеров! У них даже АЭС с воздушным охлаждением, как у нас! Этого просто не может быть!

— Как же не может, коли ты на это смотришь? — невозмутимо изрёк варвар. — Опять же, живность на тепло стремится всем скопом, али не видишь? Там, — он кивнул на светящийся прожекторами комплекс, — очень тепло. Ежели хочешь туда попасть, сделай так, чтобы заметили тебя. Только смотри, кабы не признали в тебе врага да не начали стрелять без разбора. На, вот, держи! — головорез протянул ему сигнальный фальшфейер. — А я

покуда на другом склоне холма постою.

Косматый громила отступил назад, исчезая в ночном мраке, и Майк посмотрел на фальшфейер. Стандартный образец с клеймом Полярного Бюро, видимо, это Дорн выдал его варвару. Как это Майк не догадался захватить с собой пару штук! Совсем вылетело из головы. Он быстро сорвал защитный колпачок, рванул серьгу тёрочного механизма, активируя химическую реакцию, и торопливо вскинул руку над головой. Фальшфейер вспыхнул ядовито-красным огнем, и Майк замахал им из стороны в сторону, пытаясь привлечь к себе внимание

вертолетчиков. С минуту это ему не удавалось, потом вертолет резко изменил курс и устремился к нему. В лицо ударил ослепительный луч прожектора, и Майк закрыл очки рукой.

– Сюда! – заорал он, – я здесь! Помогите! Помогите мне! Я американский гражданин!

– Сэр! Оставайтесь на месте! – загремели динамики зависшего над ним вертолета. – Не делайте резких движений и ждите дальнейших указаний! Предупреждаю! В случае несанкционированного движения я открываю огонь! Оставайтесь на месте, держите руки на виду и сохраняйте спокойствие!

– Я Майк Батлер! – закричал Майк, пытаясь разглядеть вертолет из-под руки, но слепящий свет прожектора был слишком ярким. – Я гражданин Америки! У меня важное сообщение для...

Пулемет вертолета изрыгнул короткую очередь, заглушая его слова, и пули вспороли поверхность заснеженного холма в паре ярдов от него, заставляя Майка в ужасе сжаться.

– Последнее предупреждение! – взревели динамики. – Оставайтесь на месте и прекратите двигаться! Держите руки на виду и ждите дальнейших инструкций! Иначе вы будете уничтожены!

Минут пятнадцать Майк стоял в свете прожектора, словно статуя, боясь шелохнуться. Потом послышался стрекот ещё одного вертолета, и он увидел вторую машину, приближающуюся к холму. Второй вертолет завис непосредственно над вершиной, сбросил несколько тросов, и из его люков вниз по ним заскользили люди в новеньком арктическом снаряжении с надетыми поверх тяжелыми бронежилетами. Через несколько секунд Майк оказался окружен вооруженными людьми, с эмблемами «КЯЭ», держащими его на прицеле, и один из них приблизился к нему на пару шагов.

— Сэр, вы нарушили границу запретной зоны! — заявил он. — Назовите ваше имя и цель вашего нахождения здесь! Откуда у вас арктическое снаряжение? Сколько у вас сообщников и где они?

— Я Майк Батлер! — выпалил Майк, узнавая аббревиатуру Комиссии по Ядерной Энергетике. — Я гражданин Новой Америки! Это моё снаряжение, я был сотрудником Полярного Бюро! Со мной находится один человек, это русский варвар из Сибирского разлома! Меня послал туда заместитель директора Полярного Бюро Коэн с важной миссией! Мне необходимо встретиться с ним, чтобы доложить о

результатах! – он шагнул к офицеру: – По какому праву со мной так обра...

Удар прикладом в грудь заставил его задохнуться и упасть на колени, хватая ртом воздух.

– Отвечать на вопросы только по существу! – рявкнул офицер. – Где ваш сообщник?

– На другом склоне холма... – сдавленно прохрипел Майк. – Я Майк Батлер... Спросите замдиректора Коэна... это он меня послал... он ждёт моего доклада... я клянусь... я Майк Батлер...

– Найти его! – гаркнул офицер. – Обезвредить и доложить! Этого держать на прицеле! Пошевелится – подстрелите его! – Он отошел назад,

и Майк услышал тихий голос: – Это Браво Два! Мне нужен канал связи с госсекретарём Коэном. У меня нарушитель, прикрывающийся его именем.

Офицер удалился, и его голос стал неразборчив. Несколько минут ничего не происходило, и Майк почувствовал, как начинает замерзать. От страха и всплеска эмоций он взмок, но обогрев, похоже, отключился из-за опустошения ресурса элементов питания, и понижающаяся с наступлением ночи температура начала выстуживать снаряжение.

– Мне холодно... – пожаловался Майк. – Мои аккумуляторы

разрядились! Я замерзаю...

— Молчать! — оборвал его кто-то из солдат. — Сохранять неподвижность! Руки держать на виду!

— Сэр! — донесся до Майка негромкий доклад. — Мы нигде не можем его найти, сэр! Тут полно следов, но все они кружат по одному и тому же месту, а вокруг никого. Тепловизор не дает целей!

— Ищите! — огрызнулся офицер. — Открывать огонь на каждое подозрительное движение!

— Сэр, да, сэр! — отрапортовал солдат, и Майк услышал скрип удаляющихся снегоступов.

— Эй ты! — кто-то грубо ткнул

Майка в грудь винтовочным стволом. — Говори, где твой сообщник?

— Я не знаю! — испуганно промямлил Майк. — Он был на дальнем склоне этого холма, прямо за мной, в десяти шагах! Он сказал, что будет ждать там! Осторожнее! Он кровожадный дикарь, он очень агрессивен и опасен! Он убил нескольких американских граждан! Он едва...

— Молчать! — тычок в грудь повторился. — Отвечать только на вопросы! Где он? Кто ещё с вами?!

— Нас только двое, я иду к замдиректора Коэну! — испуганно залепетал Майк. — Спросите у него!

– Спросим, – пообещал солдат. – С ним уже связываются. А сейчас – заткнись и сиди тихо!

– Д-да... сэр... – промямлил Майк, чувствуя, как вместе с ознобом его охватывает паника.

Спустя пять минут, когда Майк уже трясся от холода, невольно стуча зубами, вновь слышалось невнятное бормотание радиопереговоров, после чего к нему подошел офицер.

– Приказано доставить обоих на базу для выяснения подробностей! – заявил он. – Цепляйте его!

– Сэр, найти второго так и не удалось! – доложили ему. – Мы максимально расширили радиус

поисков, дальше идти опасно, вокруг полно зверья! Надо уходить, иначе спровоцируем нападение!

— Бычье дерьмо! — выругался офицер. — О'кей, возвращаемся на базу! Цепляйте этого и убираемся отсюда!

Майку поставили на ноги, опоясали подвесной системой и защелкнули на ней карабин троса.

— Держись за это! — солдат, пристегнувший трос, сунул его Майку в руки. — Иначе будет некомфортно! — Он коротко заржал и доложил офицеру: — Мы готовы, сэр!

— Выдвигаемся! — коротко приказал тот, и солдаты похватались за свисающие с вертолета тросы.

Жужжания лебедек не было слышно в рёве вертолетных винтов, и гроздь уцепившихся за тросы солдат поплыли вверх, поднимаясь к кабине. Вскоре Майк остался один, и первый вертолет отвалил в сторону, возвращаясь к патрулированию комплекса. После яркого света оказавшиеся в темноте глаза ничего не видели, и он задрал голову, ища взглядом прожектор своего вертолета. Оказалось, что вторая машина медленно набирает высоту и лежащие на снегу кольца троса быстро разматываются, уплывая вверх. Майк с ужасом понял, что его не собираются поднимать в кабину, а потащат прямо так, болтающимся на

тросе! Если веревка не выдержит... И куда делся варвар?! Без головореза рассказ Майка будет далеко не столь убедительным! Мистер Коэн может не поверить!

— А ну-ка, подвинься, человек! — раздавшийся прямо над ухом бас заставил Майка подпрыгнуть на месте. — Пошто без меня улетаешь-то? — Здоровый кулачище ухватился за трос. — Али нельзя мне с тобой? Ежели что, так я могу и здесь подождать. Сыщешь меня потом у берлоги.

— Нет-нет! — торопливо затараторил Майк. — Мы не можем проводить переговоры без вас! Вы же представитель Сибирского

разлома! – Он задергал руками трос:
– Стойте! Эй! Подождите!

– Не голоси, так долетим, – оборвал его головорез, повисая на одной руке на натянувшемся тросе. Вертолет оторвал их от земли и завис, видимо, его экипаж заметил, что на тросе вместо одного человека висят двое. С минуту машина висела на одном месте, похоже, офицер срочно связывался с начальством, потом продолжила набор высоты и двинулась к комплексу. Нестись сквозь ночь, вися на тросе в полусотне ярдов над землей, было страшно настолько, что у дрожащего от холода Майка сперло дыхание и он не смог произнести ни слова.

Чтобы не впасть в ещё большую панику, он старался не смотреть вниз и сосредоточился на варварском кулачище, сжимающем трос. Если пальцы головореза разожмутся от усталости и тот рухнет вниз, планы Майка рискуют рухнуть, но он так и не решился предложить косматому громиле руку. Вдруг варвар, сорвавшись, вцепится в Майка так, что раздерет рукав снаряжения и повредит шину системы обогрева?!

Спустя минуту полета вертолет завис над посадочной площадкой комплекса и приступил к снижению. Пространство внизу было заполнено вооруженными людьми в бронежилетах КЯЭ поверх

арктического снаряжения. Все стояли, задрав головы, и держали на прицеле приближающихся к земле Майка с варваром, рядом замерло несколько пулеметных вездеходов на воздушной подушке, с распахнутыми десантными люками. Едва их ноги коснулись заснеженной поверхности, десятка полтора солдат устремились к ним, выкрикивая требования не шевелиться, вытянуть руки вперед и держать их на виду. Варвара оттащили в сторону, Майка отстегнули от подвесной системы и наскоро обыскали. У него отобрали ледоруб и мачете, надели наручники и затолкали в бронетранспортер.

— Полковник, сэр! — услышал он

доносящийся с улицы голос. — Чернокожего разоружили, он в машине! Дикарь чист, но мы не можем надеть на него наручники! Они уже, чем его запястья! И его одежда без рукавов, сэр! Совсем! Но руки не обморожены, он ими двигает!

— Что?! — раздался удивленный возглас. — Быть такого не может! Свяжите его чем-нибудь и поместите в отдельную камеру! Утроить охрану! А этого отправляйте сразу, госсекретарь ждёт!

В десантное отделение влезли двое солдат и уставились на Майка тяжелыми взглядами. Люк захлопнулся, и бронетранспортер

взревел двигателями, устремляясь
куда-то в центр комплекса.

Глава двенадцатая

Новая Америка, Комплекс «Эдем», 31 августа 2225 года, 15 часов 02 минуты по времени «Эдема». Температура на поверхности минус 56 градусов по Цельсию.

— Как вам ваши новые апартаменты, мистер Батлер? — изображение государственного секретаря Коэна на экране мобильного видеофона отобразилось вдвое качественней, чем стерео CD, которые Хилари покупала к Рождеству в качестве бонуса к

праздничному ужину. — Уже освоились?

— Всё о'кей, мистер Коэн! — Майк полулежал на огромном диване из белой кожи, с видеофоном в руках. — Отличный пентхауз, хоть и под землей! Я доволен! Как продвигаются наши дела?

— В целом всё под контролем, — ответил Коэн. — Завод шаттлов получил заказ и продуктовую поставку, начат набор добровольцев на объекте «Рекрут-3». Но с русским дикарём возникла небольшая проблема. Нужна ваша помощь, мистер Батлер, без вас мы как без рук.

— Что натворил этот покрытый

свастиками идиот?! – Майк вскочил с дивана. – Я готов оказать любую помощь, мистер Коэн, вы же знаете! Куда мне идти? Арктическое снаряжение надевать?

– О, не беспокойтесь так сильно! – поспешил остановить его Коэн. – Это может подождать! Я знаю, что у вас гости, и мне неловко отвлекать вас от общения! Поэтому я готов встретиться с вами через три часа в тюремном блоке, если вы не возражаете, мистер Батлер.

– Я готов! – отрапортовал Майк. – Можете на меня полностью рассчитывать, господин государственный секретарь! Вы можете называть меня Майк, сэр!

Для друзей я всегда Майк!

— Спасибо, Майк! — сердечно поблагодарил Коэн. — Через три часа я пришлю за вами транспорт и сопровождающих лиц. А сейчас не смею мешать, приятного вам дня! — Коэн отключился.

— Ты закончил, любимый? — сидящая рядом Лив грациозно изогнулась, потягиваясь, и подарила ему томный взгляд. Она игриво уперлась в него затянутой в ажурный чулок ножкой и мягко толкнула высокой шпилькой, делая нарочито капризное личико: — Я устала от бесконечного одиночества! Но не успели мы воссоединиться, а ты уже весь в бизнесе! У вас, мужчин, вечно

бизнес на первом месте! Я обречена на страдания, так?

— Никогда! — Майк отбросил видеофон на роскошное ковровое покрытие и заключил её в объятия. — У меня на первом месте ты! Всё остальное подождёт! Ты больше никогда не будешь несчастной и одинокой, обещаю! Я сделаю всё для твоего счастья!

— И даже спасёшь Новую Америку? — восхитилась Лив. — Или хотя бы «Эдем», наш с тобой маленький рай! Ты точно сделаешь это, любимый? Ты настоящий рыцарь из сказки, Майк!

— Для тебя я спасу весь мир! — заявил Майк. — И брошу его к твоим

ногам, моя королева! Всё, что пожелаешь, только скажи! Чего ты хочешь больше всего?

— Больше всего я хочу, чтобы мы всегда были вместе! — Лив потерлась о его плечо щекой. — Но ты же знаешь, что мои родственники никогда не потерпят рядом со мной недостойного мужчину. Весь круг сильных мира сего будет против! Я тоже не собираюсь отдавать себя какой-нибудь серой посредственности! Я не потерплю рядом с собой даже лучшего из них! Я могу принадлежать только исключительному мужчине! Исключительному во всём! И я всегда чувствовала, что ты именно

такой, Майк! Докажи им, что ты ничем не хуже их, что ты достоин общества избранных, докажи им, что ты достоин меня! И тогда мы навсегда будем вместе, и ничто уже не сможет нас разлучить!

— Я докажу, — покровительственно улыбнулся Майк. — Я всегда знал, что я избран господом, скоро и они узнают. Не бойся, Лив, ты в надежных руках. Как ты знаешь, госсекретарь назначил меня своим помощником. Но для меня этого мало. Я не собираюсь останавливаться на достигнутом!

Со вчерашнего дня жизнь Майка наконец-то пошла так, как должна

была идти всегда. Правда, поначалу он серьёзно испугался, когда служба безопасности комплекса «Эдем» бросила его в тюремную камеру. У него отобрали арктическое снаряжение, отказались кормить и дали лишь немного воды. Следовательно, глядевший на Майка, словно на ненавистного врага, допрашивал его с особой тщательностью почти четыре часа подряд, после чего пришлось сидеть в камере до следующего утра. Позже выяснилось, что замдиректора Коэн был занят делом государственной важности, но как только он освободился, сразу же ознакомился с делом Майка. Коэн немедленно

встретился с ним, и всё стало на свои места. С первых же минут разговора Майк понял, что оказался именно там, куда мечтал попасть всю жизнь. В обществе избранных. В глубине души он всегда чувствовал, что не такой, как все. Окружающие всегда были менее умны, менее сообразительны, менее высокоорганизованы. К сожалению, Майк явно родился не в то время и не в том месте, и его врожденные достоинства некому было оценить. Рядом находились лишь примитивы, где им разглядеть всю глубину выдающейся личности. Они дальше собственного носа глядеть-то не умеют. Но здесь, в «Эдеме»,

собрались достойные, избранные самим Господом, недаром Майк чувствовал свою исключительность — теперь он не сомневался, что сам Господь направляет его стопы, именно он и привёл Майка сюда, в общество достойных и равных. И открывшаяся перед ним правда восхищала.

Как Новая Америка в своё время создавалась в мире в качестве места для лучших из лучших, так комплекс «Эдем» создавался в Новой Америке в качестве места для избранных, призванных руководить и управлять лучшими из лучших. Комплекс явился первым объектом, отстроенным на территории тогда

ещё будущей Новой Америки. Полностью автономная сеть подземных бункеров высочайшей степени комфорта, способных существовать без поддержки окружающего мира длительное время. Своя урановая шахта, своя обогатительная фабрика, своя АЭС, своя нефть, своё тепличное хозяйство. В качестве дополнительной гарантии стратегические запасы Новой Америки были размещены именно здесь, втайне от недостойных, которым скормили очередную тщательно продуманную сказочку. Всё надёжно укрыто под землей и ещё более надёжно охраняется. Для

сохранения конспирации был создан миф о могильнике радиоактивных отходов, жестоком теракте и подвергшихся смертельному заражению территориях. Мощный интеллект истинных властителей мира, создавших «Эдем» для себя в качестве последнего убежища, никогда не допускал ошибок. Всё было продумано до мелочей: Комиссия по Ядерной Энергетике, запретная зона, полное отсутствие случайных людей на объекте, весь персонал, тщательно следивший за его сохранностью, состоял из родственников, кровно заинтересованных в сохранении тайны. Даже счетчики Гейгера,

производившиеся или заранее
завезенные в Новую Америку,
проходили обязательную
сертификацию в КЯЭ, в ходе которой
в них тайно помещалось
специальное программное
обеспечение, отвечающее за
индикацию запредельного
радиационного фона по мере
приближения прибора к Зоне № 7.
Наиболее твердолобых террористов,
стремящихся проникнуть на
территорию секретного объекта,
уничтожали хорошо вооруженные,
оснащенные по последнему слову
техники патрули. Некоторых особо
любопытных туристов помещали в
горячую зону реактора, а потом

выбрасывали на окраину Седьмой Зоны, чтобы их пропитанные радиацией тела могли отыскать полицейские или журналисты.

Комплекс «Эдем» создали и берегли на случай, если всё пойдет не по плану, и берегли не зря. Когда Полярный Круг распался и ужасающие торнадо за несколько часов превратили Новую Америку в руины, засыпанные обломками и терзаемые ледяными ветрами и снегопадами, властители мира устремились сюда, в заранее подготовленное надежное убежище. Благодаря скрупулезно отлаженной системе оповещения жертв среди избранных удалось избежать, и в

течение суток в «Эдеме» собрались все влиятельные семьи, ведомые промыслом господним. Однако определенные препятствия всё же возникли. Ради сохранения в глубокой тайне самого факта существования комплекса, количество персонала, обслуживающего «Эдем» в режиме консервации, было сведено к минимуму. Теперь, после того как все его обитатели собрались воедино, комплекс заработал в полную силу и истинное мировое правительство столкнулось с нехваткой рабочих рук. Но решение и этой проблемы было продумано заранее. В двух противоположенных концах Новой

Америки, на нежилых окраинах
посреди сельскохозяйственных
полей, заблаговременно были
созданы комбинаты,
перерабатывающие
сельхозпродукцию. На их территории
всегда имелся запас продовольствия,
топлива и пара бронированных
вертолетов. Управлял ими
заместитель директора Полярного
Бюро Коэн, занимающий в мировом
правительстве должность
государственного секретаря,
отвечающего за вопросы сношения с
внешним миром. Под видом
благородного бескорыстного
патриота, уцелевшего в катастрофе
Полярного Круга, он взял на себя

тяжелое бремя руководителя, из всех сил пытающегося спасти разрозненные остатки Новой Америки, замерзающие заживо в руинах больших и малых городов.

Сгрудившееся в таких анклавах население отчаянно нуждалось в продовольствии, топливе, снаряжении и медикаментах, и только Коэн мог дать им всё необходимое. Даже сами комбинаты на всякий случай, в целях поддержания лояльности, не имели на своих складах всего необходимого для автономного существования. Где-то отсутствовали медикаменты, где-то снаряжение, где-то не имелось необходимых специалистов вроде

медиков, механиков или радистов. Уцелевший электорат быстро соглашался сотрудничать с Коэном, умеющим предоставить всем именно то, что было необходимо обреченным на медленную и мучительную гибель людям прежде всего. Опирирая соответствующими ресурсами, госсекретарь Коэн быстро составил карту анклавов, населенных более-менее адекватным электоратом, и под банальными предложениями вывез оттуда всех необходимых для эффективного функционирования «Эдема» специалистов. Те, оказавшись в «Эдеме», с большой охотой соглашались занять предложенные им вакансии вкупе с

возможностью выжить, в чем никто и не сомневался. Правда, несколько раз кто-то оказывался слишком твердолобым и не пожелал отказаться от своей прошлой жизни. Они требовали рассказать правду людям, переселить в комплекс друзей, родственников, а иногда и весь свой анклав целиком. Таких болванов служба безопасности в два счета выставляла за внешние ворота Завесы и отпускала на все четыре стороны. Голодное зверьё, вечно кишачее вокруг «Эдема», пожирало их в считанные минуты, что лучше всяких тюрем гарантировало поддержание необходимого уровня конспирации.

Закончив укомплектование комплекса персоналом, избранные провели анализ сложившейся ситуации. Выяснилось, что, несмотря на потерю Новой Америки, шанс вернуть всё на круги своя всё ещё остаётся. На складах имелась пара метеоспутников, теоретически их можно вывести на орбиту, если ХААРП вновь начнет осуществлять накачку в полную мощность. Второй энергоблок Барбекю, находящийся в автоматическом режиме, полностью выработает загруженное в него ядерное топливо через восемь лет, если, конечно, на АЭС не произойдет нештатных ситуаций, а это возможно. В Бункере Эксмот всё ещё

находится команда Вахтенного
директора Грина, ожидающая
контакта с Новой Америкой и
руководящих указаний. В теории
получалось, что запустить ХААРП
всё ещё возможно: либо достучаться
до Грина, либо добраться до точки
аварийного управления. Для
достижения данной цели было
решено использовать оставшиеся в
живых анклавов Новой Америки, тем
более что кормить их бесцельно с
точки зрения здравого смысла
являлось пустой тратой времени и
сил. И госсекретарь Коэн со своей
командой занялся организацией
экспедиций.

Поначалу планировалось

использовать для полета к Реактору один из двух имеющихся в «Эдеме» шаттлов, но позже выяснилось, что на одном из аэрокосмических предприятий вместе с горсткой персонала уцелел практически полностью готовый шаттл. Это серьёзно облегчило задачу, не пришлось никому объяснять, откуда взялась машина. Коэн оперативно связался с выжившими, набившимися в развалины Нью-Вашингтонского офиса Полярного Бюро, и не ошибся. Полярники там нашлись, и путем несложных манипуляций с топливом, продовольствием и наивностью электората госсекретарь вынудил их собрать экспедицию к Реактору. В

этот момент Майк с Джеймсом и отправились к русским дикарям. К сожалению, после крушения челнока Майка сочли погибшим и списали со счетов. Экспедиция Профсоюза вылетела в Австралию и благополучно приземлилась в десяти километрах от захваченного мутантами Реактора. Во время посадки мистер Коэн блестяще имитировал случайное падение и перелом обеих ног, в результате чего ему пришлось с великим прискорбием отказаться от участия в высадке на точку аварийного управления. Данная уловка оказалась нелишней, как и небольшая заранее проведенная диверсия, в ходе

которой в Полярном Бюро лишились радиопередатчика. Едва экспедиция Профсоюза высадилась в центре ХААРПа, её атаковали мутанты и за несколько секунд загрызли почти всех полярников. Двоих или троих уцелевших, ещё не спустившихся на поверхность и висящих на тросах, пришлось сбросить вниз вместе с тросами, дабы не бередить умы тех, кто придет сюда позже.

По возвращении в Новую Америку мистер Коэн учел результаты первой экспедиции и приступил к подготовке второй. На этот раз несколько бывших полярников обнаружилось на восточной окраине Новой Америки.

Они сплотили вокруг себя выживших жителей небольшого городка и пытались существовать в прокаленных Холодом руинах. Не без определенных усилий, конечно, но уговорить на экспедицию удалось и их. Полярников оказалось всего трое, ещё два десятка уцелевших окрестных фермеров вызвались лететь с ними добровольно. Некоторое время ушло на обучение одних другими, после чего Коэн увез к Реактору вторую экспедицию. Именно переговоры с ней Майк слышал за два дня до их отлета. Вторая экспедиция прибыла к Реактору и разделилась на две группы. Одна высадилась прямо на

крышу Бункера, имея задачу пробраться внутрь и связаться с Вахтенным директором Грином, вторую вновь высадили на снежную поверхность над точкой аварийного управления. Предварительно в полумиле от неё были сброшены тепловые ловушки, оборудованные пищевыми приманками. К неудовольствию избранных, мутанты сожрали и ловушки, и обе группы второй экспедиции. Первую группу разорвали почти мгновенно, им даже не удалось дойти до армейского ретранслятора, находящегося в десяти метрах внутри Бункера. Потом сожрали и вторую, но при этом выяснился весьма полезный

факт: мутанты ХААРПа бросились к Бункеру, чтобы успеть заполучить хотя бы часть добычи, и только потом развернулись обратно. Следовательно, если высадить некую группу-приманку, правильно рассчитать время и удаление, потом высадить вторую группу к точке аварийного управления, то определенный шанс успеть откопать вход в точку имеется. Для проверки этой версии избранные начали готовить третью экспедицию, благо, уцелевшего электората, выживающего в развалинах благодаря помощи Коэна, было ещё достаточно. В этот момент и появился Майк, и его появление оказалось весьма

ценным.

После того как Коэн ознакомился с планом Майка, государственный секретарь сразу понял, что Майк настоящий избранный. Идея использовать русских варваров была гениальна и открывала массу новых возможностей. Майк принял предложение Коэна стать одним из сильных мира сего и с величайшим удовольствием наплевал на болванов из Полярного Бюро. Эти идиоты не слушали его мудрых советов, лизали зад русскому шпиону, поносили Коэна, а кто они без него?! Просто кучка издыхающих от голода смертников! Своей тупостью они

обрекли на смерть себя и едва не погубили Майка, так что замерзнуть заживо или сожрать друг друга – это для них наиболее подходящий финал. А Майк будет жить долго и счастливо, потому что, являясь единственным экспертом по русским варварам, вскоре войдет в состав мирового правительства. Кабинет министров нашел его план блестящим и немедленно принялся за его проработку. Во-первых, русских надо использовать у Реактора, если они смогут обеспечить американским специалистам доступ в Бункер или внутрь точки аварийного доступа, то это сразу решит все проблемы. Во-

вторых, если запустить Реактор окажется невозможно в принципе, они будут использованы в качестве трудовой силы до тех пор, пока на планету не вернется тепло.

Научные расчеты показали, что с момента полного отключения ХААРПа до начала глобального потепления должно пройти сто пятьдесят – сто шестьдесят лет. Это время можно переждать в «Эдеме», после чего потомки избранных вновь получат планету в своё полное распоряжение.

Проблема заключалась в том, что стратегические запасы имели срок годности, а теплицы и гидропоника со временем полностью истощат

свой ресурс. По самым оптимистичным прогнозам «Эдему» грозит голод через сто лет, по более реальным – через восемьдесят. Даже если сбудутся первые, прожить без продовольствия свыше полусотни лет потомки избранных не смогут. Но с возвращением Майка эта проблема стала решаемой! Русские будут добывать пищу для избранных, взамен избранные дадут дикарям демократию, толерантность, высокое искусство, моду и даже – если, конечно, варвары заслужат – интернет и правильную финансовую систему. Наличие «Сибирского ресурса», такую классификацию присвоил дикарям кабинет

министров, позволит не только решить проблему обеспечения избранных продовольствием, но и обеспечения их потомков рабочей силой, которая будет облагораживать планету после окончания ледникового периода. Варвары должны работать на благо интеллектуалов! Как метко выразился премьер-министр Чарльз Шекельсон, так было раньше, так будет и впредь. В настоящий момент правительство разрабатывает всеобъемлющий план, в результате которого Сибирский ресурс будет взят под контроль, а служба безопасности вытряхивает из дебиловатого головореза Свитогоа

подробные данные об имеющихся в распоряжении русских варваров пулеметах, количестве патронов и высокотехнологичных артефактов. Пока это происходит, Лив вытребовала для Майка два дня выходных, чтобы они могли провести их вдвоем без помех.

Лив! Лив Шекельсон оказалась ещё более восхитительной, чем он мечтал! Она не просто выжила, она сохранила их любовь и пронесла её через все жестокие испытания, уготованные им судьбой! Она сама нашла его сегодня, бросилась на шею, вне себя от счастья, и сообщила, что больше им не придется скрывать свои чувства.

Никогда в жизни Майк не был так счастлив, но даже сейчас ему приходилось мириться с суровыми законами избранных. Чувства скрывать им с Лив хоть и не надо, но вместе они быть всё равно не смогут. Лив избранная, и потому может принадлежать только избранному. Чтобы получить её, Майку придется доказать своё право называться избранным. И он сделает это! Либо Реактор будет запущен, либо Сибирский ресурс будет взят под контроль и освоен, либо произойдет и то, и другое вместе! Майк не будет героем Новой Америки, это слишком мелко для него. Он станет одним из мировых правителей, и герои будут с

восторгом исполнять его распоряжения. Вот истинная доля избранных. И вообще, варвары заплатят ему за «ниггера»!

— Очень скоро ты станешь моей женой, Лив! — Майк обнял жгучую черноглазую красавицу и сжал её в объятиях. — Я избранный, и вскоре докажу это! И твой отец, и мистер Коэн, и весь кабинет министров оценили мой потенциал, а после того, как я принесу им Сибирский ресурс, они сами отдадут мне твою руку!

— Ах, Майк, любимый! — Лив элегантно движением поправила каре черных волос и прижалась к его плечу. — Я жду этого с нетерпением,

потому что моё сердце уже давно принадлежит тебе! Обещай, что ты заставишь этих грязных русских дикарей сделать так, чтобы мы всегда были вместе!

– Доверься мне! – гордо заявил Майк. – Я обещаю! Они запустят Реактор, а я буду управлять их действиями, не выходя из офиса помощника государственного секретаря! Нам даже не придется расставаться, время неоправданного риска закончилось. Теперь для этого я использую дикарей!

Лив одарила его поцелуем и попросила ещё раз рассказать захватывающую дух историю его героических приключений. За этим

повествованием пролетели назначенные госсекретарем три часа, и звонок охраны, сообщавшей о прибытии сопровождающих лиц, прервал Майка на полуслове.

– Как?! Тебе уже пора?! – на очаровательно-черные глаза Лив навернулись слёзы. – Не уходи!

– Я должен, детка! – Майк с досадой отбросил видеофон и обнял Лив, скользя ладонями по изгибам её фигуры. – Ты же знаешь, правительство не может решить без меня какой-то вопрос государственной важности! – Он поцеловал её и многозначительно заявил: – Я вернусь!

– Я буду ждать тебя! – томно

выдохнула Лив и многозначительно потерлась об него грудью. — Я два года мечтаю о том, когда ты решишь со мной вопрос другой важности, важнее государственной! — Она поцеловала его в ответ так, что Майка бросило в жар, и поднялась: — Я буду ждать в своей тоскливой башне, когда мой рыцарь бросит к её подножию голову дракона и королевство в придачу!

Лив поправила платье и элегантной, утонченной до мозга костей походкой прирожденной представительницы избранных покинула его апартаменты.

В тюремном блоке Майк был спустя двадцать минут. Госсекретарь Коэн ожидал его в офисе начальника, сидя в кресле перед плазменной панелью во всю стену. Панель отображала несколько десятков окон, часть из которых показывала в разных ракурсах русского шпиона, лежащего на полу посреди абсолютно пустого помещения со стеклянными стенами. Другая часть отображала его же на более ранних записях, а также содержала строки каких-то данных. Неподалеку от Коэна замерли несколько офицеров службы безопасности, один из которых держал в руках пульт дистанционного управления. Офицер

о чем-то докладывал Коэну, но, увидев входящего Майка, замолчал.

— Майк! Рад вас видеть! — госсекретарь поднялся ему навстречу, пожал руку и указал на свободное кресло приглашающим жестом: — Прошу садиться! Мы ждали вас, потому что без вас, похоже, возникшую проблему не решить.

— Какая проблема, мистер Коэн? — Майк опустился в кресло. — Болван отказывается говорить?

— Он постоянно что-нибудь говорит, — нахмурился госсекретарь. — Но мы не можем его понять!

— То есть как?! — удивился Майк. — Вы изъяли устройство

перевода? Оно было при нем, когда он уцепился за трос, он разговаривал со мной, я же докладывал вам!

— Мы очень тщательно изучили ваш доклад, Майк, — кивнул Коэн. — Но дело в том, что никаких приборов при нем не было. Мы столь же тщательно обыскали его, и даже просветили рентгеном, ультразвуком и подвергли ядерно-магнитно-резонансной томографии. Кроме одежды из льна и шкур различных мутантов, на нём ничего нет. Ни технологичных устройств, ни сложных металлических сплавов, ничего необычного. Мы отправляли поисковую группу на вертолете к месту, указанному вами на карте как

берлога, в которой варвар якобы оставил своё оружие и снаряжение. Берлогу также найти не удалось. Поисковая команда безрезультатно прочесала весь район, была атакована зверьём, понесла потери и прекратила миссию. Ни в холмах, ни в его одеждах, – госсекретарь сделал небрежный жест в сторону изображения русского шпиона, – мы не нашли ничего подозрительного, кроме вышитых свастика и свастичных узоров.

– Но я говорю правду! – Майк похолодел от страха. Неужели его подозревают во лжи и государственной измене?! Его бросят в тюрьму!!! Он вскочил: – Клянусь! Я

понимал его речь без всякого перевода! Русские дикари говорят на своём языке, я слышу непонятные слова, но в голове сразу же появляется смысл сказанного! У него должен быть прибор для перевода! Наверное, он выбросил его в снег, когда летел на тросе! Я говорю правду, господин государственный секретарь!

— Успокойтесь, Майк, сядьте, — мягко прервал его Коэн. — Я вам верю. Несмотря на отсутствие каких-либо устройств, сам дикарь оказался, скажем так, очень странным существом. Мы не смогли исследовать его кровь — взятые образцы сворачиваются мгновенно,

едва покидают вену. Аппарат УЗИ на экране вместо изображения выдает помехи, а ядерно-магнитный резонатор заискрил и вышел из строя, как только дикаря поместили в его трубу. Мы пытались применить к нему гипноз, но оба проводивших сеанс гипнотизера впали в ступор, одного из них до сих пор не удалось вернуть во вменяемое состояние, другой пришел в себя, но объяснить ничего не может. Мы применили к дикарю химические препараты, подавляющие волю, так называемую «сыворотку правды», но это ничего не дало — он принялся во всё горло распевать какие-то залихватские варварские песни. Наконец, самое

настораживающее: его одежды действительно имеют свастичную атрибутику, а извлеченная из архивов голосовая программа-переводчик с русского не смогла произвести перевод. Она распознает лишь отдельные слова, и те классифицирует как очень сильно устаревшие, использовавшиеся в современном русском языке тех лет крайне редко и вне официального оборота. Согласно заключению ученых, его диалект не имеет ничего общего с тем качеством русского языка, которое наши предки установили в России ещё в начале двадцатого века. Вы понимаете меня, Майк?

– Не совсем, сэр... – признался Майк, оправляясь от страха. – Он говорит не на русском?

– Язык, на котором он говорит, не мог произойти от современного русского тех лет, – объяснил Коэн. – Это гораздо более ранняя версия русского, если объяснять примитивно. Мы не знаем, насколько ранняя, иными словами, перевести его слова невозможно. Это тупик, препятствующий общению с целевым ресурсом. Изучать данный диалект наши специалисты будут долго. Хотя бы потому, что работавший с данным дикарём историк-лингвист почему-то не смог запомнить и записать ни одного слова из воспроизведенной

звукозаписи.

— Но... — Майк совершенно опешил. — Как это... я же общался с ним почти месяц... Господин государственный секретарь, позвольте мне поговорить с ним! Вдруг он послушает меня?

— Именно для этого я и попросил вас прийти сюда, — подбодрил его Коэн. — Джентльмены, — он обратился к офицерам, — отведите мистера Батлера в камеру к дикарю и обеспечьте тщательную запись всего, что там произойдет. Майк! — госсекретарь вновь посмотрел на него: — Убедите дикаря отправиться к Реактору, мы должны увидеть, на что

он способен, чтобы иметь возможность оценить реальную ценность Сибирского ресурса. Они ведь обещали вам помощь, не так ли?

– Да, сэр... – промямлил Майк, вновь холодея от страха. Его сейчас запрут в камере вместе с русским головорезом!!! А если варвар возненавидел Майка за то, что попал в камеру и подвергся допросам, допросам и химическому воздействию?! Если дикарь взбешён, он сломает Майку шею за секунду! А у него даже нет оружия! – Сэр, дайте мне оружие для самозащиты, пожалуйста!

– Мы не можем дать вам оружие, Майк, – участливо покачал головой

Коэн. – Это может спровоцировать дикаря, а мы заинтересованы в далеко идущих перспективах. К тому же, если всё то, о чем вы рассказывали, правда, то бояться вам нечего. Полковник! Приступайте!

– Сэр, следуйте за мной! – один из офицеров подошел к Майку, остальные красноречиво окружили его со всех сторон. – Это недалеко, следующая дверь по коридору!

Майк с замиранием сердца побрел за ними, ощущая, как пол под ногами стал зыбким и пошатывается с каждым шагом. Офицеры подвели его к соседней камере, открыли дверь, быстро втолкнули внутрь и захлопнули вход. От грохота

закрывающейся двери Майк невольно сжался, в этот миг лежащий на полу варвар вскочил и свирепо уставился на него пронизывающим взглядом.

— Ми... — Майк судорожно сглотнул. — Мистер Свитогоа... — Он едва справлялся с застревающими в горле от ужаса словами. — Здравствуйте... Как дела?... Я... я... Майк... Майк Батлер...

— Майк Батлер! — взревел двухметровый жлоб, расплываясь в довольной улыбке. — Где ты плутал, человече?! Я уж думал, что ты совсем про меня забыл! Сгинул куда-то, и след простыл! Кому ж я буду помогать-то? Али тебе боле не

надобно страну свою спасать, и без нас уже спасли?

— Мистер Свитогоа! — Майк почувствовал, что с его плеч будто упал мешок весом в пятьсот фунтов. — Я счастлив вас слышать! И видеть! Простите, я не мог прийти раньше, у меня... — Он замялся, торопливо соображая, что сказать, — ...просто я... я заболел, но как только смог, сразу к вам! Скажите, сэр, почему остальные не понимают вас, а я понимаю?

— Не ведомо мне, человеке! — пожал плечищами варвар, беспомощно округляя глаза. — Не разумеют они меня, и всё тут! Я уж и так, и этак с ними говорю, а они ни в

какую, хоть кол им на голове теши!

— То есть вы готовы лететь оказывать нам помощь в запуске Реактора, сэр? — Майк постарался говорить как можно более дружественным тоном. — Вы готовы лететь в Австралию?

— А как же! — громила затряс головой в знак согласия. — У нас же уговор! Подсоблю, коли смогу, только поглядеть на то место надобно. Токмо ты далече не уходи, как мне с твоими родичами говорить-то, ежели не понимают они меня?

Дверные запоры щелкнули, дверь распахнулась, и в камеру вошел Коэн в сопровождении десятка вооруженных солдат. Он приветливо

улыбнулся варвару и обернулся к Майку:

— Мистер Батлер, сообщите нашему гостю, что вследствие языкового барьера произошла чудовищная ошибка. Правительство Новой Америки крайне сожалеет о доставленных ему неудобствах и немедленно предоставит апартаменты с подобающими для комфортного существования условиями. Мы рады приветствовать представителя великого народа, великодушно протянувшего нам руку помощи в один из наиболее трагичных моментов нашей истории! — Коэн вновь посмотрел на варвара и торжественно заявил: —

Добро пожаловать в Новую Америку!

Майк заторопился повторить слова Коэна, и государственный секретарь жестом подозвал к себе одного из офицеров. Он слегка наклонил к нему голову и тихо произнес:

– Ускорить подготовку вылета к Реактору. Дайте тем фермерам всё, что они просят, я хочу получить полный состав добровольцев к завтрашнему дню. — Коэн на мгновение замолчал, дружески улыбнувшись варвару, довольно кивающему головой в такт словам Майка, и закончил, заставив Майка поперхнуться на полуслове: — И включите мистера Батлера в состав

третьей экспедиции.

---

notes

Примечания

*Здесь и далее – орфография
автора.*